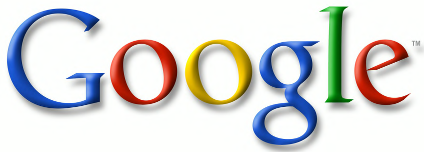
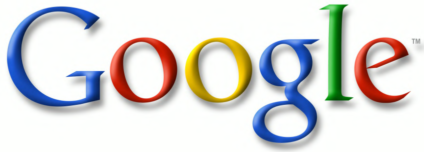
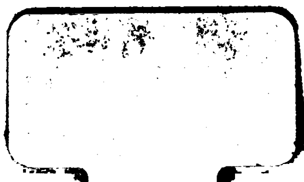

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

Ничего съ нами не подълаешь.

Вл Дебогорій-Мокріевича
разсказъ
Бунтъ въ Горанахъ

В Винниченко Борьба

Н Никольскій
Кому нужны
національныя притѣсненія

ЛЕТУЧАЯ БИБЛІОТЕЧКА #5 № 3.
„ДЕРЪ НАЙЕРЪ ВЕГЪ“.

С. НИГЕРЪ.

Классъ и Нація.

Цѣна 5 коп.

ИЗДАНІЕ
ВИКТОРА КУГЕЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія I. Лурье и К°, Гороховая ул. № 48.
1907.

I.

Индивидуумъ въ борьбѣ за свое матеріальное существованіе и духовное „я“ опирается на силы и средства, которыя онъ черпаетъ не столько изъ своей внутренней сущности, изъ своего личнаго „я“, сколько изъ окружающей внѣшней среды. Мы не говоримъ здѣсь о природной средѣ, о внѣшнемъ матеріальномъ мірѣ, откуда человѣкъ беретъ различные разбросанные элементы, разнообразный строй и мертвый матеріалъ, чтобы сознательно его скомбинировать и приспособить къ необходимымъ потребностямъ своей жизни и борьбы. Наша цѣль указать на ту среду, которую мы обыкновенно называемъ историко-общественной, и которая является посредницей между человѣкомъ и природой.

Общественная среда, т. е. та сложная и запутанная цѣпь условій, въ которыхъ протекаетъ полная борьба, общая человѣческая жизнь, дифференцирована.

Общественная среда состоитъ изъ цѣлаго ряда соціальныхъ круговъ и слоевъ, которые, ведя каждый въ отдѣльности свое самостоятельное существованіе, въ то же время тѣсно связаны и сплетены между собой. Самые важные общественные круги (или коллективы) входящіе въ общее понятіе „общественная среда“ въ ея современной исторической формѣ суть

классъ и *нація*. Эти два общественныхъ круга, эти двѣ коллективныя единицы вросли одна въ другую,— классъ въ націю, отсюда классовая дифференціація всякаго національнаго организма, нація въ классъ, что является основаніемъ національной дифференціаціи, которую мы замѣчаемъ внутри каждаго общественнаго класса. Между національнымъ и классовымъ расчлененіями общественной среды существуетъ глубокое и принципіальное различіе, о которомъ мы будемъ говорить въ дальнѣйшихъ главахъ. Пока мы хотимъ только замѣтить, что согласно нашему пониманію невозможно выдѣлить опредѣленныя сферы въ соціальной дѣятельности, развивающейся въ двухсторонне дифференцированной соціальной средѣ, и сказать: тутъ въ этой сферѣ отражается національное расчлененіе общества, тутъ вліяетъ „національный факторъ“, тамъ же въ другой сферѣ замѣчаемъ вліяніе классовой дифференціаціи, „классоваго фактора“. Согласно нашей монистической точкѣ зрѣнія всѣ безъ исключенія сферы общественной жизни находятся подъ постояннымъ сплетеннымъ и скрещеннымъ національно-классовымъ вліяніемъ. Въ національно-классовой средѣ, въ предѣлахъ этого двухсторонняго соціальнаго коллектива индивидуумъ развиваетъ всѣ свои силы, всю свою дѣятельность, все свое творчество и всю свою борьбу.

Прежде чѣмъ перейти къ обстоятельной и детальной характеристикѣ и обоснованію нашей точки зрѣнія на значеніе и роль класса и націи, мы раньше остановимся на воззрѣніяхъ тѣхъ, согласно которымъ національный и классовый моменты другъ друга исключаютъ, недопускаютъ никакого синтеза,

и которые принуждены поэтому стать на точку зрѣнія либо „націй“ либо „класса“. Этотъ вопросъ, несмотря на свой чисто теоретическій характеръ, имѣетъ однако глубокое практическое значеніе. На соціальной идеологіи и реальной политикѣ различныхъ группъ и партій, согласно нашему убѣжденію, прежде всего отражается ихъ взглядъ на отношеніе индивидуума къ классу и націи и на отношенія послѣднихъ между собою. Тотъ или иной взглядъ на этотъ вопросъ всегда, разумѣется,—результатъ опредѣленныхъ интересовъ и потребностей, о которыхъ подробно будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

II.

Всѣмъ извѣстно, что безпрестанная борьба, которую различные классы современнаго общества ведутъ между собой за свои противоположные матеріальные интересы, находитъ также и свое идеологическое выраженіе. Противоположные идеи и идеалы, противоположныя міросозерцанія. Но общественная идеологія—не только отраженія, не только пассивный результатъ общественнаго развитія, но и одна изъ его активнѣйшихъ творческихъ силъ. Общественная идеологія въ процессѣ классовой борьбы можетъ получить двоякое значеніе; во-первыхъ, она объединяетъ въ психически-духовное цѣлое всѣхъ членовъ даннаго класса, цементируетъ и солидаризируетъ ихъ коллективное сознаніе и волю и, во-вторыхъ, получивъ вліяніе на сознаніе и волю, мышленіе и чувство другихъ антагонистическихъ классовъ, она ослабляетъ ихъ духовную самостоятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ соціальную силу сопротивленія.

Поэтому каждый классъ въ борьбѣ со своимъ классовымъ противникомъ опирается не только на матеріальную мощь, которой онъ владѣетъ, но и на духовное оружіе—идеологію, которая выработалась у него въ процессѣ его развитія. У каждаго изъ борющихся общественныхъ группъ вырабатывается не только особая соціальная этика или мораль, не только особый соціальный идеалъ, но также до извѣстной степени даже особая „соціальная наука".

Соціальная наука, какъ извѣстно, вскрываетъ и разъясняетъ законы и тенденціи общественнаго развитія. Эти законы развитія образуютъ единственный реальный базисъ всякой научной общественной идеологіи. Неудивительно поэтому, что идеологи различныхъ общественныхъ группъ, выдвигаютъ въ соціальной наукѣ каждый свою особую точку зрѣнія, свои особые принципы и методы. Идеологи, духовные вожди каждаго класса, объясняютъ статику и динамику общества въ согласіи съ своими классовыми интересами въ настоящемъ и классовыми идеалами въ будущемъ.

Различіе между господствующимъ и подчиненнымъ классами общества, въ настоящемъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, заключается въ томъ, что въ то время какъ первое, стремясь придавать своимъ воззрѣніямъ и стремленіямъ общечеловѣческую или общенаціональную окраску, постоянно всѣми своими силами старается скрывать и маскировать классовый характеръ своей идеологіи, послѣдній всегда смѣло и открыто заявляетъ, что точка зрѣнія, на которой онъ стоитъ, точка зрѣнія классовая идеалъ за который онъ борется—классовый идеалъ.

И это въ то время, когда на самомъ дѣлѣ вѣрно обратное. Угнетенный, пробудившійся къ активной борьбѣ рабочій классъ всегда недоволенъ существующими жизненными порядками. Онъ всегда поэтому настроенъ прогрессивно и революціонно. Онъ всегда передовой борецъ и активный носитель *всеобщаго* соціальнаго развитія, боевой авангардъ *всеобщаго* соціальнаго прогресса. Его идеалъ—на развалинахъ стараго классоваго строя, построеннаго на противорѣчіяхъ, борьбѣ и конкурренціи—создать новый гармоническій общественный строй на основѣ единенія и солидарности. Его освободительный идеалъ несетъ поэтому освобожденіе и обновленіе не только для одного класса, но для всего общества, для всего страждущаго человѣчества. Господствующій же классъ, наоборотъ, чувствуетъ себя довольно хорошо при существующемъ общественномъ строѣ. Онъ кровный врагъ революціи. Всѣ его идеалы остаются въ предѣлахъ „корректной“ спокойной, медленной, законной и закономѣрной *эволюціи*, въ рамкахъ существующей групповой дифференціаціи и классовыхъ привиллегій. Согласно своему историческому смыслу и содержанію его идеалы поэтому не общіе, а частные классовые идеалы. И всетаки, несмотря на это, господствующій классъ выдаетъ свою групповую идеологію за общую, внѣ классовую, между тѣмъ какъ угнетенный борющійся классъ не стыдится показать классовую печать, лежащую на его *общеосвободительномъ* идеалѣ.

Достаточно хотя бы немного вдуматься въ тѣ разнообразныя позиціи, которыя различные классы занимаютъ въ процессѣ современной групповой борьбы, чтобы понять это странное противорѣчіе. Господствую-

щій классъ занимаетъ въ этой борьбѣ въ извѣстномъ смыслѣ оборонительную позицію, т. е. онъ желаетъ, чтобы все осталось какъ было. Онъ склоненъ обоготворять тѣ основы, на которыхъ базируетъ существующій строй. Предъ мертвымъ наслѣдіемъ прошлаго онъ падаетъ на колѣни. Свой страхъ и боязнь всякой революціонной мысли онъ называетъ „уваженіемъ къ культурѣ". Застывшая консервативная сущность его рабскаго духа на его языкѣ именуется „благоговѣніемъ предъ прошлымъ". Его позиція въ обществѣ, пока на сцену не выступилъ его классовый противникъ прочна и укрѣплена, его власть и господство обезпечены, ему, какъ классу, нѣтъ необходимости вести наступательную борьбу, и, какъ особой группѣ, выдѣлиться для этой цѣли изъ всего общества. Далѣе: противорѣчій современнаго общества онъ не замѣчаетъ по той простой причинѣ, что онъ ихъ не чувствуетъ и страданія и бѣдствія, которыя несетъ въ себѣ „борьба всѣхъ противъ всѣхъ", не отражаются ни на его совѣсти, ни въ его сознаніи. Указанныя обстоятельства и являются виновниками того, что „высшіе" классы, въ лицѣ своихъ идеологовъ, духовныхъ вождей, объясняютъ общество (или націю) не какъ несовершенное и дифференцированное цѣлое, состоящее изъ различныхъ противоположныхъ частей, но какъ цѣльный гармоническій организмъ, различные члены котораго созданы каждый на соотвѣтствующемъ ему мѣстѣ и для соотвѣтственной функціи... одни—чтобы работать и создавать матеріальныя богатства и духовныя сокровища, другіе—чтобы властвовать и наслаждаться всѣми удовольствіями. Но имѣется еще одно обстоятельство,

объясняющее намъ, почему идеологи господствующаго класса часто принуждены сознательно скрывать классовый характеръ своего способа мышленія и чувствованія, т. е. своей идеологіи. Матеріальное порабощеніе рабочаго народа создаетъ для эксплуататорскихъ классовъ *необходимость* и *возможность* подчинить и поработить также и его духъ и его сознаніе... Необходимость потому, что паразитическое существованіе „образованныхъ" классовъ можетъ базировать исключительно на духовномъ порабощеніи и интеллектуальной подчиненности класса эксплуатируемаго, возможность же потому, что матеріальная нужда класса эксплуатируемаго заграждаетъ послѣднему путь къ истинному образованію и свободной культурѣ...

И поэтому, чтобы въ голову угнетеннаго класса не вкралась, сохрани Богъ, пониманіе его особыхъ интересовъ, чтобы въ сердцѣ его не зажглась искра недовольства и протеста, чтобы онъ не измѣнилъ мертвымъ традиціямъ прошлаго и застывшимъ привычкамъ настоящаго и не сталъ бороться за будущее,—господствующіе классы стремятся воспитывать народныя массы въ духѣ благоговѣнія передъ прошлымъ, страхѣ передъ будущимъ и повиновеніи въ настоящемъ... Это—лучшее средство, чтобы убаюкивать рабочій народъ въ лонѣ антиреволюціонной идеологіи его господъ и угнетателей, духовные радѣтели которыхъ вынуждены поэтому выступать въ качествѣ путеводителей не только своего класса, но, якобы, всего общества, всей націи.

Въ этомъ-то обстоятельствѣ корень того, что идеологи буржуазіи стоятъ на точкѣ зрѣнія націи и совершенно игнорируютъ классовую дифференціацію.

Достойно вниманія и то, что въ общественной наукѣ буржуазія не всегда являлась противницей классовой точки зрѣнія. Наоборотъ, въ ту эпоху, когда буржуазіи еще приходилось бороться за свое могущество и господство, когда она сама была носительницей революціи,—ея идеологи (напримѣръ, историки французской революціи Минье и Тьеръ) были почти первыми, выдвигавшими въ исторической наукѣ классовую точку зрѣнія. Великую французскую революцію они объясняли, какъ продолжительное сраженіе между господствующимъ меньшинствомъ, феодалами, и угнетеннымъ большинствомъ—„третьимъ сословіемъ". Но какъ только буржуазія заняла мѣсто на вершинѣ общественной лѣстницы, какъ только она захватила въ свои руки руководство современнымъ капиталистическимъ обществомъ и потеряла всѣ свои прогрессивныя и революціонныя традиціи,—съ тѣхъ поръ она и забросила ученіе о классовой борьбѣ.

Принесши на свѣтъ своего наслѣдника и могильщика—пролетаріатъ, она стала пугаться „краснаго призрака", новаго носителя революціи, обратившагося противъ нея и къ своему дрожащему знамени прилѣпила она всеисцѣляющій талисманъ „соціальной гармоніи" и „національнаго единенія".

Съ этихъ поръ единственнымъ носителемъ послѣдовательнаго ученія о классовой борьбѣ выступаетъ рабочій классъ, въ лицѣ его революціоннаго авангарда—соціальдемократіи.

Въ эпоху западно-европейскихъ революцій во главѣ которыхъ стояло „третье сословіе", боровшееся противъ средневѣкового абсолютизма и феодальнаго крѣпостничества, идея классовой борьбы не выступила

еще во всей своей чистотѣ и полнотѣ, такъ какъ классовая дифференціація въ городѣ находилась тогда еще въ эмбріональномъ (зачаточномъ) состояніи, и „третье сословіе“ однимъ кольцомъ обхватывало все городское населеніе, которое въ дѣйствительности состояло изъ различныхъ, хотя еще неясно дифференцированныхъ, соціальныхъ группъ.

Но съ тѣхъ поръ процессъ классовой дифференціаціи сильно подвинулся впередъ и революціонный классъ современной эпохи, „четвертое сословіе“ *) въ общественномъ и политическомъ смыслѣ строго кристаллизованъ и отграниченъ. Онъ отграничивается не только отъ классовъ, властвующихъ надъ нимъ и эксплуатирующихъ его, но и отъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя наравнѣ съ нимъ угнетаемы и эксплуатируемы. Весьма часто онъ направляетъ свое боевое оружіе не только противъ эксплуататорской денежной и земельной аристократіи, защищающей и поддерживающей современный строй, но и противъ эксплоатируемой мелкобуржуазной демократіи, часто думающей и мечтающей о прошломъ... Пролетаріатъ поэтому—послѣдовательный носитель чистой теоріи классовой борьбы, отражающей въ себѣ какъ противорѣчія настоящаго, такъ и гармонію будущаго.

Призывая въ противоположность буржуазіи, не къ миру, а къ войнѣ, не къ спокойствію и тишинѣ, а къ Stuzm und Drang'у; стремясь не къ господству угнетенія, а къ свободѣ и освобожденію, опираясь въ этихъ стремленіяхъ исключительно на свои собственныя силы; собственную борьбу и творчество,—

*) Пролетаріатъ.

рабочій классъ не долженъ стирать красную печать классовой борьбы, лежащую на его идеологіи борьбы, но наоборотъ, онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы классовыя противорѣчія выступали возможно ярче и острѣе, классовое сознаніе развивалось возможно глубже и революціонное классовое знамя развернулось возможно шире... Вотъ почему, въ противоположность идеологіи буржуазіи, насыщенной теоріей крайняго національнизма, научный фундаментъ пролетарской идеологіи составляетъ теорія классовой борьбы.

III.

Пролетарскіе идеологи *свободныхъ націй*, въ большинствѣ случаевъ, считаютъ классовую борьбу не только фундаментомъ, но и всѣмъ зданіемъ, всѣмъ конкретнымъ содержаніемъ соціальной философіи и соціальной политики рабочаго класса. Пролетарскіе идеологи господствующихъ націй знаютъ одну лишь классовую борьбу, подобно тому, какъ идеологи господствующихъ классовъ ничего другого не хотятъ знать, кромѣ національной борьбы. Да это и понятно. Для пролетаріата свободной или господствующей націи національность выступаетъ въ лучшемъ случаѣ какъ историческое явленіе, но не какъ историческая проблемма; какъ фактъ жизни, но не какъ факторъ борьбы. Въ сознаніи пролетаріата господствующей націи не отражается поэтому національная дифференціація и національные конфликты, подобно тому какъ идеологія господствующаго класса не отражаетъ въ себѣ классовой дифференціаціи, классовой борьбы. Правило это допускаетъ однако и исключенія.

Во-первыхъ, среди буржуазныхъ идеологовъ встрѣчаемъ и мы такихъ, которые признаютъ факторомъ исторической эволюціи не только національную борьбу, но и борьбу различныхъ классовъ внутри каждой націи. Въ качествѣ примѣра возьмемъ проф. Зомбарта и нѣкоторыхъ изъ нашихъ allgemein—сіонистскихъ теоретиковъ (какъ г.г. Пасманникъ, Идельсонъ и др.). Будучи, съ одной стороны, слишкомъ привязаннымъ къ старымъ понятіямъ стараго міра, чтобы быть въ состояніи совершенно отказаться отъ реакціоннаго буржуазнаго способа мышленія, а съ другой стороны, нанюхавшись достаточно „новомодныхъ“ идей, чтобы не имѣть возможности совершенно игнорировать завоеванія прогрессивной соціальной науки, этотъ родъ „соціологи“ по самому своему существу долженъ быть эклектикомъ, т. е. человѣкомъ, всю духовную пищу котораго составляютъ остатки и крохи разнообразныхъ весьма часто противоположныхъ теорій. Вмѣсто синтеза вмѣсто монистической и гармонической теоріи, построенной на единомъ принципѣ, мы, такимъ образомъ, получаемъ какую-то удивительно странную смѣсь и путаницу.

Прежде всего суживается и укорачивается роль классовой борьбы, какъ единственной *двигательной* силы историческаго процесса.

Признавая справедливость принципа классовой борьбы, Зомбартъ не хочетъ однако признать „достаточность“ этой справедливости. Классовый принципъ, говоритъ Зомбартъ, лишь половина истины, другую же половину занимаетъ... національный принципъ. Исторія, такимъ образомъ, понимается, какъ дуали-

стическій (двойственный) процессъ, вращающійся вокругъ двухъ противорѣчій: соціальнаго и національнаго *). Получается, что соціальный и національный антагонизмы два самостоятельныхъ явленія, два равноцѣнныхъ фактора эволюціи, между которыми лишь можетъ существовать извѣстное взаимодѣйствіе—да и только. Во всякомъ случаѣ изъ формулы Зомбарта мы не можемъ заключить, что одно изъ этихъ противорѣчій, напр. соціальное, онъ считаетъ основнымъ элементарнымъ, а другое явленіемъ второстепеннымъ.

Прежде чѣмъ мы критически разсмотримъ этотъ историческій дуализмъ Зомбарта, остановимся на одномъ замѣчательномъ фактѣ, иллюстрирующемъ отношеніе къ національной проблемѣ соціалдемократических теоретиковъ свободныхъ націй.

Плехановъ, виднѣйшій представитель русскаго марксизма, говоря въ своемъ предисловіи къ русскому изданію Коммунистическаго Манифеста о критикѣ Зомбартомъ Маркса, довольствуется лишь тѣмъ, что объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что „критика" эта одно сплошное „недоразумѣніе". Зомбартъ, говоритъ Плехановъ, лишь плохо понялъ основную формулу Маркса („Вся исторія общества — исторія классовой борьбы")—и только! Если эту формулу Маркса понять, какъ слѣдуетъ, то согласно Плеханову, Марксъ и Зомбартъ и не думаютъ спорить между собой. Авторы Коммунистическаго Манифеста, даетъ намъ Плехановъ понять, ничуть не игнорируютъ историческаго значенія національной борьбы (т. е., согласно Плеханову, борьбы, которую ведутъ между собой различныя госу-

*) Соціализмъ и соціальное движеніе въ XIX столѣтіи.

дарства). Но что же? „Когда они (Марксъ и Энгельсъ) говорятъ, что вся исторія общества до сихъ поръ была исторіей классовой борьбы, то имѣли въ виду исторію *гражданскаго общества*, иначе говоря, внутреннюю исторію государства“ *).

А когда мы разсматриваемъ не внутреннюю исторію государства, т. е. *опредѣленнаго общества*, но исторію человѣчества, общества вообще, тогда, согласно Плеханову, необходимо примѣчаніе „о двойномъ соціально-національномъ антагонизмѣ, вокругъ котораго вращается Зомбартскій историческій процессъ—и безъ всякихъ ограниченій. Подобное утвержденіе, якобы истинно-марксистское. Не останавливаясь здѣсь на томъ, насколько вообще справедливо допущеніе Плеханова, что марксистская соціальная философія, поскольку она выражается въ ученіи о классовой борьбѣ имѣетъ въ виду не соціальное развитіе человѣчества вообще, но исключительно „внутреннюю исторію“ отдѣльныхъ обществъ (государствъ); не останавливаясь на томъ, на сколько логично считать „внутреннюю исторію“ каждаго отдѣльнаго общества изолированной отъ вліяній и воздѣйствій *внѣшней* борьбы, которую ведутъ между собой отдѣльныя общества и, наконецъ, насколько Зомбартскій дуализмъ вообще гармонируетъ съ марксистскимъ монизмомъ—не останавливаясь пока на всемъ этомъ, мы хотимъ только замѣтить, что тотъ фактъ, что Плехановъ говоритъ о „національной борьбѣ“ нисколько не противорѣчитъ той мысли, которую мы высказали въ началѣ этой главы, а именно, что въ сознаніи пролетарскихъ идеологовъ, принадлежащихъ

*) О коммунизмѣ. Предисловіе Плеханова, стр. 29.

къ свободнымъ націямъ, не отражается національная дифференціація. Форма, въ которой Плехановъ говоритъ о національномъ моментѣ, является, наоборотъ лучшимъ доказательствомъ справедливости высказанной нами мысли. Во-первыхъ констатируя тотъ фактъ, что помимо классовой борьбы, происходящей *внутри* каждаго „гражданскаго общества“ исторія знаетъ еще и про *внѣшнюю* борьбу, которую цѣлыя общества ведутъ между собой. Плехановъ не даетъ себѣ труда проанализировать, разсмотрѣть какъ причины, вызывающія эту внѣшнюю національную борьбу, такъ и отношенія ея къ внутренней классовой борьбѣ. Лишь традиціонный индиферентизмъ, который соціалдемократическіе теоретики свободныхъ націй проявляютъ по отношенію къ такъ называемой національной борьбѣ, являющейся для нихъ не конкретной жизненной проблемой, а мертвой академической абстракціей, лишь этотъ традиціонный индеферентизмъ объясняетъ намъ, почему Плехановъ отдѣлывается отъ такой важной проблемы пролетарской теоріи и практики однимъ лишь критическимъ замѣчаніемъ.

Характерно для Плеханова, какъ представителя пролетаріата, не чувствующаго національнаго гнета также то, что кромѣ внутренней классовой борьбы онъ признаетъ борьбу только между государствами, но не націями. Правда, Плехановъ, въ поискахъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ за намекомъ на Зомбартскую „національную борьбу“ находитъ тамъ только, что „буржуазія каждаго *государства* ведетъ безпрестанную борьбу съ буржуазіей другихъ государствъ“. Но не трудно вѣдь понять, что сказанное справедливо лишь для такъ называемыхъ національныхъ государствъ,

т. е. государствъ, населенныхъ одной только націей. Теперь же, когда на историческую сцену выступили различныя Nationalitäten—государства, ни у кого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что границы національной борьбы весьма часто не совпадаютъ съ границами государства. И дѣйствительно, развѣ мы не замѣчаемъ, напримѣръ, въ Австріи, какъ буржуазія одной націи борется противъ буржуазіи другой націи, несмотря на то, что обѣ онѣ находятся въ одной странѣ, подъ одной государственной кровлей. Развѣ интернаціональный соціалистическій конгрессъ, считающій (изъ практическихъ соображеній) за отдѣльную „національность“ только „извѣстное число жителей находящихся подъ господствомъ одного и того же правительства“ - развѣ этотъ же конгрессъ не принужденъ былъ признать націей и ту группу жителей, которая, хотя и не удостоилась имѣть свое собственное правительство, но у которой „стремленіе къ автономіи и духовному единенію—результатъ долгой исторической традиціи“? Да и можетъ ли иначе быть? Борьба между буржуазіей одной *націи* и буржуазіей другихъ націй логически должна быть признанной, разъ мы признаемъ „борьбу буржуазіи одного *государства* противъ буржуазіи другихъ государствъ“.

Возьмемъ конкретный примѣръ. Существуютъ, представьте себѣ, Россія и Польша, какъ два *государства*. Между двумя государствами Плехановъ допускаетъ возможносгь „національной“ борьбы. Россія (понятно ея господствующій классъ) нападаетъ на Польшу и захватываетъ ее. Неужели теперь, когда Польша изъ самостоятельнаго государства превратилась въ часть россійскаго организма,—неужели теперь прекратилась

борьба между Польшей и господствующимъ классомъ Россіи? Никоимъ образомъ, нѣтъ. Нападеніе Россіи на Польшу было лишь началомъ, оно имѣло цѣлью создать условія, возможность борьбы, угнетенія. Теперь же происходитъ самый процессъ борьбы, само угнетеніе. Вообще борьба между „государствами“ и борьба, которую ведутъ между собой различныя „націи“, отличаются между собой только средствами, *формой*, но никакъ не *содержаніемъ*.

Плехановъ, стоя на точкѣ зрѣнія пролетаріата не угнетеннаго, замѣчаетъ внутри государства только борьбу государства, классовъ, а не борьбу націй, и національную борьбу, о которой говорится у Зомбарта онъ комментируетъ какъ борьбу между государствами. Мы такимъ образомъ видимъ, что если буржуазные теоретики не въ состояніи по достоинству оцѣнить сущность идеи классовой борьбы, то у нѣкоторыхъ соціалдемократическихъ идеологовъ подхрамываетъ пониманіе національной проблемы.

Но возвратимся къ самому вопросу. Для проф. Зомбарта, какъ мы видѣли, достаточно лишь указать на старый *фактъ* національной борьбы, чтобы принять его какъ новый *факторъ* исторической эволюціи человѣческаго общества.

Наши буржуазные сіонистскіе теоретики, стоя на той же самой дуалистической точкѣ зрѣнія, что и Зомбартъ, до послѣдняго времени также не чувствовали потребности вдаваться въ глубокія изслѣдованія и вскрыть корень національной борьбы. Оставаясь вѣрными своему эклектическому мелко-буржуазному способу мышленія, они тоже довольствуются фактами,

отдѣльными моментами, не стараясь объяснить ихъ единымъ основнымъ принципомъ.

На той же самой эклектической точкѣ зрѣнія по отношенію къ вопросу о классѣ и націи стоятъ и „Возрожденцы". Но послѣдніе, будучи на самомъ дѣлѣ довольно далеки отъ монистическаго діалектическаго способа мышленія, и понимая національную борьбу по Зомбартски, какъ самостоятельный историческій факторъ, всетаки стремятся указать на одинъ основной моментъ, лежащій въ основѣ какъ національной такъ и классовой борьбы. Этотъ основной моментъ, по ихъ мнѣнію, есть общественная *эксплуатація.* Угнетенная нація *эксплуатируется* господствующей точно такъ же, какъ пролетаріатъ служитъ объектомъ эксплуатаціи для буржуазіи. Различіе между національной и классовой эксплуатаціей состоитъ только въ томъ, что послѣдняя выступаетъ въ болѣе непосредственномъ, какъ бы оголенномъ видѣ, и поэтому рѣзко бьетъ въ глаза; первая же происходитъ косвеннымъ скрытымъ образомъ, и поэтому не кажется столь очевидной для поверхностнаго взгляда. Сущность эксплуатаціи, однако, отъ этого нисколько не измѣняется". *) „Національная эксплуатація", если бы мы даже считали этотъ терминъ подходящимъ, въ лучшемъ случаѣ содержитъ въ себѣ лишь *констатированіе* опредѣленнаго факта, но не его *объясненіе.* Когда „Возрожденцы" пытаются *объяснить* фактъ національной эксплуатаціи, хотя бы формально, они указываютъ поэтому на „неодинаковыя внѣшнія условія борьбы, въ которыя поставлены различныя національныя группы",

---

*) „Возрожденіе" стр. 16.

„Эти внѣшнія условія, сообщая силу одной изъ нихъ-являются въ той же мѣрѣ источникомъ слабости для другой“ *). И въ этомъ также корень національной эксплуатаціи.

Если бы авторы „Возрожденія“ не довольствовались, по ихъ обыкновенію, безсодержательными, чисто *формальными* аналогіями (сравненіями) и привыкли конкретно- анализировать понятія, съ которыми имѣютъ дѣло, то они должны были понять, что „неодинаковыя внѣшнія условія“, создающія *національное* угнетеніе, совершенно другого порядка, чѣмъ условія, опредѣляющія *классовый* гнетъ, классовую эксплуатацію.

Позиція угнетеннаго класса ненормальна по отношенію къ *средствамъ* труда, тогда какъ позиція угнетенной націи ненормальна по отношенію къ *условіямъ* труда. У угнетеннаго класса, пролетаріата, средства труда совершенно отсутствуютъ, угнетенная же нація имѣетъ извѣстныя условія труда, но лишь неблагопріятныя, ненормальныя. Это двойное различіе между неодинаковыми „условіями борьбы“, въ которыя поставленъ угнетенный классъ и угнетенная нація, приводитъ къ очень важнымъ слѣдствіямъ.

Угнетенный классъ, пролетаріатъ, лишенный всякихъ средствъ производства, принужденъ вступить въ соглашеніе съ *владѣющимъ* классомъ и отдать ему часть своего труда (который осуществляется въ опредѣленныхъ цѣнностяхъ или продуктахъ). Угнетенная нація (поскольку она въ соціально-экономическомъ смыслѣ образуетъ одно цѣлое) не знаетъ по-

---

*) „Возрожденіе“ стр. 13.

добнаго рода соглашеній. Все, что она создаетъ. принадлежитъ ей; но въ чемъ же дѣло? Благодаря ненормальнымъ условіямъ производства, въ которыхъ она находится, ея трудъ въ сравненіи съ трудомъ нормально живущихъ націй, менѣе *производителенъ*.

И такъ угнетенный классъ создаетъ такъ сказать прибавочную стоимость, похищаемую у него собственниками средствъ производства. Здѣсь мы имѣемъ передъ собой явленіе эксплуатаціи. Нація же угнетенная не создаетъ больше, чѣмъ получаетъ. О прибавочной стоимости здѣсь и рѣчи быть не можетъ; не можетъ быть поэтому и рѣчи и о національной эксплуатаціи *). Мы такимъ образомъ, видимъ, что „Возро-

*) Въ качествѣ примѣра возьмемъ ту же иллюстрацію, которой пользуется „Возр.", а именно не нормальную пролетаризацію еврейскихъ массъ. „Оттѣсняемые, благодаря неравенству внѣшнихъ условій, въ наименѣе производительныя отрасли экономической жизни, евреи тѣмъ самымъ подвергаются", читаемъ мы на стр. 16 „особенно интенсивной, какъ бы сверхсмѣтной экономической эксплуатаціи". Посмотримъ конкретно, въ чемъ здѣсь проявляется эксплуатація. Для того, чтобы представить себѣ національную эксплуатацію въ ея чистомъ видѣ, собственно самымъ лучшимъ въ этомъ случаѣ было бы совершенно устранить моментъ классовой эксплуатаціи, т. е. представить себѣ, что никакой эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ не происходитъ. Но тогда мы легко увидѣли бы, что въ дѣйствительности, помимо классовой эксплуатаціи, никакой другой эксплуатаціи нѣтъ. Правда-еврейскій ремесленникъ, не имѣющій доступа къ машинному производству, принужденъ тратить больше рабочей энергіи, чѣмъ рабочій фабричной индустріи, но этотъ „прибавочный трудъ" выражается не въ большемъ количествѣ продуктовъ, достающихся другимъ, а въ меньшей производительности каждаго часа собственнаго труда. Здѣсь никто не „эксплуатируемъ", такъ же, какъ не „эксплуатируемъ", напримѣръ, крестьянинъ, который обрабатывая тощую почву, долженъ потратить больше силъ, чѣмъ

женіи“ замѣнивъ Зомбартскій „двойной антагонизмъ: ими самимъ придуманной „двойной эксплуатаціи“ создали только новый искусный терминъ, но новаго слова въ вопросѣ о классѣ и націи они не сказали Наоборотъ, оставаясь при томъ же эклектическомъ дуализмѣ, котораго придерживается проф. Зомбартъ-они лишь совершили плохую замѣну зомбартской ясной терминологіи, имѣющей опредѣленное содержаніе, своей собственной двухсторонней и построенной на безсодержательной абстракціи. И дѣйствительно: для тѣхъ, которые понимаютъ національную борьбу, какъ самостоятельный процессъ, Зомбартскій „національный антагонизмъ“ меньше всего указываетъ на основную причину, на корень этого процесса. „Національная эксплуатація“ въ лучшемъ случаѣ характеризуетъ и то только абстрактно, содержаніе національной борьбы, но не корень, источникъ, откуда она берется.

Мы возвращаемся къ вопросу о національной

обрабатывающій жирный кусокъ земли. Но, можетъ быть, цѣль возрожденской иллюстраціи заключается въ томъ, чтобы показать, что евреи, занятые въ низшихъ отросляхъ производства, принуждены (помимо того, что трудъ ихъ самъ по себѣ менѣе продуктивенъ) жертвовать предпринимателю большую, чѣмъ вездѣ часть рабочей силы. Здѣсь передъ нами, дѣйствительно, особенно интенсивная эксплуатація. Но вѣдь это, въ концѣ концовъ, ничто иное, какъ та же классовая эксплуатація, которая благодаря ненормальнымъ условіямъ труда происходитъ лишь интенсивнѣе. Мы такимъ образомъ, видимъ, что „неодинаковыя внѣшнія національныя условія“ могутъ только значительно усилить классовую эксплуатацію, но они никоимъ образомъ не могутъ создать новый *видъ* эксплуатаціи, которую „Возрожденцамъ“ въ своей погонѣ за новыми словами хочется назвать національной.

С. Н.

борьбѣ, какъ факторѣ историческаго процесса. Мы уже знаемъ, что въ то время, какъ борьба между общественными классами происходитъ на почвѣ распредѣленія продуктовъ труда, объектомъ національной борьбы являются условія труда *). Въ этомъ одномъ уже скрывается важное различіе между причинами, вызывающими классовую борьбу и причинами, обусловливающими борьбу различныхъ націй. Эксплуатація одного класса другимъ, т. е. переходъ въ распоряженіе владѣющаго паразитическаго класса части продуктовъ, создаваемыхъ лишеннымъ собственности рабочимъ классомъ, происходитъ постоянно и непрерывно во всякомъ обществѣ, конструированномъ согласно классовому принципу. Каждый изъ общественныхъ классовъ можно мыслить какъ эксплуатирующую или эксплуатируемую группу **). Мы ни на одну минуту не можемъ себѣ представить, чтобы классовый конфликтъ не существовалъ, если не открыто, то скрытно. Столкновенія же, происходящія между различными націями на почвѣ борьбы за условія труда (т. е. за мѣсто *для* или *въ* производствѣ) могутъ существовать и не существовать. Пока Японія напри-

---

*) У различныхъ націй борьба за условія труда принимаетъ различныя формы. Нація, концентрированная въ той или иной однообразной производственной средѣ, стремится обезпечить себя достаточнымъ и благопріятнымъ плацемъ *для собственнаго* производственнаго процесса. Нація же, живущая въ одной и той производственной средѣ съ другой націей, пытается, насколько это возможно, занять достаточный и благопріятный плацъ въ *окружающемъ* производственномъ процессѣ.

**) Или, какъ мелкую буржуазію, и какъ эксплуатируемую, и какъ эксплуатирующую.

мѣръ, была совершенно изолирована и довольствовалась своимъ внутреннимъ рынкомъ, бывшимъ къ тому недоступнымъ для другихъ, никакихъ конфликтовъ и столкновеній между ней и другими націями не происходило. Также, пока евреи въ средніе вѣка занимали въ общей производственной жизни такое мѣсто, которое другіе не могли занимать, никакихъ треній между ними и окружающимъ міромъ не существовало. Наоборотъ, интересы евреевъ въ извѣстной степени гармонировали съ интересами окружающаго населенія. Мы, такимъ образомъ, видимъ, что въ то время, какъ классовый антагонизмъ-постоянный, непрерывный,—антагонизмъ между различными націями является лишь *при опредѣленныхъ условіяхъ.*

То обстоятельство, что классовый антагонизмъ существуетъ *постоянно*, убѣждаетъ насъ также и въ томъ, что онъ существуетъ и *самостоятельно*; а тотъ фактъ, что національный антагонизмъ является лишь при извѣстныхъ условіяхъ, показываетъ намъ, что онъ несамостоятеленъ, но, наоборотъ, зависитъ отъ извѣстныхъ внѣшнихъ явленій.

И дѣйствительно, достаточно вспомнить разнообразные признаки, характеризующіе классовую дифференціацію, съ одной стороны, и національную, съ другой, чтобы понять что считать „національный антагонизмъ“ такимъ же постояннымъ и самостоятельнымъ факторомъ развитія, какимъ является антагонизмъ классовый, можетъ только человѣкъ, котораго смутило поверхностное сходство этихъ обоихъ явленій, прежде чѣмъ онъ имѣлъ время углубиться въ своеобразіе ихъ внутренней сущности. На чемъ бази-

руетъ классовая дифференціація? На *внутреннихъ противоположностяхъ* между различными соціальными группами. Само понятіе „классъ“ немыслимо внѣ понятія антагонизма интересовъ; исчезновеніе общественныхъ антагонизмовъ означаетъ также исчезновеніе общественныхъ классовъ. Соціализмъ, стремящійся уничтожить классовыя противорѣчія, тѣмъ самымъ стремится уничтожить и самые классы.

На чемъ же основана *національная*, дифференціація? Не на *внутреннихъ противоположностяхъ*, а исключительно на *внѣшнихъ различіяхъ*. Мы можемъ себѣ представить различныя націи въ качествѣ отдѣльныхъ общественныхъ единицъ или коллективовъ даже тогда, когда никакихъ треній между ними не происходитъ. Далѣе, общественные классы связаны между собой въ производственномъ процессѣ, вслѣдствіе чего они находятся въ одной соціальной плоскости, гдѣ и *должны* между собой сталкиваться. Что же касается различныхъ націй, то весьма часто каждая изъ нихъ имѣетъ свою особую производственную среду, и при извѣстныхъ условіяхъ могутъ даже и не встрѣчаться одна съ другой. Изъ всего этого слѣдуетъ, что постоянной двигательной силой закономѣрнаго историческаго процесса мы можемъ считать только классовый антагонизмъ, классовую борьбу.

Но мы впали бы въ ту же односторонность, въ какую часто впадаютъ, какъ мы замѣтили въ началѣ III-й главы, приверженцы теоріи классовой борьбы, принадлежащіе къ неугнетеннымъ націямъ, еслибъ мы думали, что классовая борьба образуетъ не только *двигательную, поступательную силу*, но и все жизненное *содержаніе* историческаго процесса. Ошибочно

было бы думать, что классовая борьба, опредѣляя ходъ развитія каждаго народа, въ то же время сама не находится подъ вліяніемъ особыхъ условій развитія и прежде всего особой производственной среды, въ которой живетъ и борется каждый народъ.

Особая естественно-историческая среда, создающая для каждой естественно или искусственно изолированной (до извѣстной степени) человѣческой группы своеобразную соціально-національную атмосферу развитія,—эта національная, естественная соціально-историческая среда опредѣляетъ своеобразный характеръ производства, состояніе производительныхъ силъ, отношеніе силъ между классами въ каждой націи; вслѣдствіе этого, она не только окрашиваетъ въ національный цвѣтъ формы классовой борьбы, но (въ послѣдней инстанціи) имѣетъ опредѣленное вліяніе и на самое ея содержаніе, на самый ходъ послѣдней на ея соціальныя и политическія тенденціи, на ея конкретные общественные, политическіе и культурные лозунги, и въ каждый опредѣленный историческій моментъ на степень ея интенсивности, успѣшности и т. п.

Это вліяніе, которое національная среда (понимая ее историко—матеріалистически) оказываетъ на конкретное содержаніе и формы процесса классовой борьбы, никто не будетъ отвергать. Для всякаго ясно, что классовая борьба, насколько она представляетъ собой постоянный историческій процессъ, не можетъ стать выше или внѣ конкретной *національной* дѣйствительности, несмотря на то, что какъ по своимъ дальнимъ, такъ весьма часто и ближайшимъ цѣлямъ, она интернаціональна.

Только особыя (національныя) условія производства, при которыхъ исторически развивались различныя націи, вмѣстѣ съ фактомъ, что различныя націи находятся на различныхъ ступеняхъ развитія—только это поможетъ намъ понять своеобразныя тенденціи и черты рабочаго движенія и рабочей политики, которыя замѣчаемъ въ различныхъ странахъ у различныхъ народовъ.

Но этимъ значеніе національной дифференціаціи еще не исчерпывается. Мы прежде доказали, что національная дифференціація, построенная исключительно на *различіяхъ*, не можетъ считаться постоянной причиной общественной борьбы, образуетъ *классовыя противорѣчія*, то весьма часто *условіемъ* этой борьбы выступаютъ *національныя различія*. Національныя различія, помимо того, что они опредѣляютъ ходъ и формы классовой борьбы, они еще придаютъ *групповый характеръ* борьбѣ, которую ведутъ между собою отдѣльныя личности, и которую мы называемъ конкурренціей. Конкурренція, несмотря на ея индивидуальную подкладку, сама по себѣ обладаетъ тенденціей принимать, гдѣ это только возможно, *групповый* характеръ *).

Наряду съ другими родами группировокъ (какъ, напримѣръ, государственныя), образующими линію извѣстныхъ формъ групповой конкурренціи, о кото-

*) Тенденцію эту нетрудно понять. Во взаимной конкуррирующей борьбѣ, которую отдѣльные индивидуумы ведутъ между собой, использовываются не только преимущества и недостатки которыми обладаютъ лично конкуррирующія стороны, исторически образовавшіяся у различныхъ общественныхъ организмовъ, конкуррирующіе индивидуумы которыхъ составляютъ только часть.

рыхъ мы здѣсь не будемъ говорить, и *національная* группировка создаетъ благопріятныя условія для появленія извѣстнаго рода групповой конкурренціи. Конкретнѣе. Капиталисты всѣхъ странъ и націй образуютъ одинъ классъ—буржуазію. Внутри же буржуазіи господствуетъ конкурренція между ея отдѣльными представителями. Нельзя, конечно, утверждать, что существуетъ внутренній антагонизмъ между группой капиталистовъ одной націи и группой капиталистовъ другой націи. Но все-таки мы знаемъ, что между буржуазіей различныхъ націй постоянно происходитъ борьба, принимающая различнѣйшія формы. Въ чемъ же причина этой борьбы? На это мы отвѣчаемъ: національныя различія, не заключая въ себѣ никакого принципіальнаго національнаго антагонизма, все же представляютъ собою такое явленіе, которое въ состояніи придать индивидуальной конкурренціи групповый характеръ; капиталисты же съ ихъ идеологами хватаются за это обстоятельство и, такимъ образомъ, на почвѣ національныхъ *различій* вырастаютъ національные *конфликты*, разгорается борьба. Возьмемъ въ качествѣ примѣра антисемитизмъ, въ марксистской литературѣ обыкновенно объясняемый какъ классовая идеологія мелкой буржуазіи. Нѣмецкій мелкій буржуа, напримѣръ, относится враждебно къ еврейскому банкиру, потому что послѣдній принадлежитъ къ противному ему классу—крупной буржуазіи. Онъ ненавидитъ еврейскаго торговца и ремесленника, потому что они принадлежатъ къ его конкуррентамъ въ самомъ же мелкобуржуазномъ классѣ. Но для всякаго ясно, что экономическая противоположность, существующая между нѣмецкимъ мелкимъ буржуа и еврей-

скимъ торговцемъ и банкиромъ, сама по себѣ не можетъ быть большей, чѣмъ противоположность, существующая между этимъ же самымъ нѣмецкимъ филистеромъ и его „отечественными“ братьями—нѣмецкими торговцами и банкирами. Въ чемъ же причина специфическаго презрѣнія, специфической борьбы противъ евреевъ? Причиной этого являются несомнѣнно національныя различія. Въ борьбѣ со своими собственными „внутренними“ врагами—конкуррентами нѣмецкій мелкій буржуа можетъ опереться на свою личную предпріимчивость или на свою классовую позицію; въ борьбѣ съ „чужими“ евреями онъ можетъ использовать всѣ групповыя особенности и групповыя различія: особую расу, исторію, религію, культуру, внѣшность „чужихъ“ евреевъ—съ одной стороны, національное шовинистическое чувство, историческія традиціи, суевѣріе и т. п. „своихъ“ нѣмцевъ—съ другой стороны. Выростаетъ, такимъ образомъ, цѣлое міросозерцаніе, антисемитское и истинно нѣмецкое, цѣлая общественная идеологія, являющаяся острѣйшимъ орудіемъ въ процессѣ групповой борьбы всякаго рода. Это обстоятельство объясняетъ намъ и тотъ фактъ, что буржуазные идеологи, проникнутые интересами конкурренціи, этого столпа буржуазнаго общественнаго строя, имѣютъ обыкновеніе культивировать, освящать и обоготворять національныя различія и особенности. Эти послѣднія могутъ быть использованы въ буржуазной конкурренціи, а все то, что буржуазіи полезно, для нея и священно. То что для простого смертнаго изъ буржуазнаго класса является простымъ *средствомъ* повседневной борьбы, у его „ученыхъ“ идеологовъ превращается въ историческую

самоцѣль. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что „національная борьба“ есть не больше, какъ выраженіе индивидуальной конкурренціи, принявшей групповый характеръ.

Индивидуальные же интересы внутри каждой націи у представитей различныхъ классовъ различны и весьма часто противоположны. Отсюда слѣдуетъ, что національная конкурренція не выражаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ интересовъ всей націи, а лишь интересы одной опредѣленной ея части—одного класса, конкуррирующаго съ соотвѣтствующимъ классомъ другой націи. Такъ, напримѣръ, современныя войны выражаютъ собою борьбу, которую господствующій классъ одной націи ведетъ съ господствующимъ классомъ другой націй за свое экономическое и политическое господство на опредѣленномъ рынкѣ.

Является вопросъ, можемъ ли мы эту борьбу, стимулируемую интересами одного класса, считать *національной?*. Да, отвѣчаемъ мы, но не нужно только смѣшивать *причины* этой борьбы, которую ведутъ между собой различныя группы, съ ея *результатами*. Такъ, возьмемъ, напр., тѣ же современныя войны, о которыхъ мы только что упомянули. По причинамъ, которыми онѣ вызываются, онѣ несомнѣнно носятъ *классовый* характеръ. Онѣ выражаютъ стремленіе господствующаго класса расширить свое вліяніе, обезпечить свободное развитіе своей силы и господства. Но такъ какъ классы, какъ мы выше уже замѣтили, въ каждой націи связаны другъ съ другомъ въ процессѣ производства, то *результаты* той политики, которую господствующій классъ данной націи ведетъ по отношенію къ другимъ націямъ, должны по необ-

ходимости отражаться на жизни и развитіи другихъ классовъ той же націи. Во всякую войну невольно вовлекается не только классъ, являющійся непосредственнымъ ея виновникомъ, но и вся нація. Тотъ или иной исходъ войны можетъ имѣть для одного класса одно значеніе, для другого—совершенно другое. Объективно же онъ имѣетъ значеніе для всѣхъ классовъ.

Рамки этой статьи не позволяютъ намъ детально разсмотрѣть конкретныя формы различныхъ національныхъ конфликтовъ, которые, выростая на почвѣ опредѣленныхъ классовыхъ интересовъ все же оказываютъ объективное вліяніе на ходъ жизни всей націи. Здѣсь, мы хотѣли, только показать, что свободная пролетарская мысль, интересующаяся не только корнемъ, не только абстрактными основными причинами историческаго процесса, но и его жизненнымъ конкретнымъ содержаніемъ, никоимъ образомъ не можетъ игнорировать національную конкуренцію, какъ опредѣленную форму общественной борьбы. Если въ жизни свободной націи національная конкурренція—явленіе, открыто выступающее лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ, то у націи, не имѣющей самостоятельной хозяйственной среды, національная конкурренція—хроническая болѣзнь, отправляющая весь ея организмъ и сопровождающая ее на каждомъ шагу ея жизни и развитія. Поэтому для пролетаріата угнетенной націи національная проблема тысячами нитей связана съ его классовой проблемой, съ борьбой за его политическое и соціальное освобожденіе.

НИЧЕГО СЪ НАМИ НЕ ПОДѢЛАЕШЬ.

ГЛАВА I.

Жандармскій полковникъ Михаилъ Петровичъ Змѣевидовъ проснулся въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Правда, въ головѣ у него немножко шумѣло, зато на душѣ было хорошо—даже очень хорошо, словно послѣ какого-то радостнаго событія. Змѣевидовъ зѣвнулъ, потянулся, потомъ сталъ припоминать, что же такое съ нимъ было вчера? Гдѣ онъ былъ? Ахъ, да, въ городскомъ клубѣ... Игралъ въ карты... Съ нимъ играли правитель губернаторской канцеляріи Мурзакевичъ, исправникъ Блохинъ Сергѣй Михайловичъ, а кромѣ нихъ еще извѣстный богачъ и фабрикантъ Савелій Никитичъ Живодерниковъ, предсѣдатель правленія акціонернаго общества Веселухинской мануфактуры. Играли „по большой". Играли съ 8 час. веч. до 4 час. утра. Изъ-за картъ вставали за все это время только одинъ разъ, — именно ради ужина. „Ну, и ужинъ былъ, чортъ возьми! На этотъ разъ Живодерниковъ не поскупился и угостилъ на славу! Особенно хороши были фазаны съ артишоками, и этотъ... какъ его... такое кухмистерское названіе... Ну, да все равно,—что-то изъ стерлядей... Майонезъ, да маседуанъ, да шампанское, шампанское и еще шампанское. Финь-шампань настоящее! И что сдѣлалось съ Живодерниковымъ? Эти купцы всегда такъ: жмутся, жмутся и вдругъ раскатятся. Живодерниковъ—выжига и маклакъ извѣстный, а тутъ вдругъ разошелся,—даже замучилъ своими угощеніями... Ужъ навѣрное тутъ что нибудь не спроста..."

Змѣевидовъ еще потянулся разокъ, закурилъ сигару и сталъ снова вспоминать вчерашнее. „Д-да, вчера... ужъ мы пили, пили...пили, а потомъ опять играли. Ну,

ужъ и игра! Кровь отъ такой игры чувствуешь...особенно, когда карта идетъ да идетъ. Какъ это хорошо,— карта идетъ, а противникъ плошаетъ. Эта жирная бестія Живодерниковъ—не винтеръ, а сапожникъ. Всѣ выиграли, онъ одинъ проигралъ. И подѣломъ ему! Нужно же быть такимъ дуракомъ, чтобы продуть намъ въ одинъ вечеръ 8.000 руб. Впрочемъ Живодерниковъ былъ вчера что-то сильно не въ духѣ,—можетъ быть, оттого и проигралъ... А можетъ быть, и нарочно? Можетъ быть, насъ смазать хочетъ: „вы всѣ люди для меня нужные". А, да ну его къ бісовой матери,—мнѣ то что?"

Змѣевидовъ еще разъ пріятно потянулся, сѣлъ на кровать и сталъ облачаться. Онъ облачался медленно степенно, напѣвая сквозь зубы пѣсенку: „Маргарита, бойся увлеченья!" Пѣсенка какъ нельзя лучше соотвѣтствовала его игривому настроенію. О женѣ и дѣтяхъ, которыя уѣхали далеко—„на воды",— Змѣевидовъ не думалъ. Покачиваясь на своихъ длинныхъ ногахъ, заложивъ „ручки въ брючки", Змѣевидовъ былъ очень похожъ на ножницы. Онъ подошелъ къ письменному столу, выдвинулъ ящикъ и, доставъ оттуда бумажникъ, принялся считать деньги. Императрица Екатерина смотрѣла съ этихъ бумажекъ на Змѣевидова очень ласково и словно улыбалась ему, да еще такъ пріятно. А золото въ бумажникѣ звенѣло еще пріятнѣе. Двѣ съ половиною тысячи рублей, это, чортъ возьми, деньги! Казна щедра, щедра для нашего брата—жандарма и платитъ намъ отличное жалованье, да еще и доходы даетъ „безгрѣшные", а за одинъ вечеръ отъ нея все же столько не заработаешь. Такихъ денегъ на приданое дочери хватитъ... „Маргарита, бойся увлеченья! Маргарита, бойся увл..."

— Ваше высокоблагородіе! Ваше высокоблагородіе! — вдругъ перебилъ Змѣевидова его слуга Мартыновъ, просовывая голову въ дверь.—Унтеръ-офицеръ Носоуевъ пришелъ!—говоритъ, неотложное дѣло.

Змѣевидовъ поморщился.

— Ну, что тамъ еще? Вѣдь сказано было этому Но-

сосуеву, чтобы онъ не являлся съ докладомъ ко мнѣ, а чтобы писалъ все въ „дневникѣ“.

Сквозь полуотворенную дверь уже виднѣлась фигура Нососуева. Это былъ высокій, бравый унтеръ-офицеръ, широкоплечій, дюжій, съ змѣиными разбѣгающимися глазами.

— Ну, что тебѣ?—сердито спросилъ его Змѣевидовъ. —Что такое случилось?

— Ваше высокоблагородіе, на Веселухинской мануфактурѣ народъ бунтуетъ,—отрапортовалъ Нососуевъ, пролѣзая въ комнату.

Змѣевидовъ встрепенулся и насторожилъ уши.

— Что? На Веселухинской мануфактурѣ бунтъ? Не можетъ этого быть!

— Я и самъ такъ думалъ, ваше высокоблагородіе, потому тамъ народъ совсѣмъ дохлый и въ худомъ тѣлѣ. А вотъ бунтуетъ.

Змѣевидовъ поморщился еще сильнѣе и принялся шагать по комнатѣ. Прошло нѣсколько минутъ. Нососуевъ стоялъ передъ начальствомъ, а Змѣевидовъ все шагалъ да шагалъ.

— Опять эти рабочіе,—думалъ онъ про себя. Вотъ подлецы и разбойники! Съ ними совсѣмъ нѣтъ сладу. Только вчера былъ полученъ новый „строжайшій“ приказъ отъ начальства изъ С.-Петербурга, чтобы за фабричнымъ людомъ смотрѣть особенно строго, мало-мальски подозрительныхъ рабочихъ, особенно тѣхъ, которые читаютъ ученыя книги, обыскивать и хватать безъ всякой поблажки. Нужды нѣтъ, что такого закона еще не издано: велѣно дѣйствовать безъ закона, по одному приказанію начальства. И вѣдь такіе приказы приходится жандармскимъ полковникамъ получать чуть не каждый мѣсяцъ, и пишутся они все строже и строже, для исполненія „неукоснительнаго“, „немедленнаго“, „неотложнаго“. Еще недавно было велѣно увеличить число шпіоновъ на каждой фабрикѣ и завести вновь, гдѣ ихъ еще не было. Еще недавно на каждой фабрикѣ заведены особые урядники и городовые, на помощь сы-

щикамъ... Велѣно кромѣ того платить побольше тѣмъ рабочимъ, которые „состоятъ на жалованьи“ и „доносятъ“. И деньги на это присланы изъ казны и все сдѣлано, какъ приказано. Вотъ только рабочимъ „на жалованьи“ не платимъ столько же, сколько прежде, но вѣдь они и безъ того должны доносить, а жалованье ихъ—все же экономія въ жандармскую пользу,—дѣтишкамъ на молочишко хватитъ. Ну, да эти деньги пустяки,—говорить о нихъ не стоитъ... А сколько народу ужъ взято и выслано,—и ничего, ничего не помогаетъ: вѣдь если такіе приказы изъ Петербурга пишутъ по нѣсколько разъ въ году,—значитъ, рабочее движеніе разгорается не на шутку. Правительство его боится какъ и крестьянскихъ бунтовъ, и даже больше всякихъ другихъ движеній. „Бунтующіе господа“ правительству не такъ страшны: почти всѣ они на виду, ихъ бояться нечего. А вотъ рабочіе дѣйствительно страшны. Съ ними справляться нужно умненько и осторожно. Эти прутъ, прутъ, добиваясь своего, — съ ними сладу нѣтъ. О! чтобъ провалиться сквозь землю всѣмъ этимъ фабричнымъ... Впрочемъ, нѣтъ,—зачѣмъ же проваливаться? Изъ-за нихъ намъ жалованье платятъ и награды даютъ...“

Змѣевидовъ сильно втянулъ воздухъ носомъ, словно желалъ унюхать, не пахнетъ-ли гдѣ наградой и повышеніемъ и на этотъ разъ. „Мѣсяца два тому назадъ „бунтовалъ“ желѣзный заводъ братьевъ Цыкиныхъ; буяны разгромили фабричную лавку и избили директора. Ну, да съ этими скоро расправились казаки нагайками, губернаторъ, по тайному приказу министра вн. дѣлъ и съ разрѣшенія самого царя, какъ слѣдуетъ выпоролъ человѣкъ сто. Этихъ успокоили. Недавно бунтовала бумагопрядильная фабрика Завитляевыхъ. И съ этой раздѣлались: постращали, пообѣщали, посулили, — и дохлый народъ сдался. Послѣ этого была „исторія“ на „ткацкой“, послѣ нея на „лѣсопильномъ“. Одна „исторія“ за другой, словно дождь. А тутъ не угод-

но-ли, — ужъ не спокойна Веселухинская мануфактура...“

— Н-ну-съ, что же такое случилось на Веселухинской мануфактурѣ?... Разсказывай, какъ тамъ бунтуютъ? Сильно?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе!—отвѣчалъ Нососуевъ.

— Ломаютъ машины? жгутъ? Разносятъ контору, лавку, отдѣленія?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

— Дерутся? Не пускаютъ работать другихъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

— Такъ что же они такое дѣлаютъ? Собрались скопомъ? Шумятъ? Галдятъ? Угрожаютъ начальству? Толпятся вокругъ директорскаго дома, какъ тогда на Завитляевской? Сколько ихъ тамъ?

— Ни единаго человѣка, ваше высокоблагородіе!

— Дуракъ! какъ же они бунтуютъ, когда ихъ ни единаго человѣка?

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе! Ни единаго человѣка, а только все-же бунтуютъ.

— Это еще что за новости?! воскликнулъ Змѣевидовъ. — Онъ ужо начиналъ злиться. — Говори же толкомъ, что случилось?...

— Бунтъ, ваше высокоблагородіе. Во всей Веселухинской мануфактурѣ пусто. Тихо и смирно совсѣмъ, какъ въ царскіе дни въ манежѣ. Ни одинъ человѣкъ на работу не вышелъ. Всѣ по домамъ остались, даже бабы... Съ пятичасовой смѣны это: та ушла, а другая не вышла. Дворникъ сказывалъ: идутъ мимо дворницкой, да такъ смѣшкомъ низко ему кланяются: „Прощай, Акимъ Иванычъ! Съ праздникомъ“. Вона съ какимъ праздникомъ поздравили!

—Кто кланялся? Кто поздравлялъ? Какъ они смѣли кланяться и поздравлять? загорячился Змѣевидовъ.— Записаны эти?

— Записаны! А одинъ такъ дворнику даже листокъ

отдалъ: „Возьми, говоритъ, Акимъ Иванычъ. Намъ это не надо. Мы читали! Можетъ тебѣ пригодится?“

Змѣевидовъ хотѣлъ было закричать: „Ахъ онъ негодяй, ахъ каналья! Какъ онъ смѣлъ давать листокъ?!“ да опомнился и сказалъ Носоусову:

— Листокъ? Давай его сюда, этотъ листокъ!

Нососуевъ подалъ Змѣевидову поллиста писчей бумаги, на которомъ было написано большими печатными буквами:

„Товарищи! Завтра, 12 мая, на работу не выходите. Довольно изъ насъ соки вытягивали. Довольно насъ обманывали, жали и притѣсняли. Пора взяться за умъ. Если мы сами себѣ не поможемъ, то намъ никто не поможетъ. Поймите и запомните это хорошенько. Мы должны сами, своими средствами улучшить свое житье-бытье, а для этого поднять свои заработки. Фабрика даетъ хозяевамъ хорошій доходъ, потому что казна, въ угоду фабрикантамъ наложила на заграничные товары большую таможенную пошлину, чтобы у русскихъ фабрикантовъ соперниковъ не было на русскихъ рынкахъ, фабриканты поэтому цѣны на свои товары подняли, а хозяева наши намъ такъ и не увеличиваютъ расцѣнокъ. Они съ помощью всякихъ обмановъ и подходовъ даже уменьшаютъ его, благо законы и начальство на ихъ сторонѣ, отнимаютъ у каждаго изъ насъ по нѣскольку копѣекъ въ день и по нѣскольку рублей въ мѣсяцъ. Такимъ способомъ съ помощью правительства хозяева богатѣютъ, а мы бѣднѣемъ и живемъ впроголодь, кое-какъ. Товарищи, постоимъ за свое! Пусть хозяева отдадутъ намъ то, что наше. Три недѣли тому назадъ мы писали хозяевамъ письмо и просили исполнить наши требованія. А отъ нихъ никакого отвѣта не было,—только инспекторъ поговорилъ кое съ кѣмъ безъ всякаго толку. Значитъ, время пришло поговорить съ хозяевами инымъ способомъ. Забастуемъ дружно, всѣ до единаго, и станемъ бастовать до тѣхъ поръ, пока все не будетъ сдѣлано по нашему. Не выйдемъ на работу 12 мая. Другихъ нашихъ разгово-

ровъ вѣдь не слушаютъ, а нашихъ стоновъ и слушать не хотятъ, а нашего тяжелаго житья видѣть не желаютъ. Забастуемъ же, товарищи, дружно, всѣ до одного! Съ господами фабрикантами только и можно разговаривать такимъ способомъ!

„Мы требуемъ:

1) Чтобы расцѣнки въ ткацкомъ отдѣленіи были повышены на 5 процентовъ, а въ ситценабивномъ на 3 процента.

2) Чтобы расцѣнку на невыгодные сорта повысили на 10 процентовъ, а работали бы эти сорта въ перемежку съ выгодными.

3) Чтобы гнилую пряжу ткачамъ не давали, потому что отъ этой пряжи заработокъ ткача сталъ въ два раза меньше.

4) Чтобы зря не браковали товаръ, а вели бы это дѣло по справедливости.

5) Чтобы по субботамъ и наканунѣ праздниковъ кончали работу въ 2 часа.

6) Чтобы уборка и чистка машинъ входили въ рабочее время.

7) Чтобы въ красильномъ отдѣленіи устроили вентиляцію.

8) Чтобы получка тоже входила въ рабочее время.

9) Чтобы мастеръ Мясоѣдовъ былъ смѣщенъ.

„Товарищи! Теперь время горяче: заказы большіе и спѣшные. Время для нашего дѣла самое удобное. Надо имъ пользоваться. Мы, ткачи и подручные, рѣшили 12 мая на работу не выходить. Наше дѣло—общее дѣло! Товарищи! Мы ждемъ вашей поддержки!

„Ткачи-рабочіе Веселухинской мануфактуры.

10 мая 1901 года“.

Змѣевидовъ прочелъ листокъ и презрительно и зло усмѣхнулся.

— Все тоже самое! Всѣ листки на одинъ ладъ! Новаго и придумать ничего не могутъ.

— Дѣйствуетъ, ваше высокоблагородіе!—сказалъ Нососуевъ.

— Дѣйствуетъ! дѣйствуетъ! закричалъ онъ на Нососуева.—Оттого листки и дѣйствуютъ, что вы бездѣйствуете. Три недѣли тому назадъ контора письмо отъ рабочихъ получила, а я объ этомъ ничего и не зналъ! Это чертъ знаетъ что! Отчего мнѣ никто не сказалъ объ этомъ? Гдѣ вы всѣ были? Цѣлыхъ три недѣли на фабрикѣ ужъ разговоры идутъ, а вы ничего и не знаете! Превосходно! Великолѣпно!

Нососуевъ смутился.

— Гдѣ же узнать, ваше высокоблагородіе! Насъ двое: Лампасовъ да я, да два урядника, да 8 агентовъ, а ихъ 5000 человѣкъ. Мы и то стараемся. За всѣми не усмотришь. Они вѣдь насъ за своихъ враговъ считаютъ, словно мы не русскіе и не царевы слуги. Да нонче и народъ хитрѣе сталъ. Ходишь-ходишь, говоришь-говоришь. Извѣстно, народъ жалуется на житье. Эти жалобы каждый день слышишь; а какъ ихъ тамъ разобрать, жалуется онъ или бунтуетъ, зря говоритъ или готовитъ тамъ что?

— Плохо слушаете! Если человѣкъ жалуется, значитъ, изъ него прока не будетъ, значитъ, это будущій бунтовщикъ.

— Всѣ жалуются, ваше высокоблагородіе.

— Значитъ, всѣ они и бунтовщики.

— За всѣми не усмотришь, ваше высокоблагородіе. На каждыхъ 20 человѣкъ нужно по жандарму да по агенту приставить, да и тогда всего не узнаешь...

Змѣевидовъ кипятился все больше и больше. Его особенно злило то, что противъ Нососуевскихъ доводовъ и сказать ничего невозможно. Гдѣ ужъ тутъ услѣдить за всѣми, особенно, когда люди знаютъ, что за ними слѣдятъ, а въ случаѣ чего ихъ и въ кутузку могутъ посадить. А все же такъ нельзя! Нужно слѣдить и слѣдить...

— Когда листки были раскиданы?

— 10-го вечеромъ.

— Много?

— Много.

Змѣевидовъ затопалъ ногами.

— Чортъ васъ тамъ всѣхъ возьми. И чего вы тамъ только смотрите! Что дѣлаютъ эти безмозглые агенты! Жалованье только получаютъ даромъ. Чего вы смотрите? Гдѣ листки? Сколько въ вашихъ рукахъ?

Нососуевъ мялся.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе. Наши говорятъ, что много разобрано рабочими...

— Кто бралъ? Чего не смотрѣли? Чего не обыскивали? Идіоты! ослы!

— Гдѣ жъ отыщешь, ваше высокоблагородіе! Онъ норовитъ въ такое мѣсто засунуть, что и не вытащишь. И у воротъ обыскиваютъ, да ничего не находятъ.

— А письмо рабочихъ гдѣ?

— Конторщики сказывали, инспекторъ взялъ.

„Я такъ и зналъ!“ подумалъ про себя Змѣевидовъ. „Эти инспектора всегда у насъ на дорогѣ, словно какая держава особенная“.

— Но вѣдь разговоры о письмѣ и о листкахъ были же? спросилъ онъ у Нососуева.—Что-же ихъ плохо слушали? Такія дѣла безъ совѣщаній и разговоровъ не дѣлаются.

— Никакихъ разговоровъ, ваше высокоблагородіе, не было. Только вотъ унтеръ-офицеръ Лампасовъ сказывалъ, что слесарь Вологдинъ крестины справлялъ и у него гости были... Это правда, ваше высокоблагородіе, — Вологдину, дѣйствительно, богъ сына послалъ.

— Дуракъ! И этого толкомъ сказать не можешь! Причемъ тутъ богъ, что однимъ будущимъ бунтовщикомъ на свѣтѣ стало больше? И крестины только для отвода глазъ... Кто былъ на крестинахъ?

— Шестнадцать человѣкъ было. Всѣ записаны въ „дневникъ“ у Лампасова.

— Кто такіе?

— Всѣхъ не упомню... Былъ машинистъ Кораблевъ, ткачи: Сидоровъ, Липаренко и Кузьминъ, слесари: Житецкій, Зальштейнъ и Говорко, подручные Аксюкъ и

Сладовъ, отбѣльщикъ Ивановъ и эта красивая воструха Марья Миронова... Пиво пили... три дюжины...

Змѣевидовъ даже вскочилъ отъ бѣшенства.

— Что вы тамъ смотрите! И что вы только смотрите! Правду говорятъ про насъ и про полицію, что мы почти ничего не знаемъ и живемъ одной глупостью арестованныхъ... Кораблевъ, Житецкій, Ивановъ,—да вѣдь всѣ эти люди у насъ давнымъ давно на примѣтѣ! И ихъ упустили! Нужно было тогда же обыскъ сдѣлать у нихъ, а то и забрать ихъ! Какія тутъ, чортъ, крестины! Это просто-напросто заговорщики. Ишь подобрались, — одинъ къ одному! Навѣрное ужъ тутъ были и Михневичъ съ Завойко?

— Никакъ нѣтъ,—они съ недѣлю какъ уѣхали,—расчетъ взяли.

— Ну, хоть это хорошо! Это два извѣстные бунтовщика-агитатора, а главное, такіе ловчаки навѣрное свои дѣла дѣлаютъ тонко,—я ужъ это чувствую..—и не попадаются. Сегодня ночью нужно быть готовыми: у Вологдина и у тѣхъ шестнадцати будемъ дѣлать обыски. Я объ этомъ доложу, кому слѣдуетъ...

— Слушаю-съ! Приставъ и исправникъ уже на фабрикѣ, инспекторъ тоже. Поджидаютъ ваше высокоблагородіе.

— Мартыновъ! закричалъ Змѣевидовъ своему деньщику.—Мыться! одѣваться! живо!...

ГЛАВА II

Веселухинская мануфактура—самая большая фабрика Ободранскаго уѣзда. Она находится въ одной верстѣ отъ города Ободранска, между этимъ городомъ и фабричной слободой, гдѣ живетъ большинство веселухинскихъ рабочихъ, платящихъ по 3 рубля за прескверный уголъ въ какой-нибудь конурѣ. Четыре громадныхъ корпуса фабрики вытянулись по берегу рѣчки Веселухи двумя рядами; направо — два ткацкихъ корпуса, на-

лѣво — бумагопрядильная и набивная. Между этими рядами корпусовъ разстилается огромный фабричный дворъ, раздѣленный какъ-бы на отдѣлы двумя кочегарками и пристройкой, гдѣ помѣщается главная паровая машина. Желѣзныя рѣшетки съ воротами огораживають дворъ съ двухъ сторонъ. Надъ фабричными корпусами со двора поднимаются массивныя 25-тисаженныя трубы. Изъ этихъ трубъ по временамъ вылетають черныя густыя тучи дыма и дугою подымаются къ небу. Фабрика стоитъ на отлогомъ холмѣ. Со степи ее видно верстъ за 6, а ночью еще дальше. Огромныя полукруглыя окна машиннаго отдѣленія блестятъ издали, словно глаза какого-то чудовища, которое и гудитъ, и стонетъ, и громыхаетъ. Въ открытыя окна несется стукъ и грохотъ ткацкихъ станковъ, лязганье ремней, шипѣніе пара, грузное попыхиваніе огромной паровой машины. Тысячи людей стоятъ у станковъ и машинъ, сотни ихъ суетятся и копошатся на дворѣ и у товарныхъ складовъ, вытянувшихся за корпусами, и у желѣзнодорожныхъ станцій подъѣздного пути, которымъ такъ гордится и кичится Живодерниковъ.

По другую сторону рѣки Веселухи, за мостомъ, раскинулся настоящій фабричный городокъ. Поближе къ фабрикѣ вытянулись трехъ-этажныя рабочія казармы; рядомъ съ ними, утопая въ зелени, ютятся домики директора фабрики, инженеръ-технолога Зубалова, его помощника Максименко, прочихъ инженеровъ, механиковъ, колористовъ, бухгалтеровъ, конторщиковъ и всякихъ иныхъ служащихъ; рядомъ съ этими домиками больница и школа, при которой помѣщается и народная читальня. Живодерниковъ нерѣдко любить похвастать своей школой и читальней и разсуждаетъ о нихъ, какъ очень либеральный человѣкъ, несогласный со взглядами правительства, которое всячески задерживаетъ народное образованіе, а онъ, Живодерниковъ, отъ всего нутра сочувствуетъ ему... За школой и читальней, въ обширномъ паркѣ, на берегу искусственнаго пруда высится домъ самого Живодерникова. Это не домъ, а скорѣе дворецъ,

напоминающій какой-то королевскій замокъ былыхъ временъ, съ башнями, зубцами и фигурнымъ крыльцомъ, похожимъ на мостъ, со статуями великановъ, поддерживающихъ зимній балконъ съ зеркальными окнами, остроконечной блестящей крышей, на которой сіяетъ посеребренный драконъ. И на фабричномъ дворѣ, и у воротъ, и вокругъ дома хозяина развѣшаны электрическіе фонари. По ночамъ отъ этихъ фонарей надъ фабрикой играетъ бѣлое зарево.

Савелій Никитичъ Живодерниковъ, предсѣдатель правленія и главный воротила всей акціонерной компаніи, очень гордится благоустройствомъ Веселухинской мануфактуры. Во-первыхъ, гордится онъ ею потому, что она даетъ ежегодно болѣе милліона рублей чистаго дохода, изъ котораго не малая толика попадаетъ и на его долю, какъ главнаго акціонера. Затѣмъ онъ гордится тѣмъ почетомъ и уваженіемъ, который доставила ему набитая мошна и всѣми признанная его ловкость, изворотливость и нюхъ среди нижегородскихъ биржевиковъ-тузовъ. Онъ гордится и „своею любовью къ просвѣщенію", и „любовью къ рабочему люду", столь наглядно выраженною тою тысячью рублей, какая ежегодно идетъ изъ фабричной кассы на содержаніе школы и читальни, не затрагивая, впрочемъ, ни на одинъ грошъ тридцатитысячнаго годового жалованья Савелія Никитича. Когда ему приходится говорить съ министромъ Витте и хлопотать у того о повышеніи пошлинъ на заграничные мануфактурные товары, ради поддержки такимъ способомъ всероссійской, а значитъ, и живодерниковской промышленности, онъ всегда говоритъ министру: „Если намъ, фабрикантамъ, будетъ хорошо, то и рабочимъ будетъ хорошо, и казнѣ хорошо, и царю хорошо, и Россіи хорошо, и всѣмъ хорошо". И въ подтвержденіе этихъ своихъ словъ, Савелій Никитичъ всегда указываетъ на свою благоустроенную фабрику, на которой "всѣ всегда довольны" и гдѣ „никогда не было и быть не можетъ никакихъ недоразумѣній", „потому что рабочіе

для меня тѣ же люди, и я самъ такой же простой рабочій человѣкъ". Министръ Витте очень цѣнитъ Савелія Никитича и даже сдѣлалъ его коммерціи совѣтникомъ и кавалеромъ разныхъ орденовъ. Цѣнитъ его и губернаторъ, и самъ министръ внутреннихъ дѣлъ, цѣнятъ его и акціонеры, которые, что ни годъ, то получаютъ съ каждой сторублевой акціи, ничего не дѣлая, по 35 рублей чистаго дохода, а съ каждой тысячерублевой бумаги 350 рублей. Акціи Веселухинской мануфактуры стоятъ на биржѣ отлично, потому что всякій денежный человѣкъ добивается случая получать, ничего не дѣлая, хорошій доходъ съ Веселухинской мануфактуры и жить на него въ свое удовольствіе, тоже ничего не дѣлая. Чтобы насытить и накормить акціонеровъ (а ихъ почти три сотни), Савелій Никитичъ не жалѣетъ своихъ трудовъ и ума, дорожитъ каждой копѣечкой и даже грошикомъ, зорко смотритъ, чтобы въ расцѣнкахъ, висящихъ на стѣнѣ, не было ни лишнихъ копѣечекъ, ни лишнихъ грошиковъ. Вѣдь если они уйдутъ черезъ расцѣнку къ рабочимъ, то чѣмъ же насытить и накормить себя и другихъ акціонеровъ?... Рабочій человѣкъ привыкъ къ тяжелому суровому житью-бытью давнымъ давно, а господа акціонеры вѣдь къ этому не привыкли, — и волей-неволей должны и сладко ѣсть и пить, и мягко спать и дѣлать прочія дѣла, украшающія житье-бытье богатаго человѣка на землѣ. У нихъ тѣло вѣдь мягкое, а кожа гладкая... И Савелій Никитичъ былъ очень доволенъ собой: онъ прекрасно ладилъ со всѣми — и съ министрами, и съ акціонерами, и съ рабочими, считалъ свою Веселухинскую мануфактуру настоящимъ воплощеніемъ справедливости и счастья на землѣ... И вдругъ скандалъ! На этой самой благоустроенной фабрикѣ — всеобщая забастовка. Ну, не конфузъ ли это? Что скажутъ въ городѣ, на нижегородской ярмаркѣ, въ министерствѣ? Какъ быть съ заказчиками, которые ждутъ не дождутся товару къ ярмаркѣ? Савелій Никитичъ чувствовалъ себя очень скверно, когда сидѣлъ въ фабричной конторѣ вмѣстѣ съ фабричнымъ инспекторомъ,

исправникомъ и другими представителями фабричной правительственной власти.

Фабричный дворъ былъ пустъ. Не вышли на работу даже рабочіе „по двору“, иначе сказать, чернорабочіе. У фабричныхъ воротъ не толпились по обыкновенію сотни „запасныхъ“ — алчущихъ и жаждущихъ работы. Даже эти полуголодные, обнищавшіе люди, увидѣвъ, что фабрика забастовала, отправились по домамъ, кромѣ нѣсколькихъ подвыпившихъ забулдыгъ, сидѣвшихъ на муравѣ въ ожиданіи — „что то будетъ“. Паровая машина все же работала, но ею управлялъ не машинистъ Кораблевъ, который не вышелъ на работу, а инжинеръ-технологъ Пимичъ, извѣстная фабричная собака и прихвостень Живодерникова. У котловъ вмѣсто кочегаровъ стояли случайно попавшіе подъ руку чернорабочіе изъ „запасныхъ“; за ними присматривалъ тоже инженеръ. Въ отворенныя окна фабричныхъ зданій видны были вертящіеся приводы, которые лязгали, позвякивали и громыхали. Но станки бездѣйствовали. Около нихъ не было ни одного человѣка изъ рабочаго народа. Огромныя фабричныя отдѣленія пустовали.

Уже нѣсколько разъ гудѣлъ фабричный гудокъ. Онъ гудѣлъ необыкновенно протяжно и жалобно, какъ будто желая подѣйствовать своимъ воемъ на сердца забастовавшихъ рабочихъ. Это не гудокъ гудѣлъ, а, казалось, стонала сама фабрика, стонали котлы, машины, станки, стонали фабричныя зданія, стоналъ мертвецъ, изъ котораго вылетѣла душа и который жаждетъ опять вернуться къ жизни.

— Что же это, господа? — суетливо говорилъ Савелій Никитичъ Живодерниковъ, обращаясь къ старшему фабричному инспектору. — Что же это такое? Я не понимаю, чѣмъ эти скоты рабочіе недовольны. Я не понимаю, чѣмъ только они могутъ быть у меня недовольны.

— Нехорошо, сказалъ Зубаловъ. — Очень нехорошо! Если это продлится, что мы будемъ дѣлать съ срочными

заказами? Товаръ останется на рукахъ, да еще неустойка...

— Полно-те! Уладится! Вѣроятно, какое-нибудь маленькое недоразумѣніе, сказалъ исправникъ. — Извѣстно, простой народъ — разбойникъ. Чѣмъ лучше съ нимъ обращаться, тѣмъ онъ хуже.

— Нужно выяснить, чего они хотятъ, сказалъ фабричный инспекторъ. — Потрудитесь кого-нибудь послать въ рабочія казармы и въ слободу и позвать ко мнѣ рабочихъ объясниться.

— Я посылалъ, сказалъ помощникъ бухгалтера — молодой господинъ съ тонкими черными усиками. — Каждый рабочій говоритъ только отъ себя и за себя: „Что же я одинъ пойду? Я — какъ другіе!“ И самъ не идетъ, и другіе не идутъ.

— Но вѣдь намъ каждый день, каждый часъ дорогъ! воскликнулъ Зубаловъ. Примите какія-нибудь мѣры, сгоните ихъ на фабрику, хоть силой!

Исправникъ, толстопузый господинъ съ сѣдыми щетинистыми усами, только усмѣхнулся.

— Какъ ихъ сгонишь? вотъ если бы они шумѣли, то разогнать и усмирить ихъ — это я бы могъ. А согнать да заставить работать — никакъ невозможно.

— Былъ у меня такой случай въ прошломъ году, продолжалъ онъ: — согнали мы ихъ на фабрику, разставили у станковъ; пустили даже станки въ ходъ. Станки идутъ, а рабочіе стоятъ около нихъ, сложивъ руки... Такъ ничего съ ними и не подѣлали. Преупрямѣйшія бестіи! Ужъ для дорогого Савелія Никитича я-то на все готовъ! Но какъ ихъ сгонишь и заставишь работать? Такой и силы у насъ не хватитъ! Двухъ полковъ мало!

— Дайте знать губернатору! Призовите побольше солдатъ!

— Губернатору дано знать. А насчетъ войскъ, онъ пріѣдетъ и распорядится. Но вѣдь эти негодяи понимаютъ свое дѣло: сидятъ смирнехонько, чтобы войскамъ тутъ и дѣлать было нечего. Кто же въ такихъ стрѣлять будетъ?

— Неправда! Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ теперь и въ такихъ велитъ стрѣлять! И самъ царь за такую стрѣльбу благодарилъ солдатъ фанагорійскаго полка! — воскликнулъ Живодерниковъ.

— Пошлите еще разъ къ рабочимъ! распорядился инспекторъ. Скажите имъ, что, если они сюда не придутъ, то я самъ къ нимъ пойду. Нужно же намъ знать, чего собственно они хотятъ.

— Листки были... вставилъ свое замѣчаніе бухгалтеръ.

— Листки!? У васъ они есть?

— Ни одного! Всѣ растащены. Даже я самъ не видалъ. Дворникъ о листкахъ сказывалъ.

Въ это время вошелъ полковникъ Змѣевидовъ и, услыхавъ разговоръ о листкахъ, вынулъ листокъ изъ кармана и протянулъ его фабричному инспектору.

Инспекторъ медленно и внимательно прочелъ листокъ и молча пожалъ плечами. Въ этомъ листкѣ говорилось все то же, что и въ письмѣ безъ подписи, которое было прислано три недѣли тому назадъ. Въ исполненіи всѣхъ такихъ требованій инспекторъ и по закону помочь не можетъ: повышать расцѣнку да дѣлать „льготы“—все это по закону зависитъ лишь отъ одной „доброй воли“ фабриканта. А законъ царемъ вѣдь подписанъ. А что это за „добрая воля фабриканта“ — извѣстно! Старшій инспекторъ, очень не глупый, но сухой законникъ-чинодралъ, отлично зналъ „добрую волю“ Савелія Никитича Живодерникова. Получивъ письмо отъ рабочихъ, онъ даже уговаривалъ Савелія Никитича кое въ чемъ уступить имъ, такъ какъ нѣкоторыя ихъ требованія дѣйствительно справедливы. Но Савелій Никитичъ уперся, какъ быкъ, и лишь повторялъ: „Невозможно, совсѣмъ невозможно! Я для рабочихъ дѣлаю все что могу: у меня и больница, и читальня, и потребительная лавка, и награды. А увеличивать расцѣнки, уменьшать рабочее время — не могу, не могу!“ И фабричный инспекторъ поневолѣ уступилъ, потому что законъ не даетъ ему права принуждать фабрикантовъ къ увеличенію расцѣнокъ и уменьшенію рабочаго времени. Фабричному

инспектору только то и оставалось, что положить письмо къ себѣ въ столъ и ждать, что изъ этого выйдетъ дальше. Вышла забастовка, — ну значитъ теперь, по закону, нужно улаживать забастовку.

Листокъ сталъ переходить изъ рукъ въ руки.

— Это навѣрное ужъ кто-нибудь изъ интеллигентовъ дѣйствуетъ! замѣтилъ Зубаловъ. — Сами рабочіе такого листка не напишутъ! „Если мы сами себѣ не поможемъ, то и никто намъ не поможетъ!“ Ловко сказано!

— „И не только ловко, а и совсѣмъ правильно!“ подумалъ Зубаловъ про себя. Въ эту минуту ему вспомнилось то время, когда онъ самъ былъ еще студентомъ и мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ на какой-нибудь фабрикѣ улучшать житье-бытье рабочихъ... Но эти студенческія времена давнымъ давно прошли, и вышло какъ-то такъ, что ему, Зубалову, больше всего приходится думать о хорошемъ жалованьѣ отъ Савелія Никитича и его доходахъ, а не объ улучшеніи житья-бытья рабочихъ. „Что подѣлаешь, если этотъ Савелій Никитичъ не хочетъ? Не въ отставку же выходить! На другихъ фабрикахъ еще того хуже!“

И Зубаловъ совсѣмъ успокаивалъ свою совѣсть такими словами. Улучшить положеніе рабочихъ онъ, Зубаловъ, не можетъ, бухгалтеръ не можетъ, исправникъ и инспекторъ не могутъ, а Савелій Никитичъ и другіе владѣльцы фабрикъ не хотятъ. Такъ и идетъ фабричная жизнь: кто „не можетъ“, кто „не хочетъ“.

— Интеллигенція листки эти пишетъ! повторилъ Зубаловъ вслухъ.

— Не думаю, возразилъ младшій фабричный инспекторъ Курицынъ. Очень ужъ лубочно написано... И слова громкія. И печать грубая, — на домашнемъ мимеографѣ.

— Это что за домашній мимеографъ? спросилъ бухгалтеръ.

— Эдиссоновское изобрѣтеніе! засмѣялся Зубаловъ — Эдиссонъ удружилъ таки намъ своимъ мимеографомъ! Своеобразное примѣненіе напильника, вмѣсто тайной ти-

пографіи. Возьметъ рабочій напильникъ, широкій, плоскій, съ 90 нарѣзками въ дюймѣ; возьметъ особой навощенной папиросной бумаги, положитъ ее на напильникъ и пишетъ по ней желѣзнымъ гвоздемъ или женской шпилькой отъ волосъ. Вотъ вамъ и мимеографъ. Гдѣ онъ водитъ шпилькой, тамъ дѣлаются дырочки, и изъ бумаги выходитъ трафаретка. Трафаретку эту кладутъ на растянутую фланель, вымазанную какой-нибудь краской*), — вотъ и печатня готова. Каждый напильникъ — та же тайная типографія. Удружилъ намъ этотъ Эдиссонъ. Теперь любой рабочій можетъ такимъ способомъ какой угодно листокъ отпечатать. Этотъ листокъ тоже сами рабочіе напечатали. По всему видно.

— И чего они требуютъ? Чего только они требуютъ! горячился Живодерниковъ, только что прочитавшій не слишкомъ то лестный для него листокъ. — Это я-то выжимаю сокъ изъ рабочихъ! Это я-то притѣсняю! Да они сами хотятъ изъ меня весь сокъ, всю душу мою выжать, а не я изъ нихъ!

„Ну, изъ тебя-то соковъ не выжмешь“, — подумалъ про себя старшій фабричный инспекторъ.

Нельзя сказать, чтобы настроеніе властей было веселое. Власти, по просту сказать, недоумѣвали. Много разъ приходилось имъ видать забастовки и всякія фабричныя недоразумѣнія, — вѣдь эти „недоразумѣнія“ стали теперь обычны, и всѣ къ нимъ привыкли. Но такой забастовки, какъ эта, они еще не видывали. Всѣ пять тысячъ рабочихъ куда-то исчезли. Рабочія казармы были пусты. Только въ томъ флигелѣ, гдѣ жили семейные, суетились, какъ всегда, бабы, приготовляя ѣду для себя и для дѣтей. А мужья тоже куда-то скрылись. Змѣевидовъ впрочемъ зналъ, куда скрылись рабочіе. Много ихъ ушло въ лѣсъ („Не спроста, очевидно!“), иные ушли въ городъ; иные распивали чай на слободкѣ. Въ городѣ цѣлая толпа рабочихъ мирно сидѣла въ городской библіотекѣ и въ безплатной читальнѣ и, какъ ни въ чемъ

---

*) Фуксинъ, разболтанный въ глицеринѣ.

не бывало, почитывали газеты и книги. Еще бы! Каждому серьезному и дѣльному рабочему хотѣлось употребить свободное время съ пользою: такого времени у рабочаго человѣка немного...

Живодерниковъ, какъ водится, устроилъ начальству роскошный завтракъ. Но несмотря на выпитое вино, завтракъ тянулся скучно и вяло. Начальству было не по себѣ. Оно собралось спорить и даже воевать съ рабочими, ополчиться на враговъ съ хитрыми словами и съ угрозами, — и вдругъ враги то и исчезли! Начальство собралось дать „бунтовщикамъ" генеральное сраженіе, а враги какъ разъ всѣ разбѣжались...

Пришелъ изъ города солидный отрядъ городовыхъ. Прискакали конные жандармы. Полиція со всѣхъ сторонъ оцѣпила фабрику и рабочія казармы. А врага, т. е. рабочихъ, по прежнему не было. Прошелъ часъ, другой, третій... Прогудѣлъ обѣденный гудокъ. Гудѣли еще и еще гудки. Но напрасно они сзывали рабочихъ. Ихъ грозныхъ и жалобныхъ завываній какъ будто никто и не слышалъ.

ГЛАВА III.

Въ трехъ верстахъ отъ Веселухинской мануфактуры начинается лѣсъ. Это большой превосходный лиственный и сосновый лѣсъ, — чудный остатокъ тѣхъ лѣсовъ, которые когда-то покрывали всю Голодаевскую губернію. Тысячъ пять десятинъ этого лѣса принадлежитъ Веселухинской мануфактурѣ; здѣсь ведется правильное лѣсное хозяйство: каждый годъ вырубается лишь опредѣленный участокъ лѣса на топливо. До сихъ поръ мануфактура пробавляется своими собственными дровами, и владѣльцы ея не считаютъ для себя нужнымъ поддерживать россійскую каменноугольную промышленность, хотя и считаютъ себя великими патріотами.

На лѣсной полянѣ, въ уютномъ и живописномъ уголкѣ, подъ соснами пріютилась сторожка Терентія Миро-

нычa — шестидесятилѣтняго старика, который 35 лѣтъ былъ рабочимъ на мануфактурѣ, прошелъ и испыталъ на своей шеѣ всѣ „отдѣленія“, два раза попалъ подъ машину, которая переломила ему ключицу, выколола лѣвый глазъ, размозжила лѣвую руку и, въ концѣ концовъ, привела старика, какъ онъ самъ выражался, въ „животное состояніе“, сдѣлала негоднымъ для фабричной работы. Тогда Живодерниковъ проявилъ величайшую доброту, о которой писали даже въ газетахъ: онъ устроилъ Терентія Мироныча на „вѣчный пансіонъ“. — далъ ему мѣсто лѣсного сторожа.

Вотъ уже пять лѣтъ хромой и полуслѣпой старикъ каждый божій день, и зимой, и лѣтомъ, обходитъ „ввѣренный ему“ участокъ, охотится за порубщиками-крестьянами сосѣднихъ деревень и охраняетъ отъ ихъ расхищенія Веселухинское добро.

— Молись за меня богу, старина, молись богу, а ужъ я тебя не оставлю! говорилъ Живодерниковъ. Но неблагодарный старикъ не молится за него, а лишь молитъ бога о великомъ чудѣ, — чтобы богъ исправилъ свою несправедливость и вернулъ бы ему, старику, вытекшій глазъ, отростилъ бы сломанную ключицу, возвратилъ бы ему его молодость и силу могучую, загубленную на Веселухинской мануфактурѣ и проданную хозяевамъ по дешевой цѣнѣ — сорокъ копѣекъ въ день.

„За что меня покаралъ? За что?“ спрашиваетъ бога старикъ: „За что наградилъ такими страданіями за всѣ мои труды? За что далъ прожить весь вѣкъ такой собачьей жизнью? За что Савелій Никитичъ и другіе владѣльцы фабрики такъ хорошо живутъ, ничего не дѣлая или мало работая, а я прожилъ, словно волъ въ ярмѣ?...“ Но молчитъ богъ и не даетъ отвѣта Миронычу и не возвращаетъ ему его кровнаго добра, а попъ, котораго Миронычъ, по простотѣ душевной, разспрашивалъ, есть-ли на землѣ справедливость божеская, только цыкнулъ на старика и не далъ ему никакихъ надеждъ ни на счетъ этой, ни на счетъ будущей жизни. Вмѣсто всякихъ разъясненій и утѣшеній попъ указалъ

толстымъ „боговдохновеннымъ“ перстомъ на Веселухинскую мануфактуру.

„Вотъ Савелій Никитичъ тоже простымъ рабочимъ былъ... А богъ наградилъ его за его труды и старанья. И на томъ свѣтѣ наградитъ сего истиннаго труженика за его жертвы на храмы божіи. Не грѣши, старикъ, а молись. Всякому человѣку свой жребій положенъ. Терпи и жди. То, что для тебя нужно, богъ самъ для тебя сдѣлаетъ, — тебя не спроситъ!“

И старый Миронычъ, по древней привычкѣ, молится богу и ждетъ того дня, когда богъ и для него что-нибудь сдѣлаетъ, — хотя тоже его не проситъ. И чудно старику, не понимаетъ онъ, старый, — то-ли богъ беретъ примѣръ съ начальства, то-ли начальство беретъ примѣръ съ бога — благодѣтельствовать людей по своимъ соображеніямъ, у нихъ самихъ не спрашивая и на свой ладъ... и всегда „съ опозданіемъ“. Молится старый Миронычъ и по привычкѣ терпитъ.

Но по временамъ не выдерживаетъ стариковское сердце, и жестокія проклятія Веселухинской мануфактурѣ срываются съ устъ старика и зло блеститъ въ эти минуты его единственный уцѣлѣвшій глазъ, и изъ этого глаза и изъ другого закрытаго, вытекшаго, по морщинистому лицу старика льются горячія, горячія слезы. Въ эти минуты внучкѣ Мироныча Машѣ, такой веселой и шустрой фабричной дѣвушкѣ, тоже хочется и плакать, и проклинать. Старый дѣдъ съ малыхъ лѣтъ пріучилъ ее считать Веселухинскую мануфактуру врагомъ-извергомъ, а не поилицей и кормилицей, выплачивающей по 25 коп. на харчи ежедневно...

Въ этотъ день, 12 мая, у стараго Мироныча были гости. Было много гостей. Былъ тутъ слесарь Вологдинъ, — солидный мужчина лѣтъ 35, рослый, широкоплечій, съ очень умнымъ и угрюмымъ лицомъ, который постоянно какъ будто на что-то сердится и думаетъ невеселую, глубокую думу. Былъ тутъ машинистъ Кораблевъ, молодой человѣкъ лѣтъ 25, окончившій курсъ въ низшемъ техническомъ училищѣ, курчавый, жизнерадо-

стный, „быстрый и вострый“, какъ говорятъ про него фабричные ребята. Еще былъ юркій еврейчикъ, слесарь Зальштейнъ, большой любимецъ всего слесарнаго отдѣленія, которое очень цѣнитъ его веселый нравъ и острый умъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ на травѣ коренастый, четырехугольный Говорко, по прозванію „нефтяная кадушка“, солидный парень съ огромной головой и неуклюжимъ носомъ, человѣкъ плохо скроенный, да крѣпко сшитый. Тутъ же сидѣли Житецкій, Сидоровъ, Липаренко и др. — всего человѣкъ 30. Всѣ они размѣстились прямо на травѣ, подъ столѣтнимъ развѣсистымъ дубомъ. Посреди этой группы сидѣли Михневичъ и Завойко; Михневичъ, парень лѣтъ 30, худощавый, длинный, съ загорѣвшимъ, красивымъ и выразительнымъ лицомъ и сросшимися бровями, сидѣлъ, прислонившись къ дубу и обхвативъ руками колѣна. На немъ были одѣты высокіе сапоги, пиджакъ и поистрепавшаяся фуражка съ бархатнымъ околышкомъ. Это былъ рабочій изъ „новыхъ“, родившійся и выросшій на фабрикѣ; онъ былъ вскормленъ и воспитанъ фабрикой и рано научился понимать человѣческія дѣла и дѣлишки по части обиранія слабыхъ сильными и бѣдныхъ богатыми; онъ рано дошелъ до всего своимъ умомъ и съ помощью честныхъ книгъ, которыя давали ему читать добрые люди, — тѣ „господа, которые стоятъ за простой народъ“, борются за его лучшее житье, за его права, борются, не жалѣя себя и своей жизни, и гибнутъ за это святое дѣло въ ссылкѣ, въ тюрьмахъ и даже на висѣлицахъ. Михневичъ рано сталъ задумываться о своемъ рабочемъ житьѣ и обо всемъ томъ, что сильно мѣшаетъ и вредитъ этому житью. Съ величайшимъ трудомъ, не доѣдая и не досыпая, читая и учась, Михневичъ дошелъ таки до корня вещей и уразумѣлъ самую суть: отчего живется плохо рабочему человѣку, а неработающему барину хорошо, и какимъ способомъ измѣнить такіе несправедливые порядки. И стала эта завѣтная мысль для Михневича тѣмъ-же богомъ, и сталъ онъ ей служить не жалѣя себя... Сталъ Михневичъ вѣ-

рить въ Правду и Справедливость, вмѣсто поповскаго бога, сталъ вѣрить въ то, что человѣкъ собственными руками и головой долженъ добиваться и насаждать правду и справедливость на землѣ, и, не жалѣя себя, бороться съ тѣми, кто служитъ несправедливости и неправдѣ — со всѣми народными обидчиками, фабрикантами, кулаками-міроѣдами, полицейскими, губернаторами, министрами, и даже съ самимъ царемъ, у котораго хоть и большая сила въ рукахъ и большія права, но только не на пользу простому народу, а на пользу все тѣхъ же народныхъ обидчиковъ, вродѣ купца Живодерникова. Новое пониманіе того, что творится вокругъ, и того, что нужно дѣлать, словно новая вѣра, захватила всю душу Михневича; онъ рѣшилъ забыть самого себя и работать на пользу своего ближняго — такого-же рабочаго, обиженнаго, униженнаго, обездоленнаго человѣка, будь то фабричный, будь то крестьянинъ. Жизнь научила Михневича, какъ служить ближнему.

Рядомъ съ Михневичемъ стоялъ на колѣняхъ его другъ-пріятель слесарь Завойко. Завойко былъ человѣкъ той же вѣры, но онъ былъ старше Михневича и гораздо подвижнѣе его. Михневичъ молчалъ и думалъ свою думу про себя, Завойко же держалъ рѣчь. Шапка слѣзла у него набекрень; глаза блестѣли и дѣлали его выразительное, нервное лицо особенно красивымъ и внушительнымъ. Михневичъ какъ-бы дополнялъ собой Завойко. Михневичъ былъ мыслитель и созерцатель; Завойко былъ практикъ и исполнитель. Рабочіе толпились вокругъ этихъ двухъ людей и прислушивались къ каждому ихъ слову. Дѣдъ Мироничъ и его внучка Марья возились въ отдаленіи у самовара и у костра, на которомъ пеклась солидная порція картошки.

— Что, братцы! говорилъ Завойко. — Дѣла начались не дурно. Разодолжили и озадачили вы сегодня начальство. Такого дружества и такой прыти оно отъ васъ, не бойсь, не ожидало. Привыкло оно доить да доить, а тутъ вдругъ корова брыкаться стала — доить не даетъ. Ужъ будьте, братцы, увѣрены, — спуска вамъ

не дадутъ, для того, чтобы и другимъ неповадно было. Все наше начальство ополчится на васъ дружной ратью: всѣ пойдутъ противъ васъ—и фабриканты, и чиновники, и полицейскіе, и губернаторъ, и войска, и попы, и царь. Всѣ вѣдь они всегда заодно противъ васъ. А вы держитесь! Хоть изъ кожи лѣзьте, а держитесь, какъ теперь. Что они съ вами сдѣлаютъ? Ничего не сдѣлаютъ! Вѣдь всѣхъ за шиворотъ не возьмешь. Безъ васъ они — ни тпру, ни ну. Фабриканты хвалятся, что рабочіе-де имъ не нужны, а рабочимъ безъ фабрики не обойтись. Дудки! Пусть-ка они безъ насъ обойдутся, — посмотримъ. Прежде всего самъ Живодерниковъ взвоетъ, если ему придется фабрику закрывать: процентныя то бумаги даютъ 4 коп. на рубль въ годъ, а фабрика 35 коп. Не бойсь, продать ее да жить капиталомъ не захочетъ. Живодерникову и 35 процентовъ мало, а всѣ 40 и 45 проц. подавай. Чтобы свой дрянной товаръ дороже продавать, недаромъ фабриканты добиваются у министра большихъ пошлинъ на привозные заграничные товары, которые и лучше, и дешевле... Не обойдутся безъ насъ и чиновники, и прочіе народные обидчики, даже царь. Вѣдь съ насъ да съ мужиковъ собираются тѣ денежки, на которыя они свое сытное житье устраиваютъ. Не обойдутся! Сдѣлайте милость! Они всѣ только тѣмъ и живы, что не весь народъ и не сразу подымается противъ нихъ. Ну, да и этого скоро дождутся. У васъ-то народъ, пока что, дружно стоитъ?

— Дружно! отвѣчали нѣсколько голосовъ.

— Это и требуется! Это первое дѣло! Получка-то давно была?

— Да въ субботу; значитъ, 3 дня тому назадъ.

— Отличное дѣло! Чего лучше! А касса ваша какъ?

— Михневичъ, отвѣчай, — это твое дѣло.

— 816 руб. 43 коп., — отвѣтилъ Михневичъ.

— И тоже не худо! продолжалъ Завойко. По пятачкамъ вѣдь собраны, да отъ продажи книгъ по копѣйкамъ. Ей богу, разлюбленное дѣло — эта продажа: купишь листковъ сотню за 90 коп., а продашь ихъ за

два рубля. И вездѣ и всегда это даетъ прибыль; 816 руб., братцы, — деньги. На первое время голодные рты заткнуть хватитъ, а тамъ мы еще привеземъ. Платонычъ говорилъ, что черезъ недѣлю будетъ сюда съ деньгами непремѣнно.

Лица у многихъ рабочихъ прояснѣли. Платонычъ, „интеллигентъ", человѣкъ вѣрный: что скажетъ, то навѣрное сдѣлаетъ.

— Ужъ недѣли-то двѣ продержимся, сказалъ Вологдинъ. Всѣ продержимся, и голодные сыты будутъ. Дальше то что?

— Дальше? А то дальше, что лопнутъ ваши толстопузые. Только и всего.

Кораблевъ, Зальштейнъ и Сидоровъ громко засмѣялись.

— Теперь, братцы, надо насчетъ другихъ дѣлъ подумать. Нужно промежъ себя порядокъ установить, чтобы дѣло дѣлали, а не путались и не сбивались. Нужно прежде всего рѣшить, что и какъ съ начальствомъ разговаривать. Это дѣло пустое. То и говорить, что въ листкѣ написано: ни больше, ни меньше. Другихъ нашихъ нуждъ пока не затрогивать, — тѣ пойдутъ для другого раза, о нихъ тоже поговорить въ свое время успѣемъ. Какъ говорить? А такъ: прежде всего нужно смотрѣть, чтобы каждый зря съ начальствомъ не болталъ, — пусть говорятъ люди бывалые и толковые. А если оно другихъ спрашивать станетъ — ничего не говори, — молчи. Пусть съ начальствомъ говоритъ изъ толпы Вологдинъ, Кораблевъ... А тебѣ, Зальштейнъ, нельзя, — тебя Нососуевъ по голосу узнаетъ.

— Навѣрное насъ въ контору позовутъ, — Живодерниковъ или инспекторъ — и скажутъ: „выберите отъ себя выборныхъ!" угрюмо сказалъ Говорко.

— Выборныхъ не выбирать, въ контору не ходить. Пусть зовутъ сколько угодно. Если начальству до насъ надобность, пусть и идетъ къ намъ. А вы соберитесь во дворѣ кучкой поплотнѣе, чтобы всѣ товарищи были на лицо. Тотъ, кто долженъ держать рѣчь къ началь-

ству, пусть залѣзетъ въ самую середину кучки, да оттуда и кричитъ, что нужно.

— А ну, какъ сверху въ трубу разглядитъ Змѣевидовъ, кто съ нимъ разговариваетъ? спросилъ Сидоровъ.

— Ты, Вологдинъ, и ты, Кораблевъ, когда будете говорить съ начальствомъ, садитесь, прямо на землю, а вы всѣ 30 стойте вокругъ нихъ, да поплотнѣе. Ужъ разумѣется, мерзавцы-шпіоны станутъ протискиваться къ говорящему. А за ними пусть другіе смотрятъ. Ужъ если кто протискивается, значитъ, у того душа не чиста. Такимъ способомъ вы и мерзавцевъ Іудъ замѣтите, и будете съ ними осторожны. У васъ вѣдь теперь новые мерзавцы заведены, пріѣзжіе...

— Ну, а съ ними-то что дѣлать? спросилъ Зальштейнъ.

— А вотъ ты, Зальштейнъ, и возьми на себя такое дѣло: на время забастовки устрой за шпіонами свое собственное наблюденіе. И товарищей себѣ подбери. Начальство велитъ слѣдить за рабочими, а рабочіе пусть слѣдятъ за нимъ. Устройте свою машину, чтобы и Змѣевидовъ, и Нососуевъ, и Лампасовъ, и исправникъ, и приставъ, и прочая сволочь — вся была бы у васъ на виду, въ особенности же тайные агенты. Чтобы все было ясно: кто къ нимъ ходитъ, куда они идутъ. Зная, кто къ жандармамъ и полиціи ходитъ, вы многихъ шпіоновъ разузнаете. Что разузнаешь важнаго, о томъ и давай сюда знать, хоть черезъ Машу или черезъ дѣдушку Терентія, да смотри неотложно, — времени не теряй: забастовка — та же битва. А мы ужъ тутъ все прочее сообразимъ и обмозгуемъ.

Зальштейнъ остался очень доволенъ, что ему поручили такое серьезное дѣло.

— Слышите, братцы, чтобы каждый день непремѣнно всякія новости посылать сюда! Да смотри, безъ всякихъ тамъ записокъ. Ужъ эти записки! сколько вреда надѣлали. А мы обо всѣхъ новостяхъ тутъ сообразимъ и будемъ листки печатать. У дѣдушки Мироныча въ лѣсу свободныхъ-то и тихихъ мѣстъ, слава-те господи,

сколько! А вы, прочіе, каждый въ своемъ отдѣленіи дѣйствуй. Убѣждай слабыхъ стоять дружно. Если у кого денегъ нѣтъ, — дай изъ своихъ, коли есть, — потомъ отъ Михневича получишь. Да зря-то тоже не болтай и не выскакивай, чтобы вожакомъ и подбивалой тебя не считали. Говори со своими, какъ послѣдній изъ послѣднихъ и самый что ни на есть смирный: тихонько и по дружеству, чтобы тебя не замѣтили, какой ты сталъ человѣкъ. Напирай на то, что торговаться съ хозяевами надо, а что иныхъ способовъ торговаться, кромѣ забастовки, и вправду нѣтъ: когда-нибудь нужно же взяться за умъ.

— Трусятъ нѣкоторые, сказалъ опять Говорко. А ну, говорятъ, какъ упекутъ насъ въ тюрьму, а оттуда въ тридесятое царство, — съ голоду тамъ помрешь и семью погубишь.

— Дурачье! огрызнулся Завойко. — Трусы! А здѣсь-то они съ голоду не помираютъ? Каждый день не доѣдаютъ и не досыпаютъ, жрутъ чертъ знаетъ что, какъ собаки: худое питаніе — та же голодовка, и отъ него — та же смертъ. Правда, она подкрадывается незамѣтно; но вѣдь на то у человѣка и разумъ, чтобы все разсмотрѣть да разобрать. Медленная смерть еще хуже, чѣмъ быстрая: маяты и мученій отъ нея больше. Забастовка, хоть съ голоданіемъ, какъ ни какъ, тряхнетъ врага, а дурное питаніе ужъ никакъ дѣлу не поможетъ. Соглашаться на дурное питаніе и медленную смертъ — то же, что подставлять голову подъ ножикъ вору и разбойнику: грабьте, молъ, голубчики, оставьте только мнѣ жизнь. Экая глупость человѣческая! Экое недомысліе!

— Такъ-то такъ, а... трусятъ....

— Тюрьмы трусятъ? Ссылки? Ну, что-жъ? Можетъ быть туда и придется попасть и отсидѣть свой срокъ. Ну, и отсиживай; только и тамъ время зря не теряй: учись, читай, къ будущимъ дѣламъ для пользы своего брата-рабочаго готовься. Я тоже былъ въ тюрьмѣ и оттуда совсѣмъ другимъ человѣкомъ вышелъ: сколь-

ко там перечиталъ и обо всемъ передумалъ! На фабрикѣ столько не перечитаешь. Ну, можетъ статься, и въ ссылку упекутъ на нѣсколько лѣтъ, — что же подѣлаешь? По крайней мѣрѣ поймешь всѣмъ нутромъ, что такое начальство, что такое законъ и за кого стоитъ нашъ царь батюшка. Да вѣдь безъ работы-то шляться съ фабрики на фабрику та же ссылка. Съ этимъ дѣломъ — голодухой да безработицей — мы и безъ ссылки знакомы, — привыкать не приходится. Лучше ужъ терпѣть все это въ ссылкѣ за правое дѣло, чѣмъ такъ, — зря... Теперь сосланныхъ рабочихъ не пускаютъ на фабрики. И это не бѣда: какой-нибудь работой ужъ придется кормиться, — вѣдь если сосланные рабочіе не будутъ сами себя кормить, то ихъ вѣдь придется кормить казнѣ; на это денегъ она не дастъ: ей деньги нужны, чтобы чиновникамъ и полицейскимъ награды давать и пенсіи отставнымъ генераламъ выплачивать. Къ какой-нибудь работѣ насъ ужъ допустятъ и въ ссылкѣ. А гдѣ есть работа — тамъ есть хозяинъ и рабочій. А гдѣ есть хозяинъ и рабочій, тамъ есть и обида и обдираніе, та же фабрика въ маленькомъ видѣ. Кто борется за правое дѣло, за правду и справедливость и за лучшее житье своего брата рабочаго, тотъ вездѣ можетъ этому служить и глаза темному люду раскрывать. И начальство вездѣ есть, и о немъ много правды можно разсказать народу. Не бойсь, рта-то не заткнешь! Вездѣ люди есть.

— Ужъ прошли такія времена, чтобы за забастовку и за рабочее дѣло на кострахъ жгли, сказалъ Зальштейнъ. А хоть-бы и такъ было, — кому-нибудь пострадать за другихъ все равно надо. Надо обречь себя на нѣсколько лѣтъ тяжелаго житья за рабочее дѣло.

— Да что разсуждать объ этомъ! воскликнулъ Кораблевъ — Жилъ-то изъ насъ все равно не вытянутъ.

— И въ „Крестѣ“ не страшно. Та же каторжная работа, что и здѣсь, а харчи куда лучше. Я и тамъ побывалъ. И ссылка — не могила. Пять лѣтъ пробылъ... Вотъ видите, — живъ и дѣйствую, да еще и книжекъ

хорошихъ и честныхъ сколько успѣлъ перечитать въ ссылкѣ.

— Вотъ съ семействомъ какъ...—вставилъ Житецкій.

— Насчетъ семейства нужно кассу заводить, а пока кассы нѣтъ — устраивать ежемѣсячныя складчины товарищескія, да и „интеллигенты" помогаютъ, соціалисты-революціонеры, и Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Объ этомъ еще будетъ рѣчь, когда время придетъ.

— Ладно! Ладно!

— Стойте же, братцы, на своемъ, не сдавайтесь! Фабриканту вы вотъ какъ нужны. Шубы онъ себѣ не сошьетъ безъ васъ. Только смотрите, чтобы никакого тамъ шуму не было. Не шумѣть, не буйствовать, не драться, не жечь, не ломать. Нужно дѣлать все тихо, спокойно, безъ шума, съ достоинствомъ, потому что наше дѣло честное, справедливое, правое. Если будетъ шумъ, — дѣло скверно. А не будетъ шума, — ничего имъ не подѣлать съ нами.

Поздно ночью возвращались рабочіе изъ уютнаго уголка дѣда Мироныча. У всѣхъ было на душѣ хорошо и бодро, какъ на войнѣ за правое и святое дѣло. Да оно такъ и было въ дѣйствительности. Это-ли не война? Это-ли не враги — фабриканты и начальство? Такіе враги хуже всякихъ турокъ. Иноземный врагъ идетъ войной и не скрываетъ, что онъ — твой врагъ. А эти враги всячески стараются прикинуться друзьями рабочему народу, говорятъ ему хорошія и святыя слова, ссылаются то на бога, то на государя, то на законъ, да за разными словами и обдѣлываютъ свои дѣлишки за счетъ кармана рабочаго. Такіе враги еще хуже всякихъ бусурманъ. Эти враги — каиново племя, — только и всего. Война имъ на жизнь и смерть! Война! Война!

И товарищи бодро и весело шли по домамъ. Каждый чувствовалъ внутри себя и вѣру, и любовь къ своимъ братьямъ рабочимъ, и силу, да такую крѣпкую, могучую. Нѣтъ, не чиновникамъ и не жандармамъ, и не сол-

датамъ сломить эту силу и вѣру въ свое правое и святое дѣло!

— Молодецъ этотъ Завойко! говорилъ Вологдинъ Кораблеву, пробираясь съ нимъ по лѣсной дорожкѣ. Вотъ бывалые люди, словно командиры въ сраженіи. Каждому изъ насъ отвели по особому мѣсту и научили, какъ на немъ стоять и дѣйствовать.

— Да и себя какъ поставили, — чисто! За три недѣли разсчетъ въ конторѣ взяли и будто въ другія мѣста ушли, — ищи, свищи, молъ, — моя хата съ краю, ничего не знаю. И руки развязаны...

— Это вѣрно, сказалъ Вологдинъ. У нихъ есть чему поучиться.

— Поучимся и научимся!

ГЛАВА IV.

И Живодерниковъ, и Змѣевидовъ, и исправникъ, и инспектора были въ большомъ смущеніи. Сколько они ни звали рабочихъ „придти и объясниться", никто не приходилъ. Предлагали рабочимъ послать „выборныхъ". Никакихъ „выборныхъ" не было прислано. Начальство напрасно просидѣло въ нетерпѣливомъ ожиданіи цѣлый день въ фабричной конторѣ. Фабричный инспекторъ пробовалъ было пройтись по казармамъ и поговорить съ рабочими. Но ихъ не оказалось и тамъ, если не считать нѣсколькихъ бабъ, которыя сердито посмотрѣли на чиновника, а потомъ продолжали свое дѣло: онѣ стирали бѣлье ребятишкамъ. Съ этими не стоило и разговаривать. Инспекторъ пришелъ назадъ въ контору съ тѣмъ же, съ чѣмъ ушелъ. Начальство посидѣло, покалякало, позавтракало, пообѣдало, попило чайку, хлебнуло винца и съ закатомъ солнца отправилось по домамъ. О томъ, чтобы исполнить требованія рабочихъ, говорили мало. Живодерниковъ уперся, какъ быкъ, и

лишь восхвалялъ самого себя за благодѣянія, оказанныя имь рабочимъ. Инспекторъ не имѣлъ права по закону принуждать его къ уступкамъ.

На другой день, 13 мая, у фабричной конторы появилось печатное объявленіе, подписанное исправникомъ. Въ этомъ объявленіи рабочіе настойчиво приглашались немедленно приступить къ работѣ; если же они не послушаются, то съ ними будетъ поступлено по закону. Рабочіе читали это объявленіе и смѣялись. Они подходили къ нему и говорили: „Ишь ты, только теперь съ нами по закону поступать вздумали! А до этого времени все безъ всякаго закона шло!" Они читали объявленіе и расходились въ разныя стороны, тѣмъ болѣе, что городовые и жандармы, которые были разставлены по всей фабрикѣ, покрикивали на нихъ: „Расходитесь!" „Расходитесь!"

Событія слѣдовали одно за другимъ. Вечеромъ 14 мая по фабричнымъ казармамъ были разбросаны листки. Въ нихъ говорилось:

„Товарищи! Честь вамъ и слава! Вы начали борьбу съ врагами единодушно и достойно! Держитесь стойко! Не нужно шуму. Не нужно дракъ. О всѣхъ событіяхъ на нашей фабрикѣ мы будемъ извѣщать васъ ежедневно".

Подписано: „Комитетъ всеобщей забастовки Веселухинской фабрики.

14 мая 1901 г."

Въ тотъ-же день Живодерниковъ получилъ такое письмо безъ подписи:

„Ваше степенство, Савелій Никитичъ! Мы вамъ писали три недѣли тому назадъ, чего мы требуемъ. То же мы говорили въ листкѣ отъ 10-го мая. И теперь мы, ваши рабочіе, пишемъ вамъ затѣмъ, чтобы сказать, что мы вамъ не уступимъ. Мы требуемъ только справедливости, требуемъ своего кровнаго. Вашего намъ не надо. А если вы не уступите, то и сиди безъ рабочихъ!"

Та же подпись.

Живодерниковъ тотчасъ же передалъ это письмо фаб-

ричному инспектору, а тотъ Змѣевидову. Жандармскій полковникъ тотчасъ же принялся разбирать почеркъ письма, кто бы это могъ написать его. На подмогу были призваны кое-кто изъ почтовыхъ чиновниковъ. Почеркъ былъ какъ будто знакомый. Писалъ какъ-будто одинъ изъ тѣхъ, за кѣмъ устроенъ уже тайный надзоръ жандармовъ и полиціи. Но дѣло кончилось ничѣмъ. Того, кто писалъ письмо, не разыскали. Да Змѣевидову и его помощникамъ было много хлопотъ и безъ того. Оба унтеръ-офицера и всѣ агенты рыскали съ утра до ночи. Ночью же было особенно много дѣла. Вмѣстѣ съ жандармами и агентами, прибывшими на помощь изъ губернскаго города, вмѣстѣ съ полиціей и кое съ кѣмъ изъ судейскихъ, Змѣевидову пришлось произвести нѣсколько обысковъ у подозрительныхъ лицъ. Обыскивали и рабочихъ, и „господъ". Обыскивали земскаго статистика, уже много лѣтъ находящагося „на подозрѣніи". Обыскали бывшую курсистку, высланную изъ С.-Петербурга въ городъ Ободранскъ за то, что она собирала деньги въ пользу арестованныхъ рабочихъ. Хотѣли было обыскивать фельдшерицу въ земской больницѣ и еще кое-кого, да съ ногъ сбились. Змѣевидовъ потребовалъ изъ губернскаго города еще полиціи. На завтра ждали къ тому же губернатора. Полиція тоже сбилась съ ногъ, производя повальные обыски въ карманахъ. Но эти обыски ни къ чему не привели. Ни одной запрещенной книжки ни у кого не оказалось. Найдено было лишь нѣсколько книжекъ по политической экономіи, разрозненныхъ номеровъ „Отечественныхъ Записокъ", „Новаго Слова", „Нивы". Полиція забирала всѣ книги. Въ ея глазахъ это были вещественныя доказательства зловреднаго вліянія нѣкоторыхъ россійскихъ журналовъ на народъ и нерадиваго отношенія русской цензуры къ своей задачѣ. Каждая научная книжка, найденная у рабочихъ, особенно по политической экономіи, являлась въ глазахъ полиціи несомнѣннымъ доказательствомъ „злонамѣреннаго образа мыслей" рабочаго. Обыски оказались безплодны, безъ всякихъ результатовъ. Чтобы

какъ-нибудь скрыть свой конфузъ, полиція забрала коекого изъ рабочихъ и усадила въ тюрьму. Забрали Сидорова и Липаренко. Искали Кораблева, Говорко и другихъ, имена которыхъ были записаны въ „дневникѣ“ Лампасова. Къ великому огорченію Змѣевидова, этихъ людей нигдѣ не оказалось, а въ квартирѣ ихъ не было найдено ни одной книги. Разсвирѣпѣвшая полиція стала тогда хватать всѣхъ, кто жилъ въ одной квартирѣ съ Сидоровымъ и Липаренко. Рабочіе шли въ тюрьму совершеннс спокойно и безмятежно, словно хотѣли показать этимъ: „сдѣлайте одолженіе, сажайте. Такимъ способомъ вы не докажете намъ, что справедливость на вашей, а не на нашей сторонѣ. Одно дѣло — ваша тюрьма, и совсѣмъ другое дѣло — наша справедливость“.

14 мая совершилось событіе, которое поставило совсѣмъ въ тупикъ унтеръ-офицера Лампасова. Въ то самое время, когда старательный жандармъ бѣгалъ по слободкѣ, переодѣтый въ штатское платье, неизвѣстные воры забрались въ его квартиру и обыскали ее. Случилось это въ то самое время, когда квртирная хозяйка Лампасова, полуслѣпая старушенка, лѣтъ 60, ходила на рынокъ. Кто были эти воры, сколько ихъ было, такъ и осталось неизвѣстнымъ. Какъ-никакъ, всѣ вещи и бумаги въ квартирѣ Лампасова были перерыты, а двѣ записныя книжки, „дневникъ“ и нѣсколько довольно важныхъ „секретныхъ“ бумагъ исчезли безслѣдно. Лампасовъ до того испугался такой пропажи, что совсѣмъ потерялъ голову. Въ книжкахъ и въ „дневникѣ“ было записано множество важныхъ подробностей на счетъ „подозрительныхъ,“ „сомнительныхъ“ и заподозрѣнныхъ людей, множество именъ и фамилій веселухинскихъ рабочихъ, кто изъ нихъ что сказалъ, кто что сдѣлалъ, съ кѣмъ видался и съ кѣмъ говорилъ. Въ „дневникъ“ усердный Лампасовъ записывалъ и слухи, и сплетни, и свои прозорливыя „соображенія“ на счетъ того, кто изъ рабочихъ, чего добраго, будетъ заправилой и коноводомъ, кто „склоненъ“ къ бунту и какъ за ними нуж-

но присматривать; еще было записано, какихъ рабочихъ можно безъ опаски „принять на службу“, иначе сказать, записать въ шпіоны. Много, много разныхъ интересныхъ вещей было записано въ книжкахъ Лампасова.

Кто ихъ укралъ? Навѣрное ужъ рабочіе. А теперь по случаю забастовки эти книжки вотъ какъ были бы нужны, чтобы сообразить, кого обыскивать, кого хватать, за кѣмъ построже слѣдить.

„Ахъ, чтобъ ихъ всѣхъ, окаянныхъ!“

Кое-что Лампасовъ помнилъ; но все гдѣ же упомнить? Скоро стало ясно, что многіе изъ тѣхъ, кто были записаны въ дневникѣ, куда-то скрылись. Для Лампасова стало очевидно: его книжки и дневникъ выкрадены рабочими.

А тутъ еще какъ на грѣхъ вышла драка на слободкѣ: напился и набуянилъ нѣкій Михайло Климовъ — одинъ изъ тѣхъ рабочихъ, кто „получалъ жалованье“ отъ жандармовъ „за заслуги“, иначе сказать, за доносы поштучно. Михайло Климовъ — человѣкъ мало знающій; еще вчера онъ получилъ отъ Лампасова приказаніе хорошенько слушать и побольше подмѣчать. Ужъ не подпоили-ли его товарищи нарочно? Лампасовъ помнилъ, что разсказы Климова онъ нѣсколько разъ вписалъ въ свой „дневникъ“. Драка на слободкѣ произошла у всѣхъ на глазахъ; драку началъ самъ Климовъ, котораго „раздразнили“, и бѣднаго Климова, „вѣрнаго слугу начальства“, потащилъ въ кутузку никто иной, какъ самъ урядникъ... Иначе никакъ нельзя было сдѣлать, хотя урядникъ и зналъ, что Климовъ „на службѣ“. Лампасовъ побоялся разсказать Змѣевидову о пропажѣ дневника. Да и некогда было.

А на другой день, 15 мая, еще событіе: на лужайкѣ за фабричными казармами рабочій Кнутиковъ, тоже одинъ изъ „служащихъ“, поднялъ листокъ, гдѣ, о ужасъ! были пропечатаны имена 9 рабочихъ, состоящихъ на службѣ, въ томъ числѣ и имя Климова и самого Кнутикова. Листокъ приглашалъ имѣть въ виду всѣхъ

этихъ подозрительныхъ людей и гонять ихъ изъ своей компаніи. Еще сообщалось въ листкѣ, что 16 мая ждутъ губернатора и солдатъ и что въ пользу забастовщиковъ получено 341 руб. денегъ изъ города отъ „честныхъ людей“, желающихъ помогать рабочимъ въ ихъ борьбѣ за справедливость. Пришла помощь и отъ соціалистовъ-революціонеровъ, и отъ „Союза“ соціалъ-демократовъ. Змѣевидовъ далъ еще телеграмму въ губернскій городъ, что здѣшнихъ агентовъ и жандармовъ недостаточно, потому что „забастовщики слишкомъ упорны и подаютъ дурной примѣръ другимъ фабрикамъ и заводамъ“. Змѣевидовъ особенно злился на то, что у рабочихъ какъ-будто совсѣмъ нѣтъ вожаковъ и заправилъ. Подозрѣвались въ этомъ и Липаренко, и Житецкій, отчасти Вологдинъ и еще кое-кто; всѣ они уже были арестованы, кромѣ Вологдина, который, какъ сказала его жена, уѣхалъ искать работы въ другую губернію (агенты и вправду видѣли его на вокзалѣ). Вожаки въ тюрьмѣ, а забастовка вотъ ужъ 5 дней идетъ удивительно дружно и со смысломъ. Даже Змѣевидовъ этого не отрицалъ. Онъ терялъ голову... Какъ сбить рабочихъ съ ихъ позицій? Какъ разрушить ихъ дѣло? Тѣмъ-то оно и опасно, что дѣлается всѣмъ скопомъ, какъ-будто безъ заправилъ. Каждый вечеръ агенты и жандармы доносили Змѣевидову, что вотъ такіе-то рабочіе „навѣрное вожаки“ и „бунтари“. Этихъ рабочихъ тотчасъ обыскивали и забирали, но изъ этого ничего не выходило: листки появлялись чуть не каждый день. Обыски у „интеллигентовъ“ тоже ничего не разъяснили.

16 мая вечеромъ вышелъ листокъ, гдѣ говорилось слѣдующее: „Товарищи! Наши дѣла идутъ отлично. Живодерниковъ уже согласился идти на уступки, но начальство не позволяетъ ему дѣлать никакихъ поблажекъ въ нашу сторону. Отъ министра получена бумага, что Живодерниковъ можетъ сдѣлать намъ уступку лишь послѣ того, какъ мы выйдемъ на работу. Товарищи! не выходите! Они обманываютъ насъ. Мы имъ нужны еще больше, чѣмъ они намъ. Вѣдь они нашими руками на-

живаютъ себѣ капиталы, а мы отъ ихъ щедротъ никогда не наживемъ капиталу".

И правда, у Живодерникова былъ важный разговоръ съ фабричнымъ инспекторомъ во время обѣда. Его слышала горничная Таня — большая пріятельница Кораблева. Черезъ нее удалось Кораблеву разузнать нѣсколько интересныхъ вещей. Такъ напр., Живодерниковъ получилъ телеграмму изъ Нижняго: тамошніе заказчики спрашиваютъ, будетъ-ли готовъ заказъ къ 1-му іюня. Живодерниковъ рвалъ и металъ, получивъ эту телеграмму. Онъ бѣгалъ по комнатамъ и кричалъ:

— Я уступлю! — я уступлю! Лучше теперь уступить, а потомъ наверстать свое! Расцѣнку всегда можно сбавить законнымъ способомъ, а заказчика не вернешь! Вы меня разоряете хуже рабочихъ. Вы подрываете мой кредитъ, мою фабрику!

Но инспекторъ былъ неумолимъ. Онъ говорилъ Живодерникову:

— У меня есть особый циркуляръ министра. Я слуга закона, я посредникъ отъ правительства между вами и рабочими.

Въ концѣ концовъ Живодерниковъ добился только разрѣшенія послать министру финансовъ Витте телеграмму прямо въ СПБ. и просить министра, чтобы тотъ позволилъ, въ виду близкой ярмарки, сдѣлать нѣкоторыя уступки рабочимъ. Телеграмма состояла изъ 60 словъ, и Таня сама отдавала ее разсыльному. Ничего не понимая въ этой телеграммѣ, она все же успѣла кое-какъ списать ее. Въ тотъ же день вечеромъ пришелъ и отвѣтъ изъ СПБ. Министръ (Витте) телеграфировалъ, что онъ никоимъ образомъ не разрѣшаетъ дѣлать уступокъ рабочимъ, на томъ основаніи, что каждая такая уступка, даже справедливая, лишь повышаетъ ихъ требовательность и претензіи, которымъ и безъ того конца не видно. Отвѣтъ министра, какъ и телеграмма къ нему, сдѣлались извѣстны рабочимъ и были оглашены цѣликомъ въ листкѣ.

Полиція выбивалась изъ силъ, отыскивая, гдѣ печа-

таются таинственные листки и кто составляетъ „комитетъ всеобщей забастовки". Сыщики, какіе были въ городѣ Ободранскѣ и на мануфактурѣ, рыскали день и ночь. Имъ удалось завербовать въ свою компанію еще нѣсколькихъ рабочихъ, согласившихся за хорошее вознагражденіе принять на свою душу іудинъ грѣхъ. Пріѣхали еще сыщики изъ губернскаго города. Но все было напрасно.

Тотъ листокъ, гдѣ говорилось о телеграммѣ министра, страшно обозлилъ рабочихъ. У многихъ словно только теперь открылись глаза и они сразу увидѣли, что противъ нихъ стоитъ не только фабрикантъ, а и все начальство, — и полиція, и губернаторъ, и министръ, и даже царь, который ихъ поставилъ и который своей рукой подписываетъ всѣ законы, — въ томъ числѣ и несправедливые и невыгодные для рабочихъ. Даже солдаты — и тѣ слушаются враговъ, хотя солдаты такіе же мужики — рабочіе. Начальство и фабриканты — всѣ заодно, всѣ другъ друга поддерживаютъ и защищаютъ. А они, рабочіе, какъ и крестьяне — одни-одинешеньки, и ихъ защищать некому. Инымъ рабочимъ, которые это поняли, становилось какъ-будто даже страшно. Другіе же почувствовали въ себѣ какъ-бы приливъ силъ и только радовались въ душѣ, что наконецъ-то они, слава богу, перестали считать враговъ друзьями, благодѣтелями. Царь, министры, разумѣется, заодно съ фабрикантами. Потому-то они и такіе законы пишутъ, которые фабрикантамъ — по душѣ, а рабочему человѣку — тяжелы, — напр. хотя бы законъ о стачкахъ. Фабриканты имѣютъ право устраивать между собою стачку, союзъ и, сговорившись, поднимать цѣну на товаръ и получать такимъ образомъ большую выгоду. А рабочіе не имѣютъ никакого права, по закону, устраивать забастовку, не имѣютъ права добиваться болѣе высокой платы за свою кровную и тяжелую работу. По закону, забастовка рабочихъ — преступленіе, а забастовщики — преступники, да еще чуть не политическіе, т. е. государственные, — преступники противъ государства!

Не ясно-ли дѣло, что русское государство — тѣ же господа фабриканты и иные капиталисты въ компаніи съ начальствомъ. Такое государство — не родина-мать, а злая мачиха, — ну его къ чорту! Законъ противъ забастовки рабочихъ выгоденъ прежде всего фабрикантамъ: законъ позволяетъ фабриканту наживаться, какъ тотъ хочетъ и какъ можетъ, а рабочимъ законъ не позволяетъ наживаться, — старается держать ихъ въ черномъ тѣлѣ, заставляетъ ихъ работать за низкую плату, назначаетъ строгія наказанія за отказъ отъ работы, особенно „скопомъ". Вотъ и на сей разъ: даже самъ Живодерниковъ готовъ уступить рабочимъ, такъ какъ ихъ забастовка невыгодна ему (вѣдь онъ свою выгоду потомъ съ нихъ же наверстаетъ). О другихъ фабрикантахъ Живодерниковъ не думаетъ. Ему хочется обернуться только самому, — обернуться и нажить. А министръ думаетъ не объ одномъ Живодерниковѣ, а обо всѣхъ русскихъ фабрикантахъ: они всѣ милы министру, онъ всѣмъ имъ хочетъ помочь и отдать рабочихъ имъ на съѣденіе. Министръ понимаетъ, что если Живодерниковъ уступитъ, то рабочіе и на другихъ фабрикахъ станутъ говорить: „Вотъ Живодерниковъ уступилъ, уступайте и вы!" Шалишь! Министру выгоднѣе имѣть хорошія отношенія съ фабрикантами, чѣмъ съ рабочими: пусть съ рабочихъ дерутъ фабриканты, — они подѣлятся и съ казной, и съ министромъ. А о царѣ и говорить нечего: онъ на свое содержаніе и на содержаніе царскаго дома каждый годъ беретъ съ народа больше 10 милліоновъ рублей, не считая собственныхъ доходовъ съ огромнаго капитала, который у него припрятанъ. Да, сильно раскрылись глаза у рабочихъ на все, что только происходило вокругъ нихъ. Рабочіе поняли, что правительство и фабриканты — неразлучные друзья: они другъ дружку поддерживаютъ и будутъ поддерживать, пока тѣхъ и другихъ рабочіе сами не встряхнутъ, какъ слѣдуетъ.

А Веселухинская мануфактура все стояла да стояла,

хотя гудокъ гудѣлъ и гудѣлъ каждый день въ обычные часы, по прежнему.

16 мая пріѣхалъ самъ губернаторъ и прямо съ вокзала покатилъ въ коляскѣ на фабрику. Тамъ уже поджидали его власти во всеоружіи. Губернаторъ, — низенькій, пухленькій, сѣденькій старичокъ, едва стоящій на тонкихъ и дряблыхъ ножкахъ, раздушенный, напомаженный, — съ необыкновенной поспѣшностью выскочилъ изъ коляски, вошелъ въ контору фабрики, поклонился слегка приставу, протянулъ два пальца Живодерникову, пожалъ мимоходомъ руку старшему инспектору и заговорилъ, шамкая слюнявыми и отвислыми губами.

— Ню, чьто тутъ у васъ такое? Чьто слючилось? Опять этотъ... этотъ подлый народъ бунтуетъ? Это надо, наконецъ, прекратить. Наказать, наказать примѣрно!...

Съ губернаторомъ тотчасъ же заговорилъ старшій фабричный инспекторъ. Онъ заговорилъ серьезнымъ и убѣдительнымъ тономъ, какъ человѣкъ, хорошо освѣдомленный въ дѣлѣ. Фабричные инспектора не потеряли этихъ 4 дней напрасно. Они все это время разбирались въ фабричныхъ книгахъ, разспрашивали многихъ служащихъ и кое-кого изъ рабочихъ; они нашли, что многія, очень многія требованія и претензіи рабочихъ совершенно справедливы, — и, несомнѣнно, надо ихъ удовлетворить, иначе волненіямъ и забастовкамъ и конца не будетъ.

— Я очень цѣню Савелія Никитича, говорилъ старшій фабричный инспекторъ. — Но, милѣйшій Савелій Никитичъ, я все же долженъ сказать: вы здѣсь, милый мой, неправы. Законъ не вездѣ соблюдается, какъ слѣдуетъ...

И фабричный инспекторъ сталъ пересчитывать по пунктамъ всѣ прегрѣшенія „милѣйшаго" Живодерникова. Тотъ только жался, пыхтѣлъ и говорилъ: „Я готовъ... я готовъ... что могу... Съ нашимъ удовольствіемъ..." Но фабричный инспекторъ продолжалъ, словно

не слыша его словъ, отчитывать свою длиннѣйшую и убѣдительнѣйшую рѣчь. „Пряжа у васъ гнилая. Согласитесь, что такъ нельзя. Потрудитесь посмотрѣть, напримѣръ, вотъ этотъ образчикъ. Извините-съ, я его пріобщаю къ дѣлу. Тоже и расцѣнки. Онѣ хоть и утверждены инспекторомъ, но вѣдь вы, съ позволенія сказать, провели не только рабочихъ, а и насъ!“ Инспекторъ повидимому очень добродушно захохоталъ. „Да-съ, извините за выраженіе: провели, — вѣдь вы чуть-ли не всѣхъ ткачей перевели на невыгодные сорта. И въ этомъ рабочіе правы; они правы, — вы и вашъ почтенный директоръ виноваты оба... Да, да, да! Пожалуйста не сваливайте вины другъ на друга...... Потомъ согласитесь, такихъ людей, какъ Мясоѣдовъ, награждать и даже терпѣть на фабрикахъ невозможно. Онъ ввелъ правильную систему взятокъ, а съ фабричныхъ дѣвушекъ беретъ, такъ сказать, натурой... Вы хотите сказать, что ничего не знаете? Извините-съ, это не резонъ. Вы оба все должны знать и во всякомъ случаѣ вы за все отвѣчаете“.

Живодерниковъ и Зубаловъ морщились и ворочались на стулѣ. Губернаторъ небрежно постукивалъ пальцами по столу и старался выразить на своемъ отцвѣтшемъ лицѣ не то строгость, не то укоризну.

— Ваше высокопревосходительство! вдругъ обратился къ нему Живодерниковъ. — Да я готовъ уступить! Съ нашимъ удовольствіемъ! Я не хочу скандала! Я всегда былъ другомъ рабочихъ. У меня есть больница, школа, читальня... Ваше высокопревосходительство! (губернаторъ вовсе не былъ такимъ) сдѣлайте милость — разрѣшите. Я уступлю! Ну, поторгуюсь съ ними; что могу, выторгую, и все опять пойдетъ по хорошему... Я хочу!... Вотъ г. инспекторъ....

— Что такое — я? Что вы говорите — я? рѣзко спросилъ инспекторъ. — Я тутъ не при чемъ! Вотъ, ваше превосходительство, телеграмма отъ нашего министра....

Губернаторъ взялъ изъ рукъ инспектора телеграмму

министра (Витте), небрежно прочиталъ ее и снова забарабанилъ пальцами по столу...

— Тутъ есть несомнѣнные слѣды агитаціи со стороны „интеллигентовъ“-революціонеровъ, вставилъ свое словечко Змѣевидовъ.

— А-а! многозначительно протянулъ губернаторъ. — Агитація?! И въ нашихъ краяхъ она завелась уже на фабрикахъ? Это печально! Это очень печально! Надо обратить на нее особенное вниманіе. Это ужасно. Ню, ню, ню... Никакъ не ожидалъ этого.

Губернатора такъ и передернуло, когда онъ услышалъ слова „агитація интеллигентовъ“, словно въ это время кто-нибудь ткнулъ его шиломъ снизу.

— Ню, чьто же? Агитаторы арестованы?

— Кое-кто въ нашихъ рукахъ.

— Ню, прекрасно. Если нужно, позовемъ и войска на подмогу. Самыя крутыя мѣры — всегда самыя лучшія. Другія не помогаютъ и не устрашаютъ. Тѣ—только канитель... Нѣтъ, нѣтъ, — это не моя политика. По моему — натискъ, штурмъ: разъ, два — и готово.

Исправникъ подалъ губернатору печатное объявленіе, гдѣ начальство приглашало рабочихъ немедленно стать на работу. Губернаторъ мелькомъ прочиталъ его.

— Слабо! Очень слабо! заключилъ онъ. — Вы, господа, очень снисходительны. Нуженъ штурмъ, натискъ: разъ, два — и готово! Завтра разсчетъ и выселеніе, — напишите новое объявленіе. Но сначала я все-же попробую добромъ поговорить съ этимъ народомъ. Я очень, очень люблю народъ, — нашъ русскій православный народъ. Это славные, терпѣливые и послушные люди, — право! Но они очень невѣжественный, грубый народъ. Имъ очень трудно что-нибудь втолковать. У нашего народа есть нѣкоторая національная тупость, если можно такъ выразиться, — тупость. Да-съ, не правда-ли, правильно сказано: на-ці-о-нальная тупость.

Всѣ присутствовавшіе поспѣшили улыбнуться губернаторскому остроумію, и губернаторъ остался очень до-

воленъ и собой, и всѣми присутствовавшими. Онъ чувствовалъ себя на высотѣ положенія.

— Ню, гдѣ жъ эти бунтовщики? Покажите мнѣ бунтовщиковъ! Побесѣдуемъ съ ними! Побесѣдуемъ!

Исправникъ пыхтѣлъ, краснѣлъ и то и дѣло вытиралъ потъ, катившійся по его выпуклому лбу. Живодерниковъ, какъ прежде, повторялъ: „я готовъ! я на все готовъ!" Фабричный инспекторъ полупрезрительно посматривалъ на всѣхъ присутствовавшихъ, словно хотѣлъ сказать: „какъ вы, господа, плохо понимаете ваше положеніе!" Кромѣ него и губернатора, всѣ чувствовали себя неловко.

Но бесѣдовать съ рабочими губернатору не пришлось. Фабрика по прежнему была безлюдна. Рабочіе по прежнему ждали отвѣта на свои требованія. Имъ не о чемъ было говорить. Губернаторъ походилъ, походилъ по пустому двору и уѣхалъ обѣдать.

ГЛАВА V.

Въ этотъ день Змѣевидовъ пришелъ домой часовъ въ 8 вечера. Онъ былъ голоденъ, какъ волкъ, но не чувствовалъ ни малѣйшаго утомленія. Напротивъ, настроеніе его было превосходно. И на это имѣлись весьма уважительныя причины: въ головѣ Змѣевидова вдругъ блеснула геніальная идея. Онъ щелкнулъ себѣ по лбу разъ — другой, щелкнулъ еще разъ и наконецъ воскликнулъ: „Чудесно! превосходно! Просто! Удобоисполнимо! Великолѣпно! Какой же я дуракъ, что не придумалъ этого раньше!"

Вотъ уже почти недѣля, какъ продолжается забастовка. Вотъ уже два дня, какъ нѣкоторымъ рабочимъ стали выдавать разсчетъ. У фабричной конторы все утро съ 7 часовъ толпились длинныя вереницы рабочихъ, — бабы, мужчины, подростки, — пестрая и шумная

толпа, безъ всякаго нетерпѣнія, а даже съ какой-то затаенной злобой ожидавшая разсчетныхъ книжекъ. Да, нечего грѣха таить, злоба написана на лицахъ многихъ людей изъ этой толпы. Какъ всегда, особенно невоздержны на языкъ бабы. Имъ приходится туго даже тогда, когда заработокъ падаетъ на какой-нибудь полтинникъ въ мѣсяцъ. Что же съ ними будетъ, когда всѣ онѣ, и мужья ихъ, и дѣти получатъ полный разсчетъ? „Ахъ, Господи! Господи! Мѣсто-то найти нелегко: сосѣднія фабрики полнехоньки. Ѣхать въ другіе города, подальше — денегъ нѣтъ. Ироды! право Ироды!" И бабы ворчатъ, плачутъ и ругаются. А кто Ироды, и не разберешь! То ли мужья, то-ли иной кто. Одно всѣмъ понятно, — съ этого дня станетъ жить тяжеле, и богъ вѣсть когда придется поправиться. У рабочаго человѣка всегда такъ: нѣтъ угла, нѣтъ дома, — на продажу нести нечего, кромѣ своихъ рукъ, ногъ да спины. У иныхъ есть въ деревнѣ и земля, и изба, да все равно, что нѣтъ ничего: въ обнищавшей, изголодавшейся семьѣ тамъ дѣлать нечего, земля все равно давнымъ давно родить перестала, ею давно кормится тотъ, кто въ деревнѣ остался. Куда ужъ тутъ въ деревню! А деньги съ прошлой получки почти на исходѣ, да и получать-то пришлось немного-таки. Иные семейные уже не вытерпѣли, — просили поддержки изъ кассы. И имъ давали деньги изъ тѣхъ, что хранились у Михневича. Змѣевидовъ не зналъ, гдѣ хранятся деньги, но онъ зналъ, что у рабочихъ деньги еще есть. Онъ презрительно усмѣхнулся, вспомнивъ о тайной рабочей кассѣ. „Дурачье! Пять тысячь человѣкъ полуголоднаго народа думаютъ накормить пятью хлѣбами! Нѣтъ, голодъ-то не тетка! На свою-то кассу не больно разсчитывайте! А мы вотъ вамъ еще преподнесемъ гостинецъ"...

Змѣевидовъ придумалъ отличную штуку для „укрощенія строптивыхъ". 17 мая, по распоряженію губернатора, потребительная лавка Веселухинской мануфактуры была закрыта и отпускъ товаровъ оттуда прекращенъ даже пайщикамъ. Отъ всѣхъ мелочныхъ лавочни-

ковъ въ слободѣ полиція тогда же взяла незаконную подписку въ томъ, что ни одинъ лавочникъ не будетъ больше отпускать рабочимъ харчи на книжку: пусть покупаютъ, коли нужно, на наличныя деньги. „Губернаторъ о вашей пользѣ думаетъ", говорили лавочникамъ околоточные.

„Скоро начнется высылка рабочихъ по этапу. А съ высланныхъ должниковъ что вы получите? Ищи—свищи ваши денежки!"

Лавочники хоть и давали подписку, но посылали полицію ко всѣмъ чертямъ. „Вотъ еще что придумали! Лучше кредитовать рабочимъ и получать за кредитъ 50 процентовъ. Эка бѣда, если иные не заплатятъ: за нихъ расплатятся другіе этими самыми 50 процентами".

Какъ ни какъ, а Змѣевидовская затѣя произвела на фабричный народъ тяжелое впечатлѣніе. Первые дни люди сильно пріуныли и повѣсили головы. Живодерниковъ и губернаторъ были очень довольны. Какъ это все хорошо устроено: въ одну минуту можно однимъ приказомъ начальства оставить весь рабочій людъ и безъ заработка, и безъ хлѣба, и безъ жилья, и безъ всего,—словомъ, сдѣлать нищими и — укротить! Отдай приказъ, отбери подписку, „запри кранъ" — и кончено дѣло — бунтовщики сидятъ голодные. Нѣтъ, такой „порядокъ" въ общественной жизни и въ устройствѣ всего общества, съ низу до верху, отъ самыхъ бѣдныхъ до самыхъ богатыхъ, — отличный порядокъ. Только такимъ способомъ и можно управлять милліонами народа: укрощать его голодомъ. Ну, разумѣется, бунтовщики будутъ недовольны такими порядками и станутъ галдѣть и кричать! А ты не бунтуй, — и кричать тогда незачѣмъ!

День былъ жаркій. Погода какъ-будто установилась. Зелень развернулась быстро. Въ лѣсу пахло березовыми листьями и сосновой смолой. Воздухъ былъ чистъ и прозраченъ. Каждое дерево, каждая вѣточка жадно дышали и стремились жить. Птичьи голоса наполняли лѣсную чащу и тоже говорили о жизни и свободѣ. Старый лѣсникъ Мироныч по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на

завалинкѣ и прислушивался къ птичьимъ голосамъ. „Ишь ты, ишь ты, — вѣдь слова выговариваетъ по своему, — право! Чиликъ-чиликъ, и каждый разъ на особый манеръ“. Днемъ сторожка Мироныча оставалась пустою. Только Маша хлопотала по хозяйству, готовя скромный обѣдъ на восьмерыхъ. Зато вечеромъ, послѣ захода солнца, сторожка оживлялась. Потихоньку входили въ нее какіе-то люди и разсаживались по скамьямъ, устроеннымъ вдоль стѣнъ.

— Ну что, никого особеннаго не было? спрашивалъ пришедшій.

— А кому быть-то? отвѣчалъ дѣдъ. — Теперь только за бунтовщиками смотрятъ. Я-то какой бунтовщикъ? Полчеловѣка мнѣ оставили, а другую половину мою по отдѣленіямъ распотрошили. Вывели меня, значитъ, такимъ способомъ изъ бунтовщицкаго положенія. Чего имъ за такимъ-то смотрѣть?

Михневичъ и Завойко по цѣлымъ днямъ пропадали гдѣ-то въ лѣсу, а къ вечеру возвращались съ пачкой напечатанныхъ листковъ. На лѣсной полянкѣ, на холмѣ, откуда далеко видно, они устроили свою „печатную мастерскую“ и „редакцію своей собственной газеты“. Вечеромъ, а то и въ полдень, кто-нибудь изъ друзей непремѣнно приходилъ какъ-нибудь тайкомъ, окольными путями въ сторожку и забиралъ заготовленные листки. Иногда ихъ относилъ самъ дѣдъ или его внучка. Въ слободѣ ихъ давали „вѣрному человѣку“, а тотъ раздавалъ по рукамъ, не разбрасывая. Дѣло дѣлалось чисто Разбрасывать листки теперь уже не приходилось, потому что полиція была на ногахъ и сыщиковъ понаѣхало много. Нѣкоторые рабочіе, чтобы ослабить подозрѣніе полиціи, сами отдавали ей вчерашніе листки, которые были уже прочитаны и больше не нужны были.

— Макарычъ! съ самымъ добродушнымъ видомъ говорилъ какой-либо ткачъ знакомому городовому. — Возьми-ка ты это и передай начальству. Вонъ тамъ у забора я поднялъ. Возьми отъ грѣха подальше. Намъ развѣ что на цыгарки.

Городовой бралъ листокъ и представлялъ по начальству. Какъ ни какъ, а листки расходились и дѣлали свое дѣло. Бывало, конечно, что какой-нибудь парень изъ породы ротозѣевъ и попадался съ листкомъ. Его забирали и сажали.

Каждый день въ сторожку Мироныча стекались новости. Вологдинъ, Завойко, Михневичъ и Кораблевъ видѣлись ежедневно. Каждый день они обсуждали положеніе дѣлъ. Каждый день они ждали, что вотъ-вотъ ктонибудь изъ нихъ четырехъ не придетъ больше въ сторожку Мироныча. Приходилось переживать тяжелыя минуты. Больше всѣхъ страдалъ душей Михневичъ. „Я, разсуждалъ онъ, задумалъ забастовку, я поднялъ ее, я и долженъ нести ее на своихъ плечахъ". Онъ и готовъ былъ нести ее. Самое тяжелое бремя такого дѣла не устрашаетъ его, хотя изболѣлась и измучилась его душа. Измучилась не за себя, а за товарищей-братьевъ. Не устрашитъ его ничто! Онъ уже давно рѣшилъ, что быть бычку когда-нибудь на веревочкѣ. Но пока что надо послужить рабочему дѣлу. Надо показать, какъ и какимъ способомъ должны бороться рабочіе за свое лучшее житье-бытье. Даромъ или за пустяки Михневичъ не отдастся. Если ужъ пропадать, такъ за такое дѣло, послѣ котораго слѣдъ останется. А за такое дѣло онъ и въ огонь полѣзетъ, и въ жертву себя отдастъ. И себя не жалѣетъ, и отъ другихъ жалости не захочетъ... Развѣ что Маша... Ну, да вѣдь Маша куда угодно за нимъ пойдетъ, хоть на Соколиный островъ.

Трудно описать что дѣлалось въ душѣ Михневича и Завойко. Они не жили, а кипѣли; словно какая-то неземная сила подняла ихъ на высоту, сдѣлала героями, мощь великую вдохнула, прозорливость дала. И откуда все это? Откуда? Отъ любви и отъ жалости къ братьямъ-товарищамъ, такимъ же бѣднякакмъ-рабочимъ. Отъ великаго, страстнаго желанія вступиться за своихъ братьевъ и показать и разъяснить имъ всѣ, всѣ способы, какими они могутъ улучшить свою жизнь на землѣ и какими уже улучшили свое житье заграничные братья-

рабочіе — нѣмцы, англичане и другіе. „Хватитъ ли только силы и умѣнья у меня?“ думалъ Михневичъ. „Хватитъ или не хватитъ, а какая есть сила, ту покажемъ нашимъ врагамъ-грабителямъ“.

Извѣстіе о закрытіи фабричной потребительной лавки поразило друзей какъ громомъ. Полиція не имѣла никакого права запечатывать ее. Дѣло это было сдѣлано совсѣмъ беззаконно, сдѣлано потому, что у полиціи своя рука владыка. „Не выдержать, что у покавыдержать“, думалъ Михневичъ. Ужъ среди семейныхъ начались разговоры, что „пора сдаться — не съ голоду же помирать“. Тѣ, что еще вчера не думали о сдачѣ, сегодня уже бранились, и что ни день, то бранятся громче. Брань и злоба отодвинули у многихъ всѣ прочія чувства на заднiй планъ. Зальштейнъ принесъ нехорошее извѣстіе, что на слободѣ, въ трактирѣ шла рѣчь о томъ, что пора-де разнести фабричную потребительскую лавку, да и контору за одно. Впрочемъ, это говорили подвыпившіе босяки, а не рабочіе, а можтъ и полицейскіе агенты. Для нихъ самое выгодное и удобное дѣло, чтобы поднялся теперь какой-нибудь шумъ. Тогда призови солдатъ, казаковъ, да и дѣйствуй противъ буяновъ пулями, штыками и нагайками. Противъ всего этого, небойсь, не устоятъ. Напугаешь одного — всѣ возьмутся за работу. Къ тому же за компанію съ буянами не хитро стереть съ лица земли и другихъ смирныхъ забастовщиковъ, къ которымъ безъ буйства и приступить неоткуда. И Завойко, и Кораблевъ, и другіе товарищи отлично понимали, что не такъ страшны голодъ и безработица, какъ смятеніе и шумъ.

Зальштейнъ принесъ еще вѣсточку, что Змѣевидовъ какъ-будто что-то затѣваетъ. Зальштейнъ подобралъ себѣ отличную компанію изъ молодыхъ парней и приставилъ къ каждому жандарму по два рабочихъ. Тѣ въ нѣсколько дней собрали достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, съ какими людьми переговариваются и видаются и Лампасовъ, и Нососуевъ, и другіе жандармы и ихъ агенты. Одного такого удалось уловить въ трактирѣ въ ту са-

мую минуту, когда онъ держалъ горячую рѣчь къ рабочимъ и убѣждалъ ихъ разнести фабрику и сжечь конторскія книги. Зальштейнъ, услышавъ такія рѣчи и зная, кто говоритъ, поднялъ скандалъ, позвалъ урядника и выдалъ говорившаго властямъ.

Змѣевидовъ только руками развелъ, узнавъ о томъ, что арестованъ никто иной, какъ полицейскій же шпіонъ. „Негодяи! Мерзавцы! Это вы нарочно устроили! Я до васъ доберусь!“

Какъ ни какъ, а полиція стояла на вѣрной дорогѣ. Ропотъ среди рабочихъ разростался что ни день то больше. 17 мая въ сторожкѣ Мироныча собралась та же многочисленная компанія, какая собиралась тамъ и 12 мая. Но многихъ уже изъ той компаніи недоставало. Въ это время они уже сидѣли въ ободранской тюрьмѣ. Иные, наиболѣе важные, были увезены даже въ губернскій городъ. Тѣ, кто остался цѣлъ, пришли къ Миронычу, но выглядѣли на этотъ разъ не такъ бодро, какъ прежде. Многихъ утомили непривычная суета и волненія; коекто усталъ рисковать. Были и такіе, которые съ непривычки и отъ слабости характера стали уже пѣть на другой тонъ, поддались настроенію толпы, своихъ товарищей и знакомыхъ.

— Наши выдержатъ, говорилъ Ивановъ, а вотъ изъ подручныхъ и изъ бабъ, надо полагать, многіе сдадутся.

— Іуды! кричалъ горячій молодой парень Аксюкъ.— Не будетъ этого! Не будетъ!

— Разсуждай тамъ съ ними! Одно дѣло — Живодерникова побороть, а другое дѣло — министра. Видишь, вся сволочь другъ дружку поддерживаетъ.

— Да и голодъ-то не тетка. Противъ насъ ишь какая силища!

— Товарищи! вдругъ заговорилъ Михневичъ. Его словно прорвало. Онъ вскочилъ на ноги и заговорилъ горячо и быстро. — Да какое мнѣ дѣло, что за Живодерникова стоитъ министръ? Да пусть за него даже царь стоитъ. Мнѣ и до этого дѣла нѣтъ. Да развѣ мы пото-

му и начали забастовку, развѣ потому и на борьбу пошли, что у насъ такой врагъ, какого одолѣть можно? Нѣтъ, совсѣмъ не потому! Мы пошли потому, что моченьки нашей не стало жить такъ, какъ мы живемъ: въ бѣдности, нищетѣ, униженіи и утѣсненіи, на грабежѣ и на правежѣ. Хоть милліонъ солдатъ противъ насъ выставь, — все равно, мы не должны и не можемъ сидѣть смирно, терпѣть и бороться. Раздавятъ насъ — ну что же? Туда и дорога. А сидѣть-то такъ нельзя. Когда-нибудь нужно же отпоръ дать. Этакъ-то, безъ отпора съ нашей стороны, только аппетитъ нашихъ враговъ растетъ: сегодня то берутъ, — завтра — это... Житья нѣтъ! Понижаютъ расцѣнки, даютъ гнилую пряжу, заставляютъ работать невыгодные сорта, увольняютъ, штрафуютъ, а то и бьютъ, насильничаютъ... Братья! Неужели же нужно доказывать и разсказывать, что нашему брату житья нѣтъ? Посмотрите, какъ мы, такіе же люди, живемъ и что мы ѣдимъ, какъ спимъ, сколько работаемъ... Словно собаки, словно звѣрье. А тѣ, треклятые, которые зовутся „господами", хоромы строятъ, жалованье тысячами и десятками тысячъ получаютъ безъ большого труда или въ видѣ процентовъ за какія-то тамъ придуманныя акціи и паи, а то и за свое какое-то особое положеніе и благородное рожденіе, какъ-будто утроба матери не для всѣхъ одинаково устроена. Не можемъ мы такъ жить! Мы такіе же люди — человѣки. Мы тоже счастливой жизни ищемъ. Не для того же насъ богъ создалъ, чтобы мерзавцевъ, плутовъ, дармоѣдовъ, лакированныхъ разбойниковъ и мошенниковъ кормить съ ихъ чадами, домочадцами и любовницами. Мы своего кровнаго не отдадимъ безъ боя никакому врагу! Пусть онъ будетъ хоть какъ угодно силенъ, пусть на его головѣ хоть 20 коронъ, а наше отъ насъ отнимать не смѣй. Безъ боя не отдадимъ! За свой кусокъ крѣпко подержимся. Намъ говорятъ: „Отдай этотъ кусокъ фабриканту и начальству. Такъ надо, такъ богъ велитъ!" Шалишь! это вы, да попы говорите, а божьяго голоса по нынѣшнимъ временамъ на землѣ не стало

слыхать, угодники-то святые дѣйствовать перестали. Своего кровнаго не отдадимъ! Его не вытащите у насъ изо рта. Живодерниковъ — такъ Живодерниковъ, министръ — такъ министръ, царь — такъ царь, — все равно, никому не отдадимъ. Много сотенъ лѣтъ по своей глупости вамъ отдавали! Довольно съ васъ! Чай насытились!

— Братцы! Мы должны держаться! Если насъ и сломятъ на этотъ разъ, — и это ровно ничего не значитъ для рабочаго дѣла: одинъ нашъ отпоръ — и тотъ заставитъ врага задуматься и быть осторожнѣе. Наша забастовка — отпоръ и урокъ врагамъ.

— А что ѣсть-то будемъ? спросилъ Ивановъ.

— Тебѣ ѣда нужна? воскликнулъ Михневичъ. — Сколько нужно? Получай. Деньги имѣются. Нѣтъ, другъ, если своего брата, рабочихъ, любишь, да всѣмъ имъ лучшаго житья желаешь, такъ напитаешь и пятью хлѣбами пять тысячъ человѣкъ. Христосъ такъ и напиталъ; одному даетъ, — тотъ не беретъ, а ради брата-товарища отъ куска отказывается. Пять хлѣбовъ такъ и обошли всѣ пять тысячъ человѣкъ и всѣ эти люди увидѣли, что терпѣть-то они еще могутъ. А кто не можетъ терпѣть, — пусть спрашиваетъ. Для такихъ есть у насъ деньги. Платонычъ прислалъ еще 200 руб.

— Такъ ты дай мнѣ рублей 50. Тамъ кое-кому я заткну ротъ этими деньгами, сказалъ Говорко.

— Ладно! Получай, сказалъ Михневичъ, и вынулъ бумажникъ и отсчиталъ деньги.

— Какъ-бы не вышло раскола, сказалъ другой рабочій. — Ужъ тамъ поговариваютъ, что нужно уступить. У рабочихъ-де людей силы мало...

— Что ты тамъ говоришь! воскликнулъ Завойко. — Сила! Какая тамъ сила! Ужъ не думаешь-ли ты, что Живодерниковъ и начальство по существу дѣла сильнѣе насъ?

— Какъ будто и такъ!

Завойко вскочилъ на ноги.

— Что ты, братецъ, рехнулся, что-ли? — началъ онъ говорить. — Да ты сообрази-ка! Развѣ рабочихъ побѣ-

ждаютъ фабриканты и полиція? Рабочіе сами себя побѣждаютъ. Фабрикантовъ на Руси нѣсколько сотенъ, а фабричныхъ рабочихъ почти три милльона, не считая мужиковъ. Солдатъ на Руси подъ ружьемъ тысячъ 800, полицейскихъ десятки тысячъ, а рабочаго люда милльоны! Кого болѣе? То-то, что не въ числѣ дѣло. И въ старину такъ было, когда еще рабы были: рабовладѣлецъ одинъ, а рабовъ у него десятки, сотни и тысячи; помѣщикъ одинъ, а крѣпостныхъ у него тысячи. Какъ же они управлялись? Какимъ способомъ? Да съ помощью самихъ же рабовъ, крѣпостныхъ и рабочихъ, потому что тѣ сами допускали, сами имъ помогали, сами свою шею подставляли. Христа враги распяли, а рабочій человѣкъ самъ себя и своего брата-рабочаго распинаетъ, отдаетъ на съѣденіе: ѣшьте, молъ, голубчики, на здоровье! И находятся охотники, — еще бы! Ѣдятъ съ удовольствіемъ. Нашимъ врагамъ даже и рукъ о насъ марать не приходится: стоятъ это себѣ въ бѣлыхъ перчаткахъ да поглядываютъ, какъ это мы другъ дружку на расправу тащимъ. Одинъ рабочій — Іуда — въ сыщики поступаетъ изъ-за 8 рублей въ мѣсяцъ; другой — въ солдаты идетъ и въ своего брата-рабочаго или мужика палитъ по приказу какого нибудь офицерика, третій хоть и остается рабочимъ до поры до времени, но всячески „заслуживаетъ", — подслуживается къ фабриканту и мастеру, и начальству, норовитъ выскочить въ „люди" и сѣсть со временемъ тоже на шею своему же брату, рабочему. Такъ и выходитъ: свой своего продаетъ. Оттого и нѣтъ у насъ силы. Насъ хоть и много, да толку отъ этого для насъ мало. Мы, — что куча песку, каждая песчинка особо и сама по себѣ. А если бы песчинка къ песчинкѣ прилипла, тогда бы крѣпкій камень изъ песку сдѣлался. Сила наша въ дружествѣ, въ единеніи. Пусть соберется дружно, хоть не 3 милльона рабочихъ, а 60 — 100 тысячъ и пусть гаркнутъ погромче, чтобы ихъ побольше народа слышало: „Отдайте намъ наше! отдайте, звѣри, грабители, подлецы-обманщики проклятые! Отдайте луч-

ше сами добромъ, пока мы отъ васъ не отняли!“ Ужъ повѣрьте, все начальство, всѣ фабриканты, всѣ господа испугаются одного нашего голоса, — отдадутъ, и многія уступки нашимъ справедливымъ требованіямъ сдѣлаютъ. Силу то они нашу знаютъ лучше, чѣмъ мы сами знаемъ ее. Потому-то они и стараются держать эту нашу силу всякими способами у себя въ плѣну. Для этого и разныя средства давнымъ давно придуманы ими. Намъ всячески мѣшаютъ объединиться, всячески стараются насъ разъединить, — сдѣлать такъ, чтобы мы другъ за дружку не держались, а чтобы каждый изъ насъ жилъ самъ по себѣ, отдѣльно отъ другихъ, и чтобы его къ другимъ даже не тянуло. Наши враги наускиваютъ однихъ рабочихъ людей на другихъ, солдатъ-мужиковъ — на насъ; сыщиковъ-мужиковъ — на насъ; рабочихъ — на рабочихъ же. Такъ наши враги и убавляютъ нашу силушку — гдѣ рознью, гдѣ бѣдностью, гдѣ тьмою, гдѣ чѣмъ инымъ, а то и всѣмъ вмѣстѣ. Братья-товарищи! Да растолкуйте же вы всѣмъ, что мы сильнѣе нашихъ враговъ и что съ нами никакъ не справиться, если мы правильно наше положеніе будемъ понимать. Вѣдь всякъ себѣ добра хочетъ. Отъ пониманія выйдетъ дружество, а отъ дружества — лучшее житье-бытье. Если мы поймемъ наше положеніе и если поймемъ, кто такіе настоящіе наши враги, — мы поймемъ и то, какъ съ ними справиться; для этого одно только средство и есть,—дружество, единеніе. Разъясните это всѣмъ, всѣмъ! Это все такъ ясно и просто, что всякій дуракъ можетъ и долженъ понять. Въ деревнѣ будете жить, — разъясняйте въ деревнѣ, въ городѣ будете, — и въ городѣ такъ же дѣйствуйте; и въ казармѣ, и въ тюрьмѣ, и на улицѣ, и на фабрикѣ, и въ семьѣ, и вездѣ; разъясняйте и старымъ, и малымъ, и женамъ, и дѣтямъ, и всѣмъ — всѣмъ. Дѣтямъ съ малыхъ лѣтъ глаза открывайте: пусть знаютъ и понимаютъ. Дѣйствуйте, не покладая рукъ! Такимъ способомъ изъ насъ выростетъ великая сила въ нѣсколько лѣтъ. Такимъ способомъ пойдетъ пони-

маніе отъ одного къ другому, отъ души къ душѣ, словно пожаръ по селу. Черезъ нѣсколько лѣтъ выйдутъ изъ нашихъ рядовъ тысячи понимающихъ, и они гаркнутъ врагамъ: „Отдайте намъ наше! Отдайте, звѣри-грабители!“

— Братцы! да наши враги уже теперь слышатъ эти самыя слова наши. Имъ въ каждой нашей забастовкѣ, въ каждомъ крестьянскомъ бунтѣ и „сопротивленіи“ властямъ этотъ самый голосъ слышится. Мы молчимъ, а они голосъ нашъ слышатъ, словно голосъ пробуждающагося льва, — и трясутся. Мы сидимъ по домамъ, не идемъ на работу, а они говорятъ, — мы „бунтуемъ“, мы „преступники“ противъ начальства, противъ государства и противъ царя. Они потому такъ и говорятъ, что нашу силу чувствуютъ и сознаютъ, и никакого удержу ей не видятъ, кромѣ нашего непониманія, разрозненности и темноты. Въ нашей забастовкѣ и слышится имъ эта самая сила наша. Нѣтъ, подлые, не уступимъ! Нѣтъ, изъ нашего рта кусокъ сразу теперь не вытащить! Время такое проходитъ, когда это дѣлалось вами запросто. Теперь рабочій человѣкъ началъ уже понимать свое положеніе. Братцы-товарищи! Ну, хотите, я самъ завтра же пойду на фабрику и замѣсто васъ стану разговоры разговаривать съ губернаторомъ, Живодерниковымъ и другими.

— Чего ты, Сергѣй, съ ума сошелъ, что-ли? Чего ты тамъ придумалъ, — тебѣ идти на фабрику? Да тебя тамъ сразу заберутъ, только покажись.

— А мнѣ пускай! воскликнулъ Завойко. — Скажу все передъ начальствомъ и передъ толпой — пусть тогда забираютъ.

— Что же ты ихъ переубѣдишь что-ли начальство-то?

— Чего мнѣ ихъ переубѣждать! Пускай и такъ послушаютъ. До ихъ сердца, разумѣется, моя рѣчь не дойдетъ: туда ей и дороги нѣтъ, потому денежныя и иныя выгоды мѣшаютъ. А до рабочаго сердца дойдетъ и крѣпко тамъ засядетъ, и всѣ сразу услышатъ!

— Да полно тебѣ ерундить-то! воскликнулъ Волог-

дивъ. — И я могу сказать, что нужно. Голова вѣдь еще на плечахъ.

Завойко лишь мотнулъ головой.

— Пойду! рѣшительно сказалъ онъ. — Пойду и скажу. Потомъ пускай забираютъ.

И Завойко, блѣдный, дрожащій, взволнованный, вскочилъ, накинулъ фуражку и выбѣжалъ изъ сторожки. За нимъ вышелъ Аксюкъ, но не могъ уже догнать Завойку. Тотъ скрылся въ чащѣ лѣса. Ночь была темная, звѣздная. Въ воздухѣ чувствовалась лѣсная прохлада и сырость. Подъ сводами лѣса было темно и неуютно. Какіе-то таинственные звуки весенней ночи раздавались въ тишинѣ. Завойко не слышалъ ихъ и не чувствовалъ сырости. „Пойду!—повторялъ онъ про себя. —Пойду! Это дѣло рѣшенное! Слова, сказанныя отъ сердца, подѣйствуютъ. И я скажу, все скажу, что на душѣ накипѣло.

И въ эту минуту Завойко страстно захотѣлось жертвы. Захотѣлось страданій, захотѣлось умереть за своего же брата-рабочаго. Завойко быстро зашагалъ по тропинкѣ, которая, огибая сторожку, вела въ лѣсную чащу.

Аксюкъ, потерявъ изъ виду Завойко, сѣлъ на заваленку сторожки и принялся было обдумывать все слышанное въ этотъ вечеръ и пережитое въ этотъ день. Аксюку было понятно и близко настроеніе Завойки. Аксюкъ тоже хотѣлъ жертвы.

— Ай! кто это? вдругъ раздался чей-то голосъ изъ темноты. Черная тѣнь промелькнула мимо Аксюка и скрылась, точно испугавшись своего собственнаго голоса. Какой-то человѣкъ стоялъ у самой стѣны сторожки недалеко отъ окна.

— Кто это? окликнулъ Аксюкъ. — Кто? Говори!

— Э, да это ты, Иванъ! раздался опять голосъ изъ темноты. — Ты какъ сюда попалъ?

Аксюкъ провелъ холодной рукой по своему пылавшему лицу. Все значеніе неожиданной встрѣчи стало для него ясно само собой. Онъ узналъ голосъ говорившаго: когда-то работали въ одномъ отдѣленіи.

— Михайло Климовъ! воскликнулъ онъ. Ты-то какъ сюда попалъ?

— Да такъ вотъ! Гулялъ, гулялъ отъ нечего дѣлать, не зная, куда дѣваться. Дай, думаю, пойду къ Миронычу, покалякаю. Пошелъ, да и сбился. Плуталъ, плуталъ, — едва отыскалъ дорожку.

— Ты только сейчасъ добрался сюда?

— Вотъ-вотъ, сію минуту. Хотѣлъ ужъ въ дверь входить. Можно, али тамъ гости?

Мысли вихремъ неслись въ головѣ Аксюка. Что дѣлать? На что рѣшиться? Климовъ, очевидно вретъ: онъ все время стоялъ подъ окнами, смотрѣлъ и слушалъ. Недаромъ Зальштейнъ разъяснилъ, что Климовъ „служитъ" и что съ нимъ уже былъ „случай". Всѣхъ, мерзавецъ, предастъ. Всѣ будутъ взяты въ эту же ночь. И касса, и печатанье листковъ, и забастовка, и товарищескій кружокъ — все пропало изъ-за одной неосторожности кого-нибудь изъ своихъ же, который привелъ къ сторожкѣ за собой „хвостъ", то есть шпіона. Надо было на что-нибудь рѣшиться тотчасъ же. И Аксюкъ рѣшился.

— Да, пожалуй, ужъ лучше не входи туда, сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ Климову. — Сегодня у Мироныча помолвка, — внучку свою выдаетъ за Михневича. Гости есть, — пьяные. Какъ бы опять чего не вышло: съ тобой, кажется, уже было тамъ что-то?

Климовъ ухмыльнулся.

— Всякую ерунду болтаютъ зря, — то и было! пробормоталъ онъ. — А впрочемъ, чего мнѣ лѣзть незванному? Я думалъ, Миронычъ одинъ проживаетъ съ Машей, а тутъ, вишь, компанія... Ты въ городъ идешь сейчасъ, что-ли?

— Въ городъ.

— Такъ проводи немного. Какъ бы мнѣ съ дороги не сбиться и не угодить въ Чертову Топь. Пойдемъ вмѣстѣ.

Климовъ обрадовался случаю поговорить съ живымъ

человѣкомъ, да и разузнать что-нибудь отъ горячаго Аксюка.

— Пойдемъ, пожалуй!

И Аксюкъ вмѣстѣ съ Климовымъ зашагали по лѣсу, но совсѣмъ не по той тропинкѣ, которая вела къ городу. Темный лѣсъ окружалъ со всѣхъ сторонъ путниковъ. Вѣтви деревьевъ брызгали росой. Ноги то и дѣло задѣвали за корни деревьевъ и за кусты. Рѣдко, рѣдко надъ головой мелькало звѣздное небо, мелькало и снова скрывалось за черными вѣтвями. Шли молча. И тому, и другому было не до разговоровъ. Климовъ крестился и изрѣдка лепеталъ: „Охъ, Господи, вотъ дебрь дремучая! Вотъ занесла нелегкая!“ Но въ душѣ у него было весело: то, что онъ разузналъ, еще никто не могъ разузнать. „За это Змѣевидовъ долженъ заплатить, какъ слѣдуетъ. Безъ этого отъ меня не отвертится!“ разсуждалъ Климовъ про себя. Аксюкъ шагалъ молча и по временамъ вытиралъ рукой холодный потъ, катившійся по его лбу.

Лѣсъ сталъ рѣдѣть. Звѣздное небо висѣло надъ головами.

— Ну, вотъ, сейчасъ и дорога! сказалъ Аксюкъ. — Перейдешь это сырое мѣсто, а за нимъ будетъ небольшой холмъ. Ты на него взойди, оттуда и городъ видѣнъ.

— А ты что же? Развѣ не въ ту же сторону?

— Мнѣ нѣтъ. Я на слободку!

— Больно сыро ужъ здѣсь! Какъ бы въ Чертову Топь не залѣзть... Съ головой тамъ покроетъ...

— Эхъ ты хватилъ! Эта Топь вонъ гдѣ осталась!

— Ну, прощай, Иванъ! До свиданья...

— Наше почтеніе, Климовъ.

Аксюкъ отошелъ нѣсколько въ сторону и остановился. Его била лихорадка. Онъ весь дрожалъ, а щеки и голова горѣли. „Что я дѣлаю? Что я дѣлаю?!“ бормоталъ онъ. „Какой грѣхъ беру на свою совѣсть?!“ Въ этотъ мигъ въ душѣ невѣрующаго Аксюка вдругъ почему-то по старой привычкѣ возникла мысль о богѣ...

Но она сейчасъ же разсыпалась, разлетѣлась, а вмѣсто нея обрисовался кроткій ликъ Христа, который пострадалъ и умеръ за своихъ братьевъ...

„И я завтра пострадаю и умру! И этотъ разбойникъ, Іуда, пусть пострадаетъ и умретъ тоже. Одинъ,—пусть лучше умираетъ одинъ, чѣмъ гибнуть 26 товарищей. Пусть лучше погибнемъ и я, и Климовъ, чѣмъ Михневичъ, Завойко и все наше дѣло...“

И Аксюкъ быстро повернулся, выбрался на старую тропинку, по которой шелъ сюда, и бросился чуть не бѣгомъ назадъ. Онъ бѣжалъ, на каждомъ шагу спотыкаясь, падалъ, вставалъ и бѣжалъ снова, словно за нимъ гналось что-то страшное, скользкое, гнусное.

— Иванъ! издали донесся до него громкій голосъ Климова. — Иванъ! раздался черезъ секунду еще болѣе ужасный крикъ. — Иванъ! Помоги! Ой—о-о-ой! Спасите! — Но Аксюкъ бѣжалъ все дальше и дальше. Страшные крики Климова уже ослабѣвали вдали, но Аксюку казалось, что эти крики дѣлаются громче и громче и раздаются надъ самымъ его ухомъ. Стонали и ревѣли деревья. Стонала земля подъ ногами. Чей-то грозный топотъ, слышался позади. Сердце билось сильно и мучительно больно. Въ груди спиралось дыханье. И Аксюкъ бѣжалъ все дальше и дальше отъ страшнаго мѣста. Крики уже перестали слышаться вдали, а Аксюкъ все бѣжалъ. Онъ выбѣжалъ на какую-то поляну, споткнулся и замертво повалился на землю.

Въ такомъ положеніи и нашелъ его на другой день Миронычъ, дѣлавшій свой обычный обходъ. Съ Аксюкомъ сдѣлалась нервная горячка. Миронычъ переправилъ его съ большимъ трудомъ въ земскую больницу. Аксюкъ не приходилъ въ себя. Онъ бился на кровати, боролся съ больничными сторожами и кричалъ: „Пусти, пусти! Я Иванъ Сусанинъ! Меня самъ царь сдѣлалъ Иваномъ Сусанинымъ!“

На другой день Нососуевъ напрасно поджидалъ къ себѣ Климова. Климовъ исчезъ. Что съ нимъ случилось — такъ никто и не узналъ. О немъ не было ни слуху,

ни духу. Змѣевидовъ рѣшилъ, что Климовъ испугался новой потасовки, которою стращали его рабочіе, и уѣхалъ по добру по здорову на родину.

— Что же, туда и дорога! проговорилъ Змѣевидовъ, опуская себѣ въ карманъ мѣсячное жалованье Климова.

ГЛАВА VI.

У воротъ фабрики, по рабочимъ казармамъ, у конторы и въ другихъ мѣстахъ появилось строжайшее распоряженіе губернатора такого содержанія:

„По распоряженію Его Превосходительства Господина Начальника Голодаевской губерніи.

„Симъ объявляется рабочимъ Веселухинской мануфактуры, что не позднѣе завтрашняго дня, т. е. 18 мая 1899 г., они обязаны приступить къ работамъ, незаконнымъ способомъ и съ преступными цѣлями прерваннымъ. Ихъ дѣянія, выразившіяся въ забастовкѣ предусмотрѣны такою-то статьею закона и караются тюрьмою отъ 4 до 8 мѣсяцевъ. Жалобы рабочихъ на администрацію мануфактуры будутъ разсмотрѣны въ ближайшемъ будущемъ чинами фабричной инспекціи и, по возможности, будутъ удовлетворены. Старательнымъ ткачамъ и подручнымъ, работающимъ такіе-то сорта миткаля, администрація мануфактуры обѣщаетъ выдавать, по мѣрѣ возможности, награды. Въ томъ случаѣ, если и такое доброжелательное отношеніе начальства и фабричной администраціи не удовлетворитъ рабочихъ, и они все-же не выйдутъ на работу, то Его Превосходительство Господинъ Начальникъ губерніи предупреждаетъ, что съ упорствующими будетъ поступленно по всей строгости законовъ, — всѣ упорствующіе будутъ немедленно уволены и высланы административнымъ порядкомъ на родину, а вмѣсто нихъ будутъ наняты новые рабочіе“.

Слѣдуетъ подпись губернатора.

Въ тотъ же день вечеромъ по рукамъ рабочихъ ходилъ уже новый листокъ, гдѣ говорилось слѣдующее:

„Товарищи! Начальство вывѣсило новое объявленіе для отвода глазъ. Но соловья баснями не кормятъ! Улита ѣдетъ и „въ ближайшемъ будущемъ“ когда-то будетъ. Обѣщаютъ насъ удовлетворить „по возможности“. Знаемъ мы эту возможность! За неясными обѣщаніями кроется просто-напросто желаніе провести всѣхъ насъ. Ткачамъ обѣщаютъ награду, вмѣсто прибавки расцѣнокъ. Намъ наградъ отъ щедрыхъ фабрикантовъ не надо. Мы желаемъ получить лишь то, что намъ слѣдуетъ. Наши справедливыя требованія всѣ должны быть уважены, потому что мы многаго не просимъ. Безъ этого мы не уступимъ! Держитесь, товарищи, съ достоинствомъ и стойко продолжайте свое дѣло. Живодерниковъ каждый день терпитъ огромные убытки. Мы его этими убытками такъ нахлещемъ, что на другой разъ всѣ наши желанія онъ станетъ удовлетворять, не дожидаясь нашихъ забастовокъ. Не вѣрьте тѣмъ людямъ, которые подбиваютъ васъ на всякія буйства и шумъ.

Комитетъ всеобщей забастовки Веселухинской мануфактуры“.

Какой-то шутникъ засунулъ такой листокъ подъ губернаторское объявленіе. Массы рабочихъ толпились у этого объявленія и читали его вслухъ. Послѣ этого вытаскивали изъ подъ него листокъ и тоже читали вслухъ, а затѣмъ клали листокъ на прежнее мѣсто. Такая продѣлка была замѣчена сыщиками лишь нѣсколько часовъ спустя.

На другой день, 18-го мая, сильно загудѣли гудки на Веселухинской мануфактурѣ. Они гудѣли необыкновенно протяжно. Задымили фабричныя трубы и сиротливо завертѣлись главные приводы. По обширному фабричному двору расхаживали жандармы, городовые, дворники. У фабричныхъ воротъ на лужкѣ стояли конные жандармы. По тротуару, близь конторы, расхаживали младшіе инспектора, пристава, кое-кто изъ инженеровъ,

околоточные, исправникъ. Въ конторѣ сидѣли губернаторъ, старшій фабричный инспекторъ и Живодерниковъ. Они съ безпокойствомъ поглядывали сквозь стеклянныя двери конторы на фабричный дворъ. По двору здѣсь и тамъ, медленно и рѣдко, словно не-хотя и боясь, двигались не то люди, не то тѣни, — оборванные, грязные, рваные. Рядомъ съ ними толстопузый исправникъ казался еще толще и пузатѣе. Эти люди были по большей части тѣ „запасные", которые не выдержали голодухи и пошли продавать свой трудъ по живодерниковской цѣнѣ. Но были среди нихъ и бѣдняки изъ рабочихъ, которымъ тоже стало не въ мочь терпѣть голодуху. Больше всего тутъ было семейныхъ, которымъ приходилось особенно тяжело. Они входили въ контору блѣдные и жалкіе, чувствуя все свое голодное униженіе, и заявляли, что согласны работать по старой цѣнѣ.

— Согласны? Ню, вотъ и прекрасно, говорилъ губернаторъ. — Господинъ конторщикъ, замѣтьте имя этого человѣка. Это несомнѣнно хорошій и благоразумный человѣкъ, въ преступленіе его увлекли, разумѣется, насильно...

Губернаторъ не скупился льстить рабочимъ. А „хорошій и благоразумный человѣкъ" стоялъ предъ нимъ, какъ на эшафотѣ, и чуть не плакалъ не то отъ голода, не то отъ униженія, не то отъ злости. Изъ прежнихъ вышло на работу всего на всего около ста человѣкъ. Другіе поглядывали на нихъ не совсѣмъ-таки дружелюбно. Рабочіе собирались толпами на фабричномъ дворѣ, чтобы посмотрѣть, кто-то струситъ и выйдетъ на работу. Появились на фабричномъ дворѣ бабы. Онѣ робко входили во дворъ, собирались небольшими кучками, робко приближались къ конторѣ и останавливались шагахъ въ 30 отъ нея. Скоро ихъ набралось нѣсколько сотъ человѣкъ. Мужчины бродили сначала въ отдаленіи, но затѣмъ появилась на дворѣ толпа молодежи и шумно, даже весело, подошла къ конторѣ и оста-

новилась недалеко отъ нея. Обширный фабричный дворъ наполнялся понемногу народомъ.

Фабричный инспекторъ первый вступилъ въ разговоръ съ толпой. Онъ обстоятельно и не жалѣя страшныхъ словъ принялся разъяснять рабочимъ законъ о забастовкѣ. Онъ говорилъ, что законъ строго-настрого запрещаетъ всякія забастовки рабочихъ, что забастовка — это преступленіе, что ею ничего нельзя добиться, потому что правительство постановило разъ навсегда никакимъ забастовкамъ не уступать. „Добивайтесь улучшенія своего житья мирными способами“, говорилъ фабричный инспекторъ.

— А мы нешто шумимъ? послышался вдругъ громкій и насмѣшливый голосъ изъ толпы. — Какими другими способами прикажешь дѣйствовать, ваше благородіе? Може еще есть какіе? Научи насъ имъ въ такомъ случаѣ!

Произошло небольшое замѣшательство. Инспекторъ остолбенѣлъ отъ удивленія, — его удивилъ больше всего самый тонъ голоса. Толпа подалась впередъ, сбилась въ кучку и окружила инспектора со всѣхъ сторонъ. Змѣевидовъ проскользнулъ куда-то, чтобы дать соотвѣтствующія приказанія Нососуеву и своимъ агентамъ. Въ это время къ толпѣ вышли изъ конторы губернаторъ, Живодерниковъ, конторщикъ и старшій инспекторъ. Всѣ они были такіе изящные, такіе гладкіе и сытые, такіе раздушенные и напомаженные. Губернаторъ выдвинулся впередъ и заговорилъ. Онъ старался придать своей рѣчи шутливый, добродушный тонъ.

— Ню, вотъ вы и собрались, ребята! Давно пора! Побесѣдуемъ по душѣ! Разскажите мнѣ, братцы, чѣмъ вы недовольны, разберемъ все, какъ слѣдуетъ, и помиримся! Ню, выходи сюда, кто хочетъ говорить.

Никто не выходилъ. Тѣ, кто стояли въ переднихъ рядахъ, мялись и смущенно посматривали въ землю.

— Ню, что же, выходите выборные! повторилъ губернаторъ.

Изъ толпы раздался прежній голосъ.

— Нѣтъ, вашество, г. губернаторъ! мы къ вамъ не выйдемъ. Давайте такъ разговаривать.

Губернатора даже бросило въ потъ отъ этихъ словъ, сказанныхъ совсѣмъ уже непочтительнымъ тономъ.

— Если вы хотите говорить съ начальникомъ губерніи, то должны дѣлать такъ, какъ онъ говоритъ! строгимъ голосомъ и задирая носъ къ верху произнесъ губернаторъ. Ему очень хотѣлось быть въ эту минуту величественнымъ, но это не выходило.

— Да мы вовсе и не хотимъ говорить съ вами! сказалъ голосъ. — Если вы хотите говорить съ нами, такъ разговаривайте!

Въ глубинѣ толпы загудѣло, заволновалось. Губернаторъ закусилъ губу и продолжалъ.

— Даю вамъ слово начальника губерніи, что никого изъ говорившихъ не трону.

— Знаемъ! отвѣчалъ голосъ изъ толпы. — Видывали виды! Жандармскія-то власти безъ вашихъ приказовъ дѣйствуютъ.

Губернаторъ сдѣлалъ видъ, что плохо слышитъ эти слова. Онъ „милостиво" улыбнулся и произнесъ:

— Ню, хорошо! Давайте и такъ разговаривать!

Губернаторъ постоянно кичился своимъ умѣньемъ разговаривать съ простымъ людомъ и покорять его сердца простыми, задушевными рѣчами.

— Чѣмъ же вы недовольны, ребята?... Ню, говорите прямо, не бойтесь!

Не успѣлъ губернаторъ произнести этихъ словъ, какъ вдругъ въ толпѣ произошло смятеніе. Толпа зашумѣла, задвигалась, раздался голосъ: „Братцы! Что вы? что вы? За что?" И изъ толпы прямо на губернатора вылетѣли въ самомъ растрепанномъ видѣ рабочій Никитичъ и еще два какихъ-то человѣка. Кто-то имъ поддалъ сзади, и кто-то пнулъ въ бокъ. Фуражки были сбиты съ головы, платье разорвано.

— Ваше высокопревосходительство! воскликнулъ одинъ изъ вылетѣвшихъ. — Прикажите имъ не драться! По какому такому закону они дерутся?

— Господинъ губернаторъ! раздался прежній голосъ изъ толпы. — Прикажите жандармамъ уйти со двора и увести сыщиковъ. Иначе мы говорить не будемъ. Эти подлецы — сыщики. Они продирались ко мнѣ, чтобы посмотрѣть, кто говоритъ. Оттого имъ и попало. И съ другими такъ будетъ...

— Если вы будете буянить, строго заговорилъ губернаторъ, — тогда и разговаривать нечего. Тогда я позову солдатъ и велю стрѣлять въ васъ.

— Мы не буянимъ, раздался тотъ же голосъ изъ середины толпы. — А вашихъ солдатъ не больно-то испугались. Если-же не хотите разговаривать честью и держать губернаторское слово, такъ чего жъ и разговаривать?

— Какъ вы смѣете говорить такъ? Какъ смѣете? закипятился губернаторъ. — Вы знаете, кто передъ вами стоитъ? Вы знаете, что мнѣ волею государя дана полная власть истребить васъ всѣхъ до единаго. Вы знаете, что Его Величество высказалъ высочайшую благодарность владимірскому губернатору за то, что онъ стрѣлялъ въ рабочихъ?

— Воля ваша! послышалось изъ толпы. — Авось за насъ Савелій Никитичъ заступится. Что онъ безъ насъ будетъ дѣлать, когда вы всѣхъ насъ перестрѣляете, чтобы получить царскую благодарность?

Змѣевидовъ подошелъ къ губернатору и угрюмо спросилъ его:

— Ваше превосходительство, толпа настроена очень буйно! Не прикажете-ли позвать солдатъ? Эти люди становятся все нахальнѣе!

— Зовите! отмахнулся отъ него губернаторъ и затѣмъ продолжалъ, обращаясь къ рабочимъ.

— Вы совершаете беззаконное дѣло! Вы совершаете преступленіе! Я не могу допустить въ своей губерніи вашихъ беззаконій и мятежей!

— А по какой такой причинѣ, вашество, вы допускаете беззаконія господина Живодерникова? раздался

голосъ изъ толпы.. — Развѣ онъ-то по закону все дѣлаетъ? Вотъ спросите инспектора. Онъ вамъ скажетъ!...

По толпѣ пробѣжало волненіе. Толпа зашумѣла и вдругъ затихла. Всѣ словно застыли въ ожиданіи, что вотъ-вотъ совершится важное событіе, — великій скандалъ.

— Позвольте сказать вамъ, вашество, продолжалъ голосъ изъ толпы. — Мы не собаки какія. Мы не разбойники. Мы такіе же люди, какъ вы. Совершенно такъ-же устроены! По какому такому закону божескому мы отданы на съѣденіе господамъ купцамъ-фабрикантамъ? По какому такому правилу намъ запрещено стоять за себя? Что намъ нужно — все прописано въ нашихъ листкахъ. Савелій Никитичъ Живодерниковъ хочетъ гнилую пряжу, купленную по дешевой цѣнѣ, какъ-нибудь сбыть съ обманомъ и выгодой, а мы за это въ бунтовщики попали! Господинъ Живодерниковъ дѣла свои обдѣлываетъ, а насъ за это голодомъ морятъ, грозятъ изъ жилья выгнать и потребительную лавку царева полиція, въ угоду фабриканту, беззаконно закрыла. Почему не слушаютъ нашего голоса въ такихъ дѣлахъ, которыя больше всего касаются не иного кого, а насъ? Или думаютъ, что у насъ своихъ головъ нѣтъ, а замѣсто этого чиновничьи, полицейскія и фабрикантскія головы лучше о нашихъ дѣлахъ разсудятъ и рѣшатъ, что для насъ нужно и что не нужно? Почему не желаютъ сознаться, что такой-то мастеръ Мясоѣдовъ — скотина, а директоръ, — одно слово, печаль одна? Или мы даже оцѣнить человѣка не умѣемъ и не можемъ отличить свинью отъ честнаго? По какому такому правилу насъ не ставятъ ни во что? Или мы какія-то машины, а то и хуже машинъ?

Губернаторъ побагровѣлъ отъ злости. Живодерниковъ и другіе присутствующіе стояли, какъ будто на нихъ напалъ столбнякъ. Змѣевидовъ опять подскочилъ къ губернатору и спросилъ: „Не прикажете-ли конной стражѣ ударить въ нагайки?“ Губернаторъ только замахалъ руками: онъ самъ не зналъ на что рѣшиться и тру-

силъ за свою шкуру, потому что солдаты („христолюбивое воинство") еще не пришли. Старшій фабричный инспекторъ подошелъ къ губернатору и спросилъ его:

— Позвольте мнѣ сказать рабочимъ нѣсколько словъ?

— Говорите! Говорите!

— Ребята! закричалъ толпѣ инспекторъ. — Теперь не время разсуждать и спорить, кто правъ и кто неправъ. Это мы потомъ разберемъ. Его превосходительство, г. губернаторъ, говоритъ вамъ: вы совершаете преступленіе, отказываясь отъ работы. Сначала перестаньте быть преступниками и идите на работу, а потомъ мы съ вами потолкуемъ и все разберемъ.

— Ваше благородіе, господинъ инспекторъ! раздался голосъ изъ толпы. — Позвольте васъ спросить: одобряете вы поступки Савелія Никитича? Позвольте спросить!

Инспекторъ замялся и сразу не зналъ, что отвѣтить. Голосъ продолжалъ.

— Вотъ видите! Вѣдь только-что мы станемъ на работу, сейчасъ же начнутся беззаконія Савелія Никитича, и выйдетъ такъ: нашего беззаконія — забастовки — не будетъ, а беззаконія Савелія Никитича опять проявятся. Почему же, позвольте васъ спросить, вы хлопочете о замѣнѣ нашихъ беззаконій ихними? Или тѣ слаще? Или отъ тѣхъ больше пользы для царя! Ужъ лучше теперь же разберите и хозяевъ, и насъ, а потомъ мы и станемъ на работу.

— Мы пришли сюда не за тѣмъ, чтобы спорить съ вами, громко и отчетливо произнесъ фабричный инспекторъ. — Мы пришли, чтобы объявить вамъ волю высшаго начальства.

— Господинъ губернаторъ! громко воскликнулъ голосъ изъ толпы. — Разъясните, пожалуйста, намъ, темнымъ людямъ, какъ это выходитъ: вы видите съ вашей высоты неправду и на нашей сторонѣ, и на сторонѣ хозяевъ. Нашу вы гоните, насъ стращаете солдатами, хозяйскую же неправду господинъ министръ подъ свою защиту беретъ да еще на несправедливый законъ ссы-

лается, царемъ подписанный. Разъясните намъ, пожалуйста, для чьей пользы министръ тотъ сидитъ и жалованье десятками тысячъ въ годъ получаетъ изъ государственной казны, — для нашей пользы или для пользы фабрикантовъ? Или въ эту казну больше идетъ денегъ съ фабрикантовъ, а не съ насъ, мужиковъ? Непонятно все это намъ, право!

— Ваше превосходительство! Онъ говоритъ зажигательныя рѣчи! произнесъ Змѣевидовъ, наклоняясь къ губернатору. — Прикажите жандармамъ разогнать эту дикую толпу.

— Позвольте-съ, сказалъ рѣзко Змѣевидову фабричный инспекторъ. — Ваши нагайки испортятъ только дѣло. Надо же узнать, наконецъ, чего хотятъ эти люди.

— Вы потакаете мятежу! ехидно улыбаясь, произнесъ Змѣевидовъ.

— Объ этомъ мы поговоримъ съ вами потомъ! хладнокровно отвѣчалъ ему фабричный инспекторъ. — А теперь не мѣсто и не время.

— Ваше превосходительство, продолжалъ голосъ изъ толпы. — Позвольте вамъ сказать, что мы не твари безсмысленныя. Мы отлично понимаемъ всю суть дѣла. Мы понимаемъ, что вотъ теперь мы стоимъ передъ вами, какъ вродѣ передъ врагомъ. Давно ли мы перестали васъ считать за своихъ „благодѣтелевъ“ и „отцовъ родныхъ?“ Давно-ли васъ начали понимать-то? А вѣдь скоро все поняли! Поняли мы, что на хозяевъ да на начальство намъ надѣяться не приходится, а приходится самимъ думать, какъ помочь своему собственному горю своими средствами.

— Ваше превосходительство! Это не рабочій говоритъ! это агитаторы-интеллигенты вмѣсто нихъ разсуждаютъ, это соціалисты-революціонеры! шепнулъ губернатору Змѣевидовъ.

— Ахъ, оставьте! Нужно разъ навсегда выслушать ихъ! произнесъ недовольнымъ тономъ губернаторъ, который въ это время думалъ про себя: „а вѣдь дѣло-то интересное и опасное. Какой же я храбрый!“

Голосъ продолжалъ:

— Ваше благородіе! разберите наше положеніе по совѣсти, тогда увидите, какъ намъ тяжело живется. Фабриканты загнали насъ въ самый уголъ, гдѣ только и остается или умирать съ голода, или бастовать и своего требовать. Умирать мы не желаемъ. Мы требуемъ справедливости. Мы требуетъ вотъ чего...

И голосъ громко и отчетливо прочелъ требованія рабочихъ Веселухинской мануфактуры, изложенныя въ листкѣ отъ 10 мая.

— Вѣрно! Вѣрно! Требуемъ! требуемъ! закричала толпа. — Жить безъ того невозможно! Хоть умирай!

Губернаторъ и другое начальство даже содрогнулись, услышавъ этотъ громкій ревъ тысячной толпы обнищавшаго, полуголоднаго люда, повидимому такъ робко тѣснившагося передъ ними, такими сытными, всевластными и самодовольными господами. Тутъ ужъ разсуждать было неумѣстно, — соціалистическая агитація это или не агитація. Какъ ни какъ, а агитація дѣйствуетъ, потому что агитаторы не лгутъ, а говорятъ сущую правду. Не они дѣйствуютъ на толпу, а та правда, которую они говорятъ, — она дѣйствуетъ. Агитаторы тѣмъ и сильны, что дошли своимъ умомъ и своими знаніями до правды... И эта толпа рабочихъ, загнанныхъ, обманутыхъ, ограбленныхъ всякими хитрыми пріемами сложной фабричной жизни и всего общественнаго государственнаго устройства, дѣйствительно показалась и могущественной, и страшной и Савелію Никитичу съ его присными, и губернатору, и иному начальству.

— Требуемъ! Требуемъ! Стоимъ на своемъ!

— Вы будете немедленно разсчитаны, выселены изъ квартиръ, высланы по этапу! громко воскликнулъ губернаторъ.

— Воля ваша! Требуемъ! Требуемъ! толпа ревѣла и гудѣла, и въ ея ревѣ слышались угрозы и стоны, и плачъ, и сила.

— Солдаты идутъ! пронесся крикъ изъ толпы. Подростки и бабы побѣжали къ рѣшеткѣ. Толпа подалась

немного въ сторону. Издали доносились звуки военной музыки. Музыка играла какой-то походный маршъ.

— Ваше превосходительство! снова раздалось изъ толпы. Будьте справедливы. Если вы не уступите, — дѣло добромъ не кончится: если вы усмирите насъ, а на наше мѣсто поставите другихъ, тѣ тоже возопіютъ и возропщутъ, потому что и они такіе же люди, какъ мы. Они того же самаго потребуютъ, что и мы, и тоже забастуютъ, потому что иного выхода и иного способа, чтобы добиваться своего, и у нихъ вѣдь нѣтъ. А если вы насъ и ихъ вышлете съ помощью жандармовъ и полиціи и наймете третьихъ, — и съ тѣми будетъ то же самое. Иначе и быть не можетъ. И такъ пойдетъ до тѣхъ поръ, пока наше житье не измѣнится къ лучшему и пока намъ не станетъ легче. А это будетъ тогда, когда всѣ порядки и на фабрикѣ, и во всей странѣ не измѣнятся въ конецъ, и когда не будетъ на землѣ фабрикантовъ и рабочихъ, собственниковъ и нищихъ, а когда всѣ будутъ рабочими и фабрика будетъ принадлежать рабочимъ же, и когда выборные люди отъ рабочихъ будутъ управлять всей страной наравнѣ съ другими выборными. Ваше превосходительство, вѣдь коли ужъ мы, темные люди, эту простую и святую истину поняли, какъ же это вы, господа ученые, умные, ея не понимаете? Или вы потому и не понимаете, что понимать не хотите? Или вы глухи потому, что слушать насъ не желаете, потому что думаете объ одной своей выгодѣ, а не о божеской справедливости? Ваше превосходительство! передайте вы своимъ министрамъ и царю, — мы всѣ перемремъ или отъ голоду, или въ тюрьмѣ, или въ ссылкѣ, а поставимъ на своемъ. И ничего вы съ рабочими не подѣлаете! Тюремъ для насъ не хватитъ! Ссылки пойдутъ намъ же на пользу, потому что мы нашу правду и вашу неправду разнесемъ по самымъ глухимъ угламъ и откроемъ ее и нашимъ братьямъ-землепашцамъ. Мы требуемъ своего кровнаго. Мы—люди! Мы хотимъ жить не по-собачьи, и васъ всѣхъ кормить за свой счетъ больше не желаемъ!

— Требуемъ! Требуемъ! Не желаемъ! Не желаемъ! кричала толпа. Кричали старики, бабы, даже дѣти.

А вдали гремѣла по прежнему музыка. Она гремѣла все слышнѣе и слышнѣе. Но крики полуголодной толпы заглушали ее. Рабочіе стояли, сбившись въ кучу, и переглядывались: иные не знали, что имъ дѣлать; иные чуть не дрожали, потому что никогда еще не слыхали, чтобы на святой Руси простой рабочій человѣкъ бросалъ правдивое слово прямо въ лицо сытому и сильному господину, да еще губернатору, назначенному самимъ царемъ, и богачу-фабриканту.

Всѣ присутствующіе были поражены всѣмъ тѣмъ, что видѣли и только что слышали. Пришелъ въ замѣшательство даже старшій фабричный инспекторъ, который въ эту минуту сознавалъ вполнѣ ясно въ своей чиновничьей казенной душѣ, что рабочіе говорятъ правду, хотя и такую правду, какая совсѣмъ неудобна и непріятна ни для начальства, ни для фабрикантовъ... Фабричный инспекторъ хорошо зналъ тяжелое положеніе рабочихъ на Веселухинской мануфактурѣ. Онъ самъ много разъ удивлялся, какимъ это способомъ еще ухитряются жить не умирая эти 30-копѣечныя бабы, шестигривенные мужчины-ткачи. Онъ много разъ думалъ про себя: потому народъ и не бунтуетъ, что онъ голоденъ, не доѣдаетъ, опустился духомъ, обнищалъ и некогда ему думать, откуда идетъ зло. Но горе, если этотъ народъ пойметъ и проснется. Не народъ проснется, а звѣрь! И слыша эти крики: „Требуемъ! требуемъ!“ фабричный инспекторъ воочію увидѣлъ передъ собой страшилище, многотысячнаго звѣря, который уже просыпается. Но что это за звѣрь? Это звѣрь добрый, понимающій, многотерпѣливый, смирный, — звѣрь, который просить въ то самое время, когда могъ бы все взять и не прося... Этотъ звѣрь такой же человѣкъ, какъ и мы, только еще добрѣе, умнѣе и искреннѣе... Инспектору было и страшно, и жалко...

Губернаторъ былъ настроенъ иначе. Онъ весь вѣкъ учился только командовать и отдавать приказанія; раз-

суждать же и думать онъ не привыкъ. Онъ весь вѣкъ былъ увѣренъ, что за нимъ стоитъ военная и поповская и всякая иная сила, которую онъ, когда хочетъ, тогда и можетъ пустить въ ходъ... И привыкъ онъ думать, что сила, которая въ его рукахъ, такъ велика, что внутри государства съ нею никто и не справится... И вдругъ эта толпа рабочихъ, эти бѣдняки, дружно стоящіе за свое дѣло, оказываются какъ-будто сильнѣе его? Что же это такое? Словно міръ перевернулся въ губернаторскихъ глазахъ, и ему сдѣлалось страшно. Онъ испугался этой мирной, тихой, но настойчивой силы рабочей толпы. То-то и страшно, что это толпа не шумитъ, а требуетъ справедливости и правды. Противъ такой толпы не пойдешь съ ружьями и пушками, потому что въ нее и стрѣлять-то нечего... А если будешь стрѣлять, будетъ еще того хуже, — всѣмъ станетъ еще яснѣй и понятнѣй, на какой сторонѣ правда. Хоть бы къ чему-нибудь придраться, хоть бы какимъ-нибудь способомъ зацѣпить, разозлить эту толпу, чтобы она забушевала, — тогда ее можно и сломить, и разнести въ конецъ съ помощью солдатъ...

— Что же это такое дѣется? спросилъ шепотомъ у губернатора Живодерниковъ.

— Ничего не подѣлаешь! отвѣчалъ ему губернаторъ, пожимая плечами. Онъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ, когда же придутъ солдаты.

— Ваше пр—во, крикнулъ голосъ изъ толпы, крикнулъ громко и отчаянно, и въ этомъ голосѣ послышались грозныя, надорванныя ноты. — Вамъ посчитаться съ нами придется! Вы сами изъ насъ, россійскихъ подданныхъ, дѣлаете себѣ враговъ. Это дѣло ваше, господское. Мы лишь не желаемъ давать себя въ обиду. Если вы насъ съ этой фабрики разсчитаете, мы на другую пойдемъ и тамъ будемъ разъяснять правду. Вы насъ въ деревню сошлете, на родину, и тамъ мы не станемъ молчать. Вы насъ въ тюрьму посадите, — такъ сажайте-ка всѣхъ на вѣчное время. А если выпустите, — право-же будемъ продолжать свою линію. Если въ тюрьмѣ го-

ворить разучимся, то, выйдя изъ тюрьмы, на людяхъ опять научимся, коли порядки останутся старые. Ничего съ нами не подѣлаешь!

— Господинъ исправникъ! г. полковникъ! велите отыскать и немедленно арестовать этого человѣка, кто говоритъ! воскликнулъ губернаторъ, приходя въ себя. — Сейчасъ же! Сію минуту!

Исправникъ бросился къ отряду полицейскихъ. Змѣевидовъ сдѣлалъ знакъ коннымъ жандармамъ. Городовые и всадники, какъ вымуштрованные звѣри, бросились въ середину толпы, откуда слышался голосъ. Толпа шарахнулась, но не оказала ни малѣйшаго сопротивленія. Она разступилась; робкіе бросились въ разсыпную и сбились въ углу фабричнаго двора у входа въ одинъ изъ фабричныхъ корпусовъ. Нѣсколько человѣкъ пѣшихъ жандармовъ и околодочныхъ бросились въ середину толпы и оцѣпили нѣсколько десятковъ человѣкъ рабочихъ, среди которыхъ, по ихъ предположенію, долженъ былъ находиться авторъ „дерзкихъ словъ". Бабы и дѣти завопили. Кой-кому были отдавлены ноги копытами лошадей. Другихъ сильно потолкали городовые. Человѣкъ 30 рабочихъ были тотчасъ же уведены въ тюрьму подъ охраной городовыхъ. Но среди этихъ 30 не было говорившаго, какъ это и выяснилось въ тотъ же день вечеромъ въ кутузкѣ, гдѣ приставъ, околодочные, городовые, жандармы и агенты съ помощью пинковъ и колотушекъ заставляли всѣхъ арестованныхъ „пробовать голосъ" и кричать. Окруженный все время своими товарищами, Завойко благополучно и во время успѣлъ проскользнуть въ отворенную дверь ткацкаго корпуса, пробѣжалъ корпусъ по третьему этажу и спустился по желѣзной наружной лѣстницѣ на другой сторонѣ его. Въ этотъ достопамятный день были арестованы Сладовъ и Ивановъ.

А солдаты торжественнымъ маршемъ входили на фабричный дворъ. Змѣевидовъ изъ усердія вызвалъ цѣлый батальонъ пѣхоты съ музыкой. Впрочемъ, пришло меньше. Солдаты шли удвоенными рядами, длинной верени-

цей, держа ружья „вольно на плечѣ“. Ихъ было двѣ роты подъ начальствомъ браваго усатаго капитана. Толпа рабочихъ тотчасъ же выросла по ту и по другую сторону солдатъ. Молодые парни, подростки и фабричныя дѣвушки протискивались впередъ и съ любопытствомъ глядѣли на военную силу, пришедшую усмирять „бунтовщиковъ“. И губернаторъ, и инспекторъ были очень недовольны тѣмъ, что солдаты пришли раньше времени, потому что бунтовщиковъ-то и не было, — рабочіе даже въ такой „задирательный моментъ“ держали себя смирно, не дрались, не противились, не шумѣли. Губернаторская попытка разозлить толпу пропала зря. Рабочіе мирно и спокойно смотрѣли на парадное шествіе солдатъ совершенно такъ же, какъ зрители въ театрѣ смотрятъ на представленіе.

— Здорово, солдатики! Здорово, христолюбивое воинство! раздавались изъ толпы женскіе голоса.

— Не на турку-ли пришли, солдатики? шутили другіе.

— Коли! Руби! Рѣжь! Пли! Пли!

— Пырни вонъ того толстопузаго, что съ губернаторомъ-то разговариваетъ!

— Изъ какой губерніи, служивые? Не землячки-ли будете? Чай насъ, земляковъ, вамъ стрѣлять пріятнѣе?

Солдаты проходили подъ градомъ такихъ возгласовъ, упрековъ и остротъ. Они шагали какъ машины, размахивая руками, не смѣя утерѣть потъ, катившійся со лба. Лица многихъ солдатъ были сумрачны и утомлены. Другіе безстрастно, какъ истуканы, посматривали по сторонамъ, точно хотѣли показать своими лицами: „намъ все равно, въ кого ни стрѣлять, — въ своего или въ чужого. Въ кого велятъ, въ того и будемъ...“

Солдаты безпрепятственно прошли сквозь толпу рабочихъ и выстроились между нею и ткацкимъ корпусомъ фабрики. Губернаторъ, инспекторъ, Живодерниковъ и другія начальствующія лица удалились въ фабричную контору. Рабочіе разсыпались по двору, кото-

рый скоро превратился въ какой-то военный лагерь. У фабричной рѣшетки, на которой уже много лѣтъ красовалась надпись: „Постороннимъ лицамъ входъ строго воспрещается“, собрались многочисленныя толпы горожанъ и слободскихъ. Они пришли посмотрѣть на невиданное доселѣ зрѣлище, какъ спорятъ и торгуются простые рабочіе съ хозяевами и начальствомъ. Солдаты вытянулись въ два длинныхъ ряда и поставили ружья „къ ногѣ“. У всѣхъ входныхъ дверей фабричныхъ корпусовъ скоро появились караулы. Такіе же караулы были откомандированы къ домамъ Живодерникова и директора, къ школѣ, больницѣ, товарнымъ складамъ и подъѣздному пути, какъ-будто рабочіе собирались учинить генеральный разгромъ. Скоро приняла видъ военнаго лагеря вся фабрика.

А тѣ самые люди, противъ которыхъ продѣлывались всѣ эти военныя приготовленія, мирно расхаживали по двору, подходили къ солдатамъ, заводили съ ними пріятельскія бесѣды на тему, кто и откуда родомъ и на кого и за кого пришелъ сюда воевать. Солдаты стояли подъ градомъ остротъ и упрековъ. Это былъ своего рода военный огонь, и многія солдатскія или, вѣрнѣе сказать, тѣ же мужицкія сердца были такимъ огнемъ ранены смертельно.

Рабочіе не показывали и вида, что готовы прекратить забастовку. Напротивъ, послѣ слышанныхъ рѣчей и „пріятныхъ разговоровъ“ съ начальствомъ, духъ ихъ еще больше поднялся. Даже тѣ забастовщики, которые еще колебались, вдругъ почувствовали въ себѣ притокъ силы и бодрости. Рѣчи Завойко нашли дорогу въ рабочую душу. Товарищи или „Комитетъ всеобщей забастовки“ были очень довольны сегодняшнимъ днемъ.

Совсѣмъ иначе чувствовалъ себя Змѣевидовъ. Онъ былъ очень золъ и недоволенъ и собою, и всѣмъ свѣтомъ. Правда, кое-кто изъ бунтовщиковъ попалъ въ руки полиціи, но воротилы-ли это, — какъ ихъ тамъ разобрать? Змѣевидовъ поймалъ уже столько „вожаковъ“, и всѣ то они оказались не вожаками или скры-

вали свое вожачество чертовски ловко. Особенно злило жандарма то, что многіе арестованные упорно молчали на всѣхъ допросахъ, словно у нихъ и языка не было, или на всѣ разспросы начальства отнѣкивались. Отъ этихъ арестованныхъ жандармы такъ и не могли ничего узнать. И свалки устроить начальству не удалось, забастовщиковъ силою сломить не пришлось. Правда, на фабричныхъ углахъ и перекресткахъ появилось новое строжайшее объявленіе отъ губернатора, гдѣ назначался на слѣдующій день всеобщій разсчетъ, выселеніе изъ квартиръ и немедленная высылка по этапу или по проходнымъ свидѣтельствамъ на мѣсто родины. Но это что за мѣра? Змѣевидовъ понималъ, — дѣло зашло такъ далеко, что такими способами съ забастовщиками уже не справиться.

Въ тотъ же день была закрыта, по распоряженію губернатора фабричная читальня, гдѣ по случаю свободнаго времени было непомѣрно много читателей, усиленно и молча читавшихъ, подъ присмотромъ цѣлой своры шпіоновъ, прошедшія черезъ двѣ цензуры книги. *) „И хорошо, что читальня закрыта“, думалъ Змѣ-

---

*) Въ Россіи можно печатать и продавать не всякія книжки, а только тѣ, которыя дозволитъ начальство. Всякая напечатанная книжка сначала прочитывается какимъ нибудь чиновникомъ (цензоромъ). Все, что ему тамъ не понравится, онъ имѣетъ право вычеркнуть изъ нея, а то и запретить всю книгу. Каждый годъ запрещается такимъ способомъ множество книгъ. Разумѣется, чиновники-цензора вычеркиваютъ изъ книгъ и изъ газетъ все то, что колетъ глаза начальству и разнымъ другимъ народнымъ обидчикамъ. Своя рука у нихъ владыка и жаловаться на нихъ некому, потому что имъ даетъ такую власть законъ, подписанный самимъ царемъ. Въ виду этого несправедливаго закона, не всякая правда попадаетъ въ газеты и въ книги. Тѣ книги, въ которыхъ говорится настоящая и полная правда о бѣдствіяхъ рабочихъ и крестьянъ (напримѣръ въ этой

евидовъ. „По нынѣшнимъ временамъ рабочіе навострились читать между строкъ и изъ каждой книги вылавливають только то, что согласно съ ними, а не съ нами. При теперешнемъ настроеніи забастовщиковъ всякая книга — сущій вредъ. Да къ тому же съ темнымъ человѣкомъ гораздо легче и справиться".

У барышни, завѣдующей читальнею, былъ произведенъ строжайшій обыскъ, но, сколько ни искали, ничего у нея не нашли.

Въ тотъ же вечеръ, 18 мая, появился и новый листокъ, гдѣ было сказано слѣдующее:

„Товарищи! Вы всѣ слышали своими ушами, какія рѣчи ведетъ наше начальство. Неужели вамъ и теперь

———————

книжкѣ), считаются въ Россіи запрещенными. Разумѣется, такой порядокъ запрещенія книгъ очень выгоденъ начальству и всѣмъ народнымъ обидчикамъ, а простому народу онъ не выгоденъ. Начальству и другимъ народнымъ обидчикамъ очень выгодна народная темнота, потому что она помогаетъ имъ обирать и обижать народъ. Желая держать народъ въ темнотѣ, при царѣ Александрѣ Ш, съ его согласія, министры придумали еще такой способъ мѣшать просвѣщенію народа. Всѣ книжки, уже дозволенныя къ печати, они велѣли раздѣлить на два сорта: книжки для господъ и книжки для народа. Въ народныя читальни, устраиваемыя для крестьянъ и фабричныхъ, теперь не допускается множество хорошихъ книгъ, особенно сочиненій тѣхъ писателей, которые стояли за народъ и старались раскрыть народу глаза (соч. Некрасова, Успенскаго, и многихъ другихъ). Начальство не допускаетъ такія книжки для того, чтобы мѣшать правдѣ проникнуть въ деревню и на фабрику. Книги, попадающія въ народныя читальни, проходятъ еще разъ черезъ руки чиновниковъ-цензоровъ, которые называются „членами ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія". Это министерство тоже стоитъ поперекъ дороги для образованія народа.

не ясно, чего отъ насъ хотятъ? Насъ просто-напросто хотятъ обобрать какъ сидорову козу, но сдѣлать это хотятъ благородно и по закону. Фабриканты и начальство — одна шайка, а инспекторъ, если бы и хотѣлъ, многаго сдѣлать не можетъ, такъ какъ у него руки связаны. Шайка эта забрала вездѣ весь рабочій людъ въ свои руки и извлекаетъ изъ него себѣ большую выгоду. Фабриканты выколачиваютъ изъ насъ себѣ копейки и гроши съ помощью расцѣнокъ, а полиція, губернаторъ, всѣ чиновники, министры, царь — выколачиваютъ изъ насъ, рабочаго люда, себѣ жалованіе подъ видомъ податей и налоговъ. Мы, простые рабочіе люди, для всѣхъ этихъ господъ — просто-напросто дойныя коровы, — тотъ только насъ и не сосетъ, кому лѣнь сосать. Наше житье-бытье господа обставили со всѣхъ сторонъ по своему. Насъ хотятъ держать голодными, насъ хотятъ держать темными, хотятъ держать униженными и безправными, неумѣлыми, не понимающими, безъ единенія, въ разногласіи. Господамъ да начальству не трудно справляться съ такими. Пораздумайте вы о нашемъ случаѣ съ забастовкой. Для чего, напримѣръ, закрыли читальню? Для того, чтобы помѣшать намъ сдѣлаться образованнѣе. Потому же въ читальню начальство не допускаетъ для фабричнаго люда очень много хорошихъ книгъ. Это разъ. Почему закрыли потребительную лавку и запретили лавочникамъ отпускать намъ въ кредитъ? Да потому, что съ голоднымъ человѣкомъ легче справляться! Оттого же и расцѣнки такъ сочиняютъ, чтобы держать насъ впроголодь, — полуголодному, молъ, человѣку не до бунтовъ. Для чего не хотятъ спрашивать нашего голоса по нашимъ же кровнымъ дѣламъ, — напримѣръ о гнилой пряжѣ, о сортахъ миткаля и проч.? Да для того, чтобы отучить насъ говорить по человѣчески, чтобы мы отучились требовать своего. Вмѣсто насъ эти господа сами хотятъ заботиться о насъ: они-де наши благодѣтели, они — ангелы добрые, они лучше нашего знаютъ, что намъ нужно, какія расцѣнки нужны на фабрикахъ, какіе законы нужно придумать „для на-

шего счастья". Придумали такіе законы, что всякій нашъ общій разговоръ съ фабрикантомъ или съ начальствомъ, по этимъ законамъ, — преступленіе, и за него — хватай-валяй, а забастовка — самое страшное изъ всѣхъ. Да какъ же намъ и торговаться-то съ ними, какъ не на забастовкахъ? Какъ же и голосъ свой общій подавать, какъ не сразу всѣмъ? Только такимъ путемъ мы съ нашими врагами-грабителями и справимся. Только противъ такой нашей борьбы съ ними они ничего и не подѣлаютъ. При такой нашей борьбѣ съ ними воинская сила намъ совсѣмъ не страшна: такъ оно сегодня и вышло. Она страшна тамъ, гдѣ шумъ есть. Если вотъ мы шумѣть будемъ и буянить, разумѣется, на насъ сейчасъ же науськаютъ ничего не понимающихъ солдатъ, изъ которыхъ начальство сдѣлало искуственнымъ способомъ вродѣ какъ машины для обузданія простого народа, и тѣ начнутъ насъ крошить, какъ турку. А раскрошивъ, унизятъ насъ еще больше, а малодушныхъ запугаютъ надолго. Потому просимъ васъ, товарищи, не поддавайтесь тѣмъ, кто совѣтуетъ вамъ драться и устраивать скандалы. Этому учатъ наши враги. Держитесь дружно. Стойте на своемъ. Наша сила въ нашей правдѣ и единеніи. А съ этимъ — никакимъ нашимъ врагамъ не справиться. Ничего они съ нами не подѣлаютъ!"

Дальше говорилось въ листкѣ, что прислано изъ Петербурга и Москвы въ пользу голодныхъ забастовщиковъ 407 руб., да изъ-за границы отъ нѣмецкихъ рабочихъ 500 рублей. „Рабочіе всего міра, писали нѣмцы, всѣ — братья, всѣ — товарищи. Фабриканты-капиталисты всего міра — наши противники и враги. Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

Этотъ листокъ попалъ въ руки Змѣевидова и смутилъ его еще больше. Юркій жандармъ совершенно терялъ голову. Онъ рѣшительно не понималъ, съ какой стороны приступить къ рабочимъ и какъ разъединить ихъ дружное, мирное и разумное упорство,—какъ помѣшать имъ держаться съ такимъ достоинствомъ.

Возвратившійся въ тотъ же день съ обысковъ, унтеръ-офицеръ Лампасовъ сказалъ Змѣевидову:

— Ваше благородіе! Вотъ тутъ одинъ человѣчекъ есть... Шустрый парень и хорошо для насъ старается. У него, говоритъ, способъ есть дебошъ устроить, если, говоритъ, казна деньги не пожалѣетъ.

Змѣевидовъ насторожилъ уши. Слово „дебошъ" чрезвычайно понравилось ему.

— Кто такой? спросилъ Змѣевидовъ Лампасова.

— Рабочій тутъ одинъ, по прозванію Кнутиковъ. Ну, его-то уже, кажись, рабочіе пронюхали, ему самому не сподручно. Но дѣло это онъ все-таки обладить берется живымъ манеромъ.

— Какимъ способомъ?

— Ужъ объ этомъ онъ ничего не говоритъ, — заработать самъ хочетъ сотню-другую.

— Что же, пускай зарабатываетъ. Пріятныя рѣчи— пріятно и слушать. Пускай придетъ, побесѣдуемъ.

— Сейчасъ прикажете?

— Пусть приходитъ хоть сейчасъ, сказалъ Змѣевидовъ. — Хоть поздненько немного, но вѣдь дѣло государственное и царево! Такого дѣла никакъ нельзя откладывать! Пусть послужитъ богу, царю и отечеству противъ бунтовщиковъ!

Когда рѣчь шла о наградѣ за полезную службу царю и отечеству, Змѣевидовъ никогда не зналъ утомленія.

Черезъ два часа послѣ этого изъ квартиры Змѣевидова выходили два какихъ-то человѣка. Одинъ былъ въ лохмотьяхъ и, повидимому, изрядно пьянъ. Другой былъ одѣтъ прилично и держалъ себя сдержанно.

— Значитъ, такъ, говорилъ Змѣевидовъ, провожая этихъ людей. — Денегъ не жалѣйте, лучше наймите больше, чѣмъ меньше. На всякій случай вотъ еще сотенная (Змѣевидовъ вынулъ изъ бумажника 100-рублевку и протянулъ ее тому, кто былъ одѣтъ получше). А ваше потомъ получите.

— Не безпокойтесь, ваше благородіе! Голодный, что

звѣрь, а кто пьянъ да голоденъ — еще того хуже. Я знаю, съ какого конца зацѣпить ихъ. Этто я сижу въ трактирѣ, а рядомъ одинъ и говоритъ: „Это по какому такому закону намъ, пайщикамъ, въ потребительной лавкѣ провизію брать запрещено? Лавка — дѣло торговое. Мы — ея собственники. Я могу, по уставу этой лавки, и съ фабрики уйти, и пайщикомъ остаться. Разбой, говоритъ, несправедливость!“ А я его разжигаю: „Вѣрно! говорю. Да что тутъ съ ними, говорю, толковать. Вѣдь въ лавкѣ ваше добро — вы его и берите. Чего ихъ-то спрашивать? Полиція, говорю, не по уставу, а безъ закона все сдѣлала. Незаконныя распоряженія полиціи не подлежатъ исполненію...“

— Ну, ты тамъ ихъ и вправду научишь закону! замѣтилъ Змѣевидовъ.

— Нѣтъ, это я только такъ, на одинъ случай. Въ другихъ случаяхъ я никогда этого не говорю. И... батюшки, пошелъ у рабочихъ тутъ разговоръ! Потѣха!

— Дѣйствуйте, дѣйствуйте! Своихъ соберите побольше.

— Какъ-бы тамъ полиція не помѣшала, — этого я боюсь.

— Это ужъ я устрою, не безпокойтесь, сказалъ Змѣевидовъ. — Только смотри: Живодерникова добро все же жалѣть надо.

— Постараемся!

— Дѣйствуйте, дѣйствуйте!

Змѣевидовъ зѣвнулъ, потянулся и потеръ себѣ руки отъ удовольствія. Дѣло-то и вправду можетъ выйти серьезное. Правда, если оно до суда дойдетъ, то судъ, чего добраго, признаетъ закрытіе потребительной лавки незаконнымъ. Но что изъ того? Тотъ же судъ скажетъ, что разбивать лавку все же не слѣдъ. Полиціи будетъ сдѣлано „замѣчаніе“, — эка бѣда — замѣчаніе-то! А забастовку мы такимъ способомъ все-же прекратимъ... Наконецъ-то Змѣевидовъ разобьетъ силы рабочихъ, да еще съ такого конца на нихъ нагрянетъ, съ какого они и не ждутъ!

ГЛАВА VII.

Было воскресенье, 19 мая. Фабричные корпуса угрюмо молчали. Не дымили трубы. Не слышалось грохота машинъ. По прежнему во дворѣ и вокругъ всѣхъ фабричныхъ зданій стояла солдатская стража. Въ школѣ, пустовавшей по случаю каникулъ, размѣщены были на постой офицеры; оттуда то и дѣло раздавался громкій раскатистый смѣхъ, и полупьяные голоса распѣвали любовныя пѣсни и чувствительные романсы. Живодерниковъ не скупился на угощеніе своихъ военныхъ защитниковъ. Одинъ офицеръ, какъ оказалось, приходился ему даже сродни: онъ былъ троюродный братъ мужа его дочери. Другой офицеръ былъ родомъ тоже изъ купцовъ, — объ этомъ Живодерниковъ узналъ очень быстро, побесѣдовавъ съ офицеромъ полчасика „по душѣ". Своя своихъ поддержитъ, а солдатская дисциплина сдѣлаетъ все прочее.

Рабочія казармы молчали. Еще со вчерашняго дня начали выдавать разсчетъ. Рабочіе брали его неохотно и медленно. Тѣхъ рабочихъ, которые уже получили разсчетъ, отдавали въ распоряженіе полиціи. Отъ нихъ отбирали паспорта, дальнимъ выдавали проходныя свидѣтельства, и они немедленно должны были уѣзжать на родину или отправляться туда по этапу. Рабочіе изъ ближнихъ деревень были отправлены подъ конвоемъ по становымъ квартирамъ. Вмѣстѣ съ разсчетомъ шло выселені изъ казармъ. Холостые торопились выселиться по добру, по здорову. Семейныхъ выселяла полиція и фабричная администрація. Полицейскіе и дворники входили въ квартиры, безъ церемоніи хватали въ охапку убогій скарбъ — постели, платье, посуду — и все тащили, на глазахъ рабочихъ, прямо на улицу, гдѣ и складывали, какъ попало, въ кучу. Бабы бранились и голосили; дѣти плакали. Мужчины, какіе тутъ были, угрюмо

посматривали на городовыхъ, и если бы тѣ были понаблюдательнѣе, то увидали бы, сколько злого чувства и ненависти слѣпые исполнители воли подлаго начальства возбуждаютъ въ рабочей толпѣ. Нѣкоторые рабочіе вступали и въ споръ съ городовыми и служащими.

— Ты чего меня выселяешь? Ты никакихъ правовъ на то не имѣешь. У меня за квартиру высчитано до 1-го числа, и до того времени я тутъ хозяинъ. Или отдайте мнѣ назадъ мои деньги за десять дней!

Надсмотрщикъ только ухмылялся и говорилъ:

— Ладно! Разсуждай тутъ съ вами о правахъ! Хватилъ въ охапку — вотъ тебѣ всѣ твои права.

— А ну, какъ тебя хватятъ? пробормоталъ угрюмо одинъ пожилой ткачъ, у котораго душа не выдержала.

— Э, да ты еще грозить вздумалъ! воскликнулъ околоточный, въ карманѣ котораго лежала „строжайшая инструкція“. — Пойдемъ-ка, голубчикъ! Посиди-ка немного въ кутузкѣ, пока не опомнишься!

И околоточный пнулъ говорившаго въ шею, саданулъ въ бокъ и велѣлъ городовому отвести бѣднягу въ полицію.

— Господинъ околоточный, за что же это? взмолилась баба.

Городовой, вмѣсто отвѣта, на ея же глазахъ стукнулъ разъ, другой ея мужа по шеѣ.

Стонъ стоялъ по семейнымъ казармамъ. Семейныхъ сгоняли даже съ Живодерниковской земли.

— Ты чего отсюда насъ гонишь, упирались тѣ, здѣсь земля божья.

— Шалишь, отвѣчали дворники. Была когда-то божья, а теперь живодерниковская.

А въ это время въ слободскомъ трактирѣ „Звѣздочка“ шло разгульное веселье. Здѣсь собрались забубенныя головушки, развеселая компанія фабричныхъ удальцевъ и пропойцевъ, какихъ немало сыщешь на любой фабрикѣ. Такимъ людямъ всегда море по колѣно. Они рады всякой работѣ и всякому жалованью, когда ѣсть

нечего, и рады всякому отдыху, когда представляется случай отдохнуть и бастовать. Есть изъ такихъ и добрые товарищи, и хорошіе люди, если они не въ пьяномъ видѣ; есть и подлецы отъявленные, готовые на всякое дѣло. А когда въ головѣ у такого молодца ходятъ винные пары, тогда лучше держись отъ него подальше.

Въ компаніи съ такими молодцами пировали и городскіе босяки, ищущіе случая выпить. Кое-кто изъ этихъ босяковъ тоже когда-то работалъ на Веселухинской мануфактурѣ и, по старинѣ считаясь „товарищемъ", самъ пришелъ и съ собой новыхъ босяковъ привелъ. Пристали къ компаніи три-четыре человѣка изъ забулдыжныхъ семейныхъ рабочихъ. Посреди компаніи сидѣлъ неизвѣстный усатый человѣкъ и велъ такія рѣчи:

— Записывайся, братцы! На нашей фабрикѣ не житье, а масляница. Не такъ, какъ на Веселухинской. Задатки сейчасъ выдамъ и магарычи справимъ, — поднесу, какъ слѣдуетъ. У насъ время горячее — хозяину рабочіе вотъ какъ нужны!

Люди записывались и получали по два, по три рубля задатку. Первымъ записался Кнутиковъ. За нимъ еще какой-то неизвѣстный человѣкъ. Получивъ задатки, они выпили, крякнули, да такъ сладко, что всѣхъ присутствующихъ соблазнъ взялъ. За этими потянулись записываться еще и еще. Винные пары зашумѣли въ головахъ. Начались жгучіе разговоры на злобу дня.

— У насъ, братцы, этакихъ порядковъ не водится, чтобы добиваться отъ полиціи закрытія потребительской лавки, да безъ ѣды людей оставлять и паи ихъ въ потребительскомъ обществѣ арестовывать. Наши-то не таковскіе! Это гдѣ же такое безчинство видано? Это разбой, только и всего! говорилъ наниматель. — По закону вотъ что полагается: коли ты уходишь изъ пайщиковъ, вотъ и получай свой пай и дивидендъ.

— Правильно! Вѣстимо правильно! закричали голоса.

— Разбой! И право слово, разбой! воскликнулъ сильно подвыпившій семейный рабочій. — Моихъ кровныхъ

денегъ 13 рублевъ за лавкой пропадаетъ. Харчи небось при разсчетѣ высчитали, а паекъ не отдали.

Настроеніе полупьяной толпы шло въ гору. Особенно громко кричали человѣкъ 15, неизвѣстно откуда взявшихся, наддававшихъ все больше и больше жару и все въ одинъ голосъ.

Вечеромъ того же дня на Веселухинской фабрикѣ свершилось въ высшей степени важное событіе: небольшая толпа рабочихъ набросилась на потребительскую лавку и пошла громить ее. Случилось это совершенно неожиданно для самихъ рабочихъ: появились неизвѣстно откуда полупьяные, буйные люди, собрались, зашумѣли, загалдѣли и разнесли. Кто собственно началъ, — и разобрать было невозможно. Пьяные люди пришли какъ-будто изъ слободки и стали кричать: „Братцы! не дадимъ себя въ обиду! Отымемъ свое! Айда на лавку!" Другіе кричали: „Разгромимъ фабрику! Что на нее смотрѣть!" „Бей полицію!" Толпа выросла быстро, сама собой. Словно изъ подъ земли появились босяки изъ города, какіе-то темные люди изъ слободки. Толкавшіеся и слонявшіеся безъ работы люди бросились смотрѣть, куда побѣжала кучка буяновъ. Изъ казармъ выбѣгали рабочіе, которыхъ еще не успѣли выселить, и присоединялись къ толпѣ. Семейные, уже выселенные изъ насиженныхъ гнѣздъ, и холостая молодежь, ночевавшая подъ открытымъ небомъ, смотрѣли -смотрѣли на „смущеніе" и не выдержали: кое-кто присоединился къ буянамъ. „Бей!" оралъ Кнутиковъ и съ аншпугомъ въ рукѣ полѣзъ на крыльцо лавки. Онъ первый ударилъ въ ея дверь. Въ одно мгновеніе дверь была выломана, и толпа ворвалась внутрь. Четыре солдата, охранявшіе лавку, были смяты. Кнутиковъ схватилъ ружье, оброненное солдатомъ, и выстрѣлилъ. Раздался еще выстрѣлъ. То стрѣлялъ солдатъ, котораго ударилъ кто-то палкою по спинѣ. Двое рабочихъ упали. „Братцы!" оралъ Кнутиковъ и съ нимъ какіе-то другіе темные люди: „Нашихъ бьютъ! Братцы! Не выдавайте!"

„Нашихъ бьютъ!" разнеслось по фабричнымъ казар-

мамъ и по слободкѣ съ быстротою молніи, и оттуда побѣжали къ лавкѣ взволнованныя толпы народа. Люди бѣжали, какъ оглашенные, не разсуждая, куда бѣгутъ, что изъ этого выйдетъ. Городовые бросились было въ толпу, но были тотчасъ же смяты и избиты. Площадка у лавки была залита народомъ, море головъ волновалось, люди лѣзли другъ на друга.

— „Лавку громятъ!“ кричали въ толпѣ.

Услышавъ непріятную вѣсть, Савелій Никитичъ Живодерниковъ поблѣднѣлъ и затрясся и сейчасъ же отдалъ строжайшій приказъ своимъ чадамъ и домочадцамъ собираться въ дорогу — ѣхать въ коляскѣ въ городъ. По телефону дано было знать исправнику и Змѣевидову, но начальство почему-то не торопилось пріѣзжать; надо полагать, потому что по случаю праздничнаго дня ничего худого не ожидали. На мѣсто погрома со стороны фабрики бѣжали солдаты, держа ружья на перевѣсъ. Толпа еще больше остервенилась при видѣ солдатъ. Въ нихъ полетѣли камни и доски. Капитанъ, бѣжавшій впереди солдатъ, пробовалъ что-то говорить. Его словъ не было слышно. Солдаты остановились и выстроились „во фронтъ“. Громадная тысячная толпа въ это время окружала уже зданіе фабричной лавки. Люди въ этой толпѣ стояли неподвижно и смотрѣли на разгромъ, какъ на зрѣлище, отпуская по временамъ зубоскальныя замѣчанія насчетъ ловкости небольшой кучки буяновъ, неистово продолжавшихъ разгромъ. „Ишь саданули!“ „Ишь сыръ-то, что твоя бомба, вылетѣлъ! Ахъ, дьяволы!“ Не препятствуя буянамъ дѣлать ихъ разбойничье дѣло, толпа и не думала расходиться, какъ требовалъ отъ нея капитанъ. Пробиться черезъ эту толпу до самой лавки можно было, только проложивъ дорогу штыками. Надъ головами этой толпы видно было лишь отчасти, что творится въ самой лавкѣ. Оттуда летѣли разломанные ящики, кули съ мукой, апельсины, ломанная мебель. То и дѣло раздавалось дребезжаніе разбиваемыхъ стеколъ и посуды. Солдаты взяли ружья на перевѣсъ и двинулись на толпу. Толпа медленно и слов-

но нехотя разступалась передъ ними и тотчасъ же закрывалась позади нихъ. Рабочіе, составлявшіе эту толпу, не бушевали, а стояли неподвижно и смотрѣли точно на зрѣлище: „что-то будетъ дальше?“ Солдаты медленно, медленно пробирались въ тѣснотѣ. Ряды ихъ разстроились. Они увязли въ мирной толпѣ, какъ въ болотѣ.

— Горитъ! вдругъ пронесся крикъ въ воздухѣ, и толпа шарахнулась въ сторону, увлекая съ собой и солдатъ. Огненные языки показались въ окнахъ лавки. „Впередъ!“ раздался крикъ команды. Солдаты сомкнулись и бросились впередъ, не разбирая препятствій. Они задѣли штыками кой-кого изъ рабочихъ. Раздались стоны и крики.

— Бьютъ нашихъ! бьютъ! бьютъ! снова пронесся отчаянный крикъ въ толпѣ. — Братцы! не давайте въ обиду!

Въ солдатъ полетѣли камни, обломки мебели, бутылки съ масломъ. По лицу капитана текла кровь,—ему ранили голову увѣсистымъ камнемъ. Въ ярости и отчаяніи вымуштрованный въ корпусѣ вояка скомандовалъ солдатамъ: „Стой!“ „Пальба ротой!“ Ближніе ряды рабочихъ шарахнулись въ сторону, давя и топча другъ друга. Новый градъ камней полетѣлъ въ солдатъ. „Рота, пли!“ Раздался залпъ, и толпа бросилась бѣжать въ разсыпную. На полѣ битвы осталось четыре человѣка убитыхъ и нѣсколько раненыхъ.

— Нашихъ убиваютъ! загудѣло на фабричномъ дворѣ и по казармамъ. И, поддаваясь слѣпой ярости и стихійной силѣ, не слушая увѣщаній Вологдина, Кораблева и другихъ опытныхъ и благоразумныхъ людей, толпа бросилась съ гиканьемъ и воемъ на фабричный дворъ. Въ одно мгновеніе городовые, стоявшіе у воротъ, были смяты; отрядъ солдатъ, охранявшій контору, отброшенъ, ружья у солдатъ отняты, солдаты избиты. Въ конторѣ, по случаю воскреснаго дня, къ счастью, никого не было. Дверь была выломана въ одну секунду. Толпа съ остервенѣніемъ бросилась на конторскіе шкафы, сто-

лы и книги и съ слѣпой яростью принялась все ломать и рвать. Когда къ конторѣ пришелъ скорымъ шагомъ другой отрядъ солдатъ, отъ конторскаго имущества не оставалось уже ничего; конторскіе книги, счета и векселя летали по вѣтру, разорванные въ мелкіе клочки, а толпа ворвалась въ ткацкій корпусъ и разрушала тамъ станки. Все, что за многіе, многіе годы накопилось въ рабочей душѣ, обиженной и униженной, и придавленной тяжелой нищенской жизнью, все вышло наружу и дало себя знать въ страшномъ разгромѣ. „Пропадать, такъ пропадать!“ кричали рабочіе, разрушая станки, разрывая основы. „Пропадать, такъ пропадать, — пусть вмѣстѣ съ нами пропадаютъ и хозяйскіе достатки!“

Когда фабричный дворъ былъ очищенъ выстрѣлами отъ бунтующей толпы, разрушеніе корпусовъ еще продолжалось. Солдатамъ пришлось штыками очищать фабричныя отдѣленія. Часть толпы, человѣкъ 200, была загнана въ уголъ фабричнаго двора и окружена войсками. Прижатые къ желѣзной рѣшеткѣ забора, рабочіе пробовали ее ломать, чтобы вооружиться ею и дать отпоръ войскамъ. Камни по прежнему летали въ солдатъ, которые ожесточались и били рабочихъ, какъ-будто это были иноземные враги. Изъ толпы рабочихъ то и дѣло выскакивали впередъ полуодѣтые, голодные люди въ лохмотьяхъ и, выставляя впередъ обнаженную, впалую, чахоточную грудь, неистово кричали: „Ну, на! стрѣляй. Вотъ тебѣ турка! Вотъ тебѣ французъ!“

— Братцы! вопили другіе солдатамъ. — Побойтесь бога! не будьте Каинами!

* * *

На мѣсто побоища пріѣхали губернаторъ, прокуроръ окружнаго суда, судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, Змѣевидовъ, инспектора и другое начальство. Когда побоище окончилось, на мѣстѣ осталось человѣкъ 11 убитыхъ, человѣкъ 29 раненыхъ. Потре-

бительская лавка и контора были уничтожены. Дома директора Зубалова и самого Живодерникова разграблены и опустошены. Въ двухъ фабричныхъ отдѣленіяхъ ткацкаго корпуса станки были поломаны. Огромный паровой двигатель, одушевлявшій своею громадной силой всю фабрику, сильно поврежденъ.

Взирая на страшную картину опустошенія, и губернаторъ, и судейскія власти приходили въ ужасъ. „Звѣри! истинные звѣри — эти рабочіе!“ „Не убѣждать ихъ нужно, а стрѣлять въ нихъ! Цѣпи имъ нужны! Ярмо!“ И они съ нескрываемымъ омерзѣніемъ и презрѣніемъ отворачивались отъ длиннаго ряда труповъ, лежавшихъ подъ брезентомъ на фабричномъ дворѣ, словно это были не люди, а падаль. Съ такимъ же чувствомъ злобы и омерзѣнія губернаторъ и другіе „побѣдители“ взирали на раненыхъ и на огромную толпу арестованныхъ, которые, какъ стадо скота, были согнаны въ фабричный подвалъ и заперты тамъ подъ сильною охраною солдатъ. О забастовкѣ теперь нечего было уже и думать. Она потонула въ крови и пожарѣ и въ испугѣ безоружной толпы, сломленной вооруженною, вымуштрованною солдатскою силой. Слишкомъ 300 человѣкъ были арестованы. Упоеніе толпы злобой, вырвавшеюся наружу, прошло, въ душѣ осталось лишь тяжелое, гнетущее чувство обиды и сознанія собственнаго безсилія...

Въ числѣ арестованныхъ былъ и Вологдинъ. Его арестовали въ ту самую минуту, когда онъ всячески уговаривалъ и умолялъ товарищей не насильничать и не производить разгрома. Вологдина арестовалъ Лампасовъ который, впрочемъ, отлично слышалъ, что говорилъ толпѣ мрачный слесарь.

Арестованныхъ рабочихъ окружили солдатами и погнали въ городъ, въ тюрьму. Тамъ ихъ размѣстили по камерамъ. Арестованные сидѣли словно сельди въ боченкѣ. Ночью нечѣмъ было дышать. Среди рабочихъ были больные. Еще больше было избитыхъ. Ихъ били прикладами и кулаками на дворѣ тюрьмы. Били солдаты, полицейскіе. Избиваемые жаловались начальству: „За

что насъ, ваше благородіе, бьютъ?“ — „Такъ вамъ и надо, чортовы дѣти!“ отвѣчалъ бравый офицеръ съ молодецкими усами. — „Бунтовать противъ царя выдумали! Благодарите бога, что пока еще мало влетѣло! Потомъ больше влетитъ, такіе-сякіе!“

И правда недѣли черезъ полторы стали кое-кого тягать на допросъ. Допрашивали жандармы и судейскіе. Допросъ велся по всѣмъ правиламъ испанской инквизиціи. Жандармы старались иныхъ запугать, иныхъ обольстить, иныхъ подкупить, иныхъ поймать на словѣ, только-бы они оговорили своихъ товарищей. Изъ числа рабочихъ нашлось нѣсколько человѣкъ, которые попались на такія удочки. Но были среди нихъ и такіе, которые умѣли разговаривать съ жандармами. Они только и говорили: „Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю! Самъ ничего не дѣлалъ и другихъ не видалъ!“

— Да вѣдь о тебѣ свидѣтели вотъ что показываютъ, чортовъ ты сынъ! — топалъ на него жандармъ.

— Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

И никакихъ другихъ словъ жандармы добиться не могли. Они злились и лѣзли на стѣну, видя передъ собой такихъ людей, которые себя не жалѣютъ, зато дѣло и товарищей берегутъ.

Иные опытные рабочіе дѣлали иначе. Они на допросахъ не говорили жандармамъ ровно ничего: стояли да молчали, словно у нихъ языка не было. Жандармы и судейскіе еще больше выходили изъ себя, топали ногами, кричали, ругались гадкими словами, страшили и каторгой, и даже висѣлицей; случалось, они даже и били рабочихъ. Но тѣ стояли, какъ истуканы, и молчали. „Лучше на себя страданіе принять, чѣмъ общему дѣлу повредить!“ думалъ про себя Липаренко, который молчалъ на всѣхъ допросахъ, сколько его ни спрашивали. Жандармскій офицеръ пробовалъ было подойти къ нему съ кулаками, но Липаренко такъ посмотрѣлъ на него, что тотъ невольно остановился.

— Вы, ваше благородіе, кулаки-то оставьте, сказалъ ему Липаренко. Драться и по закону не дозволено. Если

будете драться, я и себя не пожалѣю — скандалъ устрою!

Офицеръ по глазамъ видѣлъ, что Липаренко ни передъ чѣмъ не остановится, и съ этихъ поръ сталъ поосторожнѣе. Такъ отъ Липаренко ничего и не могли добиться.

Водили на допросъ и Вологдина. Мрачный слесарь держалъ себя передъ жандармами, словно былъ у себя дома. Жандармскій офицеръ не успѣлъ еще рта раскрыть, какъ Вологдинъ сказалъ ему:

— Вотъ вы, ваше высокородіе, офицеръ. Не такъ-ли? и у васъ вотъ георгіевскій орденъ виситъ. Значитъ, вы на войнѣ были.

— Къ дѣлу! сказалъ сердито жандармъ.

— Я дѣло и говорю, продолжалъ спокойно Вологдинъ. Примѣрно сказать, если бы вы къ врагу въ плѣнъ попали, оставили-бы вы тогда офицерскую вашу честь у себя дома, или она все же бы при васъ была, коли вы честный человѣкъ?

— Къ дѣлу, тебѣ говорятъ! еще сердитѣе закричалъ жандармъ. Но ему очень хотѣлось похвастать, что и онъ воинъ, и онъ честный человѣкъ. Онъ сказалъ Вологдину: „Разумѣется, честь всегда при мнѣ и даже въ плѣну со мной".

— Вотъ то-то и есть! сказалъ Вологдинъ. Очень радъ слышать, что вы честный офицеръ. Благодарю за указаніе! По вашему честному примѣру буду и я поступать. — Я тоже теперь во вражескомъ плѣну и тоже не стану диспозицію войскъ указывать да описывать. Ужъ вы отъ допросовъ-то меня увольте. Ни слова я вамъ не скажу!

И Вологдинъ, дѣйствительно, не сказалъ ни слова. Жандармъ такъ опѣшилъ отъ его словъ, что отослалъ его тотчасъ-же назадъ въ тюрьму, — даже не уговаривалъ сдаться...

Ничего серьезнаго и важнаго о товарищахъ жандармы такъ и не узнали. Со злости они продержали всѣхъ молчавшихъ въ тюрьмѣ по 4, по 5 мѣсяцевъ, вмѣсто

двухъ. Не велика бѣда! За то путаницы на допросахъ никакой не вышло. Говорили на допросахъ только тѣ, кто ничего не зналъ, а кто зналъ — тотъ отмалчивался. Такимъ способомъ, благодаря молчанію, никто не повредилъ дѣлу. Вологдинъ особенно былъ доволенъ тѣмъ, что молчали люди даже неопытные. Такіе чаще всего вредятъ своей болтовней и путаютъ другихъ.

Однажды по тюрьмѣ разнеслась страшная вѣсть. Отъ этой вѣсти содрогнулись многія сердца, поблѣднѣли и позеленѣли многія лица. Сторожъ тюремщикъ какъ-то проговорился, что кой кого изъ арестованныхъ буяновъ и громилъ „всѣмъ прочимъ для примѣра" губернаторъ рѣшилъ подвергнуть тѣлесному наказанію, по просту говоря — выдрать, а затѣмъ отпустить на волю.

— Вишь-ты, говорилъ сторожъ, говорятъ секретная бумага такая пришла отъ самого министра. Онъ пишетъ, чтобы губернаторъ-то законами не стѣснялся, а поролъ-бы для острастки безъ всякаго закона, — авось, молъ, выпоротые-то послѣ станутъ ужъ умнѣе, — и притомъ осторожнѣе тоже.

Тотчасъ-же это извѣстіе разнеслось по всей тюрьмѣ. Арестанты заговорили, зашумѣли.

— Пусть-ка попробуютъ! пусть подступятъ, — говорилъ одинъ молодой рабочій-ткачъ, по имени Власенко. — Ужъ я тогда не пожалѣю ни себя, ни ихъ!

Онъ былъ страшно блѣденъ и дрожалъ.

— Изверги! инквизиторы! Солдатики-то еще вотъ на ихъ сторонѣ, такъ они надъ нами теперь и куражатся! И закона для нихъ нѣтъ, и суда нѣтъ, и остановить ихъ никто не можетъ. Дьяволы!

Власенко кричалъ на всю тюрьму и его крикъ сильно дѣйствовалъ на арестантовъ.

Одинъ старичекъ, Никаноръ Гусевъ, слесарь, ухитрившійся прожить до 55 лѣтъ около фабричныхъ котловъ, покачивалъ лохматой головой и говорилъ:

— Какъ же это такъ? И чего это наши обидчики бога забываютъ? Да вѣдь, чай, и у нихъ есть мясо да кости. Остервеняютъ народъ! Ну, и дьяволы-же!

Но всѣ арестованные понимали, что они въ рукахъ сильнаго, жестокаго и безсовѣстнаго врага. Они словно рыба въ садкѣ: какую рыбку захочетъ, ту онъ врагъ и вытащитъ и положитъ на сковороду... И многія сердца болѣзненно бились и трепетали, а въ другихъ закипала страшная злоба — противъ насильниковъ, противъ начальства, губернатора, министра и поставившаго ихъ царя. „Всѣ одна шайка! Ну, подождите-же, окаянные!“

Велико-же было смятеніе въ тюрьмѣ, когда по ней разнеслась новая вѣсть: всѣхъ арестованныхъ велѣно согнать на тюремный дворъ. Неужели и правда драть будутъ? „Изверги! дьяволы! убить васъ всѣхъ надо!“ не стѣсняясь, говорилъ Власенко. И кто его слышалъ, тотъ въ душѣ соглашался съ нимъ.

— Да, надо! Защищать свою честь надо! Свое человѣческое достоинство защищать надо! Положимъ предѣлъ мерзостямъ самодержавныхъ чиновниковъ и жандармовъ, и тѣхъ, кто ихъ поставилъ... Надо, надо!

А какъ это сдѣлать?... этого еще никто не зналъ. Но всѣ чувствовали, что на нихъ надвигается что-то безобразное, страшное, возмутительно-безсмысленное и жестокое. И тяжелѣе всего было въ эту минуту на душѣ у тѣхъ рабочихъ, которые были развитѣе и умнѣе другихъ

На тюремномъ дворѣ уже былъ народъ. Было множество городовыхъ, жандармовъ, сторожей и казаковъ. Ихъ было разъ въ 15 больше, чѣмъ рабочихъ. „Неужели и вправду пороть будутъ?“ Этотъ мучительный вопросъ стоялъ на душѣ у всѣхъ. Липаренко, Вологдинъ, Власенко и многіе сжимали кулаки.

Прошло полчаса мучительнаго ожиданія. Въ это время кто-то ужъ успѣлъ разглядѣть, что въ сараѣ, на дворѣ, какъ будто лежатъ пучки розогъ.

— Ѣдетъ! — пронеслось вдругъ среди толпы сторожей и служителей. Тюремное начальство засуетилось, жандармы забѣгали. „Ѣдетъ, самъ губернаторъ ѣдетъ!“ заговорили въ толпѣ рабочихъ.

И правда — отворились тюремные ворота и въ коляскѣ въѣхалъ во дворъ самъ губернаторъ. Онъ былъ въ бѣломъ кителѣ съ золотыми пуговицами, какъ всегда, напомаженъ, надушенъ. У него былъ такой жизнерадостный видъ, словно онъ пріѣхалъ въ театръ, а не на тюремный дворъ.

Губернаторъ выскочилъ изъ коляски. Тотчасъ-же его окружило тюремное начальство; откуда-то появился Змѣевидовъ, исправникъ и еще какой-то пожилой господинъ въ очкахъ — тюремный и полицейскій докторъ.

— Ню-ню-ню, все готово — не такъ-ли? зашепелявилъ губернаторъ. Отлично! отлично! Вотъ я съ ними сейчасъ поговорю!

Губернаторъ развязно и самоувѣренно подошелъ къ рядамъ арестованныхъ рабочихъ.

— А, господа бунтовщики! ехидно заговорилъ онъ.— Мое почтеніе! Вотъ вы каковы! Ню-ню-ню! хорошо, нечего сказать!

Губернаторъ надѣлъ пенснэ и, зло улыбаясь, смотрѣлъ на рабочихъ. Лица иныхъ были блѣдны. Иные опустили головы и исподлобья и зло посматривали на начальника губерніи. Липаренко сжималъ кулаки. Вдругъ губернаторъ преобразился, раскорячилъ какъ-то особенно по пѣтушиному руки, затопалъ ногами и закричалъ.

— Негодяи! Мерзавцы! Дрянь вы эдакая! Черная кость,. мразь, нищіе, сукины дѣти! Бунтовать вздумали... ню-ню-ню! Требовать, а не просить вздумали! Ню-ню-ню! „Требуемъ! требуемъ!“ Вотъ я вамъ и покажу это „требуемъ, требуемъ!“ Вотъ я вамъ пропишу Кузькину мать! Двадцать человѣкъ буяновъ будутъ сегодня на славу выпороты. По приказу его величества и по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ я такъ рѣшилъ.

Ряды арестованныхъ заколыхались. А губернаторъ задралъ голову назадъ и побѣдоносно смотрѣлъ на толпу и черезъ свое золотое пенснэ.

— Ню-ню-ню! Что скажете! Хи-хи-хи! бунтовать любите — ну вотъ и покушайте. А — хорошо? хе-хе-хе!

Губернаторъ былъ очень доволенъ, что можетъ поглумиться надъ этой безоружной толпой, окруженной христолюбивымъ воинствомъ, покуражиться и отомстить ей хорошенько за тѣ страхи, которыхъ онъ натерпѣлся передъ нею на Веселухинской фабрикѣ.

— Законовъ такихъ нѣтъ, что бы драться! вдругъ раздался громкій голосъ изъ толпы.

Всѣ люди, которые были на тюремномъ дворѣ, такъ и замерли. Остолбенѣлъ и губернаторъ.

— А? Что? что такое? Ню-ню! Кто сказалъ? — забормоталъ онъ. — Какая каналья еще разсуждать смѣетъ?

По рядамъ рабочихъ забѣгали полицейскіе, сторожа, жандармы. Ряды заколыхались. Губернаторъ не видѣлъ и не замѣчалъ, сколько скрытой злобы написано почти на всѣхъ этихъ лицахъ.

— Я сказалъ, я! вдругъ произнесъ Власенко и выступилъ впередъ. Его лицо было блѣдно-зеленаго цвѣта, глаза такъ и блестѣли.

— Ты сказалъ? А? Ню, очень хорошо! Ню вотъ съ тебя и начнемъ! — засмѣялся губернаторъ. — А! ты храбрый! Ню вотъ и хорошо!

И вдругъ онъ снова раскорячилъ руки, словно индюкъ крылья, затопалъ тонкими ножками, закричалъ.

— Ахъ ты, каналья! Еще о законѣ заговорилъ! Вотъ я тебѣ пропишу законъ-то! Будешь его знать! Сорокъ розогъ ему — десять отъ царя, десять отъ министра, да двадцать отъ меня!

Власенко стоялъ, словно мертвецъ. На него набросились тюремные сторожа и попробовали свалить его на землю. Власенко сдѣлалъ неимовѣрное усиліе и отряхнулъ ихъ отъ себя. На него набросились еще вѣрные царскіе слуги, — городовые. Началась безобразная, отвратительная борьба цѣлыхъ десяти вооруженныхъ людей противъ одного безоружнаго и слабаго. Власенко не то кричалъ, не то вылъ, кусался, царапался, пи-

палъ ногами. Его повалили на землю, скрутили руки, стащили штаны. Толпа казаковъ и городовыхъ окружила другихъ рабочихъ на тотъ случай, если они вздумаютъ вмѣшаться. Откуда-то изъ сарая появилась скамейка и розги. Власенко словно обезумѣлъ. Дюжіе сторожа привязали его къ скамейкѣ лицомъ внизъ. Губернаторъ подошелъ къ скамейкѣ, и, ехидно смѣясь, сказалъ:

— А, господинъ бунтовщикъ! Ню-ню-ню! Вотъ ты сейчасъ узнаешь, что такое русскіе законы. Законъ — тэо я да мое хотѣнье. Меня поставилъ господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, а господина министра поставилъ его величество государь императоръ, самодержецъ всероссійскій, а государя поставилъ богъ. Не хочешь-ли на бога жаловаться. А? Ню-ню-ню!

— О! О! — простоналъ Власенко, скрежеща зубами. Къ нему подошелъ докторъ въ очкахъ и пощупалъ пульсъ.

— Выдержитъ? спросилъ начальникъ тюрьмы.

— Выдержитъ! отвѣчалъ докторъ.

Началась безобразная, возмутительная экзекуція. Засвистали розги. Власенко застоналъ и забился. Губернаторъ благородно ретировался и издали смотрѣлъ на истязаніе беззащитнаго человѣка и на торжество русскаго самодержавія надъ рабочимъ людомъ. Городовые, казаки, жандармы стояли вокругъ, словно истуканы, лишенные человѣческой души. Рабочіе, окруженные ими со всѣхъ сторонъ, ждали своей участи, словно приговоренные къ смерти. Песокъ около скамейки былъ уже залитъ кровью. Дали сорокъ ударовъ. Избитаго, истекающаго кровью Власенку наконецъ сняли со скамейки и унесли на носилкахъ въ тюремную больницу. Онъ былъ безъ памяти.

— Ню-ню-ню! забормоталъ губернаторъ, который словно наслаждался кровавымъ истязаніемъ.— Этотъ будетъ помнить! Теперь другого.

Вызвали старика-кочегара Гусева. „Ваше высокородіе! Меня-то за что? говорилъ онъ. Я вѣдь не бунто-

валъ!" Губернаторъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ этихъ словъ. Два дюжихъ сторожа подтолкнули Гусева къ скамейкѣ. Старикъ, словно во снѣ, спустилъ штаны, перекрестился и легъ, не говоря ни слова.

И опять надъ скамейкой засвистали розги.

Изъ ста двадцати шести арестованныхъ были выпороты по выбору и рѣшенію губернатора двадцать человѣкъ. Почему были наказаны эти, а не другіе, ни одинъ рабочій не могъ понять. Пороли тѣхъ, кто былъ арестованъ совершенно случайно и зря. Пороли по доносамъ и наговору сыщиковъ и фабричнаго начальства, пороли тѣхъ, чье лицо не понравилось Змѣевидову и губернатору. Каждому указанію сыщиковъ и другихъ доносчиковъ и Змѣевидова губернаторъ вѣрилъ съ первыхъ-же словъ, словно они были самые честные и благородные люди, а не негодяи, сдѣлавшіеся Іудами ради денегъ.

Порка продолжалась больше двухъ часовъ. Все это время губернаторъ оставался на тюремномъ дворѣ и отъ времени до времени глумился надъ истязуемыми.— „Ню, что? Ню-ню-ню! Еще хочешь? Ню, съ тебя довольно!" Даже городовые глядѣли на истязаніе угрюмо и уныло. Веселы были лишь губернаторъ, Змѣевидовъ и исправникъ, который лебезилъ передъ губернаторомъ, словно какая-то гадина.

* *

Извѣстіе о поркѣ какъ громомъ поразило всю массу оставшихся на волѣ рабочихъ. Казалось, толпа была напугана и порабощена. Змѣевидовъ былъ очень доволенъ. Онъ достигъ своей цѣли: идея его осуществилась вполнѣ, и дѣло у с м и р е н і я м и р н ы х ъ з а б а с т о в щ и к о в ъ доведено до прекраснаго конца. Во-первыхъ, рабочіе почувствовали, что ихъ сила ничто передъ солдатскою силою, — это имъ наука и впредь. Во-вторыхъ, послѣ такого погрома они потеряли изъ своей среды столько понимающихъ людей, что долго, не

бойсь, волноваться не будутъ. Кто и остался изъ понимающихъ вожаковъ, — и тѣхъ перестанутъ слушать, потому что за это по головкѣ не гладятъ. Въ-третьихъ, — и это, быть можетъ, самое важное, — такимъ хитрымъ и ловко исполненнымъ маневромъ удалось-таки выбить рабочихъ изъ ихъ выгодной позиціи, и средство вѣрное найдено, какъ ихъ оттуда выбивать!

Змѣевидовъ злорадствовалъ. Не бойсь, рабочіе думали уже, что они вѣки-вѣчные будутъ сидѣть смирно и тихо, дожидаясь, пока фабриканты и начальство имъ уступятъ! Шалишь, братцы! Знаемъ мы теперь, какъ васъ выманивать изъ вашей позиціи! Правда, дѣло вышло немного шумно; правда еще, что и Живодерниковъ немножко пострадалъ („Бѣдный, бѣдный, Савелій Никитичъ!“ — жалѣлъ его Змѣевидовъ), и крови пролито больше, чѣмъ слѣдуетъ. „Убитыхъ жалко... О, я очень жалѣю убитыхъ! Ну, да это все пустяки сравнительно съ дѣломъ государственной важности: рабочіе, добивающіеся своихъ правъ, дѣйствительно, представляютъ величайшую опасность для русскаго государства, для самодержавія, для всего общественнаго строя... Веселухинское дѣло будетъ зато долго служить примѣромъ для всѣхъ жандармовъ: такимъ-то способомъ сколько агитаторовъ сразу выловлено изъ рабочей среды! Э, Змѣевидовъ умѣетъ сѣти раскидывать. Вотъ какъ-бы только фабричный инспекторъ не навредилъ своимъ якобы безпристрастіемъ. Ну, да вѣдь его показанія—одна статья, а показанія всѣхъ прочихъ „благородныхъ“ свидѣтелей статья совсѣмъ другая, — судейскихъ, жандармовъ, губернатора, исправника.“

— Вотъ что значитъ понимать жизнь и истинное положеніе вещей! воскликнулъ Змѣевидовъ и хлопнулъ себя многозначительно по лбу. — „Вотъ что значитъ змѣевидовская идея! И, — что особенно хорошо — я внѣ всякихъ подозрѣній. И въ голову не придетъ никому, кромѣ рабочихъ, что это я устроилъ смятеніе. И разслѣдовать все дѣло съ этой стороны некому!... И

неужели я никогда не добьюсь должности шефа жандармовъ?!“

Такъ или иначе, хоть и съ нѣкоторыми оговорками, Змѣевидовъ былъ очень доволенъ и собой, и дѣломъ, и царемъ, и богомъ, и солдатами, и всѣмъ...

Но совсѣмъ иначе чувствовалъ себя Живодерниковъ. Сидя за поломаннымъ столомъ своего когда-то роскошнаго кабинета, Живодерниковъ, вмѣстѣ съ директоромъ Зубаловымъ и главнымъ бухгалтеромъ, высчитывалъ свои неожиданные и очень крупные убытки и отчаянно ругалъ и министра, и губернатора, и инспекторовъ, и жандармовъ, и рабочихъ, и чорта, и самого бога, и всѣхъ, кого могъ припомнить въ такомъ туманномъ, взволнованномъ состояніи, въ какомъ находился. И что теперь скажутъ акціонеры?! Что скажетъ правленіе акціонерной компаніи?!

— Дьяволы! право, дьяволы! Чортъ ихъ просилъ охранять мои интересы такимъ способомъ? Чортъ ихъ просилъ мѣшать мнѣ сдѣлать уступку, когда эта самая уступка была для меня все-же выгоднѣй? Чортъ имъ велѣлъ закрывать потребительскую лавку и доводить до остервенѣнія голодную толпу? Скоро-ли вотъ теперь все исправишь и наладишь? И чего это будетъ стоить? Скоро-ли опять заманишь отшибленныхъ заказчиковъ? Да и съ векселями-то еще какъ справишься? Всѣ книги конторскія по вѣтру пущены, — ихъ по клочкамъ мальчишки собираютъ. Фабричные ребята изъ моихъ векселей нарочно цыгарки вертятъ!“

Еще больше печалилъ и самого Живодерникова, и директора другой вопросъ: откуда теперь взять этакую уйму опытныхъ рабочихъ на мѣсто арестованныхъ, уволенныхъ и высланныхъ? Неопытными-то хоть прудъ пруди, а опытные, хорошіе, словно на зло, всѣ замѣшаны въ забастовкѣ. И лучшіе машинисты, и лучшіе ткачи, и лучшіе слесаря, — ихъ-то взять откуда? Вѣдь съ фабрики ушло куда больше тысячи человѣкъ. Иные арестованы, иные высланы, иные сами взяли разсчетъ.

Передъ фабричными воротилами развертывалась во

всемъ ужасѣ печальная перспектива: въ будущемъ придется на время прекратить производство! И это въ то самое время когда его расширять бы да расширять, какъ расширяютъ другія мануфактурныя фабрики, пользуясь недавнимъ повышеніемъ пошлинъ. — Конкуренты забьютъ, не выберешся... И чортъ возьми всѣхъ этихъ министровъ и губернаторовъ, и инспекторовъ, и всѣхъ. Вѣчно они суются туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ!

Много-таки непріятныхъ рѣчей вылилось въ тотъ день изъ устъ почтеннаго Савелія Никитича по адресу министра, столь заботящагося о процвѣтаніи россійской промышленности, и всѣхъ другихъ лицъ, старающихся объ обузданіи бунтующихъ рабочихъ.

И забылъ въ это время Савелій Никитичъ, сколько трудится этотъ самый министръ, ограждая высокими пошлинами на привозные товары карманы россійскихъ фабрикантовъ. Забылъ онъ и о томъ, какъ милостиво относится министръ къ синдикатамъ, иначе сказать, къ стачкамъ фабрикантовъ и заводчиковъ, желающихъ повыгоднѣе продавать свой товаръ; забылъ и о многихъ другихъ дѣяніяхъ русскаго министра финансовъ, принимающаго куда неблизко къ сердцу интересы рабочаго люда... Все это Савелій Никитичъ забылъ, — и на этотъ разъ былъ очень недоволенъ начальствомъ. Единственнымъ его утѣшеніемъ было злобное торжество надъ рабочими. „Что? попробовали, сладко-ли бунтоваться? Небось, теперь и дѣтямъ, и внукамъ закажете быть тише воды, ниже травы!“

ГЛАВА VIII.

Черезъ четыре дня послѣ порки всѣ наказанные рабочіе были выпущены изъ тюрьмы. Трудно и передать, что было у нихъ на душѣ. Тутъ была и обида, горькая обида за поруганное человѣческое достоинство, и сознаніе своего безсилія, и злоба, больше всего злоба и

ненависть къ обидчикамъ и насильникамъ, и жандармамъ, и полицейскимъ, и сыщикамъ, и къ губернатору, и къ министру, и къ царю, который его поставилъ, и ко всѣмъ русскимъ порядкамъ, всему государственному строю сверху до низу. Изстрадавшійся больной Власенко, который еще не могъ ни сидѣть, ни ходить, съ великимъ трудомъ отыскалъ Зальштейна и разсказалъ ему о возмутительномъ беззаконіи и насиліяхъ властей. Зальштейнъ пришелъ въ ужасъ, услыхавъ его разсказъ. „Что ты говоришь! да вѣдь этого быть не можетъ!" воскликнулъ онъ, дрожа отъ злости и оскорбленія. Вмѣсто отвѣта Власенко показалъ ему свою спину, всю покрытую еще не зажившими ранами. „Ну, дьяволы! ну, твари! Ваше время еще придетъ!" воскликнулъ Зальштейнъ. „О, придетъ! еще-бы ему не придти!" стиснувъ зубы, проговорилъ Власенко. „Я на все уже теперь готовъ, — и ни себя, ни другихъ не пожалѣю." Зальштейнъ повелъ Власенко къ интеллигенту Платонычу, который повелъ его къ другому интеллигенту, котораго называли „Никодимомъ". Была-ли это кличка или настоящее имя — никто изъ нихъ хорошенько не зналъ, — да и узнавать-то никто не добивался, кромѣ полиціи, которая давнымъ давно ужъ слѣдила за „таинственнымъ незнакомцемъ", но никакъ не могла уловить его въ свои лапы. Въ тѣсной коморкѣ этого Никодима собралось нѣсколько человѣкъ товарищей съ Веселухинской мануфактуры. У всѣхъ было на душѣ то-же самое, что и у Зальштейна. Власенко сталъ снова разсказывать о губернаторскихъ истязаніяхъ. Власенко говорилъ тихо, однообразнымъ, сдавленнымъ голосомъ, какъ будто не могъ очнуться отъ того, что онъ пережилъ.

— Изверги! изверги! какъ они могли, какъ осмѣлились! нервно воскликнулъ Зальштейнъ. И неужели нѣтъ на нихъ никакой управы, никакого суда, никакого закона?

— Мы живемъ въ такомъ царствѣ, гдѣ и управа, и судъ, и законъ, и власть — все въ однѣхъ рукахъ... медленно заговорилъ Платонычъ. — Не разъ ужъ при-

ходилось намъ съ вами разговаривать о русскихъ самодержавныхъ порядкахъ. Вотъ, теперь вы видѣли ихъ лицомъ къ лицу. Вы знаете, что въ рукахъ царя вся власть, вся сила: онъ подписываетъ для васъ такіе законы, какіе ему вздумается, поддерживаетъ и закрѣпляетъ такіе порядки, какіе для васъ не удобны, вертитъ по своему желанію и судомъ, и закономъ, и вооруженной силой. По своему образу и подобію онъ наставилъ надъ вами другихъ самодержавцевъ, другихъ царьковъ, ростомъ поменьше. Въ рукахъ этихъ самодержавцевъ почти всѣ силы — и законъ, и войска, и полиція, и сыщики, и жандармерія, и даже церкви и попы-проповѣдники. Всѣ силы, кромѣ истины и справедливости. Самодержавцевъ не стѣсняетъ и не ограничиваетъ никакая другая власть, кромѣ борцовъ за народное дѣло. Самодержавцамъ и удержу нѣтъ, — дѣлайте что угодно, топчите даже тотъ законъ не, какой сами же придумали. Чтобы даже и этотъ законъ не стѣснялъ!....... Во всемъ нынѣшнемъ русскомъ государственномъ устройствѣ — сверху и донизу — самовольство и самодержавство. Отъ царя до городового. Дѣлаетъ все что хочетъ — царь, не входя и не вникая въ дѣло; издаютъ безъ всякой совѣсти и какія угодно распоряженія господа министры; дѣлаютъ все, что имъ чортъ на душу положитъ и не давая никому отчета губернаторы, земскіе начальники, полицейскіе и вся эта шайка. И вся она куражится на спинахъ и на головахъ простого народа, крестьянъ и фабричныхъ; да и интеллигентамъ, студентамъ, коли не запродадутъ они ей своей совѣсти отъ нея также плохо приходится... И суда на этихъ самодержавцевъ нѣтъ, и удержу имъ нѣтъ. Они ничего словно не боятся, ничѣмъ не стѣсняются, ни передъ чѣмъ не останавливаются, только бы имъ да другимъ народнымъ обидчикамъ жилось хорошо, да только бы народъ сидѣлъ смирно и молчалъ, пока тѣ его обираютъ...

— Да, друзья мои, это такъ — сказалъ и Никодимъ. — Это самое и есть то, что называется произво-

ломъ, иначе сказать самодержавіемъ. „Все молъ самъ держу, а всѣмъ другимъ только то и достанется, что дамъ имъ изъ милости.“ Помните, какъ читали въ щедринской сказкѣ волчьи рѣчи къ зайцу? — „Хочу — съѣмъ, хочу — может быть, ха-ха-ха! и помилую“... И такъ сверху до низу. Каждый городовой норовитъ подражать царю въ его самодержавіи. Этого добра у царя такъ много, что даже на долю городового много остается, не говоря ужъ о губернаторахъ. Елей помазанника Божія больше всего виденъ народу на полицейскихъ мордахъ и жандармскихъ фуражкахъ... ...И какъ это иные не понимаютъ, что власть городового, жандарма, сыщика, урядника, становаго — также царская власть?

— И поумадть только — тихимъ, сдавленнымъ голосомъ произнесъ Власенко — что когда-то мы молиться готовы были за царя, и всѣ царскіе порядки считали святыми, божескими!...

— Ничего въ томъ удивительнаго нѣтъ, — отвѣчалъ Никодимъ. Недаромъ еще съ дѣтства забивали вамъ голову поповскими баснями. Школьники еще и ничего не понимаютъ, а имъ ужъ въ школахъ внушается по царскому приказу: „повинуйтесь всякимъ властямъ, — всякая власть отъ Бога, даже урядническая“. Изъ ста человѣкъ только 5-6 догадаются, что это сущая ложь и наглый обманъ. Но и эти 5-6 понимающихъ — бѣльмо на глазу у начальства; и оно всячески старается выловить ихъ и расправляется съ ними жестоко. Почему такъ? Да потому, что чувствуетъ, что сила самодержавія держится на непониманіи. Пониманіе — сила, которая въ концѣ концовъ, разумѣется, обуздаетъ и ограничитъ власть самодержавной шайки. Теперь эта шайка лучше насъ видитъ, что понимающихъ людей становится съ каждымъ днемъ все больше; это ее и приводитъ въ такое бѣшенство; чуетъ она, что ничего не можетъ подѣлать противъ размноженія понимающихъ людей, — вотъ и свирѣпствуетъ на послѣдяхъ. Благо, сила-то пока еще на ея сторонѣ.

— Есть и у насъ сила, воскликнулъ Зальштейнъ. Правда, пока они еще сильнѣе насъ... Но забыли они объ одномъ: и у нихъ есть мясо, кости да шкура, и до нихъ можно добраться. А, на нихъ нѣтъ ни суда, ни управы? Неправда! На нихъ нѣтъ лишь казеннаго суда, но зато найдется другой судъ — народный! Найдется другая расправа, — мы сами найдемъ свои средства противъ этихъ мундирныхъ разбойниковъ! Они должны-же, наконецъ, держать отвѣтъ передъ трудящимся народомъ, а, значитъ, и передъ нами за свои подлыя дѣла. Мы знаемъ какъ тянуть ихъ къ отвѣту! Въ нашихъ то душахъ правда-справедливость вѣдь еще не заглохла. Среди насъ то вѣдь не мало такихъ людей, которые себя не пожалѣютъ и за правду постоятъ! Да я первый головы своей не пожалѣлъ бы, чтобы напомнить этому губернатору, что есть правда на землѣ и нельзя ее безнаказанно топтат ьвъ грязь и издѣваться надъ нею!

Власенко поднялъ голову и стиснулъ зубы...

— Ты правъ, Зальштейнъ — медленно проговорилъ Никодимъ. — И было такое время, когда революціонеры тянули къ отвѣту и заставляли дрожать отъ страха и прокуроровъ, и жандармовъ, и губернаторовъ, и министровъ, и даже царей. Самъ царь долженъ былъ долго жить затворникомъ въ своей Гатчинѣ, окруживъ себя солдатами, полиціей, шпіонами и придворными, боясь высунуть носъ изъ своей проклятой норы... Такъ его одно время и прозвали: „Гатчинскимъ военноплѣннымъ русскихъ революціонеровъ.“ И знаешь, кто его такъ назвалъ? Великій учитель соціалистовъ всего міра—Карлъ Марксъ... Это имя тебѣ хорошо знакомо. Но слишкомъ слабы были еще тогда силы народа и его друзей. Не хватило до конца этихъ силъ и полегли смѣлые борцы геройской смертью... Но и теперь еще цари не могутъ оправиться отъ прежняго сраха, живутъ словно въ чужой странѣ, и безъ охраны сыщиковъ въ своей же столицѣ показаться на улицу не смѣютъ. Коли небольшой кружокъ революціонеровъ, безъ народной поддержки,

могъ на министровъ и царей такого страху нагнать, что же будетъ, когда весь рабочій народъ будетъ напирать на правительство, и будутъ изъ него выходить такіе же смѣлые борцы? А такія времена теперь и настаютъ. Теперь сила народная, сила рабочая пробуждается. Этой силы нельзя задавить, нельзя уничтожить казнями отдѣльныхъ людей. Это сила неистощимая. До сихъ поръ она дѣйствовала мирными средствами. Не наша вина, если правительство само вынуждаетъ насъ на нихъ однихъ не останавливаться. Дѣлать нечего. Есть средства и пострашнѣе... Приходится теперь же пускать ихъ въ ходъ....

— Да, именно теперь же — живо и страстно заговорилъ Зальштейнъ. Этого губернаторскаго преступленія такъ оставить нельзя. Онъ зналъ, что дѣлалъ. Онъ хотѣлъ передъ лицемъ всѣхъ доказать, что мы ничего, что мы — червяки, которыхъ онъ можетъ топтать и заставлять безсильно корчиться отъ злобы. Ему хотѣлось предъ всѣми унизить насъ, показать свою силу и наше ничтожество. Онъ мѣтилъ на то, что не во всѣхъ въ насъ одинаково прочно засѣла рѣшимость бороться за свои права и честь до конца, чего бы это ни стоило. И вы посмотрите, Никодимъ — вотъ Платонычъ и Власенко будутъ свидѣтелями — на многихъ рабочихъ напала робость и уныніе... Трудно теперь съ ними говорить. Еще вчера они голову высоко держали, а теперь упали духомъ, ходятъ, словно пришибленные, никакъ не могутъ опомниться... Раньше всѣ твердили: „Ничего съ нами не подѣлаешь!“ А теперь ужъ иные говорятъ: „Третьяго дня, какъ выдворяли съ фабрики, вчера били и хватали, сегодня сѣкутъ... Завтра нивѣсть какъ еще надругаются... и ничего съ ними не подѣлаешь!“ Нѣтъ, надо доказать, что и мы можемъ дать сдачи всегда, когда нужно!

— Да, все это вѣрно, — подтвердилъ Платонычъ. Борьба начата, а въ борьбѣ на каждый ударъ надо отвѣчать ударомъ. Я тоже высказываюсь за то, чтобы отъ нашей руки губернатора постигла смерть. Страш-

ное, ужасное дѣло — убійство, но что же дѣлать-то, что дѣлать съ нашими насильниками? Нельзя же покорно отдавать имъ въ жертву и на поруганіе самое святое, что есть въ человѣкѣ, — его честь, его человѣческое достоинство. Во имя справедливости, во имя любви къ униженнымъ и оскорбленнымъ надо ограничить насилія нашихъ властителей ихъ собственной кровью. Сдѣлать это необходимо, и я первый готовъ себя не пожалѣть, жизнью своей заплатить, — только бы показать всѣмъ, что на такія звѣрства надо отвѣчать не слезами, а кровью! Губернаторъ давно заслужилъ свое наказаніе.

— Его надо застрѣлить, какъ собаку! вскричалъ Власенко, обводя присутствующихъ горячими глазами. Мы должны это сдѣлать, чтобы и другимъ на его мѣстѣ не такъ то повадно было насильничать надъ народомъ. Коль у этихъ насильниковъ орудіе противъ насъ — нагайки, розги и висѣлица, то у насъ противъ нихъ тоже кое-что найдется! Правда на нашей сторонѣ — и посмотримъ, кто въ концѣ концовъ побѣдитъ!

Наступило молчаніе. Всѣ чувствовали, что принято глубоко важное рѣшеніе...

— Друзья мои! прервалъ, наконецъ, тяжелое молчаніе Никодимъ. Вотъ то-то и ужасно, что у насъ пока нѣтъ никакихъ другихъ способовъ судить и обуздывать нашихъ насильниковъ. Они сами въ россійскомъ самодержавномъ государствѣ оставили намъ только одинъ способъ обуздывать ихъ — политическое убійство или терроръ, — убійство гнуснѣйшихъ изъ этихъ самодержавцевъ во имя общественной справедливости, во имя неприкосновенности своихъ человѣческихъ правъ, во имя, наконецъ, самозащиты отъ жестокостей. Всѣ другіе выходы, чтобы взыскивать съ нихъ за наши обиды и притѣсненія, закрыты для насъ. Вѣдь мы не имѣемъ ни права, ни возможности тащить губернатора нашего къ окружному суду, хотя онъ и совершилъ незаконное дѣло. Не можемъ тащить на судъ и министра, который разрѣшилъ губернатору пороть фабричный на-

родъ. А какой судъ на царя, и какъ призывать къ отвѣту царя, если онъ отдастъ вамъ возмутительный и жестокій приказъ, вродѣ полтавскаго? На министровъ тоже суда нѣтъ. Царь даже не принимаетъ жалобъ на нихъ. 40 человѣкъ русскихъ писателей попробовали было въ 1901 году пожаловаться, а царь вмѣстѣ съ министрами взяли да и сослали ихъ. Теперь всякій судъ — настоящая игрушка въ рукахъ нашихъ насильниковъ. Ихъ нельзя даже обличить всенародно въ газетахъ, потому что объ ихъ темныхъ дѣлахъ не даютъ намъ писать и печатать, не позволяютъ говорить передъ толпой на собраніяхъ. Никакого, никакого способа нѣтъ, чтобы привлечь насильниковъ къ отвѣту, кромѣ политическаго убійства и террора. Остается одно — убивать негодяевъ во имя справедливости и борьбы за народныя права.

— Но, товарищи, вы не должны обольщать себя понапрасну — прибавилъ Платонычъ. Мы всѣ согласны, что оставить такъ дѣла нельзя, что слѣдуетъ убить губернатора. Но мы не должны забывать, что отъ такого убійства еще нельзя ждать никакихъ большихъ перемѣнъ. Было бы болото, а черти будутъ. Убьемъ одного — намъ посадятъ другого, можетъ быть еще похуже, а въ лучшемъ случаѣ — тѣхъ же щей, только пожиже. Это-то и нужно помнить прежде всего. Вѣдь на вольномъ нынѣшнемъ губернаторскомъ мѣстѣ хорошій человѣкъ держаться не можетъ: онъ или испортится, или самъ уйдетъ, или его прогонятъ за „небрежное исполненіе обязанностей“. Не только люди плохи, — всѣ государственные порядки по нынѣшнимъ временамъ никуда не годятся. Не противъ людей мы и идемъ съ пистолетомъ въ рукахъ; мы идемъ противъ государственнаго порядка, имя которому — самодержавство, произволъ сверху до низу. Противъ такого „порядка“ мы поневолѣ должны выставить свой порядокъ — терроръ, т. е. политическія убійства. Этимъ мы, соціалисты-революціонеры, хотимъ сказать врагамъ народа: „пока ваши порядки будутъ таковы, то и на-

ши будутъ таковы. У васъ-то вѣдь есть иные выходы, — дайте народу волю, перестаньте насильничать, обирать и обижать, отступитесь отъ вашего самодержавства, потому что пришло время, когда самъ народъ можетъ заправлять своими собственными дѣлами.“ А у насъ то вѣдь никакихъ иныхъ выходовъ нѣтъ. Когда всѣ россійскіе законы будутъ передѣланы на пользу простого народа, то есть фабричныхъ и крестьянъ, да когда вся земля будетъ отдана крестьянамъ, да когда на фабрикахъ будутъ царствовать не купцы Живодерниковы, а сами рабочіе, да когда намъ можно будетъ свободно добиваться всеобщаго счастія на землѣ, тогда мы всѣ, соціалисты-революціонеры, перестанемъ быть врагами русскаго государственнаго порядка. А пока онъ останется таковъ какъ теперь — мы кровные враги всѣхъ насильниковъ и будемъ ими до самой смерти...

Платонычъ замолчалъ. Зальштейнъ ерошилъ свои курчавые волосы. Въ комнатѣ наступила тишина. Власенко вдругъ вскокилъ съ мѣста. Съ нимъ что то случилось. Онъ всплеснулъ руками, схватился за свою голову и — застоналъ, завылъ какимъ то дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ.

Произошло смятеніе. Зальштейнъ бросился за водой. Никодимъ подскочилъ къ Власенкѣ, прижалъ его голову къ своей груди. Власенко и плакалъ, и рыдалъ, и стоналъ, и все громче и громче.

— О! Что они со мной сдѣлали! Что сдѣлали, на весь вѣкъ опозорили! Всю жизнь испортили! Въ грязь втоптали! О, о! я этого не переживу, — я такой же человѣкъ, какъ они!...

— Ну, голубчикъ, ну, дорогой! Ну, полно! старался успокоить его Никодимъ. Онъ душевно гладилъ Власенку по головѣ, цѣловалъ его лобъ, и, глядя на эту картину, нельзя было и думать, что этотъ самый Никодимъ, такъ братски-нѣжно относящійся къ униженному и оскорбленному человѣку, за минуту передъ тѣмъ говорилъ объ убійствѣ и кровопролитіи...

— Я пойду! убью губернатора! дрожа всѣмъ тѣломъ

и судорожно стиснувъ зубы, повторялъ Власенко. Это дѣло должно быть сдѣлано мною!

И онъ снова глухо застоналъ, тщетно стараясь совладать съ щемящей душевной болью. Въ полутемной комнатѣ раздавались только эти рыданія. Всѣ товарищи были придавлены этимъ рыданіемъ, безвыходной тоской и отчаяніемъ, которыя слышались въ нихъ. Раньше другихъ заговорилъ Никодимъ.

— Нѣтъ, дорогой другъ, сказалъ онъ Власенкѣ. Это дѣло надо поставить совсѣмъ иначе. Мы всѣ хорошо понимаемъ, какъ тебѣ тяжело. Понимаемъ мы и то, что тебѣ очень хочется расправиться собственными руками съ губернаторомъ. А все таки, мой другъ, ты никоимъ образомъ не долженъ брать это дѣло на себя. Да, и тебя, и другихъ нашихъ товарищей, губернаторъ-звѣрь страшно оскорбилъ. Но развѣ суть то дѣла здѣсь въ томъ, что такой то оскорбилъ такихъ-то? Не одинъ этотъ губернаторъ такъ дѣйствуетъ и не насъ однихъ такъ губернаторъ оскорбляетъ. Вся то суть въ томъ, что при нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ всякій губернаторъ имѣетъ право и можетъ оскорбить такъ всякаго рабочаго и втоптать его въ грязь, какъ послѣдняго червяка. Вотъ чѣмъ нужно возмущаться, вотъ гдѣ корень того, что мы всѣ пережили и испытали. Этимъ то и нужно возмущаться. Всякій мало мальски честный, порядочный человѣкъ долженъ этимъ возмущаться, понимаешь-ли ты, Власенко, — не ты одинъ и не только тѣ, кто оскорбленъ вмѣстѣ съ тобой, а всѣ люди, всѣ, какіе тамъ ни на есть. Всѣхъ людей въ вашемъ лицѣ оскорбилъ этотъ губернаторъ, этотъ ретивый царскій слуга, этотъ защитникъ несправедливаго государственнаго устройства. Всякій человѣкъ, въ коемъ есть душа живая и отзывчивая, долженъ встать на вашу защиту, то есть на защиту всѣхъ обиженныхъ и поруганныхъ людей. Это долгъ, это святая обязанность всякаго честнаго, отзывчиваго человѣка. Понимаешь-ли, это долгъ. Чувство то здѣсь на второмъ мѣстѣ, а личнымъ то обидамъ здѣсь

и мѣста нѣтъ. Другъ мой, тотъ человѣкъ и есть настоящій революціонеръ, кто встаетъ на защиту всѣхъ людей, обиженныхъ и угнетенныхъ несправедливымъ государственнымъ устройствомъ, и встаетъ не изъ личной мести, а во имя долга и справедливости и любви къ человѣку вообще, то есть ко всѣмъ людямъ. Революціонное дѣло — это и есть дѣло борьбы за счастье и волю трудящагося народа. Это дѣло для насъ больше всего, дороже всего. Вотъ чему мы должны жертвовать собою, и мы этому дѣлу всѣмъ жертвуемъ, — и умъ, и силы, и настроеніе, и вся жизнь — все ему! Есть же вѣдь на Руси и другіе революціонеры, кромѣ тебя, и ихъ не мало, и съ каждымъ днемъ ихъ становится больше и больше. Они и возьмутъ на себя расправу съ губернаторомъ. А ты возьми себя въ руки и съ собою совладай какъ слѣдуетъ! Такъ надо...

— Надо!... Почему надо? угрюмо спросилъ Власенко.

— А вотъ почему, продолжалъ свою рѣчь Никодимъ. Необходимо надо сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ и каждому стало ясно и понятно, изъ за чего убитъ губернаторъ. А какъ это сдѣлать? Если его убьешь ты, въ народѣ станутъ говорить, (да и начальство станетъ такимъ разговорамъ поддакивать), что вотъ молъ „такой то Власенко былъ высѣченъ губернаторомъ, а изъ-за личной мести взялъ онъ да губернатора и застрѣлилъ“. Всѣмъ извѣстно, что люди изъ-за личной мести всякія тамъ дѣла совершаютъ, потому что изъ-за обиды дѣйствуютъ какъ бы безъ разсужденія. Убійства изъ-за личной мести случаются каждый день, и грошъ имъ цѣна. „Чтожъ тутъ особеннаго, скажутъ, что лично оскорбленный человѣкъ постоялъ лично за себя, отомстилъ лично своему обидчику?“ Не такіе разговоры намъ нужны! Убійство губернатора нужно для того, чтобы кое-что разъяснить народу и властямъ, нужно имъ показать, что это убійство — дѣло не личное, а общественное, это борьба трудящагося народа, съ несправедливымъ устройствомъ государства, это отвѣтъ рабочихъ революціонеровъ на

преступленія правительства, это доказательство того, что народъ — не стадо безотвѣтное и что въ народѣ есть люди, которые могутъ, умѣютъ, хотятъ, считаютъ своимъ долгомъ давать отвѣтъ... Никакого личнаго чувства не должно быть замѣшано въ это дѣло. Можетъ случиться потомъ, что человѣкъ, кому выпадетъ на долю стрѣлять, попадется въ лапы жандармовъ, то есть царскихъ властей; разумѣется, онъ скажетъ, ради чего онъ дѣйствовалъ такъ; тогда всѣмъ и каждому сразу будетъ ясно, что онъ дѣйствовалъ совершенно безкорыстно, и не самъ онъ былъ задѣтъ, и не себя защищалъ, а другихъ: онъ защищалъ обиженный народъ, онъ былъ самоотверженнымъ борцомъ и представителемъ обиженнаго трудящагося народа. Такъ и должно быть: всѣ должны понять, что это убійство не личное, а общесвенное дѣло. Оскорбленному месть сладка. Но мы, революціонеры, должны всѣмъ доказать, что боремся съ несправедливымъ устройствомъ государства не изъ-за мести, хотя оно и очень даже понятное и естественное чувство. И я убѣжденъ, что когда рабочій народъ побѣдитъ, (а онъ разумѣется побѣдитъ), не станетъ онъ мстить своимъ побѣжденнымъ врагамъ, а покажетъ всему свѣту примѣръ такого великодушія, какого еще не бывало во всѣ времена. Но даже и теперь, когда врагъ во всей силѣ, мы должны всѣмъ показать, что каждый нашъ ударъ, который мы ему наносимъ, — вовсе не личная месть, а, напротивъ, — это обдуманный поступокъ въ интересахъ общей борьбы, необходимое средство этой борьбы.

Власенко угрюмо молчалъ, опустивъ голову. Сначала онъ какъ будто порывался что то сказать, но что было возражать противъ спокойной и обдуманной рѣчи Никодима? Въ глубинѣ души Власенко чувствовалъ, что Никодимъ правъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось еще мириться, что за его оскорбленіе дадутъ отвѣтъ другіе революціонеры.

— Въ тебѣ какъ будто еще кипитъ ненависть, ска-

залъ Никодимъ. Другъ мой, да вѣдь это даже хорошо, что она есть: эта ненависть правая и законная. Но вѣдь тебѣ хотѣлось бы излить ее теперь же, въ одномъ поступкѣ. А вотъ этого то пока и не слѣдуетъ дѣлать. Нот ы ее копи, — копи эту святую, справедливую ненависть, преврати ее въ могучую, всесильную революціонную страсть; выработай изъ себя съ ея помощью неустаннаго борца-революціонера, — борца на всю жизнь. О, эта твоя ненависть и эта страсть еще пригодится! Дѣла то для тебя найдется вѣдь не мало, — начались вѣдь уже революціонныя времена. Ты еще вѣдь будешь вкладывать эту страсть цѣликомъ въ каждое дѣло, какое выпадетъ на твою долю въ общей революціонной работѣ, то есть въ борьбѣ съ несправедливымъ устройствомъ государства*). Тотъ, кто пойдетъ стрѣлять въ губернатора, совершитъ подвигъ геройскаго самоотверженія; но и тотъ, кто подавитъ въ себѣ, во имя высшихъ интересовъ общаго дѣла, свою личную жажду мести, этотъ тоже совершитъ дѣло такого же беззавѣтнаго самоотверженія. Тебѣ, Власенко, я желаю отъ всей души побольше силъ для такого самоотверженія. Тяжело тебѣ будетъ, но неужели ты не найдешь въ себѣ довольно силъ, чтобы сдержать себя и исполнить свой долгъ?

Никодимъ дружески положилъ Власенкѣ руку на плечо; а тотъ по прежнему сдѣлалъ, опустивъ голову, и молча глоталъ слезы.

— Теперь, сказалъ Никодимъ, намъ пора покамѣсть расходиться. Завтра или послѣ завтра я созову кое-кого изъ васъ, чтобы потолковать насчетъ тѣхъ дѣлъ, какія теперь у насъ рѣшены.

— Какія же это дѣла? спросилъ Власенко.

---

*) Въ книжкѣ „Несправедливое устройство русскаго государства“ подробно разъяснеыо, что всѣ нынѣшніе порядки устроены невыгодно для трудящагося народа, и указано, какимъ способомъ слѣдуетъ бороться за ихъ лучшее устройство.

— Намъ нужно устроить „боевую рабочую дружину“. Эта дружина и должна взять на себя расправу съ губернаторомъ. Не всѣмъ же намъ за это браться. Въ борьбѣ, какъ и во всякой работѣ, должно быть распредѣленіе труда: одни революціонеры должны дѣлать то, другіе другое. Одни пускай ведутъ борьбу на фабрикѣ, такъ же настойчиво и упорно, какъ и раньше, а „боевая рабочая дружина“ нужна для такихъ, напримѣръ, дѣлъ, какъ судъ и расправа съ губернаторомъ. Это дѣло нужно сдѣлать по всѣмъ правиламъ, — чисто на чисто... Въ это дѣло должны путаться только очень немногіе.

— Это правильно! сказалъ Кораблевъ.

— Выходитъ, значитъ, такъ, — вставилъ свое слово Зальштейнъ. Борьбу нужно вести всячески,—гдѣ какъ нужно и какъ когда удобнѣе: въ иныхъ случаяхъ — тихо и мирно, вродѣ того, какъ мы на нашей фабрикѣ; а въ другихъ случаяхъ съ оружіемъ въ рукахъ; гдѣ напирать скопомъ, а гдѣ — одинъ на одинъ, вродѣ какъ единоборство устраивать. Все равно какъ на войнѣ: гдѣ штурмъ, а гдѣ осада, чтобы взять врага измором; гдѣ наступленіе сомкнутымъ строемъ, гдѣ — разсыпаются цѣпью, а гдѣ — какой нибудь отрядъ охотниковъ смѣлую вылазку дѣлаетъ; а, въ концѣ концовъ, все къ одному.

— Именно, именно! сказалъ Никодимъ. Это я и хотѣлъ сказать. Одни способы борьбы должны помогать другимъ, должны подкрѣплять другъ друга. Вѣдь и въ нашемъ дѣлѣ такъ выходитъ... Вотъ вы объ этомъ и подумайте къ слѣдующему разу.

Товарищи стали расходиться. Остались у Никодима только Зальштейнъ и Власенко.

— Ну, братъ, сказалъ Зальштейнъ, обнимая товарища. Наше дѣло на ладъ идетъ. Только возьмись за него какъ слѣдуетъ, — смотришь, оно уже само растетъ! Никакимъ самодержавцамъ — отъ урядника до царя — не поздоровится, коли мы ихъ станемъ жарить съ двухъ сторонъ: съ одной — будетъ дѣйствовать

боевая рабочая дружина, а съ другой — нашъ рабочій комитетъ!

Повеселѣлъ немного и Власенко.

— Восчувствуютъ, восчувствуютъ наши самодержавцы, насильники и обидчики, что народъ не стадо и что на нихъ самихъ судъ и расправа есть....

— Когда одного городового или сыщика проучимъ — всѣ другіе умнѣе становятся. Когда одного губернатора убьютъ, — всѣ другіе восчувствуютъ, что и съ ними это же самое можетъ случиться. Когда одного министра подстрѣлятъ, всѣ другіе поймутъ, что они должны держать отвѣтъ не только передъ царемъ, а и передъ народомъ. Каждый народный приговоръ, исполненный какъ слѣдуетъ, тотчасъ же отзовется во всѣхъ вражескихъ рядахъ и приведетъ ихъ въ замѣшательство. Это намъ теперь на руку!

— Такъ-то такъ, сказалъ Никодимъ, но все же главная суть приговора не въ томъ, чтобы страхъ нагонять.

— Это я понимаю, понимаю, сказалъ Зальштейнъ. А тоже и это не мѣшаетъ, — пусть идетъ одно къ одному.

— Обиженные то и униженные какъ встрепенутся, когда губернатора убьютъ, проговорилъ Власенко. Вотъ то обрадуются, вотъ то заговорятъ: „Слава Богу и на народныхъ обидчиковъ есть теперь судъ и расправа, и у народа есть друзья и защитники его чести изъ его же собственныхъ рядовъ... Вотъ что дорого!...

— Прошли тѣ времена, когда революціонеровъ было мало и когда народъ не понималъ, что они такое, сказалъ Никодимъ. Теперь то насъ съ каждымъ днемъ становится все больше. Изъ разныхъ сословій люди пристаютъ къ борьбѣ и становятся революціонерами — и студенты, и рабочіе, и крестьяне, и учителя и учительницы, и писатели и доктора. Царство самодержавныхъ насильниковъ къ концу приходитъ. Приближается царство народнаго самоуправленія, когда всѣ власти будутъ служить не по назначенію подла-

го начальства, а по выборамъ, и выбирать ихъ будетъ самъ народъ, каждое село, каждая волость, каждый уѣздъ, каждая губернія; будутъ и законодатели выборные, будутъ и судьи выборные, будетъ и глава государства выборный, и всѣ они будутъ обязаны давать народу отчетъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ и распоряженіяхъ и въ случаѣ чего держать за нихъ отвѣтъ. Будетъ тогда и земля для всѣхъ общая, и ею будетъ владѣть тотъ, кто ее обрабатываетъ своими силами; будутъ и фабрики и заводы общіе, и ими будутъ владѣть тѣ, кто на нихъ работаетъ. Не будетъ тогда тунеядцевъ-богачей и нищихъ рабочихъ. Не будетъ ни битья, ни пуль, ни шпіоновъ, ни высылки... Все государственное устройство народъ передѣлаетъ по своему и по справедливости, только бы онъ поскорѣе самодержавцевъ прогналъ, — да своихъ выборныхъ завелъ...

* * *

Спустя недѣли полторы послѣ этого собранія, въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" появилось и потомъ обошло всѣ газеты слѣдующее краткое сообщеніе.

„Еще одинъ вѣрный царскій слуга подвергся дерзкому нападенію со стороны враговъ законнаго порядка. Около 12 часовъ ночи, когда его превосходительство г. начальникъ губерніи, возвращаясь изъ театра, проѣзжалъ по цѣпному висячему мосту черезъ рѣку Микулицу, какой-то неизвѣстный человѣкъ, плохо одѣтый, подъ покровомъ темноты, успѣлъ приблизиться къ медленно ѣхавшему по мосту фаэтону и почти въ упоръ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ. Однимъ изъ этихъ выстрѣловъ оцарапана шея г. начальника губерніи; другая пуля застряла въ лѣвомъ плечѣ. Къ несчастію, лошади, испуганныя выстрѣлами, понесли, оглобля фаэтона зацѣпилась за желѣзныя цѣпи моста, фаэтонъ опрокинулся, и его превосходительство получилъ сильные ушибы головы. Пользуясь происшедшимъ смятеніемъ

и замѣшательствомъ, гнусный злоумышленникъ бросился черезъ перила моста въ рѣку. На мосту остались свалившіеся съ него во время прыжка шапка и рыжій парикъ. Производится разслѣдованіе по этому дѣлу, и нѣтъ сомнѣнія, что преступникъ будетъ открытъ, если только божья кара уже не совершила своего суда, и онъ не нашелъ заслуженной смерти въ быстроходномъ теченіи рѣки. Есть основаніе предполагать наличность соучастниковъ, розыски ихъ ведутся по свѣжимъ слѣдамъ. Къ несчастію, здоровье г. начальника губерніи внушаетъ серьезныя опасенія. Будемъ надѣяться, что его превосходительство, жертва самоотверженнаго и энергичнаго служенія своему долгу, сохранитъ возможность оставаться на своемъ боевомъ посту, несмотря на всѣ козни враговъ самодержавія, православія и отечества".

Слухами о смѣломъ покушеніи былъ наполненъ весь городъ. Оказалось, что благодаря ночному времени и сумятицѣ, поднявшейся въ то время, какъ лошади понесли и опрокинули фаэтонъ, никто не могъ разглядѣть лица стрѣлявшаго. Одни говорили, что это былъ молодой человѣкъ, другіе — что это пожилой и чуть ли не старикъ; кто то утверждалъ, что его лицо было въ прыщахъ и кровоподтекахъ; другіе выдавали за вѣрное, что онъ просто на просто былъ сильно накрапенъ. Утверждали, будто незадолго до покушенія около моста что-то подозрительно долго вертѣлась какая то лодка, или даже двѣ лодки. Нѣкоторые видѣли лодку, въ которой сидѣли двѣ барышни и одинъ студентъ. Въ эту сторону и направились усиленные розыски. Наконецъ, загадочная лодка была обнаружена, — но увы! оказалось, что въ ней просто катались, благодаря хорошей погодѣ, люди, стоящіе „выше всякихъ подозрѣній": двѣ дочки судебнаго слѣдователя и ихъ двоюродный братъ, студентъ-оптеецъ. Полиція, какъ ни металась, больше ничего и никого не разыскала; пришлось ей утѣшаться тѣмъ, что надо полагать, „преступникъ" погибъ въ рѣкѣ. Редакторъ „Губернскихъ Вѣдомостей" не мало наго-

ворилъ по этому поводу въ передовой статьѣ разныхъ звонкихъ словъ о „перстѣ божіемъ, справедливо наказывающемъ, о вседержителѣ-богѣ, защищающемъ губернаторовъ и всѣхъ вѣрныхъ царскихъ слугъ, о злодѣяхъ, которымъ уготована на томъ свѣтѣ геена огненная, и проч. и проч.“ Власти обшарили чуть не всю рѣчку неводами, потому что разсчитывали найти мертвое тѣло утопленника; но оно не попадалось и не всплывало ни около города, ни ниже по теченію. Словомъ, несмотря на все усердіе сыщиковъ, жандармовъ и полицейскихъ, слѣдствіе окончилось ничѣмъ, „преступника“ не нашли...

Между тѣмъ черезъ день послѣ покушенія по городу изъ рукъ въ руки переходили какія то таинственныя прокламаціи или печатныя бумажки. Обыватели читали и перечитывали. Слухъ объ этихъ бумажкахъ заставилъ снова заволноваться всю полицію. Еще черезъ день такія же печатныя бумажки были расклеены во множествѣ по стѣнамъ. Они носили названіе „За что наказанъ голодаевскій губернаторъ“...

Толкамъ, слухамъ, разговорамъ въ городѣ конца не было. Поведеніе губернатора во время порки стачечниковъ подробно обсуждалось повсюду. Рѣдко кто не признавалъ, что наказаніе было губернаторомъ вполнѣ заслужено. Весь городской мелкій людъ, мѣщанство, вообще „простонародье“ явно сочувствовало „преступнику“, а не губернатору. Про рабочихъ и говорить нечего. Общей радости и воодушевленію не было конца. „Ай да наши!“ шептались рабочіе между собой. „Вотъ это такъ чистая работа! Ловко дѣвки стряпали, въ печкѣ ложки спрятали!“ раздавалось повсюду. Повеселѣлъ и тотъ, кто раньше пріунылъ. А такихъ до этого времени тоже было не мало... Прошло нѣсколько времени, — и городовые, и шпіоны стали замѣчать, что рабочіе начинаютъ какъ будто подымать голову, держать себя не по прежнему. Пользуясь ночнымъ временемъ, рабочіе сильно избили нѣкоторыхъ извѣстныхъ сыщиковъ. Возбужденіе росло, и ходили слухи, что подготов-

ляется демонстрація, то есть многочисленное шествіе народа по городу со знаменами и пѣснями, для того, чтобы показать всѣмъ и каждому, чего добиваются рабочіе. Въ расклеенныхъ по городу прокламаціяхъ между прочимъ говорилось: „Каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго! Невѣдомый, счастливо скрывшійся мститель выступилъ за достоинство и честь всѣхъ борющихся рабочихъ. Докажите же, товарищи, своимъ поведеніемъ, что онъ только выполнилъ вашъ приговоръ, написанный давно въ вашихъ сердцахъ. Заявите объ этомъ всенародно, дружно и смѣло, на улицахъ и площадяхъ. Долой самодержавіе! Долой всѣхъ большихъ и малыхъ царьковъ, издѣвающихся надъ правами рабочаго люда!“

Въ ожиданіи демонстраціи полиція заметалась еще пуще прежняго. Полетѣли телеграммы къ министрамъ. Вызваны были войска изъ сосѣдняго губернскаго города. Квартировавшій въ городѣ полкъ былъ замѣненъ другимъ. Такъ сдѣлали потому, что на солдатъ разсказъ о поркѣ тоже подѣйствовалъ какъ слѣдуетъ: среди нихъ пошли разговоры не въ пользу начальства. Въ казармахъ тоже часто стали ходить по рукамъ листки „къ русскимъ солдатамъ отъ русскихъ рабочихъ“... Въ нихъ говорилось о томъ, за какое дѣло борется рабочій народъ, и рабочіе уговаривали солдатъ не стрѣлять въ своихъ братьевъ. Полиція стала усиленно высылать изъ горсда рабочихъ, замѣшанныхъ въ забастовкѣ. Какъ нарочно, на сосѣдней Жмыховской мануфактурѣ рабочіе повздорили съ хозяиномъ; тотчасъ же къ нимъ явились фабричный инспекторъ и жандармскій офицеръ улаживать „недоразумѣніе“. Хозяину было „внушено“, что въ такое безпокойное время лучше уже уступить... „Наверстать вѣдь можно будетъ и потомъ, когда все снова войдетъ въ обычную колею.“ Рабочіе весело смѣялись: „ага, шелковыми сдѣлались! лебезитъ передъ нами начали! то-то, видно не по носу крѣпокъ пришелся вамъ нашъ табачекъ!“

А что же сталось съ губернаторомъ? На радость „ца-

рю и отечеству" онъ остался живъ: доктора какимъ то способомъ извлекли пулю изъ его тѣла и залечили его раны. Какъ водится, царь прислалъ своему вѣрному слугѣ поздравительную телеграмму, всѣ министры тоже. Прислалъ телеграмму и митрополитъ, — да еще не простую, а отъ имени бога и Христа. Въ этой телеграммѣ митрополитъ писалъ, что „богъ не пожелаетъ смерти праведниковъ", и „нѣсть бо власти, аще не отъ бога". Въ Петербургѣ рѣшили, что послѣ всей этой исторіи губернатору „неудобно оставаться въ Голодаевскѣ", а потому нужно перевести его куда нибудь на другое мѣсто. По просту сказать, губернатора убрали изъ Голодаевска, къ великой радости голодаевской губерніи. Но куда же и убрать „вѣрнаго слугу царскаго", какъ не подъ крылышко къ царю? Къ царскому трону поближе, гдѣ бы губернаторскіе совѣты царю стали слышнѣе. Такъ и сдѣлалъ царь. Онъ далъ губернатору „высшее назначеніе". Такъ царю его „маменька" посовѣтовала, сославшись на „здравый умъ покойнаго родителя, въ бозѣ нынѣ почивающаго". А такъ-ли слѣдовало сдѣлать? Этого самъ царь, какъ водится, не смекнулъ; вышло такъ, что маменька только подтвердила, что коли у благополучно царствовавшаго родителя былъ еще кое какой здравый умъ, зато у нынѣ неблагополучно царствующаго его какъ будто маловато... Царь такъ и разсудилъ: „ужъ если въ голодаевскаго губернатора рабочіе стрѣляли, значитъ, — онъ для нихъ плохъ; а коли онъ для нихъ плохъ, — значитъ, онъ для царя и для отечества хорошъ". А за что въ него стрѣляли и чѣмъ онъ провинился передъ рабочимъ народомъ, — объ этомъ царь и думать высочайше не соблаговолилъ, а чего добраго, и не смогъ...

Такъ въ Голодаевской губерніи, въ томъ же гнѣздѣ, вмѣсто одного губернатора водворился другой. Новый былъ такой же, какъ прежній, только при немъ настроеніе народное было уже не такое, какъ прежде. Въ душѣ рабочаго люда какъ будто что то прибавилось, а у начальства какъ будто что то убавилось: то, да

не то. Многіе стали понимать, что начальство то не воинство небесное, и что подчиняться да повиноваться ему да все отступать да отступать передъ нимъ — попросту говоря, — глупо и невыгодно, и несправедливо... А начальство почуяло, что народъ то вѣдь не стадо. Начальство наткнулось словно на стѣну. Разумѣется, оно еще больше прежняго старалось „искоренить крамолу“; обыски, аресты и высылки шли да шли. Но и работа революціонеровъ тоже шла да шла. Унывать было некогда. Работать приходилось за десятерыхъ. И не мало нашлось такихъ, которые такъ и работали. И остановить эту работу никакіе тамъ Змѣевидовы, никакіе тамъ полицейскіе не могли: и рады бы остановить и „прекратить“, да силъ то у нихъ самихъ на это не было...

ГЛАВА IX.

Въ тихой сторожкѣ дѣда Мироныча снова собрались знакомые люди. Былъ тутъ и Кораблевъ, и Михневичъ, и Завойко, и Зальштейнъ, и Платонычъ и еще кое-кто изъ прежней братіи, „комитетскихъ“, уцѣлѣвшихъ отъ побоища и погрома. Но многихъ комитетскихъ не доставало. Изъ 30 товарищей осталось на свободѣ всего 19 человѣкъ. Иные уцѣлѣли, да не пришли, потому что по всей фабрикѣ и по городу, и по слободкѣ шныряла тайная и явная полиція и дѣйствовала безъ всякой осторожности и стѣсненія. И чего ей было стѣсняться? Главные враги были уничтожены, какъ будто всѣ воротилы попались.

Змѣевидовъ готовъ былъ дать голову на отсѣченіе, что Вологдинъ-то и есть главный коноводъ Веселухинской забастовки. Кое-что разузнала полиція и о Сидоровѣ, объ Ивановѣ, Липаренко, Житецкомъ и другихъ, попавшихся въ руки жандармовъ. Змѣевидовъ потиралъ руки. Наконецъ-то гнѣздо заговорщиковъ въ его власти! Вотъ еще Кораблевъ ходитъ на свободѣ; ну, да этого

и брать не стоитъ, — не изъ опасныхъ, и къ тому же горячъ: за горячимъ слѣдить удобнѣе. Были опасные люди — Михневичъ и Завойко: „къ счастью, думалъ жандармъ, они убрались куда-то въ другія палестины, пусть ихъ тамъ ловятъ другіе жандармы.“ Змѣевидовъ догадывался, впрочемъ, что кое-кто изъ важныхъ остался и на свободѣ. Но, во-первыхъ, о нихъ что-нибудь выяснится во время слѣдствія, и тогда и ихъ можно будетъ „привлечь“, а во-вторыхъ, нужно же оставить кого-нибудь, такъ сказать, на разводку: оставить, да и слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ. Наивные люди всегда думаютъ, что-де полиція о нихъ ничего не знаетъ. А полиція-то нарочно ихъ оставила на свободѣ, чтобы по ихъ слѣдамъ ходить — и другихъ ловить. „Эти поднадзорные, думалъ полковникъ, большихъ золъ не надѣлаютъ. Отъ нихъ-то уже рабочее движеніе не загорится.“ По глубокому убѣжденію Змѣевидова, рабочее движеніе хоть и очень опасно для русскаго строя, но и способы борьбы съ нимъ найдены вѣрные: въ пустяковинныхъ дѣлахъ всегда нужно дѣлать рабочимъ уступки и улучшать немножко ихъ положеніе, не дожидаясь забастовокъ; въ главномъ же и основномъ—никакія уступки не нужны и опасны для благополучія россійской промышленности, для самодержавія царскаго и всего строя. Ведя дѣло умненько, можно такимъ способомъ отводить глаза, затыкат рты, ласково говорить рабочимъ: „Все это будетъ, другъ, повѣрь, но только... только не теперь!“ Рабочіе — что твое стадо: умныхъ среди нихъ немного, да ихъ при случаѣ можно и выловить и убрать въ кутузку. А глупыхъ чего бояться? Затыкать имъ рты малыми подачками да убирать умныхъ да понимающихъ, — вотъ и вся политика. А безъ жалости и пощады, интеллигентовъ-агитаторовъ, коночно, надо изводить. Такъ и московскій оберъ-полицеймейстеръ Треповъ писалъ его высочеству Сергѣю Александровичу, генералъ-губернатору изъ царскаго рода. Такихъ забастовокъ, какъ Веселухинская, много быть не можетъ, а если и будутъ, то найденъ способъ,

какъ съ ними справляться. Словомъ, рабочій вопросъ для Руси-матушки рѣшенъ отлично: все останется по старому. Если рабочее движеніе и не затушить, то ужъ заглушить-то его и пріостановить хоть на время, разумѣется, можно: россійское самодержавіе даетъ къ тому великолѣпныя средства, — денегъ на полицію оно отпускаетъ сколько угодно, сыщиковъ—сколько угодно, войскъ въ нашемъ распоряженіи тоже—сколько угодно; законы что ни годъ, то передѣлываются въ государственномъ совѣтѣ или въ комитетѣ министровъ, какъ нужно, то есть въ нашу пользу—вѣдь не рабочіе ихъ тамъ пишутъ и передѣлываютъ. „Да и молодой государь, по правдѣ сказать, — думалъ Змѣевидовъ — дуракъ-дуракомъ, необразованный гвардейскій офицеришка со свищемъ или пробоиной въ головѣ: ему, что хочешь, поднеси, все подпишетъ, а самъ ничего не выдумаетъ... И ей богу же, рабочее движеніе не такъ страшкакъ его малюютъ!“ Въ эту минуту Змѣевидовъ разсуждалъ уже совсѣмъ иначе, чѣмъ тогда, когда стоялъ передъ пятитысячной толпой, кричавшей: “требуемъ!“ Теперь Змѣевидовъ былъ увѣренъ, что крамола рабочая совсѣмъ искоренится въ Ободранскомъ уѣздѣ Голодаевской губерніи. „Наша взяла! Наша взяла!“ Все же на всякій случай онъ отдалъ строжайшій приказъ искать укрывавшихся зачинщиковъ, и всѣ сыщики, какіе были въ городѣ Ободранскѣ и его окрестностяхъ, всѣ по прежнему были на ногахъ и искали „непріятеля“.

Изъ опасенія подвести комитетскихъ товарищей и самого дѣда Мироныча, нѣкоторые товарищи сами не рѣшились придти въ уютную сторожку стараго лѣсника. А тѣ, кто пришелъ, были въ самомъ тяжеломъ и уныломъ расположеніи духа. Горевали теперь не о товарищахъ: горевали о томъ, что забастовка кончилась неудачно, хотя началась такъ разумно и хорошо. Разсказывали другъ другу обо всемъ, что видѣли и слышали за послѣдніе дни. Во всѣхъ этихъ событіяхъ нужно было разобраться, нужно было распутать всѣ мелочи, уразумѣть ихъ смыслъ, докопаться до „корня вещей“ и за-

тѣмъ оповѣстить рабочихъ особымъ листкомъ о нихъ. А сдѣлать все это въ минуты унынія и погрома—куда не легко! Не легко ободрять другихъ, когда среди твоихъ же друзей иные унываютъ и колеблются. И такіе были среди товарищей.

— Братцы! Неужели же все такъ и потеряно? рѣшился, наконецъ, высказать свое уныніе одинъ изъ друзей.

— Что потеряно? окрысился на него Завойко. — Чего ты тамъ ноешь и скулишь? Неудача была — это вѣрно. Но и при неудачѣ мы не сплоховали — съумѣли показать зубы. А что потеряно? И не понимаю даже, что терять-то.

— Какъ что? Людей столько потеряли... Деньги... Время... Иные въ уныніе пришли, струсили...

— Ты что нюнишь-то зря? Людей-то мы, можетъ быть, и потеряли, а можетъ быть, и не потеряли, а даже заполучили новыхъ. Однихъ не стало, другіе явились. Да и тѣ, кого не стало, не на томъ свѣтѣ. Иной посидитъ въ тюрьмѣ, — и такимъ же останется, — боевымъ товарищемъ, — да еще и подучится, книжекъ почитаетъ. А другой и правильное пониманіе получитъ, настроится, какъ слѣдуетъ... Такое событіе, какъ Веселухинскій погромъ, не бойсь, даромъ мимо глазъ, ума и сердца не пройдетъ; милліоны рабочаго народа надъ нимъ задумаются; всякій, даже тупоголовый, почешетъ въ затылкѣ и спроситъ себя: „что сіе?“ и скажетъ себѣ: „фабриканты и начальство — тѣ же мошенники и разбойники, и къ тому-же самые опасные, потому что на ихъ сторонѣ и сила, и законъ, и царь, и попъ.“ Въ первые-то дни, можетъ, у многихъ рабочихъ будетъ въ душѣ испугъ и смятеніе. Эка бѣда! Очухаются и разберутся, и увидятъ, въ чемъ суть, изъ-за чего и съ кѣмъ борьба. Да развѣ можно штыками да пулями переубѣдить кого нибудь? Не больно то можно. Вотъ, напримѣръ, послѣ нашего случая и разгрома, развѣ кто станетъ считать, что хозяева и начальство справедливо поступаютъ съ нами и что они пряжу намъ давали отличную, а расцѣнки у насъ были высокія, что Мясо-

ѣдовъ и Зубаловъ люди хорошіе? Или послѣ нашего урока губернатору, кто въ Россіи его не знаетъ, какъ изверга? И раньше-то они казались несправедливыми, а теперь покажутся еще хуже. Потасовку на свою шею принять, разумѣется, это дѣло печальное. Но, ей-богу, стоитъ даже потасовку принять, чтобъ сразу 4000 человѣкъ все поняли и восчувствовали дѣло важное, что за штука россійскій государственный строй и кому онъ службу служитъ, за кого заступается и кого грызетъ. Нынѣшняя исторія многимъ разъяснитъ это. А научить рабочій народъ тому, какъ дѣйствовать правильно и разумно, и какъ избѣгать невѣрныхъ шаговъ — и того важнѣе. Эка бѣда — потасовка! Она вѣдь отъ борьбы никакъ не отучитъ, потому что голодному и холодному можно-ли не бороться за свою жизнь и за свое лучшее житье? Волей-неволей приходится бороться. А вотъ *какимъ способомъ* бороться, — этому потасовка научитъ. Она воочію показала, хотя бы вотъ то, что всякаго пустого дебоша нужно во время забастовки всячески избѣгать: эту простую истину мы-то съ вами понимали, а толпа — другіе рабочіе — не вполнѣ еще поняли. Теперь полиція растолковала и имъ эту истину. По мнѣ, это такое важное дѣло, что важнѣе и быть не можетъ. Нѣтъ худа безъ добра. Съ этой стороны намъ унывать не приходится.

— Это-то, пожалуй, и такъ. Что и говорить, нѣтъ худа безъ добра...

— А потомъ, продолжалъ Завойко, возьми еще нашихъ хозяевъ, хотя того же Живодерникова. Да вѣдь его-то всѣ наши смуты такъ стукнули по карману, что онъ хоть и толстокожій, а все-жъ, небойсь, восчувствовалъ. Ты думаешь, что его самого дѣла эти не усмирили? Сдѣлай одолженіе, — тоже будетъ поглаже да поуступчивѣе, а свои споры съ нами впредь будетъ облаживать своими средствами, не спрашивая у начальства. Всякое наше требованіе и наши угрозы будутъ теперь на него дѣйствовать куда сильнѣе, чѣмъ прежде. Раньше то онъ насъ считалъ за стадо да за быдло,

не бойсь, послѣ этого будетъ считать за людей, которые тоже добиваются для себя лучшаго житья-бытья и желаютъ жить по человѣчески. Вотъ увидишь! Это всегда и вездѣ такъ бывало, — и здѣсь, какъ заграницей. Видывалъ я всякіе случаи и читывалъ о нихъ.

— Теперь, братцы, за мной чередъ, сказалъ Платонычъ. — И я такъ скажу: пустяки, что мы арестами разбиты. Насъ всетаки и тутъ немало, на фабрикѣ, а черезъ нѣсколько дней будетъ у насъ товарищей еще больше, чѣмъ было. На забастовкѣ развѣ мало запримѣтили мы новыхъ ребятъ, которыхъ хотя сейчасъ пускай въ дѣло? Не даромъ говоритъ пословица — во время бури всегда бываетъ виднѣй, какія деревья крѣпче. Послѣ нынѣшнихъ событій сразу проявятся умные и дѣятельные люди, — только бы намъ не зѣвать. —Нужно пользоваться случаемъ и поставить правильно наше дѣло, — дѣло освобожденія рабочихъ отъ худого житія въ лапахъ хозяевъ-капиталистовъ и начальства, то есть правительства. Нужно для этого прежде всего правильно понять свое положеніе, взглянуть на него поглубже да пошире. Нужно понять, что здѣшняя борьба съ здѣшнимъ Живодерниковымъ есть борьба рабочихъ съ хозяевами вообще, а наша борьба съ здѣшними полицейскими, сыщиками, жандармами, губернаторами и иными „властями", — это есть борьба рабочихъ съ русскимъ правительствомъ вообще, — со всѣмъ строемъ русскаго государства, съ его невыгодами для простого народа, для насъ, рабочихъ, и для крестьянъ, нашихъ братьевъ. Эта борьба идетъ — хорошо-ли, дурно-ли — на всякой фабрикѣ, не только на нашей, идетъ она и на Руси, и заграницей. Вездѣ фабриканты-хозяева съ помощью начальства и правительства хотятъ урвать отъ рабочихъ возможно больше, а дать имъ возможно меньше; вездѣ они смотрятъ на рабочихъ какъ на рабовъ и хотятъ изъ нихъ сдѣлать хорошихъ ломовыхъ лошадей, — и это еще въ лучшемъ случаѣ. Начальство съ капиталистами и вообще съ богатыми людьми всегда и

вездѣ за одно, во всѣхъ странахъ. И вездѣ рабочему жить худо. Но за послѣдніе 50 лѣтъ въ разныхъ странахъ рабочіе взялись за умъ и начали особенно упорную борьбу со своими утѣснителями. Взялся за умъ и деревенскій рабочій людъ, — и тоже начинаетъ бороться со своими обидчиками, хотя и иными способами, чѣмъ мы. Борьба трудящагося народа съ его обидчиками идетъ вездѣ, возникаетъ сама собой, и непремѣннѣйшимъ образомъ ведетъ къ побѣдѣ надъ обидчиками народа. Во всѣхъ странахъ Европы, кромѣ Россіи и Турціи, рабочіе добились уже того, что посылаютъ своихъ выборныхъ людей въ столицу, и безъ ихъ согласія и обсужденія не можетъ быть изданъ ни одинъ законъ, не можетъ быть наложенъ ни одинъ налогъ. Разумѣется, и у насъ, какъ вездѣ, настанетъ время, когда всякій рабочій будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяиномъ, фабрики сдѣлаются общею собственностью рабочихъ, все начальство въ государствѣ сдѣлается выборнымъ, а выбирать его будетъ весь народъ; настанетъ такое время, когда и земля, и фабрики, и всѣ зданія будутъ принадлежать всему народу, всякій гражданинъ будетъ ихъ собственникомъ, а частной собственности на землю, на машины, на фабрики не будетъ вовсе. Это и есть соціализмъ; кто такъ думаетъ, — это соціалисты. Къ побѣдѣ соціализма все идетъ и не можетъ ни идти. Въ однѣхъ странахъ такія дѣла ушли уже далеко, въ другихъ еще недалеко; въ нѣкоторыхъ, напримѣръ въ Россіи, дѣла только еще начинаются, но разъ началось рабочее движеніе, иначе сказать, борьба рабочихъ за свою лучшую жизнь, ее никто остановить не можетъ и она всегда придетъ къ одному концу. Вотъ въ этомъ то и заключается наша сила: ничто и никто не можетъ съ нами справиться, потому что мы, борясь съ капиталистами и начальствомъ, дѣлаемъ только то, что дѣлаютъ всѣ рабочіе на всей землѣ; не дѣлать этого, не бороться мы не можемъ. Всѣхъ рабочихъ людей гонятъ въ эту борь-

бу великія силы: первая сила — бѣдность, вторая сила — вообще дурные порядки, устройство государства; третья сила — распространеніе образованія среди насъ, все большее и большее пониманіе того, что дѣлается вокругъ; это сила правды, истины, науки. Четвертая сила, можетъ быть, самая великая — необходимыя перемѣны въ хозяйственной жизни людей, происходящія съ теченіемъ времени на землѣ. Первая сила — бѣдность, малые заработки, тяжелая работа въ дурныхъ условіяхъ, напримѣръ, въ худомъ воздухѣ, при опасныхъ машинахъ — волей-неволей заставляетъ людей желать чего-нибудь получше, добиваться лучшаго. Всѣ, рѣшительно всѣ, кто живетъ въ тяжелыхъ условіяхъ, желаютъ выбиться изъ нихъ. Нужда погнала на борьбу васъ, — значитъ, погонитъ и другихъ, и всѣхъ. Иначе и быть не можетъ. Но, хоть и каждый былъ бы радъ вырваться изъ такой жизни, какъ же это сдѣлать? Мало кто видитъ выходъ, большинство живетъ, какъ волъ, — въ землю смотритъ да тяжесть везетъ, — и это изо дня въ день и все одну и ту же лямку тянетъ. Отчего же большинство рабочихъ до сего времени не видитъ выхода? Оттого, что у нихъ нѣтъ образованія, сознанія мало, нѣтъ пониманія настоящаго. Когда къ бѣдности нашей присоединяется новая сила — пониманіе и образованіе, тогда и начинается борьба съ дурными порядками. Самое дурное въ этихъ порядкахъ то, что при нихъ непремѣнно одни люди дѣлаются очень богатыми, а другіе — совсѣмъ нищими; одни владѣютъ и землей, и фабриками, и капиталами, а у другихъ ничего нѣтъ, кромѣ рукъ да спины, да души, которую волей-неволей тоже приходится продавать по какой угодно цѣнѣ, лишь бы не умереть съ голоду. При нынѣшнихъ порядкахъ бѣдняки-рабочіе нарождаются сами собой, сбиваются въ кучу на фабрикахъ и городахъ сами собой, потому что имъ и негдѣ сбиваться въ другихъ мѣстахъ; съ каждымъ годомъ безземельныхъ, полунищихъ рабочихъ дѣлается все

больше и больше; фабрикъ на землѣ во всѣхъ странахъ тоже прибавляется и прибавляется, потому что на фабричные товары спросъ растетъ. Казна или правительство, которыми во всѣхъ странахъ ворочаютъ на свой ладъ богачи-капиталисты, помогаетъ устройству фабрикъ, играетъ въ руку фабрикантамъ, помогаетъ имъ получать огромные доходы, а для этого накладываетъ огромныя пошлины на заграничные товары. Казна издаетъ выгодные для нихъ законы, гнетъ въ ихъ пользу даже суды, защищаетъ ихъ съ помощью полиціи и даже войска. И съ помощью казны, и сами собой крупныя фабрики растутъ, разбиваютъ мелкія, и рабочихъ фабричныхъ съ каждымъ годомъ дѣлается больше и больше. Иначе и быть не можетъ, — такъ и идетъ: одни богатѣютъ, другіе бѣднѣютъ. Всѣ порядки такъ сложились, что богатые люди и всякіе господа гораздо больше отъ насъ берутъ, чѣмъ намъ даютъ. Напримѣръ, Живодерниковъ съ чего разбогатѣлъ? Отчего акціонеры нашей мануфактуры купоны стригутъ и жирѣютъ? Оттого, что каждый день съ каждаго рабочаго остается имъ нѣкая порція — хоть нѣсколько копѣекъ. Сколько же съ 5000 человѣкъ въ день набѣжитъ? А въ годъ сколько? Другой баринъ тоже продѣлываетъ съ мужикомъ, который на его землѣ. Казна продѣлываетъ это со всѣмъ народомъ: часть его заработка она въ видѣ налоговъ и податей беретъ себѣ, а потомъ и платитъ изъ него, какое хочетъ, жалованье своимъ чиновникамъ да солдатамъ и дѣлаетъ съ деньгами, что угодно, не спрашиваясь у тѣхъ, съ кого она взяла эти деньги. Разумѣется, такимъ способомъ чиновники отлично устраиваютъ свои дѣла: за пустяшную работу крупный чиновникъ получаетъ сотни и тысячи рублей въ мѣсяцъ, наживается на постройкахъ, беретъ еще взятки, крадетъ и только о томъ и думаетъ, чтобы жить въ свое удовольствіе, а на службѣ дѣлаетъ „что-нибудь да какъ-нибудь“. Въ нужду народа ему и вникать нечего, — не стоитъ изъза нея безпокоить свою милость. Вѣдь рабочій народъ,

для котораго они кое что какъ будто да дѣлаютъ и надъ которымъ куражатся, не имѣетъ такого права, чтобы требовать съ нихъ отчетъ, куда же пошли его кровныя денежки; чиновники даютъ отчетъ другимъ чиновникамъ, а тамъ рука руку моетъ и кроетъ. И всѣ такія дѣянія прикрыты з а к о н а м и, которые сочинены самими же чиновниками и подписаны царемъ. При такихъ порядкахъ даже самый лучшій царь ничего здѣсь не подѣлаетъ, а хорошихъ царей, какъ извѣстно, что-то теперь родится мало, — цари-то русскіе вырождаются. Словомъ сказать, порядки нынѣшніе таковы, что рабочіе волей-неволей должны примыкать къ рабочему движенію. Какъ говорится — рѣзвенькій самъ набѣжитъ, а на тихонькаго богъ нанесетъ... Отдѣльному бѣдняку съ такими порядками, разумѣется, не справиться, поэтому бѣдняки и стараются объединиться; обяединяетъ ихъ нужда, горе, тяжелое житье, пониманіе и дурные государственные порядки. Объединіе рабочихъ шло повсюду само собой; если они сами не догадывались пойти на это,, нужда объединяла ихъ: сначала появлялись здѣсь и тамъ кружки самыхъ понимающихъ людей, изъ кружковъ выростали союзы рабочихъ на отдѣльныхъ фабрикахъ; изъ этихъ союзовъ росли союзы союзовъ отдѣльныхъ фабрикъ; союзы рабочихъ такого то производства, затѣмъ союзы въ разныхъ производствахъ Такъ и росла рабочая сила, рабочая организованная армія. Росла она неизбѣжно, непремѣнно, сама собой. Начинаетъ рости она и въ Россіи, хотя у насъ, конечно, при самодержавныхъ порядкахъ нельзя создавать такіе широкіе и многочисленные союзы. Наше Веселухинское дѣло опирается на крѣпкую почву; если насъ не будетъ, другіе такіе же явятся. Вы не случайно вышли такіе: васъ жизнь сдѣлала такими. А если она в а с ъ сдѣлала, значитъ, и д р у г и х ъ сдѣлаетъ. Вотъ что такое Веселухинскій Комитетъ всеобщей забастовки. Значитъ, мы можемъ быть спокойны: наше дѣло не погибнетъ, и ничего враги наши съ нами не подѣлаютъ! Наши

враги всѣ хозяева и все начальство вообще. Вѣдь куда-бы мы ни пошли, вездѣ мы останемся рабочими, продавцами своихъ рукъ да ногъ, своего труда. И вездѣ мы встрѣтимъ хозяевъ и начальство, и вездѣ они будутъ бороться съ нашимъ дѣломъ, съ нашимъ пониманіемъ, нашими союзами, со всѣмъ тѣмъ, что идетъ въ нашу пользу.

— Я тоже хочу сказать вамъ нѣсколько словъ — сказалъ Михневичъ. Мое слово будетъ о томъ, какъ борятся съ нами наши враги. У нихъ издавна придуманы способы для борьбы съ рабочимъ людомъ. Главныхъ способовъ два: насиліе и обманъ. Насиліе — самое старинное и самое сильное средство; потому начальство и старается почаще пускать въ дѣло полицію, казаковъ, солдатъ. Но, кромѣ насилія явнаго, еще придумано великое множество насилій скрытыхъ, иначе сказать, придуманы разные способы обманывать толпу, народъ, а понимающихъ отдѣльныхъ людей принуждать или устранять путемъ насилія явнаго или тайнаго. Эта вторая манера нашихъ враговъ особенно опасна, и теперь пускается въ ходъ чаще всего. Главные способы обмана таковы: наши враги называютъ подлыя, гнусныя вещи и дѣла святыми и безгрѣшными. Особенно часто говорятъ вотъ такія обманныя слова: 1) собственность, 2) законъ, 3) церковь. Намъ говорятъ, что если не будетъ ни у кого собственности на землѣ, то люди превратятся въ звѣрей, а весь теперешній строй жизни рухнетъ. Пустяки! Людей-звѣрей и теперь много, и собственность отъ нихъ не спасаетъ: она еще больше остервеняетъ, — всѣмъ извѣстно, какія дѣла кровавыя изъ за нея дѣлаются. Развѣ не звѣри стрѣляютъ въ безоружный народъ и не звѣри отдаютъ приказы стрѣлять въ толпу, которая стоитъ тихо и смирно? Развѣ не звѣри порятъ до полусмерти мужиковъ и бабъ, только бы отстоять помѣщичью и фабрикантскую собственность? А вотъ когда не будетъ ни у кого частной собственности, и будетъ все [illegible]шній строй рухнетъ, — это

правда! И слава тебѣ, господи! этого только намъ и надо. Вѣдь, его будемъ жалѣть не мы, которымъ живется при немъ плохо, а будутъ жалѣть тѣ, которымъ теперь живется хорошо, т. е. наши враги, живущіе на нашъ счетъ. Ну, и пусть ихъ жалѣютъ. Нашимъ врагамъ собственность нужна для того, чтобы съ помощью ея не отдавать намъ всего нашего заработка, а оставлять частичку его себѣ. Вотъ, собственникъ и говоритъ: „коли капиталъ или машины, или земля — мои, значитъ, я долженъ получать на нихъ доходъ или процентъ“. Но вѣдь этотъ доходъ или процентъ изъ пальца не высосешь: ихъ выжмешь только изъ нашего же брата рабочаго; рабочій волей-неволей соглашается частичку заработка уступить собственнику, чтобы только не умереть съ голоду, а собственникъ ужъ всячески старается, чтобы эта частичка была побольше. Словомъ сказать, собственность есть обманный способъ съ приличнымъ видомъ обирать бѣдняковъ или тѣхъ, у кого собственности нѣтъ, а есть лишь продажный трудъ. А нѣтъ ея у многихъ, милліоновъ людей, и съ каждымъ годомъ такихъ становится все больше. Подлецы наши враги! На ихъ же глазахъ живутъ милліоны рабочихъ безъ собственности, а они вѣдь не заботятся, чтобы дать имъ тоже „святую собственность“; они заботятся, чтобы отобрать у нихъ даже то, что у тѣхъ есть, — жизнь, здоровье, силы, послѣдній кусокъ хлѣба.

Вотъ какое самое страшное и хитрое слово-обманъ, придуманное противъ насъ. Другое слово-обманъ — законъ. Намъ говорятъ, законъ всякій святъ, и ему нужно повиноваться. Больно ловко сказано! А если богачи, власть имущіе и начальство напишутъ и издадутъ такой [illegible] которому мы должны работать ка[illegible] рабами? И это святой законъ? Р[illegible] сужденія требуетъ. Сначала [illegible] да хорошенько разобрать, [illegible]нъ, и кто заставляетъ его ис-

полнять, и какъ онъ отзывается на бѣдномъ трудящемся людѣ; и спрашивалъ-ли кто у этого люда — хорошо ему живется отъ такого закона или нѣтъ? Если бы каждый законъ былъ воплощеніемъ справедливости, тогда бы мы его слушались и исполняли непремѣнно. Ужъ будьте спокойны, — чиновники и сильные міра сего такого справедливаго закона для насъ не напишутъ. Они нашего житья-бытья и не знаютъ, и знать не хотятъ, — имъ есть о комъ думать и безъ нашего брата. А вотъ если бы мы сами писали и обсуждали свои законы, или если бы это дѣлали наши выборные, тѣ, кого мы любимъ, кого знаемъ и кому вѣримъ, тогда бы мы слушались законовъ, написанныхъ этимъ способомъ. А пока что, — законы пишутъ для насъ господа, иначе сказать наши враги. Эти законы уже не приходится называть „святыми.“ Что это за святость! Это просто-напросто хитрый способъ дѣлать бѣдняковъ еще бѣднѣе, а богачей еще богаче. Всѣ важные законы, вредные для народа такъ изданы: сначала богачи добивались своего и продѣлывали всякія несправедливости безъ закона, потомъ они добились, чтобы эти несправедливости были узаконены. Такимъ способомъ, напримѣръ, были закрѣпощены 300 лѣтъ тому назадъ русскіе крестьяне... Значитъ, прежде чѣмъ говорить, — святъ-ли законъ, — мы должны разобрать, хорошъ-ли онъ. Мы должны непремѣнно добиваться того, чтобы передѣлать порядки въ русскомъ государствѣ на пользу русскаго народа. Нужно добиваться того, чтобы безъ согласія и одобренія народа или выборныхъ людей отъ него не составлялся ни одинъ законъ. Вѣдь въ Россіи больше всего мужиковъ да фабричныхъ, и все русское государство ими то и держится. Значитъ, ихъ польза и ихъ благополучіе ближе всего къ сердцу примутъ сами фабричные да мужики. Лучше насъ самихъ никто не можетъ разумѣть нашей пользы. Значитъ, своими дѣлами должны управлять мы сами, а не иной кто, — не чиновники, не земскій, не полиція, не помѣщики и иные господа, у которыхъ свои особые интересы. Надо пере-

строить все государство такъ, что бы имъ управляли наши выборные люди, которыхъ мы могли бы по чистой совѣсти, безъ всякихъ указокъ выбирать, а коли они окажутся плохи, то и смѣщать. Нужно передѣлать все государственное устройство такъ, чтобы оно прежде всего было на пользу рабочему люду: 1) чтобы каждая деревня управлялась своими выборными людьми, а не земскими начальниками, не иными чиновниками и полицейскими; 2) чтобы каждая деревня посылала своихъ выборныхъ въ волость, и чтобы волостью управляли тоже свои выборные люди; 3) нужно, чтобы каждая волость посылала выборныхъ въ уѣздъ, а уѣздомъ управляли бы выборные отъ всѣхъ волостей; 4) чтобы отъ уѣздовъ посылались выборные въ губернію, а губерніей тоже управляли бы выборные люди, а не губернаторы-самодержцы; 5) чтобы отъ каждой губерніи посылались выборные въ Петербургъ, и изъ такихъ выборныхъ чтобы составлялась въ Петербургѣ Всероссійская государственная дума; чтобы эта то дума и выбирала министровъ, т. е. исполнителей своей, иначе сказать, Народной Воли; 6) чтобы безъ обсужденія и согласія этой думы не могъ быть изданъ ни одинъ законъ не могъ быть предписанъ ни одинъ налогъ. Хочетъ или не хочетъ этого царь — все едино: голосъ такой думы, то есть лучшихъ выборныхъ изъ народа — прежде всего, —ему подобаетъ первое мѣсто, а голосъ царя что такое? Народъ выше царя. Воля народа должна быть выше царской. Царь — тотъ же баринъ, тотъ же гвардейскій офицеръ, тотъ же помѣщикъ; тотъ же богачъ, который никогда даже не видалъ деревни какъ слѣдуетъ. Какъ же можетъ онъ управлять по справедливости народомъ? Нѣтъ! Всей русской землей долженъ упралять самъ народъ. Разумѣется, это и будетъ. Ужъ всякому дураку видно, до чего довели нашу родину всякіе тамъ чиновники, министры, капиталисты, помѣщики съ царями во главѣ, которые считаются нашими правителями. До многолѣтняго голода довели, до обнищанія. Долой ихъ всѣхъ. Безъ нихъ будетъ жить

куда лучше. Только когда ихъ не станетъ, тогда то мы и будемъ уважать законъ.

Третье обманное слово — церковь. Наши враги нарочно хотятъ спутать въ одно двѣ совсѣмъ разныя вещи: ученіе Іисуса Христа, изложенное въ Евангеліи, и ученіе поповъ, придуманное послѣ Христа для пользы сильныхъ міра сего и совсѣмъ не согласное съ евангеліемъ. Ученіе Христа вѣки вѣчные останется. Читая евангеліе, каждый чувствуетъ, сколь высоко это ученіе. Христосъ призывалъ къ себѣ трудящихся и обремененныхъ, къ нимъ онъ и пришелъ. Христосъ много говорилъ противъ богачей, еврейскихъ поповъ и римскихъ чиновниковъ того времени, вродѣ Пилата; Христосъ не лагословлялъ солдатъ на войну, а говорилъ: „не убій", „взявшій мечъ, отъ меча и погибнетъ". А нынѣшніе попы чему учатъ? Они благословляютъ и присягу, и клятву, и войну, славятъ богачей, якшаются больше всего съ ними, а съ нашего брата дерутъ. Попы — тѣ-же фарисеи, длинноволосые лицемѣры и лжецы. У нихъ такія же загребущія руки и большіе карманы, какъ и у всякихъ другихъ грабителей, нашихъ обидчиковъ. Попы учатъ, что начальство отъ бога, значитъ сваливаютъ такимъ способомъ всѣ грѣхи начальства на бога; выходитъ, что начальство во всемъ чисто, потому что оно исполняетъ божью волю, а богъ во всемъ виноватъ! Ловко! Попы, то есть церковь нынѣшняя покрываетъ и замазываетъ хитрыми словами всѣ грѣхи начальства, царя она прячетъ за ветхій завѣтъ и называетъ царя помазанникомъ, а сама прячется за бога. Больно ужь это легко: помазалъ лобъ масломъ, — и сдѣлалъ изъ обыкновеннаго человѣка совсѣмъ иного — не обыкновеннаго. Почему же тогда бываютъ цари-дураки, цари-изверги, клятвопреступники, утѣснители народа? Значитъ, масло то не на каждаго дѣйствуетъ, — къ иному лбу божья благодать не пристаетъ. Хорошъ тотъ, кто и безъ масла хорошъ. Попы говорятъ: не повиноваться начальству значитъ не повиноваться богу. Если бы это была правда, что попы говорятъ,

тогда плохой былъ бы у насъ богъ! Попы просто напросто прикрываютъ этими словами насильниковъ. Они пріучаютъ народъ думать больше о томъ свѣтѣ, пока враги народа обдѣлываютъ свои дѣлишки на этомъ свѣтѣ. Господа же обдѣлываютъ свои дѣла, а въ бога, разумѣется, не вѣрятъ, они считаютъ, что такая вѣра, какую попы проповѣдуютъ, нужна лишь для чернаго народа, какъ хитрый способъ держать его въ господскихъ и начальственныхъ рукахъ. Съ помощью церкви и поповъ не мало добра и денегъ переходитъ въ руки чиновниковъ и господъ отъ „черни непросвѣщенной". Попамъ и начальству очень выгодно, чтобы народъ поменьше понималъ и поменьше разсуждалъ. Для этого попы говорятъ: всякое святое слово надо принимать, какъ есть, безъ обсужденія, — слушайте да запоминайте какъ мы, попы, учимъ; кто съ нами не согласенъ, напр. штундисты, нѣмцы, французы, тѣ — еретики. Попы не допускаютъ до народа много хорошихъ книгъ, попы заводятъ особыя школы, чтобы забивать наши головы съ малыхъ лѣтъ акафистами, молитвами и малопонятнымъ славянскимъ языкомъ, и чтобъ не давать намъ самимъ думать и разсуждать... Словомъ сказать, наши враги придумали очень умные способы держать насъ подъ собой, и съ помощью такихъ способовъ навалились на насъ понемножку всѣмъ своимъ тѣломъ. Бороться съ нашими врагами, — значитъ, бороться съ ихъ способами нашего утѣсненія. Вотъ мы и должны бороться съ собственниками и собственностью, съ церковниками и церковью, съ законниками и закономъ. Это вѣдь ихъ, т. е. нашихъ враговъ собственность, ихъ законъ, ихъ церковь, прилаженные къ нашему вреду, а ихъ пользѣ. Все это нужно понять хорошо, ясно, чтобы бороться со всѣмъ этимъ, пока все не измѣнится въ корень. А борьба рабочихъ и крестьянъ за свое освобожденіе измѣнитъ все это само собою: настанетъ время, когда собственность станетъ общею, т. е. каждый человѣкъ будетъ въ ней участникомъ вмѣстѣ съ другими людьми, и ни одинъ не будетъ владѣть ею

безъ другихъ. Настанетъ время, когда законы будутъ не господскіе, а наши, и мы сами будемъ ихъ писать черезъ своихъ выборныхъ. Настанетъ время когда поповской церкви не будетъ, а каждый будетъ вѣровать или не вѣровать, какъ онъ хочетъ, по своей совѣсти. Настанетъ свобода на землѣ и свѣтлая и ясная жизнь для всѣхъ рабочихъ людей, которые принудятъ и господъ работать, какъ они. И все это будетъ, все къ этому идетъ и не можетъ иначе быть. Во всѣхъ странахъ все идетъ къ одному. Это даже по газетамъ и книгамъ видно. И у насъ въ Россіи къ тому же идетъ. Противъ несправедливости нынѣшнихъ государственныхъ порядковъ борятся и фабричные, и крестьяне, и студенты, и честные русскіе писатели, и другіе просвѣщенные люди, и финляндцы, и поляки и евреи. Свобода, иной разъ хоть и тихо, а все же къ намъ приближается, — идетъ да идетъ. Наше дѣло — только помогать этому ходу и ускорять его. А для этого и нужно сознательно и дружно бороться за свое лучшее будущее. Вотъ мы и боремся, какъ умѣемъ. Со временемъ мы и научимся бороться еще лучше. Наша борьба никакъ не можетъ прекратиться. Она, чѣмъ дальше идетъ, тѣмъ сильнѣе будетъ. Въ концѣ концовъ мы раздѣлаемся съ нашими врагами, упразднимъ ихъ, оставимъ ихъ въ меньшинствѣ, и все устроимъ по своему. Значитъ, бей насъ — не разобьешь, гоняй — не разгонишь. Одного раздавишь, — другой на его мѣстѣ уже всталъ. Моря никто никогда не вычерпаетъ, — такъ не остановить никому и рабочаго движенія и борьбы за наше общее освобожденіе, — освобожденіе всего трудящагося русскаго народа, и на фабрикахъ, и въ деревняхъ и въ городахъ. И кто это пойметъ, тотъ волей-неволей пристанетъ къ нашему или къ какому нибудь иному рабочему или крестьянскому кружку.

Михневичъ кончилъ свою рѣчь. Онъ разсуждалъ плавно, спокойно, какъ философъ-мыслитель, которому все ясно, все понятно. Онъ не горячился, — онъ взвѣ-

шивалъ каждое слово свое. Никого онъ не „разжигалъ“, — онъ только показывалъ, въ какомъ направленіи и куда идетъ жизнь на свѣтѣ, и куда придетъ, и почему именно туда. И изъ его рѣчи словно новая кровь потекла по жиламъ товарищей-рабочихъ. Они забыли, что еще такъ недавно потерпѣли пораженіе. Они знали, что волей-неволей завтра же, сегодня же они должны снова приняться за такія же самыя „свои“ дѣла. Пусть каждый борется за свое дѣло: все сложится, все одно къ одному.

— Братцы! сказалъ Кораблевъ. — Давайте-ка подумаемъ какъ поставить наши дѣла правильнѣе. Нужно такъ устроить, чтобы нашъ Комитетъ держался самъ собою, а не Иваномъ или Петромъ.

— Это правда! это вѣрно! заговорили товарищи и тотчасъ же порѣшили собираться хоть разъ въ недѣлю и обсуждать всѣ свои дѣла.

ГЛАВА X.

Веселухинская мануфактура снова начала работать.

Впрочемъ, ей пришлось работать далеко не при полномъ комплектѣ рабочихъ. Сколько ни старались Живодерниковъ и Зубаловъ найти новыхъ рабочихъ въ другихъ мѣстахъ, полнаго комплекта такъ и не набрали: мануфактурныя фабрики, огражденныя пошлинами, работали хорошо, и хозяева изо всѣхъ силъ „ловили моментъ“, гнались за барышами. Веселухинская исторія надѣлала не мало шума, хотя о ней и не писали въ газетахъ: лишь только дошли до Петербурга слухи о волненіяхъ на Веселухинской мануфактурѣ, сейчасъ же изъ министерства внутреннихъ дѣлъ были разосланы телеграммы и циркуляры по всѣмъ газетамъ и журналамъ, чтобы тѣ не обмолвились ни единымъ словомъ о Живодерниковскихъ дѣлахъ. Сдѣлано это было для того, чтобы въ публикѣ поменьше говорили, думали и знали о рабочихъ и о ихъ тяжеломъ житьѣ-бытьѣ. Такъ въ газеты

и не попало ни одного извѣстія о веселухинскихъ безпорядкахъ.

Между тѣмъ арестованные рабочіе сидѣли кто въ тюрьмѣ, кто въ кутузкѣ. Изъ 346 арестованныхъ недѣли черезъ полторы болѣе 200 человѣкъ были выпущены и тотчасъ же безъ суда отправлены на мѣсто родины. Полиція сама понимала, что всѣ эти люди попали случайно, потому что стояли рядомъ съ бушевавшей толпой и только тѣмъ и провинились передъ начальствомъ. Но полиціи и жандармамъ нужно было показать передъ кѣмъ слѣдуетъ свое великое усердіе въ борьбѣ съ „крамольниками", то есть съ рабочимъ людомъ, нужно было показать и свое стараніе угодить начальству. Всѣхъ арестованныхъ рабочихъ полиція записала государственными преступниками и разослала ихъ кого куда, по деревнямъ, по отдаленнымъ губерніямъ на 2, на 4 года. Сидоровъ и Липаренко поѣхали въ Вятскую губернію. Ихъ свезли на вокзалъ изъ тюрьмы чуть не тайкомъ, потому что Змѣевидовъ боялся, какъ-бы рабочіе не устроили шумныхъ проводовъ своимъ друзьямъ. Остальные 146 человѣкъ изъ арестованныхъ рабочихъ сѣли въ тюрьмѣ крѣпко, и жандармы затѣяли о нихъ споръ съ судебной властью. Жандармы хотѣли порѣшить и съ этими безъ всякаго суда, какъ говорится „административнымъ порядкомъ", не по законамъ, а по усмотрѣнію своему. Такой порядокъ очень удобенъ для полицейскихъ и жандармовъ. Рѣшая такимъ способомъ дѣла, обвиняемому защищаться не даютъ, обвиненія и улики противъ него оцѣниваютъ, какъ богъ на душу положитъ, и больше всего слушаютъ доносчиковъ, сыщиковъ и полицейскихъ, словно это честные и безпристрастные люди и свидѣтели. Какъ въ старину судили инквизиторы, такъ и жандармы теперь судятъ административнымъ порядкомъ и рѣшаютъ, ничто же сумняшеся, — виновенъ или невиновенъ человѣкъ: на бумагѣ можно написать, что угодно, жалобъ на такихъ судей подавать некому. Такъ жандармы теперь и рѣшаютъ почти всѣ „политическія" дѣла. Такой порядокъ былъ особенно

по душѣ царю Александру III; за него же держится малосмыслящій нынѣшній царь. Но судебнымъ властямъ совсѣмъ не хотѣлось уступать все дѣло жандармамъ, да и министры какъ-будто не могли спрятать дѣло „подъ сукно“ и рѣшить его тайкомъ, потому что слухи о веселухинскомъ избіеніи пошли по всей Руси. Правдивый разсказъ объ этомъ избіеніи былъ напечатанъ въ заграничныхъ русскихъ газетахъ, которыя печатаются тамъ соціалистами, а въ Россіи считаются запрещенными“. Изъ этихъ правдивыхъ и честныхъ газетъ о жестокости русскаго начальства узналъ весь свѣтъ. Къ тому же царь прислалъ благодарность капитану, командовавшему солдатами, которые стрѣляли въ рабочій людъ на Веселухинской мануфактурѣ. Въ этой благодарности царь писалъ то же самое, что и въ другой такой же благодарности, которую онъ послалъ въ 1896 году въ Владимірскую губернію, на Корзинкинскую мануфактуру; эта царская благодарность была объявлена черезъ главнокомандующаго Московскимъ Военнымъ Округомъ: въ 1896 г. Николай II благодарилъ солдатъ „молодцовъ-фанагорійцевъ“ „за стойкое и хладнокровное поведеніе войскъ во время фабричныхъ безпорядковъ“.

Веселухинское дѣло вышло слишкомъ громко и въ тайныхъ и заграничныхъ газетахъ писали очень много о немъ. Волей-неволей министры рѣшили виновныхъ рабочихъ отдать подъ судъ. Было рѣшено выбрать тѣхъ рабочихъ, которые повиновнѣе и поопаснѣе, и судить ихъ по новымъ законамъ Александра III. По этимъ законамъ судейская власть всегда можетъ устроить такъ, какъ она хочетъ: кого хочетъ—осудитъ, кого хочетъ—оправдаетъ. Вотъ, чтобы устроить такой судъ, который судилъ бы не по совѣсти и не по справедливости, а по указаніямъ и желаніямъ сильныхъ міра сего, совѣтники царя Александра III и придумали отмѣнить и ограничить законы Александра II, по которымъ можно еще было судить по справедливости и по совѣсти, и замѣнили ихъ судомъ „сословныхъ представителей“. Отъ такого суда ужъ нечего ждать правды и милости, осо-

бенно для тѣхъ попавшихъ подъ судъ людей, которые считаютъ несправедливыми дѣянія начальства и притѣсненія, какія терпитъ рабочій людъ. Суду „сословныхъ представителей“ заранѣе приказано не оправдывать „рабочихъ бунтовщиковъ“, и не оправдывать и не жалѣть всѣхъ, кто считаетъ несправедливымъ россійскій государственный и общественный строй. При царѣ Александрѣ II почти всѣ судебныя дѣла о рабочихъ безпорядкахъ и о сильно провинившемся начальствѣ рѣшались при участіи вольныхъ присяжныхъ людей, ничѣмъ не связанныхъ съ начальствомъ и рѣшавшихъ, виновенъ или невиновенъ человѣкъ, по одной своей совѣсти, несмотря ни на что. Царь Александръ III посадилъ, вмѣсто этихъ совѣстливыхъ людей, для рѣшенія тѣхъ же дѣлъ, людей пристрастныхъ, — „сословныхъ представителей“, которые почти всегда сами люди служащіе и потому рѣшаютъ не по совѣсти, а какъ начальству угодно. Виновныхъ рабочихъ должны были судить именно такіе сословные представители, а въ ихъ числѣ были: фабрикантъ, продѣлывавшій на своей фабрикѣ то же, что и Живодерниковъ на своей; чиновникъ. пріятель губернатора; земскій начальникъ, продѣлывавшій надъ крестьянами то же, что фабриканты надъ рабочими; волостной старшина, боявшійся своего начальства, и. т. д. Ужъ заранѣе можно сказать, что такіе люди никогда не разберутъ фабричныхъ дѣлъ по чистой совѣсти, и рабочій людъ, по новымъ законамъ Александра III, отданъ по просту на съѣденіе такимъ недобросовѣстнымъ судьямъ, подобраннымъ изъ господъ и ихъ друзей, чтобы-де „поблажки рабочимъ не было“.

Сидя въ тюрьмѣ, рабочіе, до того времени мало думавшіе о русскихъ общественныхъ порядкахъ и о царскомъ самодержавіи и читавшіе газеты безъ должнаго пониманія или вовсе не читавшіе ихъ, совсѣмъ даже не знали, какому они подвергаются суду. Они ждали отъ царя правды-милости. Они ждали суда и нисколько не трепетали. Правда, были изъ нихъ и такіе, которые раскаявались, зачѣмъ не удержались, учинили дебошъ.

О шумѣ жалѣли даже очень многіе, но о забастовкѣ никто не жалѣлъ. Судъ — такъ судъ, въ ссылку — такъ въ ссылку! Куда бы не занесла нелегкая, вездѣ люди есть и вездѣ съ ними о несправедливыхъ порядкахъ разговаривать можно. Вологдинъ, сидя въ тюрьмѣ, не мало разныхъ вещей объяснилъ своимъ товарищамъ, которые еще плохо понимали механику Россійской православной царской державы.

Недѣли двѣ спустя послѣ „смуты“ на Веселухинской мануфактурѣ совершилось такое событіе, какого рабочіе ужъ никакъ не ожидали. Пріѣхали на фабрику ночью жандармы, окружили школу, окружили домъ одного изъ инженеровъ и принялись ихъ обыскивать отъ крыши до подвала. Нашли тамъ что или нѣтъ, объ этомъ рабочимъ было неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе, и инженера, и учительницу взяли и увезли, а школу запечатали.

Змѣевидовъ употреблялъ всѣ силы, чтобы развѣдать, съ какими такими интеллигентами имѣютъ сношенія рабочіе. Всѣ служащіе, всѣ горожане, жалѣвшіе рабочихъ и защищавшіе ихъ въ разговорѣ, попали къ жандармамъ на подозрѣніе и за ними былъ устроенъ надзоръ. У нѣкоторыхъ лицъ, выказавшихъ сочувствіе рабочимъ, были произведены обыски. По подозрѣнію на интеллигентовъ, были уничтожены и фабричная школа и читальня; даже любительскіе спектакли были запрещены. Распростаненіе знаній и просвѣщенія въ рабочей средѣ было признано „несвоевременнымъ“ и отложено, а насколько времени — неизвѣстно!

Унылые дни наступили для Веселухинской мануфактуры. По внѣшности все было тамъ такъ тихо и пусто, что хоть шаромъ покати. Рабочіе присмирѣли и повидимому только о томъ и думали, какъ-бы заработать себѣ гроши на хлѣбъ насущный. О крамолѣ не было ни слуху, ни духу. Но листки выходили. Вскорѣ же послѣ смятенія вышелъ листокъ. Въ листкѣ говорилось, что веселухинскій погромъ устроенъ самой полиціей, что первымъ набросился на фабричную лавку дознанный

прохвость Кнутиковъ, что въ трактирѣ переодѣтые полицейскіе явно раздавали деньги буянамъ и угощали ихъ виномъ. Говорились въ листкѣ и еще кой-какія непріятныя для Змѣевидова вещи. Но Змѣевидову было на нихъ плевать, развѣ власти этимъ листкамъ повѣрятъ? Чорта съ два! Полиція или не полиція устроила дебошъ — все равно, — дѣло сдѣлано, забастовщики выбиты изъ позиціи и усмирены. Змѣевидовъ съ большой увѣренностью ожидалъ себѣ награды къ празднику отъ высшаго начальства изъ Петербурга. Царь навѣрное наградитъ его крестомъ какого-нибудь великомученика. Не даромъ вѣдь царь Николай II сказалъ на жандармскомъ праздникѣ въ Петербургѣ: „Желаю, чтобы связь между престоломъ и жандармами крѣпла.“

Сыщики — Нососуевъ, Лампасовъ и другіе — доносили иногда, что „въ народѣ разговоры идутъ“, „народъ недоволенъ“. Еще бы тебѣ! Его же поколотили, да онъ былъ бы доволенъ! Змѣевидова нисколько не безпокоило недовольство народа, — ему нужно было только одно, чтобы недовольные сидѣли смирно и ничего не могли бы подѣлать. И волы недовольны своимъ ярмомъ. Да намъ то что, если они это свое недовольство про себя держатъ? Змѣевидовъ понималъ, что при настоящемъ настроеніи рабочихъ листки не опасны. Да они что-то перестали и появляться, а можетъ быть, только не попадались въ руки агентовъ. Но очевидно, вожаки-рабочіе и вожаки интеллигенты попались, и Змѣевидовъ былъ спокоенъ, доволенъ, счастливъ и веселъ.

А между тѣмъ на Веселухинской мануфактурѣ было совсѣмъ неспокойно. Въ тиши казармъ, въ шумѣ фабричной работы шли да шли разговоры среди фабричныхъ. Разговаривали и бесѣдовали о злобахъ дня. Въ разговорахъ этихъ теперь участвовали даже тѣ, кто раньше никогда и не думалъ о какихъ-либо общественныхъ дѣлахъ... Но говорили осторожно, предварительно обсудивъ, можно-ли и не опасно-ли говорить... Страхъ, который нагнала на народъ тайная полиція, сдѣлалъ свое дѣло: онъ научилъ рабочихъ быть осторожнѣе,

онъ загналъ всѣ разговоры въ самые глухiе углы, и до этихъ угловъ никакая полицiя больше ужъ не могла добраться. Хоть и текла мимо нея напряженная и мучительная работа въ рабочей душѣ, но полицiя ровно ничего не знала и не видѣла. И много, много новыхъ друзей, товарищей и союзниковъ появилось въ это тихое молчаливое время у „комитетскихъ" друзей. Вмѣсто арестованныхъ и высланныхъ товарищей, появилось въ пять разъ больше новыхъ. А между тѣмъ все было тихо, все спокойно, и Змѣевидовъ потиралъ руки отъ удовольствiя.

Въ сторожкѣ дѣда Мироныча снова собрался Комитетъ Веселухинской мануфактуры. Это было въ началѣ октября мѣсяца. Съ мая по октябрь онъ собирался уже много разъ. Онъ собирался почти каждую недѣлю. Чтобы сохранить за собою этотъ укромный, незамѣтный уголокъ, товарищи-рабочiе не жалѣли никакихъ усилiй. Жизнь научила ихъ осторожности, научила вести свою линiю на глазахъ полицiи, не попадаясь ей на глаза. Люди учились прятать свое дѣло. Но это была не трусость, — это было мужество благоразумныхъ людей, которые гнались не затѣмъ, чтобы показать свое направленiе, удаль и пониманiе, а затѣмъ, чтобы принести посильную помощь своему великому и святому дѣлу — дѣлу борьбы за освобожденiе рабочаго класса. Оттотго сторожка дѣда Мироныча такъ и осталась неизвѣстной властямъ.

Время пролетѣло быстро, пролетѣло и унесло съ собой всѣ сомнѣнiя и смятенiя майскихъ дней. Даже вышло такъ, что смятенiе это было какъ-бы испытанiемъ, суровой школой, и тотъ, кто побывалъ въ этой школѣ, многому научился, много пережилъ, запомнилъ и сохранилъ въ глубинѣ души. Несчастные тяжелые дни сблизили товарищей и они узнали другъ друга, увидѣли, что всѣ они—надежный и крѣпкiй народъ. Съ такимъ народомъ жить вмѣстѣ и работать вмѣстѣ можно! — Присоединился къ нимъ еще кое-кто изъ новыхъ, которыхъ привелъ Зальштейнъ и „интеллигентъ" Платонычъ. И

кружокъ товарищей опять разросся до 30 человѣкъ.

На этотъ разъ собраніе у дѣдушки Мироныча было не совсѣмъ обычное. Въ этотъ день было рѣшено выслушать „планъ дѣла", иначе сказать, росписаніе того, какъ вести борьбу съ врагами рабочихъ. Планъ былъ обдуманъ сообща, его обсуждали по частямъ на многихъ засѣданіяхъ, а привести въ порядокъ и изложить въ стройномъ видѣ взялся Михневичъ. Товарищи уже давно рѣшили устроить свой кружокъ правильно и прочно и назвали его „Боевымъ союзомъ рабочихъ Веселухинской фабрики". Чтобы послушать и обсудить этотъ планъ, обѣщался сегодня придти и „интелгентъ" Платонычъ изъ города и еще привести кой кого изъ интеллигентовъ.

Компанія, собравшись у Мироныча, чувствовала себя бодро и весело. Всѣмъ хотѣлось работы, всѣмъ хотѣлось живой неустанной борьбы. Пришелъ и Платонычъ, высокій молодой человѣкъ съ красивымъ лицомъ и шелковистыми волосами. Товарищи уютно разсѣлись вокругъ большого стола Мироныча и истово жевали баранки, запивая ихъ чайкомъ.

— Товарищи, заговорилъ Михневичъ, когда по общему настроенію компаніи стало замѣтно, что пора приступать къ дѣлу. — Я, какъ могъ, сдѣлалъ все, что поручили мнѣ. Писать ничего не писалъ. По нашимъ правиламъ, записки и писанія должны лежать внутри головы а не карманѣ, въ крайнемъ случаѣ нужно писать не прописью, а печатными буквами, чтобы по почерку нельзя было узнать, кто писалъ. Итакъ, союзъ какъ на здѣшней, такъ и на другихъ фабрикахъ, рѣшено. Мы устраиваемъ, вмѣсто „Комитета временной забастовки", постоянный „Боевой союзъ рабочихъ" нашей мануфактуры. Быть можетъ, черезъ годъ или раньше мы его переименуемъ въ „Союзъ рабочихъ Ободранскаго уѣзда", а тамъ и въ союзъ Голодаевской губерніи, смотря по ходу дѣла. Цѣль этого союза — объединеніе рабочихъ для борьбы за свое лучшее житье. Съ кѣмъ бороться? — съ хозяевами и ихъ вѣрнымъ

союзникомъ — начальствомъ. Какими средствами бороться? — На это отвѣтъ такой: главное средство — наше объединеніе. Мы должны прежде всего объединиться, научиться дѣйствовать общими силами, сообща: единодушно защищать свои человѣческія права и расширять тѣ, какія у насъ еще есть по закону; единодушно предъявлять фабрикантамъ и начальству наши требованія; единодушно защищать ихъ; единодушно помогать товарищамъ, когда нужно имъ помочь; единодушно заботиться о денежныхъ средствахъ для борьбы, о привлеченіи добрыхъ и надежныхъ друзей въ нашъ — словомъ, всячески вести единодушную борьбу за наше правое, святое рабочее дѣло. Въ нашъ союзъ мы хотѣли бы привлечь побольше новыхъ членовъ, но гнаться за ихъ числомъ — чистѣйшая пагуба и вредъ. При такомъ способѣ въ нашъ союзъ навѣрное пролѣзутъ змѣевидовскіе мерзавцы и порѣшать съ нами. Поэтому мы рѣшили принимать новыхъ людей въ нашъ союзъ съ опаской и осторожностью, разузнавъ ихъ на практикѣ. Для пользы дѣла они могутъ работать и не будучи членами нашего Союза. Болтуновъ, крикуновъ да хвастуновъ принимать къ себѣ не будемъ, будь они тамъ хоть распрекрасные и умнѣйшіе, и знающіе люди. Пусть такіе люди дѣйствуютъ на свой страхъ и совѣсть, а нашего дѣла не подводятъ; ни въ какія наши дѣла и замыслы мы ихъ не посвятимъ. Людей корыстныхъ и „жмыховъ“ намъ тоже не надо. Полезнымъ бойцомъ за хорошее и святое дѣло можетъ быть только хорошій человѣкъ, который не боится душу свою отдать за своего брата и товарища и за освобожденіе всѣхъ рабочихъ на всей землѣ. Только хорошій человѣкъ можетъ хорошо вліять на товарищей и ихъ самихъ дѣлать лучшими.

Для членовъ нашего Союза много дѣлъ. Первое — помогать пониманію, второе дѣло — помогать объединенію понявшихъ, третье дѣло — помогать борьбѣ, четвертое дѣло — помогать тѣмъ, кто пострадалъ въ борьбѣ. Первое дѣло, по-

могать пониманію, самое широкое и легкое дѣло. Нужно разъяснять своимъ товарищамъ, какъ идетъ жизнь на свѣтѣ, почему есть на свѣтѣ бѣдные и богатые, почему мы живемъ, какъ бѣдняки и нищіе и какъ сдѣлать, чтобы этого не было. Помогать пониманію — значитъ, помогать образованію. Нужно всячески распространять хорошія книги среди своихъ товарищей, покупать ихъ, давать читать, разъяснять. Безъ пониманія и образованія рабочій не боецъ, — господа всегда проведутъ его, обманутъ и заговорятъ. Особенно нужно знаніе русскихъ государственныхъ порядковъ и безпорядковъ (то есть знаніе государственнаго права); но чтобы ихъ понимать, какъ слѣдуетъ, нужно знать о порядкахъ заграничныхъ, какъ тамъ живутъ рабочіе, какъ они борются за свою лучшую жизнь, нужно знать политическую экономію или науку о бѣдности и богатствѣ человѣческомъ. Нужно возможно больше читать книгъ по исторіи, какъ люди боролись ради того, чтобы получше устроить свою жизнь на землѣ. Нужно знать разныя науки о природѣ (то есть науки естественныя) — о небѣ, о землѣ, о растеніяхъ, о животныхъ. Эти науки расширяютъ кругозоръ, рзъясняютъ, что такое истина, раскрываютъ обманы поповъ, толкующихъ о чудесахъ. Разныя науки раскрываютъ всю силу тѣхъ обмановъ и хитростей, которыми замазываютъ намъ глаза наши враги, — раскрываютъ обманы экономическіе (о собственности), юридическіе (о законѣ), церковные. „Больше знаній! Больше читайте хорошихъ книгъ! Больше ходите въ школы, въ читальни“. Эти слова мы должны твердить всегда, вездѣ, всѣмъ товарищамъ. Каждый изъ насъ долженъ покупать хорошія книги и пускать ихъ въ оборотъ. Кромѣ того, мы должны общими силами завести собственную библіотеку и накупать книги непремѣнно по разнымъ наукамъ, чтобы понимать и жизнь міра, и жизнь людей, — все то, что дѣлается вокругъ насъ. На библіотеку мы рѣшили собирать съ каждаго изъ насъ по 20 коп. въ мѣсяцъ; кто можетъ, пусть даетъ больше.

Мы рѣшили еще устроить на фабрикѣ между своими торговлю книгами: покупать листовокъ по 90 коп. сотню, а продавать по 2 коп. за штуку. Какая останется польза, то должно идти на покупку хорошихъ книгъ. Теперь такихъ книгъ, понятныхъ нашему брату, очень много. Должны мы запасти для товарищей побольше и такихъ книгъ, которыя запрещаетъ начальство, потому что въ этихъ вся правда насчетъ положенія рабочихъ и насчетъ беззаконій нашихъ враговъ написана очень ясно и откровенно. Одна такая запрещенная книга можетъ сразу открыть человѣку глаза на всю неправду, а открывши глаза, человѣкъ будетъ читать и правильно понимать и всякія другія книги. Поэтому и малое количество запрещенныхъ книгъ дѣлаетъ великое дѣло; но знанія и пониманія можно получать и изъ книгъ дозволенныхъ, научившись ихъ читать „между строками". Разумѣется, наши враги всячески стараются прятать отъ насъ настоящую правду, и съ этой цѣлью издавна устроена строжайшая цензура надъ книгами, особенно надъ тѣми, которыя дешевы и идутъ въ простой народъ. Но какъ ни старается начальство гнать и прятать правду, ничего не выходитъ: она между строчекъ и между словъ претъ. Правду изъ изъ хорошихъ книгъ никакъ не искоренишь, понимающій человѣкъ сразу отыскиваетъ ее. Теперь начальство стало усиленно запрещать хорошія книги, особенно тѣ, гдѣ говорится о житьѣ-бытьѣ рабочихъ и гнать и ссылать тѣхъ писателей русскихъ, которые стоятъ за народъ. Но и изъ этого ничего не выйдетъ: если начальство не станетъ допускать до насъ новыхъ хорошихъ книгъ, мы отыщемъ то, что намъ нужно, и въ хорошихъ старыхъ. Ничего оно съ нами не подѣлаетъ! Книга, братцы, книга прежде всего! Книга вмѣстѣ съ разговорами, завоюетъ намъ многое множество союзниковъ и друзей. Отличить хорошую книгу отъ дурной всегда можно: хорошая, честная книга всегда говоритъ въ пользу рабочихъ людей, т. е. за фабричныхъ и крестьянъ, и никогда не говоритъ въ защиту бога-

чей-фабрикантовъ и начальства, и вообще всякихъ господъ, живущихъ на нашей шеѣ. Теперь есть и списки хорошихъ книгъ, составленныхъ хорошими людьми, стоящими на нашей сторонѣ. Словомъ сказать, пустивъ въ ходъ среди рабочаго люда побольше хорошихъ книгъ и разговаривая о нихъ, мы сильно поможемъ образованію рабочаго люда. И нѣтъ никакой возможности помѣшать этому. Библіотеку свою мы рѣшили устраивать теперь же, сложившись книгами и деньгами. Запрещенныя книги мы рѣшили никоимъ образомъ не держать въ этой библіотекѣ; а держать ихъ непремѣнно отдѣльно. Съ запрещенными книгами мы рѣшили сдѣлать такъ: прочесть и тотчасъ передать въ другія руки. Не держи такихъ книгъ у себя, прячь ихъ, если ужъ нужно подальше, но всегда бережно обращайся съ ними, безъ самой крайней нужды не уничтожай ихъ: въ нихъ правда. Всѣ мы съ виду должны быть самыми обыкновенными — „дозволенными“ людьми, а изнутри мы всѣ должны быть бойцами за наше рабочее дѣло, за улучшеніе нашего житья общими силами. Когда мы будемъ людьми понимающими, знающими, осторожными, дѣятельными, тогда наша сила будетъ стоять и расти на глазахъ начальства, и ему не за что будетъ ухватить насъ.

— Второе дѣло кромѣ библіотеки, мы должны завести кассу. Большое дѣло требуетъ отъ насъ большихъ расходовъ. Деньги нужны намъ на случай забастовки, поддерживать слабыхъ; нужны деньги для поддержки нашихъ товарищей, которыхъ наши враги усадятъ въ тюрьму или сошлютъ. Помогать имъ — важное и святое дѣло. Еще мы должны имѣть деньги на разныя мелкія дѣла, напримѣръ, на печатаніе листковъ, на разсылку ихъ и пр.

— Еще мы рѣшили начать новое, третье дѣло — устроить изъ насъ особую артель странниковъ. Эти странники должны переходить съ фабрики на фабрику, нигдѣ подолгу не жить, нигдѣ домомъ не обзаводиться, а на каждомъ мѣстѣ служить нашему рабочему

дѣлу, раскрывать рабочимъ глаза на ихъ положеніе, учить ихъ правильной и разумной борьбѣ съ врагами, побуждать ихъ къ устройству библіотекъ, кассъ, союззовъ и такихъ же артелей странниковъ. Эти же странники должны выискивать и подмѣчать, что есть на такой-то фабрикѣ хорошаго и что плохого, и объ этомъ говорить на другихъ фабрикахъ и писать въ заграничныя русскія газеты. Тогда тамъ рабочимъ легче будетъ добиваться, чтобы и у нихъ начальство завело это хорошее: такой способъ и понятенъ, и удобенъ и не бросается въ глаза начальству. Артель странниковъ и ихъ работа сдѣлаютъ великое дѣло: они помогутъ и сильно ускорятъ объединеніе рабочихъ разныхъ фабрикъ, разныхъ мѣстностей въ одинъ общій союзъ. Быть странникомъ — дѣло трудное и опасное, но пусть и берутся за него люди опытные, осторожные, научившіеся, самые толковые, сдержанные, сильные духомъ. Чтобы ихъ никто не заподозрѣлъ, что они такое, нужно чтобы они выглядѣли такими же простаками-горемыками, какихъ злая судьба гоняетъ съ абрики на ффабрику. Нечего и говорить, что „страшныхъ" и неосторожныхъ словъ они не должны выкрикивать, записныхъ книжекъ и записокъ не должны при себѣ держать, дѣла должны заводить тихо и скромно, умѣя выбирать для нихъ людей а новымъ знакомцамъ старыхъ не указывать: пусть новые сначала сами поработаютъ, а потомъ, уже, доказавъ себя на дѣлѣ, заведутъ сношенія съ нашимъ Союзомъ. Артель странниковъ мы рѣшили завести теперь же и по мѣрѣ силъ помогать имъ изъ своей кассы. Такими странниками рѣшили сдѣлаться Говоренко, Завойко да еще Сладовъ, которому теперь уже вездѣ можно жить, кромѣ столицъ. Если мы рѣшимъ послать на нашъ общій счетъ нашихъ товарищей въ такія фабричныя мѣста гдѣ уже устроены хорошіе и крѣпкіе союзы рабочихъ, эти товарищи сами научатся и насъ научатъ. Зальштейнъ поѣдетъ заграницу въ Германію, Садовичъ — въ Польшу, Акатовъ — въ Петербургъ. Рабочіе всѣхъ странъ и народовъ должны понимать, что они

братья, и не смотрѣть на то, что таокй-то ихъ товарищъ — нѣмецъ, такой-то — полякъ, такой-то — еврей, такой-то — финляндецъ. У всѣхъ рабочихъ вѣдь враги одни и тѣже: фабриканты-капиталисты и начальство.

Наконецъ, мы рѣшили заводить побольше знакомствъ съ солдатами и разъяснять имъ, что они такое, кому служатъ и что дѣлаютъ. Это очень важное дѣло, и мы рѣшили взяться за него крѣпко. Надо разъяснять солдатамъ, что они такое и какому злому и не справедливому дѣлу они служатъ; надо давать имъ читать хоть и очень осторожно запрещенныя книги: „Солдатскую памятку“, „За вѣру, царя и отечество“, „Солдатскій подвигъ“.

—Еще мы рѣшили установить правильныя сношенія съ интеллигентами. Теперь, слава богу, на Руси уже много такихъ честныхъ людей, которые желаютъ служить нашему рабочему дѣлу. Есть среди нихъ и студенты, и техники, и писатели, и ученые, и доктора, и учителя, мужчины и женщины, старые и молодые, которые понимаютъ, что правда и справедливость на сторонѣ рабочихъ. Эти люди помогаютъ нашей борьбѣ съ нашими врагами, не жалѣя себя, и съ своей стороны тоже борятся съ ними. Не даромъ вѣдь столько интеллигентовъ сослано, посажено въ тюрьмы, крѣпости, повѣшено. Начальство потому и преслѣдуетъ ихъ, что они за наше дѣло стоятъ, себя не жалѣя. Интеллигенты еще раньше насъ начали борьбу съ народными обидчиками. Черезъ такихъ людей будутъ проникать въ нашу среду хорошія, новыя книги и газеты, напечатанныя здѣсь и заграницей, дозволенныя и запрещенныя правительствомъ; эти люди будутъ намъ говорить, что дѣлается въ лагерѣ нашихъ враговъ; они и деньгами намъ помогутъ. Но сноситься съ ними нужно съ особенной осторожностью, потому что полиція сильно слѣдитъ за ними, да за ними ей и слѣдить легче, чѣмъ за нами.

— Вотъ, установивъ все это, мы уже сильно вооружимся и подготовимся къ борьбѣ. Когда все, все бу-

детъ устроено широко и прочно, не наши враги будутъ командовать нами, а мы ими. Прежде всего мы начнемъ борьбу съ своимъ хозяиномъ и его укротимъ. Мы рѣшили готовиться къ новой всеобщей забастовкѣ теперь же, готовиться осторожно и основательно, что бы нанести Живодерникову славный ударъ въ самое горячее время и въ чувствительное мѣсто: тогда онъ, только что мы заговоримъ съ нимъ, уступитъ нашимъ справедливымъ требованіямъ. Но къ этому дѣлу готовиться не легко: нужно разузнать хозяйскія дѣла, приготовить товарищей на всей фабрикѣ, набрать загодя средства, сговориться по всѣмъ отдѣленіямъ и во-время постращать хозяина. Дѣло это нужно вести не съ налету, а умѣючи и разумно: если что на фабрикѣ плохо, то сначала нужно требовать отъ фабриканта письмомъ, что бы онъ перемѣнилъ это къ лучшему, но требовать тихо, мирно, съ достоинствомъ, спокойно. Если письмо не поможетъ, нужно сговориться, устроить мирную забастовку, отказавшись отъ работы по закону, за 2 недѣли, но отказываться непремѣнно в с ѣ м ъ. А въ срокъ найма можно и безъ всякаго заявленія уйти. Это — забастовки на законномъ основаніи. Но такія не всегда возможны и удачны. Чаще приходится грозить фабриканту забастовкой сейчасъ же, а не черезъ двѣ недѣли. Если гроза не поможетъ, Надо бастовать, и уже тогда разговаривать съ начальствомъ такъ, какъ мы до 18-го мая разговаривали. Это-то навѣрно поможетъ, если будетъ проведено тихо и мирно, но упорно. Конечно, начальство всегда на сторонѣ нашихъ враговъ, — для нихъ оно дѣлаетъ много, а для насъ пустяки и то для отвода глазъ. Значитъ, мы, начавъ борьбу съ хозяевами, волей-неволей будемъ бороться и съ начальствомъ. Съ нимъ тоже нужно бороться по всѣмъ правиламъ, а не зря, не въ слѣпую и не въ пустую. Прежде всего нужно хорошенько узнать наши собственныя права, какія у насъ теперь есть (хотя ихъ и очень немного), узнать, что мы имѣемъ право дѣлать, чего не имѣемъ (напримѣръ, мы имѣемъ право бастовать,

отказавшись всѣ до единаго за 2 недѣли). Права нужно знать, потому что и начальство, и фабрикантъ и особенно жандармы нарушаютъ ихъ на каждомъ шагу. Мы должны бороться и на этой почвѣ, то есть на законномъ основанiи, должны отстаивать наши права, никому не давать помыкать ими и нами. Эта защита прiучитъ насъ къ выдержкѣ, къ борьбѣ и покажетъ всему свѣту, что отъ насъ отнимаютъ на каждомъ шагу, даже то, что уже дано по закону. Защиту своихъ правъ мы должны прежде всего вести законнымъ спобомъ: ходить къ инспектору и жаловаться ему и въ одиночку, и толпами. Но у инспектора у самого сплошь и рядомъ руки связаны, и онъ ничего не можетъ для насъ подѣлать, если бы и захотѣлъ. Потому мы волей-неволей должны будемъ добиваться расширенiя нашихъ правъ, т. е. передѣлки закона въ нашу пользу. Этого можно добиваться тоже только путемъ забастовокъ, устроивъ забастовку сразу на многихъ фабрикахъ, какъ это сдѣлали въ 1896 г., петербургскiе рабочiе, которые добились измѣненiя фабричнаго закона въ пользу всѣхъ русскихъ рабочихъ. Расширить наши права и заставить измѣнить законы въ нашу пользу — необходимо. Очень мало дано намъ правъ. Напримѣръ, мы не имѣемъ теперь права устраивать свои кассы, свои библiотеки, — мы все это должны дѣлать тайкомъ; мы не имѣемъ права сообща обсуждать наши собственныя дѣла; мы не имѣемъ права посылать отъ насъ выборныхъ людей въ ту канцелярiю, которая, не спросясь нашего согласiя, придумываетъ неудобные, стѣснительные и даже несправедливые законы для насъ; мы не имѣемъ права устраивать союзовъ и ассоцiацiй или обществъ, и многихъ-многихъ другихъ правъ нѣтъ у насъ. А всѣ такiя права въ другихъ странахъ давнымъ давно даны уже рабочимъ, потому что тамъ рабочiе гораздо раньше нашего взялись за умъ и заставили господъ дать имъ эти права. По доброй волѣ господа и начальство никогда не позволили бы имъ напр., союзы, кассы и пр., которые помогаютъ рабочимъ же

бороться съ ихъ врагами. Вотъ и мы должны добиваться такихъ правъ. Разумѣется, одна фабрика этого не добьется, но когда забастуетъ сразу множество фабрикъ, тогда нашимъ врагамъ поневолѣ придется уступить, потому что они понимаютъ нашу силу и очень боятся насъ: вѣдь рабочіе, объединившись, такъ могутъ тряхнуть ими, что они и своихъ не узнаютъ! Имъ выгоднѣе согласиться и уступить намъ кое-что, чѣмъ лишиться сразу всего. Господа капиталисты-хозяева и начальство, и вообще всѣ господа народные обидчики понимаютъ отлично, что сыты-то они нашей кровью и потомъ; чтобы одного такого насытить, и обогатить, нужно тысячу рабочихъ держать впроголодь.

— Итакъ, братья-товарищи, начинаемъ мы съ сегодняшняго дня великое дѣло. Начинаемъ правильно поставленную борьбу съ нашими врагами и поведемъ ее такъ съ этого дня хоть сотни лѣтъ. Начнется правильно поставленное дѣло съ нашей фабрики, а тамъ перейдетъ, разумѣется, на другія; тамъ появятся, а кое-гдѣ уже и появились, свои союзы, и эти союзы и у насъ въ Россіи, какъ заграницей, сольются въ общій союзъ всѣхъ рабочихъ. Уже и теперь есть въ Россіи сильныя рабочія партіи, которыхъ не смогла и никогда не сможетъ искоренить полиція. Есть партія соціалистовъ-революціонеровъ и партія соціальдемократовъ. Та и другая добиваются освобожденія рабочаго народа изъ подъ гнета капиталистовъ и самодержавнаго начальства. И растетъ наше дѣло подъ самымъ носомъ начальства и ничего съ нимъ начальство не можетъ сдѣлать, какъ и до сихъ поръ ничего не подѣлало. Ужъ если бы могло, такъ оно все рабочее движеніе давнымъ давно съѣло бы. Не съѣло — значитъ, не смогло. И въ концѣ концовъ, братья-товарищи, мы добьемся своего. Добьемся — и передѣлаемъ весь строй на пользу рабочаго люда.

Михневичъ кончилъ свою рѣчь среди всеобщей тишины. Не успѣлъ онъ кончить, какъ заговорилъ Завойко. Его глаза блестѣли, щеки пылали. Онъ весь

дрожалъ отъ внутренняго волненія и громко заговорилъ.

— Братья-товарищи! Да вы подумайте только, въ какое удивительное время мы живемъ! Ужъ насъ-ли не бьютъ и не давятъ, и не грабятъ, и не унижаютъ! Ужъ на насъ-ли не идутъ войной и всѣ фабриканты-хозяева, и все начальство, и всѣ господа, и солдатъ ведутъ противъ насъ! Ужъ насъ-ли не сажаютъ въ тюрьмы. И царь противъ насъ, и судьи противъ насъ, и попы противъ. Всѣ стараются силой и обманомъ, по рукамъ и ногамъ скрутить насъ, а мы все живы да живы, ведемъ свою линію и дѣла свои все лучше устраиваемъ, и ничего съ нами не подѣлаешь! Прежде никакого сознательнаго стремленія освободиться у насъ не было, а были только отдѣльныя, мало осмысленныя стачки, вспышки да бунты; сознаніе наше, можно сказать, спало, пониманія не было, о союзахъ нашихъ да о всеобщихъ забастовкахъ никто и не думалъ, и думать даже боялся. А теперь какъ пошло! И здѣсь, и тамъ, и въ еПтербургѣ, и въ Москвѣ, и на Уралѣ, и во Владимірской губерніи, и въ Екатеринославской можно сказать, во всякой губерніи, гдѣ есть фабрики, рабочіе, наши братья, даютъ себя знать забастовками и борьбой, добиваются своего и даже заставляютъ измѣнять законы въ нашу пользу. Поднимаются и деревни и тоже борятся съ народными обидчиками, деревенскими капиталистами — міроѣдами, кулаками, помѣщиками и ихъ вѣрнымъ защитникомъ — начальствомъ. Борятся съ нимъ студенты, которые понимаютъ что при нынѣшнихъ государственныхъ порядкахъ въ самодержавномъ да чиновничьемъ да капиталистическомъ и поповскомъ государствѣ народъ никогда не будетъ жить хорошо счастливо съ начальствомъ, — интеллигенты; подрываютъ поповскую власть штундисты, духоборы и другіе люди, вѣрующіе не съ поповскихъ словъ, а по одному евангелію. Даже земцы, — и тѣ все чаще и чаще начинаютъ осуждать нынѣшніе русскіе порядки и громко объявляютъ царю и правител[illegible]

стала пора передѣлать русскіе государственные порядки и дать права обывателямъ, обуздать полицейскихъ, чиновниковъ и министровъ. Все къ одному идетъ. Не одни мы идемъ противъ общаго врага. Растетъ наша силушка, растетъ наше дружество не по днямъ, а по часамъ. Иногда насъ побьютъ, но, увидавъ нашу силу, пугаются и немного погодя дѣлаютъ по нашему, потому что дѣлать-то приходится волей-неволей: не сдѣлаешь — еще хуже будетъ. Ничего съ нами не подѣлаешь! Устроимъ свои дѣла здѣсь, а потомъ айда по всей Россіи на проповѣдь борьбы съ фабрики на фабрику, съ завода на заводъ! Айда служить нашему святому правому дѣлу освобожденія изъ-подъ ярма непосильнаго труда, униженія и неволи, служить до тѣхъ поръ, пока капля крови въ насъ останется! Всѣ поступимъ въ армію странниковъ. Я уже и теперь странникъ. Не надо мнѣ семьи, не надо дома. Моя семья — мои братья-рабочіе! Мой домъ — любая фабрика или заводъ. Выпьемъ теперь, братцы, за наше святое, единое, вѣчное дѣло, за обузданіе фабрикантовъ-хозяевъ, начальства и вообще господъ, благоденствующихъ пока на нашей шеѣ.

Марья Миронова и дѣдъ Мироньічъ уже принесли заблаговременно нѣсколько дюжинъ пива. Пиво заиграло въ стаканахъ, и братья-товарищи дружно чокались, а иные даже цѣловались другъ съ другомъ; у нѣкоторыхъ слезы блестѣли на глазахъ. Всѣмъ было радостно, всѣмъ было хорошо, и недавнихъ смятеній и пораженій будто и не бывало. Выпили и за Мироныча, и за Марью Миронову, которая послужила рабочему дѣлу не хуже любого мужчины. Поежлалиі чтобы побольше было такихъ фабричныхъ дѣвушекъ, какъ она. Тутъ же порѣшили каждый мѣсяцъ собирать и разсылать высланнымъ товарищамъ, кому особенно плохо придется, „рабочія пенсіи“ по 7 рублей въ мѣсяцъ. Поручили Платонычу [illegible] накупить подешевле хорошихъ книгъ. Раз[illegible]чулись до поздней ночи.

Такъ возникъ на Веселухинксой фабрикѣ правильно поставленный Боевой Союзъ Рабочихъ, устроенный ими самими.

ГЛАВА XI.

Насталъ февраль мѣсяцъ. На Веселухинской мануфактурѣ все было спокойно. Такъ спокойно и тихо, что словно возвратились на землю прежнія „патріархальныя времена“, когда фабриканты были „добрые, милостивые отцы“, а рабочіе послушные, трудолюбивые „дѣти“. Впрочемъ, никакихъ перемѣнъ къ лучшему на фабрикѣ не произошло. Мастера Мясоѣдова не уволили, а лишь перевели на другую высшую должность; расцѣнокъ не измѣнили; вентиляціи не улучшили, и другихъ требованій рабочихъ не удовлетворили. Змѣевидовъ былъ очень доволенъ такимъ положеніемъ вещей. „Успокоились! Угомонились!“ думалъ онъ. Былъ доволенъ и губернаторъ. Въ разговорѣ съ предводителемъ дворянства и съ архіереемъ онъ говорилъ очень часто: „Ню-ню-ню, видите, что значитъ моя политика: послабленій не надо никакихъ. Штурмъ и натискъ! Разъ, два — и все успокоилось“. Живодерниковъ тоже какъбудто пересталъ кряхтѣть и жаловаться; кое-какъ онъ раздѣлался съ кредиторами и должниками. Добылъ новые заказы, обернулся, вывернулся, перекувыркнулся передъ собраніемъ акціонеровъ, которые были очень недовольны, что изъ-за фабричныхъ волненій въ этомъ году они получили нѣсколько меньше доходу. Губернаторъ и Змѣевидовъ принудили-таки Савелія Никитича внести въ бюджетъ фабрики 10.000 рублей на содержаніе на ней тайныхъ агентовъ и на увеличеніе штатовъ полиціи. Живодерниковъ пожался, но далъ: „такъ оно спокойнѣе будетъ!“ Осенью на фабрикѣ набрался полный комплектъ рабочихъ. Сильно порадовало Живодерникова, что къ нему пришли, кромѣ новыхъ, опять наниматься его прежніе рабочіе, которые въ маѣ сами

взяли разсчетъ, а теперь сами же просились на работу... „Такъ-то! говорилъ имъ Живодерниковъ. Не бойсь, пришли! не бойсь, безъ Савелія Никитича обойтись-то не можете! Дурачье! Если вамъ у меня худо, то на другихъ фабрикахъ еще хуже!“ Рабочіе молчаливо шли-было на работу, но Живодерниковъ останавливалъ ихъ и грознымъ голосомъ говорилъ: „Такъ не будете больше бунтовать?“ — „Не будемъ! не будемъ“ — „То-то же у меня! Будьте довольны тѣмъ, что есть!“ — „Довольны! Довольны!“ Про себя Живодерниковъ думалъ: „Встряска-то имъ на пользу пошла! Нѣтъ худа безъ добра. Успокоились! Такъ-то лучше!“

Но каково же было удивленіе и разочарованіе почтеннаго Савелія Никитича, когда въ одинъ прекрасный день (дѣло было въ концѣ февраля) къ нему пришелъ директоръ Зубаловъ и сообщилъ очень-таки неціятныя вещи. Директоръ былъ сильно разстроенъ самъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ хозяина даже безъ доклада, поздоровался и заговорилъ взволнованнымъ голосомъ.

— Послушайте, дорогой Савелій Никитичъ! Да это же, наконецъ, невозможно! Это чортъ знаетъ, что такое! Это возмутительно! Это необыкновенно дерзко!

Савелій Никитичъ смотрѣлъ на Зубалова въ упоръ своими коровьими глазами и ничего не понималъ, что случилось. Понималъ онъ только то, что опять стряслось нѣчто скверное, и уже соображалъ, большіе-ли убытки теперь угрожаютъ.

— Въ чемъ дѣло? Скажите, въ чемъ дѣло?

— А въ томъ, что на нашей фабрикѣ опять неспокойно. Среди рабочихъ идутъ разговоры о новой забастовкѣ; а сегодня утромъ является ко мнѣ мастеръ Мясоѣдовъ весь въ крови, синій, опухшій и говоритъ: „Прикажите выдать мнѣ разсчетъ сегодня же. Моченьки моей нѣтъ! Не могу больше!“ И что же я узнаю? Эти всѣ 6 мѣсяцевъ съ самой осени рабочіе всякими способами „учили“ Мясоѣдова. То у него новое пальто облито сѣрною кислотою, то изрѣзанъ сюртукъ, то

въ фуражкѣ прожжена огромная дыра, то разбита лампа въ квартирѣ, — и все неизвѣстно кѣмъ. Онъ все терпѣлъ и молчалъ, отплачивая рабочимъ по своему. А за послѣднее время его стали поколачивать. На одной этой недѣлѣ поколотили три раза. Кто колотилъ — неизвѣстно: дѣлается это въ темнотѣ. А одинъ разъ ему мѣшокъ на голову набросили, а потомъ избили. Мясоѣдовъ и жаловаться даже боится; говоритъ: „убьютъ!" Только о томъ и проситъ: „увольте! увольте!"

— Ну, что же, уволить, такъ уволить! Эка бѣда! воскликнулъ Живодерниковъ.

— Но вѣдь Мясоѣдовъ одинъ изъ самыхъ преданныхъ намъ людей. Онъ уже служитъ намъ болѣе 15 лѣтъ.

— Эка невидаль! За деньги найдемъ и другихъ не хуже. Послужилъ, — и довольно! Отпустите его, только и всего.

— Прикажете выдать ему годовое жалованье?!

— Чего ради? Больно жирно будетъ. Вѣдь не я его колочу и выгоняю раньше времени, — самъ уходитъ!

— Но вѣдь онъ уходитъ не по своей волѣ, — его гонятъ съ фабрики рабочіе. Благоразумно-ли давать потачку такимъ дѣламъ. Сегодня рабочіе гонятъ Мясоѣдова, завтра погонятъ Петрова, послѣ завтра меня!... Живодерниковъ вскочилъ съ мѣста. Онъ даже побагровѣлъ отъ злости.

— А чортъ ихъ всѣхъ тамъ возьми! Что я съ ними подѣлаю? Что подѣлаю? Что же сыщики не смотрятъ, [illegible] ? Вѣдь я за нихъ плачу! Чего они ни[illegible] не могутъ съ ними?... Нужно уступить. [illegible] новой забастовки и разгрома. Лучвнести [illegible] въ маломъ. Вѣдь этакъ-то больше потеряжаніе на [illegible]

товъ полиціи [illegible] недовольное лицо.

оно спокойнѣе [illegible] сказалъ [illegible] по

полный комплектъ [illegible] мы

водерникова, что [illegible] спасибо! [illegible]

наниматься его [illegible]

Зубаловъ всталъ, холодно раскланялся и ушелъ. Въ тотъ же день Мясоѣдовъ былъ уволенъ. На фабрику явились жандармы, приставъ и всѣ усердно распрашивали и разыскивали среди рабочихъ, кто изъ нихъ избилъ Мясоѣдова; но виновные такъ и не были найдены. Полиція съ чѣмъ пріѣхала, съ тѣмъ и уѣхала.

Черезъ нѣсколько дней Зубаловъ снова явился въ кабинетъ Живодерникова. На этотъ разъ онъ ехидно улыбался.

— Я къ вамъ опять съ дурной новостью. Не угодно-ли прочитать? И онъ подалъ Живодерникову листокъ, отпечатанный на домашнемъ мимеографѣ. Въ листкѣ было написано:

„Боевой Союзъ рабочихъ Веселухинской мануфактуры требуетъ отъ фабричной администраціи, чтобы съ слѣдующей же субботы работы на фабрикѣ наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней кончались въ 2 часа дня безъ уменьшенія заработка. Въ томъ случаѣ, если это справедливое требованіе рабочихъ не будетъ исполнено, Союзъ объявляетъ, что Веселухинской мануфактурѣ грозитъ непріятность."

Живодерниковъ прочелъ листокъ и побагровѣлъ.

— Я вамъ говорилъ! усмѣхнулся Зубаловъ. — Что прикажете теперь дѣлать?

Живодерниковъ зашагалъ по комнатѣ. Онъ шагалъ словно бегемотъ, грозно шлепая по ковру бархатными туфлями. Зубаловъ, хитро улыбаясь, посматривалъ на него и молчалъ, покуривая папироску. А Живодерниковъ, ничего не замѣчая, шагалъ да шагалъ, думая про себя нелегкую думу. „И чего смотрятъ? Чего слушаютъ?... Да гдѣ тамъ усмотришь! Все зря! Полтораста тысячъ въ нѣсколько дней! Шутка-ли!" Отрывистыя мысли скользили въ его головѣ. Такъ прошло минутъ пять. Зубаловъ первый прервалъ молчаніе.

, что же прикажете съ ними дѣлать?

те! вдругъ крикнулъ Живодерниковъ.

ыже подскочилъ на своемъ креслѣ и вы

а.

въ фуражкѣ прожжена огромная дыра, то разбита лампа въ квартирѣ, — и все неизвѣстно кѣмъ. Онъ все терпѣлъ и молчалъ, отплачивая рабочимъ по своему. А за послѣднее время его стали поколачивать. На одной этой недѣлѣ поколотили три раза. Кто колотилъ — неизвѣстно: дѣлается это въ темнотѣ. А одинъ разъ ему мѣшокъ на голову набросили, а потомъ избили. Мясоѣдовъ и жаловаться даже боится; говоритъ: „убьютъ!“ Только о томъ и проситъ: „увольте! увольте!“

— Ну, что же, уволить, такъ уволить! Эка бѣда! воскликнулъ Живодерниковъ.

— Но вѣдь Мясоѣдовъ одинъ изъ самыхъ преданныхъ намъ людей. Онъ уже служитъ намъ болѣе 15 лѣтъ.

— Эка невидаль! За деньги найдемъ и другихъ не хуже. Послужилъ, — и довольно! Отпустите его, только и всего.

— Прикажете выдать ему годовое жалованье?!

— Чего ради? Больно жирно будетъ. Вѣдь не я его колочу и выгоняю раньше времени, — самъ уходитъ!

— Но вѣдь онъ уходитъ не по своей волѣ, — его гонятъ съ фабрики рабочіе. Благоразумно-ли давать потачку такимъ дѣламъ. Сегодня рабочіе гонятъ Мясоѣдова, завтра погонятъ Петрова, послѣ завтра меня!... Живодерниковъ вскочилъ съ мѣста. Онъ даже побагровѣлъ отъ злости.

—А чортъ ихъ всѣхъ тамъ возьми! Что я съ ними подѣлаю? Что подѣлаю? Что же сыщики не смотрятъ, кто дерется? Вѣдь я за нихъ плачу! Чего они ничего подѣлать не могутъ съ ними?... Нужно уступить. Не ждать же еще новой забастовки и разгрома. Лучше уступить въ маломъ. Вѣдь этакъ-то больше потеряешь.

Зубаловъ сдѣлалъ недовольное лицо.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ онъ. — Только по моему это не мелочи.

— Ну, нѣтъ, ужъ спасибо! Отъ безпорядковъ мы потеряли больше 150 тысячъ! Съ насъ довольно.

Зубаловъ всталъ, холодно раскланялся и ушелъ. Въ тотъ же день Мясоѣдовъ былъ уволенъ. На фабрику явились жандармы, приставъ и всѣ усердно распрашивали и разыскивали среди рабочихъ, кто изъ нихъ избилъ Мясоѣдова; но виновные такъ и не были найдены. Полиція съ чѣмъ пріѣхала, съ тѣмъ и уѣхала.

Черезъ нѣсколько дней Зубаловъ снова явился въ кабинетъ Живодерникова. На этотъ разъ онъ ехидно улыбался.

— Я къ вамъ опять съ дурной новостью. Не угодно-ли прочитать? И онъ подалъ Живодерникову листокъ, отпечатанный на домашнемъ мимеографѣ. Въ листкѣ было написано:

„Боевой Союзъ рабочихъ Веселухинской мануфактуры требуетъ отъ фабричной администраціи, чтобы съ слѣдующей же субботы работы на фабрикѣ наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней кончались въ 2 часа дня безъ уменьшенія заработка. Въ томъ случаѣ, если это справедливое требованіе рабочихъ не будетъ исполнено, Союзъ объявляетъ, что Веселухинской мануфактурѣ грозитъ непріятность.“

Живодерниковъ прочелъ листокъ и побагровѣлъ.

— Я вамъ говорилъ! усмѣхнулся Зубаловъ. — Что прикажете теперь дѣлать?

Живодерниковъ зашагалъ по комнатѣ. Онъ шагалъ словно бегемотъ, грозно шлепая по ковру бархатными туфлями. Зубаловъ, хитро улыбаясь, посматривалъ на него и молчалъ, покуривая папироску. А Живодерниковъ, ничего не замѣчая, шагалъ да шагалъ, думая про себя нелегкую думу. „И чего смотрятъ? Чего слушаютъ?... Да гдѣ тамъ усмотришь! Все зря! Полтораста тысячъ въ нѣсколько дней! Шутка-ли!“ Отрывистыя мысли скользили въ его головѣ. Такъ прошло минутъ пять. Зубаловъ первый прервалъ молчаніе.

— Ну-съ, что же прикажете съ ними дѣлать?

— Уступите! вдругъ крикнулъ Живодерниковъ.

Зубаловъ даже подскочилъ на своемъ креслѣ и вытаращилъ глаза.

— Что вы дѣлаете Савелій Никитичъ! воскликнулъ онъ. — Да вы роете яму и себѣ, и другимъ фабрикантамъ, и всей русской промышленности! Вѣдь этакъ невозможно! Прикажите лучше послать этотъ листокъ жандармскому начальству и дать знать фаричному инпектору. Пусть принимаютъ свои мѣры. Но уступить невозможно! Невозможно.

На этотъ разъ Живодерниковъ не сдержался. Онъ остановился передъ Зубаловымъ, уперся въ него глазами и сказалъ.

— Ну, нѣтъ ужъ! Много благодаренъ! Сытехоньки! Накормило меня начальство вотъ доселева! Больше не надо! Если бы не оно, такъ у меня всѣ машины были бы цѣлехоньки: уступи я, — и забастовка кончилась бы тихо. Не надо! Пожалуйста, не давайте знать о листкахъ никакому начальству. Уступите такую мелочь — только и всего. Сколько мы потеряемъ черезъ это?

— Рублей 700 — 800 въ мѣсяцъ. Но развѣ въ этомъ дѣло. Дѣло въ принципѣ...

— 700 — 800 рублей въ мѣсяцъ не 150 тысячъ! А на принципъ намъ наплевать. Вотъ онъ гдѣ, принципъ-то. И Живодерниковъ хлопнулъ себя по карману.

Зубаловъ хотѣлъ-было уходить.

— А впрочемъ, остановилъ его Живодерниковъ, надо все же поторговаться съ этими скотами. Эту субботу оставьте все по старому, а на слѣдующей недѣлѣ вывѣсьте объявленіе, что съ 1 мая работы наканунѣ праздниковъ будутъ кончаться въ 2 часа. О платѣ же ничего не говорите.

— Эта полумѣра ни къ чему не приведетъ, возразилъ Зубаловъ. — Она только раздражитъ рабочихъ.

— Ну, раздражитъ, такъ уступимъ еще маленько. Поторговаться все-же надо. Вѣдь 200 р. въ карманѣ за каждую недѣлю чего нибудь да стоятъ!

Зубаловъ раскланялся и ушелъ, но все-же далъ тайкомъ знать о листкѣ жандармскому начальству.

Когда настала суббота, на фабрикѣ уже появились

конные жандармы и городовые. Живодерниковъ былъ недоволенъ Зубаловымъ, но тотъ сказалъ что начальство само разузнало о готовящейся забастовкѣ. Пріѣхалъ и фабричный инспекторъ, пріѣхалъ и Змѣевидовъ, и засѣли въ фабричной конторѣ. Въ 2 часа раздался фабричный гудокъ и изъ корпусовъ повалили рабочіе. Толпа бѣжала за толпой. Бѣжали въ припрыжку парни, шли женщины, отцвѣтшія раньше времени, тащились старухи. Всѣ рабочіе разлюбезно кланялись Живодерникову и начальству, и скоро всѣ скрылись за фабричными воротами. У воротъ и во дворѣ уже поджидала вторая смѣна, которая шла на встрѣчу. Обѣ толпы смѣшались, слились въ одно и на глазахъ у самаго начальства рѣкою полились вонъ со двора по домамъ и скоро скрылись изъ виду. Начальство только руками развело. Фабрика стала. Сколько ни гудѣлъ гудокъ, сколько онъ ни зазывалъ — все было напрасно. Его зазываній опять никто не слушалъ. Начальство ждало-ждало прихода рабочихъ и не дождалось. Инспекторъ пробовалъ было увѣщевать рабочихъ, но изъ его увѣщеваній ничего не вышло.

— Ну, что же господа, поѣдемте по домамъ и мы! сказалъ инспекторъ. — Намъ больше тутъ нечего дѣлать. — Плохо смотрите! добавилъ онъ по адресу Змѣевидова.

Тотъ сжалъ губы и ничего не отвѣтилъ. Смотрѣли-то хорошо, да видно-то ничего не было. Все мимо носа прошло. Мерзавцы эти рабочіе. Дьяволы!

Полиція составила протоколъ. При этомъ Живодерниковъ тутъ же заявилъ инспектору, что „случай“ произошелъ отчасти по его винѣ: онъ самъ говорилъ кой-кому изъ рабочихъ, что наканунѣ праздниковъ рѣшено кончать въ 2 часа. „А я вотъ все медлилъ!“ ухмыльнулся Живодерниковъ, хотя у него на душѣ кошки скребли.

— Объ этомъ не мѣшало бы сначала поговорить съ нами, сказалъ инспекторъ. Онъ былъ недоволенъ фаб-

рикантомъ. — По крайней мѣрѣ вывѣшивайте объявленіе скорѣе. Я подпишу.

Живодерниковъ былъ очень радъ что исторія кончилась благополучно. Вечеромъ, на всѣхъ рабочихъ, ушедшихъ самовольно, былъ наложенъ съ разрѣшенія начальства, маленькій штрафъ. Въ понедѣльникъ всѣ работы на фабрикѣ возобновились, какъ ни въ чемъ не бывало. Рабочіе молча читали объявленіе о штрафѣ, посмѣивались и становились на свои мѣста. Во вторникъ было вывѣшено объявленіе о сокращеоіи работы въ предпраздничные дни. Въ газетахъ появилось краткое сообщеніе о гуманномъ поступкѣ Савелія Никитича Живодерникова, который въ духѣ времени и заботясь о нуждахъ рабочихъ, сократилъ рабочее время въ кануны праздничныхъ дней. Это извѣстіе перепечатали другія газеты. Савелій Никитичъ былъ очень доволенъ, что имя его прогремѣло по всей Россіи и лишній разъ напомнило людямъ о его „добровольныхъ“ благодѣяніяхъ рабочимъ.

А черезъ 2—3 недѣли случилось на фабрикѣ еще событіе: забастовала одна смѣна въ ткацкомъ отдѣленіи. Забастовавшіе были почти сплошь тѣ самые рабочіе, которыхъ Зубалову удалось привести изъ другихъ губерній, взамѣнъ уволившихся и арестованныхъ. Забастовка эта произошла послѣ долгихъ переговоровъ съ Зубаловымъ, инспекторами и Живодерниковымъ. „Моченьки нашей нѣтъ, говорили рабочіе. Пряжа совсѣмъ гнилая. Или увеличьте расцѣнку, или отпустите насъ по домамъ“. Инспекторъ на этотъ разъ самъ посовѣтовалъ „дружески“ Живодерникову уступить. Тѣ, старые рабочіе, работали рядомъ съ ними изъ хорошей пряжи, а эти, новички, посажены были дорабатывать гниль изъ Живодерниковскихъ складовъ.

Живодерниковъ помялся, помялся, сдѣлалъ примѣрный подсчетъ, что выгоднѣе — прибавка или забастовка, или потеря на пряжѣ, которую и по чистой совѣсти слѣдуетъ выбросить вонъ (Живодерниковъ разсчитывалъ сбыть ее въ Среднюю Азію), — и уступилъ. На этотъ

разъ и фабричный инспекторъ, опасавшійся новыхъ волненій, остался доволенъ его уступчивостью.

А рабочіе были еще довольнѣе. Они тихо, спокойно и съ достоинствомъ добивались того, что было написано въ листкѣ отъ 10 мая. Они дружно стояли на своемъ. Они почти не показывали свою силу, не выставляли ее на видъ, но враги ихъ отлично чувствовали ее. Какъ-то цѣлая толпа отбѣльщиковъ явилась къ фабричному инспектору и пожаловалась ему, что въ красильномъ отдѣленіи изъ-за дурного воздуха невозможно работать. Инспекторъ съѣздилъ на фабрику, разсмотрѣлъ ихъ жалобу и принудилъ Зубалова устроить вентиляцію, какъ подобаетъ. Не прошло и мѣсяца, какъ рабочіе добились уступокъ и по другимъ пунктамъ листка: сортовщики побаивались браковать товаръ зря, потому что съ несправедливыми сортовщиками рабочіе продѣлывали то же, что съ Мясоѣдовымъ. Уборка и чистка машинъ и получка стали считаться какъ рабочее время. О многихъ этихъ уступкахъ Змѣевидовъ и даже инспекторъ узнали только послѣ того, какъ всѣ онѣ уже были сдѣланы...

Всѣмъ этимъ Змѣевидовъ былъ очень недоволенъ. Къ тому же до него доходили извѣстія отъ шпіоновъ, что на фабрикѣ куда какъ не спокойно, — тамъ завелся какой-то особенный „Союзъ", который правильно печатаетъ и распространяетъ листки, а кто члены „Союза" никакъ невозможно разыскать. Брали и обыскивали многихъ, но членовъ — „союзниковъ" не нашли. Правда, у нѣкоторыхъ изъ обысканныхъ рабочихъ, были найдены сомнительныя письма отъ высланныхъ товарищей, но эти письма заранѣе были прочтены полиціей и жандармами, еще въ почтовой конторѣ, и въ нихъ ничего особеннаго не было. Были найдены научныя книжки и даже два листка. Въ одномъ листкѣ говорилось между прочимъ: „„Мы требуемъ: 1) Установленія закономъ 10-ти часового рабочаго дня съ обязательнымъ обѣденнымъ перерывомъ въ полтора часа, и окончанія работъ по субботамъ и наканунѣ праздниковъ въ 2

часа дня 2) Совершеннаго уничтоженія сверхурочныхъ работъ. 3) Возстановленія праздниковъ, уничтоженныхъ закономъ 2-го іюня 1897 года. 4) Запрещенія женщинамъ и подросткамъ работать ночью въ предѣлахъ отъ 8 час. вечера и до 6 час. утра и запрещенія вообще работать дѣтямъ моложе 15 л. 5) Повышенія заработной платы настолько, чтобы дневной заработокъ не уменьшился. 6) Выдачи сполна всей заработной платы не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ —1 и 15 числа. 7) Обязательнаго страхованія рабочихъ и отвѣтственности предпринимателей за увѣчье и смерть рабочихъ. 8) Распространенія надзора фабричной инспекціи на всѣ частныя и казенныя фабрики и заводы. 9) Предоставленія рабочимъ права выбирать депутатовъ для переговоровъ съ администраціей и властями и вообще для веденія дѣлъ касающихся рабочихъ. 10) Установленія размѣра заработной платы и расцѣнокъ, какъ и наложенія штрафовъ, лишь явно и съ вѣдома рабочихъ депутатовъ. 11) Предоставленія рабочимъ свободы стачекъ, собраній, союзовъ и кассъ. 12) Гласнаго суда присяжныхъ (по дѣламъ о стачкахъ), отмѣны административныхъ высылокъ и произвольныхъ арестовъ помимо опредѣленія суда".

За листки виновные были посажены въ тюрьму, словно важные преступники. Змѣевидовъ самъ сдѣлалъ имъ строжайшій допросъ съ мордобитіемъ, но и самъ ничего не открылъ. Его жандармскій носъ хоть и чувствовалъ, что завелось на фабрикѣ нѣчто важное и опасное, но какъ добраться до этого — неизвѣстно. Особенно злило Змѣевидова, что завелась на фабрикѣ среди рабочихъ организація, т. е. правильная постановка дѣла, нѣчто прочное, разумное, цѣлесообразное. Съ буянами, бунтовщиками легко справиться съ помощью войскъ; мальчишекъ-болтуновъ и крикуновъ не хитро замѣтить и посадить въ кутузку, но какъ подцѣпить организацію прочную, союзъ? Это гидра многоголовая: одну голову рубишь, другая растетъ. Змѣевидовъ былъ очень, очень недоволенъ...

ГЛАВА XII.

Насталъ мартъ мѣсяцъ. На 22 число было назначено въ Голодаевскомъ Оружномъ Судѣ слушаніе судебнаго дѣла о безпорядкахъ, произведенныхъ рабочими на Веселухинской мануфактурѣ.

Въ обширной залѣ Окружнаго Суда собрались господа судьи, господа сословные представители и кое-кто изъ генераловъ, важныхъ чиновниковъ и судейскихъ. Одни собрались, чтобы посмотрѣть да послушать, какъ кто будетъ судить рабочихъ-бунтовщиковъ. Другіе собрались сами судить ихъ. Господа судьи были все народъ упитанный, жирный, получающій хорошее жалованье и награды и ожидающіе хорошую пенсію, кресты и всякія другія благодѣянія отъ казны. Господа сословные представители были то же народъ упитанный и сытый. Они и безъ словъ и приказовъ поняли, зачѣмъ ихъ позвали сюда: нужно же соблюсти видъ приличный и торжественный, даже дѣлая гнусное, несправедливое дѣло. Нужно по всѣмъ правиламъ закона засудить этихъ рабочихъ-бунтовщиковъ, чтобы другимъ такимъ же рабочимъ было не повадно обнаруживать недовольство поистинѣ прекраснымъ устройствомъ жизни бѣднаго народа въ русскомъ государствѣ; чтобы не смѣли они добиваться лучшаго житья ни для себя, ни для своихъ женъ, ни для дѣтей и братьевъ; чтобы пропала у нихъ охота безпокоить откормленныхъ, благополучно проживающихъ господъ фабрикантовъ, чиновниковъ и компанію.

Были среди сословныхъ представителей разные люди. Былъ важный баринъ, предводитель дворянства, крупный помѣщикъ, другъ-пріятель именитыхъ фабрикантовъ и купцовъ, которымъ онъ кстати сказать, и долженъ не мало, такъ какъ здорово обнищалъ послѣ того, какъ перестали на его свѣтлость работать крѣпостные мужики да бабы. Былъ тутъ именитый купецъ, владѣ-

лецъ акцій разныхъ бумаго-прядильныхъ фабрикъ; онъ еще до суда галдѣлъ, что рабочихъ бунтовщиковъ повѣсить слѣдуетъ. Былъ тутъ и мѣщанинъ — мѣщанскій староста — живущій скупкою фабрикантскихъ и помѣщичьихъ векселей по дешевымъ цѣнамъ. Былъ и „торгующій крестьянинъ", т. е. тотъ же купецъ, иначе сказать, мужикъ особенный, міроѣдъ, вышедшій изъ крестьянской среды и вплотную приставшій къ господамъ, отъ которыхъ и на его долю „перепадаетъ". Были и другіе сословные „представители", которымъ и безъ приказовъ ясно, что рабочихъ-бунтовщиковъ слѣдуетъ засудить даже тогда, когда они ни въ чемъ невиноваты.

Собрались было въ судъ послушать да посмотрѣть и иная публика: жены, дѣти и друзья рабочихъ — писатели, ученые и газетчики, писавшіе въ защиту рабочаго люда, фабричныхъ и крестьянъ. Но этихъ людей и къ дверямъ не допустили, потому что боялись, какъ-бы они не разсказали о томъ, какія некрасивыя и несправедливыя дѣла дѣлаются нынѣ на судѣ и какъ царскій, казенный, господскій судъ засуживаетъ невинныхъ людей за то, что имъ жить не въ моготу, за то, что они стали сами о себѣ заботиться, если о нихъ никто другой не заботится, какъ слѣдуетъ. Вышелъ приказъ судить рабочихъ при закрытыхъ дверяхъ, а въ залу допустить лишь самыхъ важныхъ чиновниковъ, генераловъ и фабрикантовъ. Эти господа усѣлись на особомъ мѣстѣ „для публики" и собрались смотрѣть, что будетъ. И въ старину такъ бывало, что всякіе знатные, благородные люди смотрѣли изъ особой бесѣдки, какъ горятъ на кострахъ непріятные и вредные для нихъ еретики.

Привели на судъ подсудимыхъ и разсадили ихъ по скамьямъ подъ охраною солдатъ и жандармовъ. Всѣхъ подсудимыхъ было 146 человѣкъ. И всѣ они были бодры и веселы. Тутъ были и Сидоровъ, и Житецкій, и другіе. Нѣкоторые „подсудимые" были блѣдны, но такихъ было немного. Особенно же счастливый видъ

имѣлъ Вологдинъ. Онъ зналъ, что не миновать ему тюрьмы, хотя онъ и провинился только въ томъ, что уговаривалъ рабочихъ не буянить. Онъ ко всему приготовился и рѣшилъ сказать суду свое слово, чтобъ господа его помнили! Пусть потомъ за это слово, какъ угодно, наказываютъ. Передъ подсудимыми на особой скамьѣ сѣли ихъ защитники — адвокаты.

Забѣгалъ по залу суда судебный приставъ. Раздался торжественный возгласъ „судъ идетъ!“ Вышли изъ особыхъ дверей толстопузые судьи и сословные представители. Прочитали длиннѣйшій обвинительный актъ, взводившій на рабочихъ небывалыя преступленія. Начался допросъ свидѣтелей. Только тѣ свидѣтели и были вызваны на судъ, кто могъ показать лишь противъ рабочихъ, а кто могъ показать за нихъ, такъ тѣхъ судъ рѣшилъ заранѣе не вызывать. Судьи и обвинители совсѣмъ не хотѣли, чтобы тяжелое житье-бытье рабочихъ на Веселухинской мануфактурѣ выяснилось на этомъ судѣ. Нѣтъ, нужно было показать, что рабочимъ жилось тамъ отлично, что не жизнь имъ была, а масляница, что рабочіе за пазухой Савелія Никитича Живодерникова были и сыты, и счастливы. Нужно было показать, что рабочіе не люди, а звѣри, которыхъ слѣдуетъ держать на цѣпи, потому что они отличнаго обращенія съ ними не понимаютъ, а буйствуютъ, громятъ, дебоширятъ зря. Такихъ звѣрей къ каторгѣ приговорить мало, а судъ приговоритъ ихъ лишь къ тюрьмѣ да къ арестантскимъ ротамъ... Значитъ, судъ выкажетъ себя „правымъ и милостивымъ“.

И вышло все на судѣ, какъ по писанному. Чуть только кто-нибудь начиналъ говорить въ защиту рабочихъ, сейчасъ-же судья заговоритъ: „Это къ дѣлу не относится. Объ этомъ прошу не говорить!“ Чуть только свидѣтели-полицейскіе проговаривались подъ допросами защитниковъ, что рабочій Кнутиковъ слылъ на фабрикѣ за шпіона, судья уже кричалъ: „Это къ дѣлу не идетъ!“ Когда же защитникъ спрашивалъ у Змѣевидова: правда-ли, что онъ велъ какіе-то переговоры съ Кнутиковымъ,

а его люди устраивали въ трактирѣ наемъ на какую-то несуществующую фабрику? Змѣевидовъ заявлялъ, что на этотъ вопросъ онъ не можетъ дать отвѣта: „Это государственная тайна!“

Напрасно защитники старались защитить тѣхъ, кто сидѣлъ на скамьяхъ подсудимыхъ. Напрасно они говорили горячія и справедливыя рѣчи и доказывали, что рабочіе поневолѣ устроили забастовку, вслѣдствіе очень тяжелаго житья-бытья, и что, кромѣ забастовки, имъ ничего другого не оставалось дѣлать. Напрасно защитники говорили, что разбивали лавку не рабочіе, а какіе-то подозрительные люди съ Кнутиковымъ во главѣ, — а вѣдь Кнутиковъ этотъ самъ хвасталъ, что онъ „получаетъ жалованье“ отъ полиціи и что онъ-де „побѣдилъ 5000 человѣкъ рабочихъ“. Напрасно защитники взывали къ сердцу человѣческому господъ судей и сословныхъ представителей, къ правдѣ и справедливости и даже милости. Все это не помогало. Судьи слушали ихъ, да о своихъ наградахъ да о жалованьѣ думали, а сословные преставители, жившіе на счетъ этого же рабочаго народа, только радовались, что наконецъ-то опасные бунтовщики попались имъ въ руки и они закатаютъ ихъ, куда слѣдуетъ, — благо законъ въ ихъ рукахъ...

Окончились рѣчи адвокатовъ. Дано было слово подсудимымъ. Пожелалъ сказать свое слово одинъ Вологдинъ. Онъ поднялся съ своего мѣста, обвелъ судей и сословныхъ представителей мрачно насупленными глазами и заговорилъ. Сначала онъ говорилъ неясно и тихо, голосъ его дрожалъ и онъ сильно смущался. Но скоро онъ оправился и заговорилъ громко и отчетливо, и въ его голосѣ послышались такія нотки, что дрогнуло что-то въ душѣ судей.

— Господа судьи! Господа сословные представители! Вотъ тутъ сейчасъ вы говорили о милости. Такъ вотъ, этой милости... какъ бишь ее... милости-то мнѣ, т. е. мнѣ самому, да надо полагать, и моимъ товарищамъ, не надо. Какая такая милость? За что милость?

Мы правды требуемъ, а милости не просимъ. А если правды нѣтъ, такъ и милости не надо. Кушайте въ свое удовольствіе и правду, и милость, и насъ вмѣстѣ. Только вотъ что я вамъ скажу: и судъ вашъ я не считаю судомъ. Какой вашъ судъ? Вотъ господинъ прокуроръ говорилъ, что мы противъ начальства идемъ. А начальство же насъ и судитъ! По справедливости же не оно насъ должно судить, а кто-нибудь третій долженъ бы былъ разобрать нашъ споръ съ начальствомъ и разсмотрѣть, кто правъ? оно или мы? Прокуроръ говорилъ, что мы противъ фабрикантовъ и богачей идемъ, вообще противъ господъ, а господа-то и богачи насъ и судятъ. Это, примѣрно сказать, волки съ овцами заспорили, — волки и стали судить овецъ. Ужъ какая можетъ быть правда въ такомъ судѣ. Вы не судъ, а разбойничья шайка въ судейской шкурѣ, только и всего.

Въ самомъ началѣ этой рѣчи уже забѣгали пристава, жандармы, полицейскіе.

— Замолчите! Замолчите! кричалъ предсѣдатель.

— Нѣтъ ужъ позвольте! продолжалъ спокойно Вологдинъ, стоя на самой серединѣ скамьи, куда не легко было добраться жандармамъ, да и товарищи подсудимаго сжались вокругъ него въ кучу, тѣснились и не пускали ихъ туда. — Позвольте! Я все скажу. Я скажу, что такими-то судами да вашими способами ужъ никогда вы насъ не одолѣете, и намъ рта не заткнете, и насъ не испугаете! Мы своего добиваемся, кровнаго. Вы и отдайте намъ его! Не насъ судите, а Живодерникова да директора, да жандармскаго полковника, да Кнутикова, да Мясоѣдова. Вотъ кто долженъ на этой скамьѣ сидѣть! А вы насъ усадили и годъ въ тюрьмѣ проморили! Только и изъ этого ничего не выйдетъ! Мы сами свое возьмемъ! Насъ вотъ тутъ 146 человѣкъ, а на фабрикахъ такихъ сотни тысячъ! Тѣхъ возьмете и засудите, — другіе проявятся! И ничего вы съ нами не подѣлаете! А мы съ вами когда-нибудь ужъ раздѣлаемся!

На Вологдина набросилась толпа жандармовъ и поли-

цейскихъ. Нѣкоторые рабочіе пробовали было защищать мрачнаго слесаря, но ихъ оттолкнули и подъ конвоемъ повели въ тюрьму. Вологдина повалили на скамью и пробовали ему зажать ротъ, но онъ отбивался и кричалъ: „Ничего съ нами не подѣлаете! Ничего! ничего! Придетъ наше царство, а ваше разрушится!“ Его съ большимъ трудомъ осилили и связали и, какъ водится, составили протоколъ объ оскорбленіи суда и сопротивленіи властямъ. Змѣевидовъ былъ очень доволенъ, что, благодаря этому, наказаніе Вологдину будетъ здорово усилено и надолго россійскія фабрики избавятся отъ такого „фанатика-бунтовщика“. „Вотъ такіе-то и есть самые опасные! Къ счастью, такихъ немного!“

— То, что я сказалъ, я повторяю судьямъ! заявилъ Вологдинъ. — Пусть мои слова въ точности будутъ записаны въ протоколѣ, — вамъ на память. Когда они исполнятся, тогда вы о нихъ вспомните!...

Приговоръ суда былъ объявленъ на другой день. Наказаніе вышло строгое. Кто пошелъ въ тюрьму, кто въ арестантскія роты. Только двое рабочихъ были оправданы, потому что имъ удалось доказать, что они во время смятенія были въ больницѣ. „За что, господа, вы насъ-то почти годъ въ тюрьмѣ продержали?“ плакались эти бѣдняки. „Вѣдь и тогда мы говорили то же самое!...“

Дѣло Вологдина было отложено въ виду новаго его преступленія.

А черезъ нѣсколько недѣль на Голодаевскомъ вокзалѣ Н-ской желѣзной дороги толпился народъ. Вся платформа была залита рабочимъ людомъ. Тутъ были мужчины, бабы, дѣти. Пришелъ старый дѣдко Миронычъ съ внучкой Марьей. Пришли Михневичъ и Завойко, работавшіе на одной изъ фабрикъ въ самомъ Голодаевскѣ. Пришелъ и Зальштейнъ, и другіе товарищи. У нихъ касса уже дѣйствовала, въ нее шли ежемѣсячные взносы рабочихъ и доходы отъ сверхурочныхъ работъ. Каждый изъ участниковъ рѣшилъ отрабатывать эти работы, каждую недѣлю опредѣленное число часовъ,

чтобы выручку отдавать на общее дѣло. Въ кассѣ уже было нѣсколько сотъ рублей и они лежали „на книжкѣ“ въ банкѣ. Семья Вологдина получала „пенсію“ каждое 20-ое число. „Господа свое жалованье каждое 20-ое число отъ казны получаютъ, а мы получаемъ его отъ самихъ себя“, шутила жена Вологдина. При поддержкѣ товарищей ей не угрожала ни нищета, ни бѣдность. Жалко было мужа, но она и безъ мужа послужитъ тому же дѣлу,которому и онъ служилъ. Вмѣстѣ съ годовымъ ребенкомъ она тоже пришла провожать товарищей. Въ толпѣ мелькали красныя рубахи, пиджаки, хорошія фуражки. На бабахъ были надѣты яркія, разноцвѣтныя платья, — онѣ разодѣлись словно на праздникъ. Толпа гудѣла и тѣснилась.

— Ай повезутъ? слышались голоса.

— Повезутъ! Вѣстимо! А то какъ же?

— Какъ бы тайкомъ не упрятали. При нынѣшнемъ царѣ такъ всегда дѣлаютъ...

— Ну, вотъ еще! Женамъ и дѣтямъ объявлено.

По платформѣ похаживали жандармы. Тутъ же стояли какіе-то подозрительные люди съ полицейскими рожами въ штатскомъ платьѣ. Они зоркимъ окомъ осматривали толпу и ловили своимъ взглядомъ подстрекателей и агитаторовъ. У дверей I и II класса стоялъ Змѣевидовъ вмѣстѣ съ исправникомъ и разсуждалъ въ полголоса. И тотъ, и другой боялись, какъ-бы во время проводовъ чего-либо не вышло: очень ужъ много рабочихъ собралось на платформѣ.

— Не отложить-ли отъѣздъ? спрашивалъ исправникъ. — Съ этимъ людомъ шутить по нынѣшнимъ временамъ не приходится.

Змѣевидовъ самъ хорошо не зналъ, что предпринять. Но остановить проводы было уже невозможно.

— Пустяки! Ничего не будетъ! Народъ запуганъ надолго, сказалъ онъ. — Послѣ такого погрома опомнятся не скоро!

Но, сказавъ эти слова, онъ самъ ни на грошъ не повѣрилъ имъ. И что это за „Союзъ“ появился на

Веселухинской мануфактурѣ? И что эта за забастовка была изъ-за праздничной работы? Все же и этого бы не должно быть. А впрочемъ, все это мелочи! На крупное рабочіе теперь долго не рѣшатся!...

— Везутъ! Везутъ! — прошумѣло въ толпѣ, и черезъ нѣсколько минутъ на платформѣ показались высылаемые рабочіе. Тутъ были и Сидоровъ, и Житецкій, и Ивановъ, и другіе. Высылаемыхъ окружали солдаты и жандармы.

— Братцы! Товарищи! Подавай вамъ богъ! Отсиживайте свое, назадъ пріѣдете! Ждать будемъ!

— Прощайте! Прощайте! До-свиданія!

— Братцы, не забывайте, кричалъ Липаренко.

Ивановъ прощался съ женою и дѣтьми. Къ вагонамъ подходили съ разныхъ сторонъ знакомые и друзья, жали руки высылаемымъ, иные цѣловались и обнимались. Публика съ удовольствіемъ смотрѣла на эту сцену. Нѣсколько студентовъ протиснулись впередъ и стали около вагона.

— Что, господа! закричалъ имъ изъ окна Липаренко. — Не бойсь, раньше-то почти только господъ высылали, а теперь и до насъ добрались. Смекайте да учитесь, — пригодится!

—Надо увозить шепнулъ Змѣевидовъ исправнику.

Раздался первый звонокъ. Толпа отхлынула отъ вагоновъ, зашумѣла. Опять посыпались привѣтственные возгласы, прощальныя пожеланія.

— За правое дѣло, братцы! Многая вамъ лѣта! Ура! раздалось въ толпѣ.

— Ур-ра! За правое дѣло! пронеслось по платформѣ.

— Братцы! закричалъ изъ вагона Липаренко. — Братцы! Спасибо вамъ! Ѣдемъ бодрые! Смотрю я вотъ изъ окна и вижу всю силищу рабочую! Ѣдетъ насъ 60 человѣкъ, а васъ тамъ остались тысячи! Братья! Да здравствуетъ силушка рабочая, правда рабочая, дѣло рабочее! Ур-ра!

— Ур-ра! Ур-ра! опять пронеслось въ толпѣ.

— Раньше-то мы „ура“ только царямъ кричали, а теперь вотъ какіе времена настали: рабочей силушкѣ „ура“ кричимъ! замѣтилъ Завойко, стоявшій въ первыхъ рядахъ.

Солдаты и жандармы уже бѣжали очищать платформу отъ шумливаго народа.

— Прощайте, братцы-товарищи! Наша беретъ!

— Наша беретъ! Всѣхъ насъ не вычерпаютъ! Много осталось! Наша беретъ! Ничего съ нами не подѣлаешь! — неслись крики изъ вагоновъ.

— Наша беретъ! отвѣчала толпа. — Ничего съ нами не подѣлаешь!

— Знаешь что? шепнулъ Михневичъ Завойкѣ. — Намъ нужно на случай свое знамя завести и на немъ эти слова написать: „Ничего съ нами не подѣлаешь!“

Раздался третій звонокъ и свистки локомотива. Поѣздъ тронулся. И снова по платформѣ загудѣло „ур-ра!“ и дружныя крики: „Да здравствуетъ силушка рабочая! Наша беретъ! Ничего съ нами не подѣлаешь!“

Издали видно было, какъ Липаренко стоитъ у окна и размахиваетъ фуражкой.

— Ничего! Ничего не подѣлаешь! донеслось издали.

—o—

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ГЛАВА XIII.

Въ одинъ прекрасный апрѣльскій день Змѣевидовъ проснулся въ очень веселомъ расположеніи духа. Проснулся онъ очень поздно и сталъ припоминать, что съ нимъ такое вчера было. Ахъ да, онъ былъ въ гостяхъ у исправника. Былъ тамъ товарищъ прокурора Лосичъ, былъ правитель губернаторской канцеляріи

Мурзакевичъ. Пили вино, играли въ карты, разсуждали о событіяхъ и о злобахъ дня. Вечерокъ былъ очень даже пріятный. Вотъ только не совсѣмъ пріятны были разсужденія товарища прокурора. „Этотъ судейскій — ужасный пессимистъ и все видитъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Все ему кажутся какія-то призраки. Чортъ его знаетъ! быть можетъ, это онъ только такъ говоритъ, а впрочемъ, онъ человѣкъ очень образованный и умный. Призракъ террористическаго движенія... Ну, гдѣ теперь террористы, скажите на милость? Всѣ перевѣшаны. Призракъ голоднаго крестьянскаго бунта... Да развѣ послѣ усмиренія харьковскихъ да полтавскихъ крестьянъ пойдутъ на умъ бунты? И дѣтямъ, и внукамъ закажутъ, сто лѣтъ будутъ помнить. Призракъ земскихъ заговорщиковъ изъ помѣщиковъ или писательская и газетная крамола... Ну, этихъ-то заговорщиковъ и усмирять не надо, — сами смирны. Мы можемъ пересчитать ихъ по пальцамъ, и всѣ они въ жандармскихъ книгахъ записаны, и за всѣми ними мы слѣдимъ. Студенты, — не мальчишекъ-ли намъ бояться?... Рабочее движеніе... вотъ это... дда! Вотъ это не хорошо. Оно растетъ, какъ будто... А впрочемъ, и оно, ей-богу же, для Руси не страшно. Не скоро, не бойсь, выростетъ! На нашъ вѣкъ хватитъ и на вѣкъ нынѣшнихъ министровъ. А какъ раздѣлаются съ этимъ движеніемъ наши потомки и наслѣдники, — чортъ съ ними, пускай раздѣлываются, какъ знаютъ. „Маргарита, бойся увлеченья!“ „М-маргарита б-бойся увлеченья!“

Змѣевидовъ потянулся, зѣвнулъ, закурилъ папироску и продолжалъ свои размышленія.

„Эхъ, еслибы я былъ шефомъ жандармовъ, я бы всѣхъ рабочихъ по всей Руси такъ же выбилъ бы изъ позиціи, какъ здѣшнихъ. Не бойсь, не скоро опомнятся. Въ мелочахъ-то мы вамъ уступили, и еще уступимъ; а въ главномъ, — ну ужъ нѣтъ! Шалишь! Теперь тамъ среди васъ настоящихъ-то немного, не бойсь, осталось, да и тѣхъ выловимъ, словно рыбъ изъ садка. Сколько вы тамъ не кричи, что съ вами ничего не по-

дѣлаешь, не бойсь, подѣлали, да и еще больше сдѣлали бы, еслибы... Эхъ, отчего я не шефъ жандармовъ! „Союзомъ“ стращаютъ... Знаемъ мы эти „союзы“ изъ двухъ человѣкъ съ половиной. Да и ваши „союзы“ отыщемъ, надолго не оставимъ, до новыхъ забастовокъ не допустимъ. Демонстраціи — а розгу хочешь? А пули не боишься? А нагайка вкусна? Теперь у меня въ распоряженіи, слава тебѣ господи, въ 10 разъ больше жандармовъ и агентовъ, чѣмъ раньше.“ И Змѣевидовъ опять пріятно-пріятно потянулся, сладко зѣвнулъ и запѣлъ любимую пѣсенку: „Маргарита, бойся увлеченья! Маргарита, бойся увл...

— Ваше высокоблагородіе! Ваше высокоблагородіе, вдругъ высунулся въ дверь денщикъ его Мартыновъ. — Тамъ васъ унтеръ-офицеръ Нососуевъ спрашиваетъ. Говоритъ, неотложное дѣло...

— Ну, что тамъ такое? Какое тамъ дѣло? недовольнымъ тономъ произнесъ Змѣевидовъ.

Широкоплечая фигура Нососуева уже пролѣзла сквозь отворенную дверь.

— Ваше высокоблагородіе! отрапортовалъ Нососуевъ. — Имѣю честь доложить: на Веселухинской мануфактурѣ народъ снова бунтуетъ.

Змѣевидовъ такъ и подпрыгнулъ отъ этого извѣстія.

— Что? Что-о такое? На Веселухинской мануфактурѣ?!

— На работу нонѣ никто не вышелъ. Расцѣнокъ увеличить на 5 процентовъ требуютъ. Фабрика стала! продолжалъ Нососуевъ.

— Ахъ! чортъ ихъ тамъ всѣхъ возьми! воскликнулъ Змѣевидовъ. — Мартыновъ! Живо! Давай одѣваться.

— Тамъ Васъ унтеръ-офицеръ Лампасовъ спрашиваетъ, доложилъ снова Мартыновъ. — Говоритъ — неотложное дѣло...

Въ дверяхъ уже показалась фигура Лампасова, который въ свою очередь отрапортовалъ.

— Ваше высокоблагородіе! На Цыкинскомъ заводѣ и на Завитялевской фабрикѣ народъ бунтуетъ. На фаб-

рибѣ совсѣмъ пусто. По всѣмъ фабрикамъ нынче ночью разбросаны листки.

— О, чортъ возьми! воскликнулъ Змѣевидовъ. Есть у тебя листки? Давай листокъ!

Лампасовъ протянулъ Змѣевидову листокъ, на которомъ стоялъ штемпель „Союза рабочихъ Ободранскаго уѣзда“. Листокъ былъ выпущенъ по поводу наступавшаго Перваго Мая, всемірнаго праздника всѣхъ рабочихъ на всемъ свѣтѣ, и заканчивался слѣдующими словами:

„Мы требуемъ обузданія всѣхъ нашихъ обидчиковъ, эксплуататоровъ, живущихъ на счетъ рабочаго народа. Да здравствуетъ восьми-часовой рабочій день!

„Мы требуемъ, чтобы землей владѣли только тѣ, кто ее обрабатываетъ, а фабриками и заводами владѣли тѣ, кто на нихъ работаетъ. Да здравствуетъ соціализмъ!

„Мы требуемъ упраздненія самодержавныхъ царей и всякихъ чиновниковъ и полицейскихъ насильниковъ. Долой самодержавіе!

„Мы требуемъ созыва выборныхъ людей отъ всего русскаго народа для коренной передѣлки всѣхъ законовъ и порядковъ во всей Россійской имперіи на пользу трудящагося народа. Да здравствуетъ Земскій Соборъ!

„Долой казарму! Долой военщину и войны? Да здравствуетъ всеобщій миръ!“

Змѣевидовъ такъ и остолбенѣлъ отъ удивленія...

— Это что же такое? Это чего же вы тамъ смотрите? Какъ же вы допускаете, что такіе листки разбрасываются по всѣмъ фабрикамъ, и нигдѣ никто изъ виновныхъ не пойманъ на мѣстѣ преступленія?

Новый стукъ въ дверь прервалъ его слова. Вошелъ деньщикъ и подалъ Змѣевидову экстренную телеграмму изъ Петербурга. Съ тревожнымъ чувствомъ Змѣевидовъ разорвалъ конвертъ, прочелъ нѣсколько короткихъ строкъ... и выронилъ телеграмму изъ рукъ.

Въ телеграммѣ говорилось, что министръ внутреннихъ дѣлъ, начальникъ всѣхъ министровъ, жандармовъ и полицейскихъ, убитъ революціонерами.

Лампасовъ, сломя голову, бросился поднимать упавшую телеграмму.

— Опять! И это несмотря на всѣ мѣры, несмотря на всѣ предосторожности! И это тогда, когда казалось, что полиція забрала всѣхъ этихъ головорѣзовъ, не боящихся даже висѣлицы! воскликнулъ Змѣевидовъ съ измѣнившимся лицомъ. Но это же чортъ знаетъ что такое, это начинаетъ пахнуть для каждаго изъ насъ цѣлостью собственной шкуры! Это выходитъ какая-то сказка про бѣлаго бычка... Неужто-жъ и правда, что начинается революція, неужто и вправду, теперь ужъ „ничего съ ними не подѣлаешь“?

„Ничего не подѣлаешь!“ отвѣтилъ ему внутренній голосъ... И, кликнувъ Мартынова, Змѣевидовъ началъ поспѣшно напяливать на себя свой синій мундиръ.

КОНЕЦЪ.

———о———

№ 14. — БИБЛIОТЕКА «ЖИЗНИ». — № 14.

Бунтъ въ Горанахъ

РАЗСКАЗЪ

Вл. Дебогорія-Мокріевича.

Изданіе соціалдемократической организаціи «Жизнь».

ЛОНДОНЪ.
Типографія «Жизни».
1902.

БУНТЪ ВЪ ГОРАНАХЪ.

I.

Былъ холодный мартовскій день. Стая галокъ, распластавъ крылья противъ вѣтра, съ крикомъ летала надъ селомъ Горанами, предвѣщая дурную погоду. Сѣрыя тучи неслись низко надъ землею; сильный вѣтеръ задиралъ по крышамъ хатъ солому и шелестилъ по огородамъ сухимъ, прошлогоднимъ бурьяномъ. Уныло выглядѣла широкая деревенская улица, покрытая замерзшими кочками грязи. По сторонамъ тянулись высокіе окопы, выложенные соломою вперемежку съ валежникомъ и мѣстами поросшія густою повойкою. То здѣсь, то тамъ окопы прерывались воротами изъ рѣдко сбитыхъ досокъ, сквозь которыя видны были крестьянскіе дворы и хаты.

Пусто было и на широкой, главной сельской улицѣ, и въ переулкахъ, и по дворамъ, и въ хатахъ — такъ, что если бы въ ту минуту наѣхали откуда нибудь воры, то они могли бы повытаскать изъ крестьянскихъ сундуковъ всѣ полотна и никто не замѣтилъ бы этого. Всѣ Горанцы собрались въ этотъ день въ свою небольшую церковь, стоявшую по серединѣ села, на краю площади. Старики, едва передвигавшіе ноги, которыхъ уже по нѣскольку лѣтъ никто не встрѣчалъ на улицѣ (они уже лежали по своимъ избамъ на печахъ, ожидая смерти) и тѣ побрели; — пошли и всѣ дѣти, которыя только могли ходить; — а которыя - не могли — грудныя, — тѣхъ понесли матери съ отцами или старшія сестры.

Деревянная церковь не могла вмѣстить всѣхъ и густая толпа наполняла настежъ отворенныя, широкія двери, выползая наружу подъ церковный навѣсъ.

подпертый деревянными колонками. Вся эта масса, въ свиткахъ и кожухахъ, съ обнаженными головами (только у женщинъ головы повязаны были цвѣтными платками) была такъ плотно сбита, сдавлена въ одну кучу, что достаточно было произойти движенію въ одномъ углу церкви, что бы движеніе это, подобно волнѣ, — пройдя по головамъ черезъ всю церковь, отразилось въ противуположномъ углу. Церковь освѣщена была восковыми свѣчами, налѣпленными передъ образами всюду, гдѣ было возможно и въ темный, сѣрый день—онѣ горѣли ярко; никогда въ самыя высоко - торжественные дни Горанская церковь не была такъ освѣщена какъ теперь. Царскія ворота были широко отворены и священникъ, невзрачный старичекъ, съ маленькимъ, тонкимъ носикомъ и моргающими выцвѣтшими глазками, лишенными рѣсницъ, — стоялъ лицомъ къ толпѣ въ полномъ облаченіи и читалъ манифестъ царя *о волѣ*. « Господи !...» — проносился по толпѣ шопотъ. Старухи, вылѣзшія напередъ, стояли на колѣняхъ и, припавши лицомъ къ полу, плакали. И по всей церкви женщины всхлипывали, а мужики стояли, опустивъ глаза внизъ.

Когда священникъ окончилъ чтеніе манифеста — было уже часа четыре пополудни ; но толпа все еще продолжала стоять въ церкви, взволнованная, вздыхающая; болѣе радостнаго дня никто не помнилъ. Потомъ толпа направилась съ непокрытыми головами къ выходнымъ воротамъ по церковному двору, отгороженному отъ площади высокимъ заборомъ. Вываливъ на площадь всею массою, мужики надвинули на головы, свои черныя, бараньи шапки и, колыхаясь изъ стороны въ сторону, вдругъ разомъ заговорили. Послышались восклицанія: «Козачина ! Наступила козачина!..»—Однако кому извѣстенъ смыслъ, заключающійся въ словѣ « Козачина » для украинца, тотъ пойметъ, какъ много выражало собою это одно отрывистое восклицаніе. Оно выражало собою не только уничтоженіе крѣпостного права, но и всѣхъ вообще привилегій ненавистнаго панства; паны лишены будутъ земли; мужики сдѣлаются вольными и вся земля будетъ раздѣлена поровну между людьми. «Дождались таки, Слава Богу, козачины !»—восклицали мужики, двигаясь толпою по широкой улицѣ и стуча объ мерзлую землю

своими большими, неуклюжими сапогами, подбитыми желѣзными подковами.

— Вотъ, диду, — пришла и воля! — проговорилъ низенькій мужичокъ, нагоняя высокаго, сѣдого старика въ кожухѣ. — Старикъ шелъ медленно, опираясь на палку изъ лѣсного орѣшника.

— Слава Господу Богу!— отвѣтилъ тотъ, не останавливаясь и не поднимая глазъ отъ земли.

— Вы все слышали, диду, что читалъ попъ! — спросилъ первый, идя рядомъ со старикомъ.

— Попъ громко читалъ; и ты, и я, и всякій кто былъ въ церкви могъ слышать, — нѣсколько сурово проговорилъ дѣдъ. Онъ шепелявилъ: переднихъ зубовъ у него не было.

Низенькій мужичекъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на дѣда.

— Конечно и я былъ въ церкви, и вы, и много еще кромѣ насъ было народу; — собрались люди со всего села... И всѣ слышали попа..., Только... Чудно какъ-то мнѣ!...

— А что же тебѣ чудно?...

— Не знаю, какъ и сказать,—отвѣтилъ низенькій мужичекъ, пожимая плечами, — а потомъ вдругъ воскликнулъ:

— Зачѣмъ онъ такъ много читалъ, когда и двухъ словъ было довольно?! — Не разобралъ я, диду, что читалъ намъ попъ; — не разобралъ...

Никола Середюкъ (такъ звали низенькаго мужичка) шелъ нѣкоторое время молча, съ опущенною внизъ головою, словно о чемъ то размышлялъ. Въ его умныхъ, черныхъ глазахъ не выражалась того блаженно-довѣрчиваго чувства, которое отражалось на лицахъ большинства крестьянъ, присутствовавшихъ въ церкви, а напротивъ видно было сомнѣніе и смутное сознаніе чего то для него непонятнаго...

— А важное дѣло! Крѣпко вѣрное дѣло! И самому разумному человѣку есть надъ чѣмъ поломать голову! — проговорилъ онъ въ полголоса, какъ бы про себя.

— Твоя правда, — согласился старикъ, понижая голосъ въ свою очередь, хотя въ тонѣ съ какимъ произнесены были эти слова старикомъ совсѣмъ не слышалось сомнѣніе, а напротивъ какъ будто дѣдъ, что

то зналъ, чего не зналъ Никола Середюкъ; и послѣдній это почувствовалъ.

Собесѣдники поравнялись съ избою, виднѣвшейся съ правой стороны улицы въ глубинѣ небольшого двора. Старикъ поворотилъ туда, а Середюкъ, — проговоривъ: «будьте здоровы», двинулся улицею дальше.

Пройдя дворикъ, старикъ Недбайло подошелъ къ своей избѣ. Куры, сидѣвшія на завалинкѣ, спрыгнули на землю и побѣжали къ сараю...

— Кури надулись,—будетъ непогода, — подумалъ онъ, отворяя дверь и входя въ темныя сѣни. Онъ вошелъ въ избу, сбросилъ шапку, распоясался, снялъ съ себя кожухъ и приблизясь къ теплой печи, занимавшей почти четверть избы, принялся отогрѣвать окоченѣвшіе пальцы.

На дворѣ же съ каждой минутой становилось холоднѣе. Вѣтеръ усиливался. Въ воздухѣ закружились мелкія, сухія снѣжинки и, падая подъ острымъ угломъ на землю, кололи лица прохожихъ какъ иголками. Деревья въ садахъ стучали голыми вѣтвями, распугивая птицъ. Синицы, щиглики, воробьи — бѣжали и прятались въ окопахъ и подъ крышами сараевъ.

Дѣдъ Недбайло былъ мужикъ зажиточный и въ его усадьбѣ виднѣлся еще цѣлый, неначатый стожокъ хлѣба, хотя зима уже прошла и приближалось лѣто. На скотномъ дворѣ, примыкавшемъ къ гумну, стояло два сѣрыхъ вола съ крутыми рогами около плетеныхъ яселъ полныхъ свѣжей, желтой соломы, — а четверо другихъ воловъ, подогнувъ подъ себя ноги, лежали неподалеку и лѣниво, съ полу-закрытыми глазами, пережевывали жвачку. Въ одномъ хлѣву, зарывшись въ солому, лежали свиньи, въ другомъ — овцы. А кругомъ этихъ хлѣвовъ, гумна, сарая и избы — тянулся садъ. Недбайло былъ большой любитель сада. Женившись, какъ обыкновенно бываетъ въ крестьянствѣ, молодымъ и всю жизнь не имѣя дѣтей — дочь у него родилась когда онъ уже былъ старикомъ — Недбайло привязался къ своимъ яблонямъ и грушамъ словно къ живымъ существамъ. Горожанину, выросшему на сѣрой каменной мостовой, подобное чувство можетъ быть непонятно; у него весь смыслъ существованія сосредоточивается исключительно на людяхъ. Но иначе представляется міръ земледѣльцу, заботящемуся постоян-

но о выращиванiи животныхъ и растенiй; онъ видитъ жизнь на всякомъ шагу и сильно чувствуетъ свою близость къ природѣ; не говоря уже о лошади, коровѣ, свиньѣ, — для него даже всякая отдѣльная курица, имѣетъ свой характеръ, чего рѣшительно не въ состоянiи подмѣтить глазъ горожанина. Старикъ Недбайло въ силу особыхъ условiй еще острѣе чувствовалъ эту связь съ внѣшнею природою и для него не только куры, но даже деревья почти что обладали индивидуальными качествами. Онъ за ними ухаживалъ какъ заботливый отецъ за дѣтьми. Всякую осень подсыпалъ навозомъ; весною обиралъ отъ гусеницы, обрѣзалъ волчки. Ни одной сухой вѣточки не оставлялъ на деревѣ; а если засыхала толстая вѣтвь, то не рубилъ ее топоромъ, а отпиливалъ пилою и мѣсто это тщательно замазывалъ глиною, перемѣшанною съ мякиной, или съ навозомъ...

— Дерево — все равно какъ человѣкъ, — говорилъ дѣдъ — если ему не завязать рану—разболѣется.

Всѣ эти деревья однако успѣли постарѣть уже и теперь, подобно памятникамъ, припоминали ему различные моменты его прошлой жизни. Вотъ тѣ высокiя двѣ груши, напримѣръ, что стоятъ въ самомъ углу сада, были давно-давно посажены, когда онъ только что женился; одно дерево, садилъ онъ, другое покойная его жена, умершая вскорѣ послѣ того, какъ у нихъ родилась дочь. А вонъ тамъ груша, что стоитъ въ другомъ углу сада, посажена была въ томъ самомъ году, когда отецъ его умеръ; только тотъ умеръ поздней осенью, а дерево посажено было весною. Въ этой грушѣ завелось дупло и воробьи стали класть въ немъ яйца. Нѣсколько разъ дѣдъ очищалъ дупло, вырѣзывалъ внутри все гнилое ножомъ и потомъ замазывалъ глиною, но пойдетъ дождь, размоетъ глину и опять дерево продолжаетъ гнить.

Но самая старая и самая хилая во всемъ саду была яблоня, стоявшая сейчасъ же за избою, которую дѣдъ посадилъ, когда былъ еще молодымъ хлопцемъ; ей теперь было лѣтъ подъ семьдесятъ.—Черви ли завелись въ корнѣ, или такъ уже отъ старости, но она видимо погибала. Стволъ былъ высохшiй и весь внутри дырявый; когда дѣдъ стучалъ по немъ палкою—онъ гудѣлъ какъ пустая бочка; дерево даже тѣни не да-

вало: кое гдѣ только по вѣтвямъ появлялись весною листочки.—«Этому дереву пришло время умирать»,—думалъ онъ; и рѣшилъ, чтобы на этомъ мѣстѣ посадила его дочка другую яблоню; теперь шагахъ въ семи отъ стараго, умиравшаго дерева росла посаженная Гапкою молодая щепа.

Какъ ни любилъ старикъ свои груши и яблони, но конечно, во сто кратъ сильнѣе любилъ онъ свою Гапку. Проживши долго съ женою и не имѣя дѣтей, онъ готовился уже бездѣтнымъ умереть, когда неожиданно у нихъ родилась дочь. Жена послѣ родовъ заболѣла и умерла, оставивъ ребенка сиротою. Недбайло предался рощенію Гапки, на сколько только дозволяло ему его подневольное, крѣпостное, крестьянское положеніе. Жениться вторично онъ не хотѣлъ, да и старъ былъ для этого, и отдавать ребенка на сторону на прокормленіе—тоже не захотѣлъ и потому ему пришлось испытать особенно много хлопотъ. Онъ принялъ къ себѣ одну старуху, не имѣвшую собственной семьи и слонявшуюся на старости по чужимъ дворамъ, которая взялась кормить изъ рожка и смотрѣть за его ребенкомъ. И сколько разъ, бывало, по вечерамъ, воротившись домой послѣ работъ, самъ онъ пеленалъ свою маленькую Гапку и поворачивалъ ее въ своихъ большихъ рукахъ на всѣ стороны, всюду заботливо оглядывая... А увидитъ, бывало, прѣлое мѣсто на шеѣ или подъ ручками возьметъ своими мозолистыми пальцами щепотку порошку, натертаго изъ «татарскаго зелья», растущаго по болотамъ, и посыпетъ прѣлое мѣсто. Любовь старика почти всегда беззавѣтна, такъ какъ у него нѣтъ своего будущаго; и Недбайло беззавѣтно полюбилъ и привязался къ своей маленькой дочкѣ.

Выросла Гапка стройная и высокая съ бѣлыми зубками и прямымъ носикомъ, надъ которымъ протянулись двумя дугами почти сросшіяся темныя брови. Когда ей минуло девятнадцать лѣтъ за нее посватался паробокъ Семенъ Свистунъ, и годъ тому назадъ они обвѣнчались.

Возвратившись изъ церкви, Недбайло не засталъ дома ни Семена, ни Гапки; онъ усѣлся на лежанкѣ, и, прислонясь спиною къ печкѣ, погрузился въ думы; въ памяти старика воскресали грустныя, тяжелыя

происшествія изъ прошлой крѣпостной жизни, но скоро мысль его перебѣжала къ настоящему, къ сегодняшнему торжественному событію, къ *волѣ*,—и онъ почувствовалъ приливъ глубокаго счастія. Онъ радовался тому, что Гапкѣ съ Семеномъ не прійдется такъ страдать, какъ приходилось когда-то ему самому; будущность ему рисовалась, теперь послѣ царскаго манифеста, читаннаго въ церкви, въ самыхъ розовыхъ краскахъ; онъ былъ полонъ надеждъ, какъ юноша,—несмотря на всю свою опытность, на нѣсколько десятковъ лѣтъ жизни полной горькихъ обмановъ и разочарованій.—Конечно, онъ мало думалъ о перемѣнѣ къ лучшему въ своей личной жизни; жизнь его была уже пройдена, онъ это зналъ; и не о себѣ, и не о своей жизни думалъ онъ,—а о другихъ, молодыхъ, и за ихъ судьбу радовался.

Недбайло все еще сидѣлъ на лежанкѣ, возлѣ печи, когда Семенъ и Гапка пришли домой. Семенъ—лѣтъ двадцати пяти мужикъ средняго роста—казался рядомъ съ высокой и стройной Гапкою значительно ниже своего роста, благодаря необыкновенной ширинѣ всей его фигуры. Широкое молодое лицо его съ голубыми глазами и свѣтлыми, почти бѣлыми усами, едва покрывавшими верхнюю губу, носило выраженіе того особаго спокойствія, какое замѣчается обыкновенно у людей очень сильныхъ. Войдя въ избу, онъ поздоровался съ дѣдомъ, сбросилъ съ себя новую свиту, въ которой онъ ходилъ въ церковь, надѣлъ дырявый, старый кожухъ и тотчасъ вышелъ во дворъ, чтобы гнать воловъ на водопой.—Гапка принялась хлопотать по хозяйству; наносила дровъ къ печи и отправилась доить овецъ; потомъ она воротилась въ избу съ горшкомъ молока въ рукахъ и, поставивъ его на полицу, стала разводить огонь въ печи; сумерки наступали; надо было готовить вечерю.

А на дворѣ въ это время разыгралась настоящая мятель. Вѣтеръ свисталъ по огородамъ и несся широкой деревенской улицею, наметая къ окопамъ сухой, сыпучій снѣгъ. Все кругомъ—дворы, огороды, сараи, плетни—все побѣлѣло отъ снѣга, точно среди зимы.

— Вотъ какъ дѣйствуютъ мартовскія «*планиды*»!—съ назиданіемъ говорилъ Дембко Вошколупъ, высокій, рыжій мужикъ съ маленькими, синими глазками, сидя

въ эту минуту въ корчмѣ, куда онъ зашелъ послѣ церкви съ двумя другими крестьянами, любившими, подобно ему, выпить. Что разумѣлъ Дембко подъ словомъ «планиды»—трудно сказать, да онъ и самъ не зналъ... Несомнѣнно только то, что слово это происходило отъ слова *планета*.

Смеркалось; въ хатѣ дѣда Недбайла было уже темно, когда послышались со двора чьи-то шаги. Дверь скрипнула и въ избу вошли одинъ за другимъ три мужика.

— Добраго здоровья!—привѣтствовали новоприбывшіе.

— А! Драстуйте!...—отозвался хозяинъ, поднимаясь съ лежанки на встрѣчу гостямъ.

— Вотъ какую погоду, дидуньцю, послалъ намъ Богъ! — проговорилъ одинъ изъ гостей, Ладымiръ Полищукъ. Онъ отряхивалъ у порога свою черную, баранью шапку отъ налѣпившагося снѣга.

— Его святая воля... Его святая воля... Ладымiре! —тихо шепелявилъ дѣдъ.

Гости дошли до середины избы и остановились.

— Садитесь, люди добрые!—пригласилъ дѣдъ.

Гапка, стоявшая у печи, гдѣ уже горѣлъ огонь, схватила тряпку и, подбѣжавъ,—быстро вытерла ею скамью, тянувшуюся вдоль всей стѣны. Гости чинно усѣлись на скамью, каждый положивъ возлѣ себя свою баранью шапку.

Одинъ изъ гостей былъ Никола Середа, сорокалѣтній мужикъ, низкаго роста, тотъ самый, что бесѣдовалъ съ дѣдомъ по дорогѣ изъ церкви часа два тому назадъ.

Его смуглое, сухощавое лицо поросло клочковатою растительностью, а черные, какъ смола глаза, горѣли энергіей и умомъ. «Дембко хоть и достанетъ головою до стрѣхи, а дуракъ;—Середюкъ же совсѣмъ малый человѣкъ, да разумный» такъ передавалъ мнѣніе людей о Николѣ самъ Дембко, впрочемъ, въ пьяномъ видѣ, и затѣмъ прибавлялъ отъ себя: «И всему этому правда».

Двое другихъ были Ладымiръ Полищукъ и Юзько Билоконь. Первый имѣлъ лѣтъ тридцать пять отъ роду и по характеру представлялъ прямую противуположность второму. Разговорчивый и подвижный Ла-

дыміръ — любилъ повеселиться и позубоскалить въ компаніи. Пятидесятилѣтній Юзько былъ нрава мрачнаго, рѣдко вступалъ въ бесѣды и неохотно посѣщалъ сборища. Глаза его глядѣли изъ подлобья, точно онъ былъ сердитъ на весь міръ.

Всѣ трое были зажиточные крестьяне и среди односельцевъ пользовались уваженіемъ.

— Безъ рады, говорятъ, и войско гинетъ... Вотъ мы и пришли къ вамъ, диду, за «порадою», — проговорилъ Никола, обращаясь къ старику.

Недбайло, усѣвшійся на пустое мѣсто, у печи, пожевалъ губами, какъ это дѣлаютъ старые люди, у которыхъ недостаетъ многихъ зубовъ во рту и отвѣтилъ:

— Говорите, добрые люди, — а я послушаю.

Наступилъ вечеръ. Въ печи трещали сырыя дрова, заглушая нѣсколько шумъ вѣтра, доносившійся извнѣ. Пламя широкимъ языкомъ лизало передній сводъ печи и уносилось въ трубу, бросая багровый, мерцающій свѣтъ на темныя свиты и на лица трехъ мужиковъ, неподвижно сидѣвшихъ на широкой скамьѣ, у стѣны. Гапка стояла возлѣ печи и готовила ужинъ.

— Засвѣти *каганецъ*, Гапка! — проговорилъ дѣдъ.

Гапка зажгла каганецъ и изба освѣтилась ровнымъ свѣтомъ. Со двора пришелъ Семенъ, окончившій работы по хозяйству, сбросилъ съ себя кожухъ и сапоги, развѣсилъ онучи около печки, чтобы сохли, — и молча сѣлъ на скамью противъ окна, совершенно заслонивъ окно своею спиною.

Первый заговорилъ Никола, приступая прямо къ вопросу.

— Мы всѣ были сегодня въ церкви, — началъ онъ. — Я въ оба уха слушалъ, какъ попъ читалъ царскій «манихвестъ», а все-таки не понялъ всего. Объ казачинѣ хоть бы однимъ словомъ заикнулся. Разобралъ я только, что мы больше не крѣпостные нашего графа... Ну, а какъ будетъ съ землею?... — продолжалъ Никола послѣ небольшой остановки. — Отдадутъ землю намъ или нѣтъ?... И о землѣ попъ что то говорилъ, но что онъ говорилъ—я не понялъ... Такъ и изъ церкви ушелъ. Можетъ быть вы, Ладыміръ или вы, Юзько, разобрали больше, чѣмъ я — то скажите намъ, здѣсь, а мы послушаемъ.

— Попъ читалъ, что мы всѣ сдѣлаемся *обывателями*, — проговорилъ Ладымірь Полищукъ.

— Такъ ли это?...—съ сомнѣніемъ въ голосѣ, переспросилъ Никола.

— Я помню *добре*... Еще помню впереди, недалеко отъ меня стоялъ становой. Какъ дошелъ попъ до этого мѣста, а я и смотрю на станового; вижу — слушаетъ и онъ, молчитъ... Ну, думаю себѣ, значитъ правда, становой слышитъ и молчитъ... Да можетъ быть и вы, Юзько, слышали?—обратился Ладымірь съ вопросомъ, поворачивая лицо къ сосѣду.

— Слышалъ и я, какъ попъ говорилъ, что всѣ люди сдѣлаются *обывателями* — казаками станутъ, — подтвердилъ Юзько Билоконь.

— Вы добре помните это,—допытывался Никола.

— Помнимъ,—повторили и Юзько, и Ладимірь.

— Вотъ же, люди добрые, и я слышалъ!...—воскликнулъ тогда Никола — что же это такое?... Земля, выходитъ, будетъ наша, а не графская?!..

— Отъ графа царь землю отниметъ и отдастъ людямъ,—категорически заявилъ Юзько.

— Такъ... Что же потомъ попъ барабанилъ намъ о какихъ то *повинностяхъ*?... Развѣ мы должны будемъ еще работать на пана графа?!... Ничего не разберу! — недоумѣвалъ Никола, посматривая на дѣда.—Люди сдѣлаются *обывателями*... Конечно, такимъ, какъ графъ ни одинъ изъ насъ не сдѣлается. — Ну, а такимъ, какъ въ Ставищахъ обыватель Венцславскій — такимъ всякій изъ насъ сдѣлается, когда раздѣлятъ между нами поровну всю графскую землю.

Селеніе Ставищи, находившееся по сосѣдству съ Горанами, было мелкопомѣстное и Венцславскій, былъ тамъ однимъ изъ самыхъ маленькихъ панковъ или «обывателей», какъ ихъ называли.

— Это вы вѣрно говорите, Никола, — замѣтилъ Юзько.

— О какихъ же это *повинностяхъ* брехалъ попъ?... Ни пришить, ни прилатать одного къ другому!... И Середюкъ, что бы показать наглядно, какъ это — по его мнѣнію—нельзя было ни пришить, ни прилатать, протянулъ руку впередъ и задвигалъ ею: сначала ладонью вверхъ, а потомъ внизъ. — Вы, Юзько, какъ

думаете обо всемъ этомъ?—спросилъ онъ, устремляя на сосѣда свои черные, пытливые глаза.

Юзько легонько кашлянулъ, задвигался на скамьѣ и отвѣтилъ:

— Я думаю, что будетъ казачина, Никола!

— Два года, Никола... *Повинности* на графа будемъ отбывать только два года,—вставилъ, наконецъ, свое замѣчаніе дѣдъ Недбайло.

Никола задумался... Въ избѣ наступило молчаніе... Слышно было какъ за окномъ шипѣло и мело сухимъ снѣгомъ.

— Два года... Такъ и въ манихвестѣ царскомъ написано... Развѣ вы не помните, люди добрые, какъ попъ читалъ?—прошепелявилъ дѣдъ...

— Я слышалъ... Помню...—тихо сказалъ Никола.

— Казачина... великое дѣло... трудно сразу сдѣлать...—пояснялъ старикъ. — Раньше весны мѣрить земли нельзя: снѣгъ, непогода... Вотъ, какъ воетъ на дворѣ... Гдѣ же пойдешь мѣрить въ такую вьюгу?!... А наступитъ весна—пока пріѣдутъ землемѣры, да пока перемѣрютъ и лѣто пройдетъ... Потомъ, нужно же всю эту землю подѣлить на равныя части между людьми... Надо посчитать сколько людей въ селѣ, да не однихъ старыхъ, а и дѣтей; въ одной хатѣ наберется можетъ всего одинъ или двое, а въ другой—семеро... А вотъ у нашего Нечипора Найденюка такъ цѣлыхъ десятеро!... У кого больше дѣтей—тому и земли надо больше дать, чтобы на всякую душу вышло поровну... А потомъ надо провести вездѣ новыя межи, да поставить копцы по границамъ, да закопать столбы... А потомъ лѣсъ... И съ лѣсомъ много работы... Ну, лѣсъ не будутъ дѣлить на части; лѣсъ пойдетъ на всю громаду... А все же его нужно обмѣрить и вездѣ столбы повбивать, что бы не въоривались въ лѣсъ, кто будетъ орать подъ лѣсомъ... О-о!... Подумайте только сколько работы!? Да не въ однихъ нашихъ Ґоранахъ, а и въ Ставищахъ, и по всѣмъ другимъ селамъ... Вездѣ нужно... Вездѣ люди ждутъ... Такъ и пройдетъ два года. И вотъ, пока что будетъ, мы должны терпѣливо ждать и трудиться въ потѣ лица, какъ до сихъ поръ трудилися... Такъ и въ царскомъ манихвестѣ написано...

— И на графа мы должны работать?...—спросилъ

Ладымір Полищукъ и въ голосѣ его прозвучала печальная нота.

— И на графскихъ поляхъ, Ладыміре, покуда эти поля графскія.

Дѣдъ пожевалъ губами и добавилъ:

— Если люди не засѣютъ графскихъ полей, то въ нашемъ селѣ будетъ мало хлѣба; потомъ какъ землю передѣлятъ — нечѣмъ будетъ ее обсемѣнить.

— Ваша правда, дидуню, — согласился Ладыміръ.

— Правда, — замѣтилъ и Юзько.

— У насъ, въ селѣ, навѣрно найдутся такіе, которые скажутъ, что не надо теперь работать на графа, — говорилъ дальше дѣдъ. — Не слушайте этихъ крикуновъ... Соберутся, накричатъ, да замутятъ громаду — большой бѣды надѣлаютъ!... Управляющій напишетъ исправнику, что люди бунтуютъ... Наѣдутъ къ намъ чиновники, станутъ людей таскать... И-и!... Боже сохрани и помилуй отъ этого!... Не оберемся хлопотъ!... Лучше будемъ ждать терпѣливо, время само прійдетъ... Только два года еще!.. Не даромъ говорятъ: «что скоро-то ледащо»... Помогъ намъ Господь дожить до сегодняшняго дня, можетъ не оставитъ насъ, грѣшныхъ, и на будущее время.

— Дай то, Господи! — проговорилъ Середюкъ, глубоко вздыхая.

И видно было по лицамъ, что не одинъ Середюкъ, а и всѣ, присутствующіе въ избѣ возлагали свои надежды на Бога.

Между тѣмъ ужинъ былъ готовъ. Гапка поставила большую миску галушекъ по серединѣ стола, стоявшаго въ углу избы, подъ образами, висѣвшими у потолка, принесла соль въ глиняной тарелочкѣ и деревянныя ложки... Семенъ досталъ съ полки ржаной хлѣбъ и нарѣзалъ его ломтями.

Недбайло всталъ съ лежанки и пересѣлъ на скамью къ столу.

— Садись, Юзько!... И ты, Никола!... — приглашалъ онъ.

Середа и Билоконь поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Ладыміре!...

— Спасибо, дидуню, сяду.

Гости усѣлись. Сѣлъ и Семенъ. Гапка стояла у печки. Старикъ перекрестился и первый зачерпнулъ

своею ложкою; другіе послѣдовали за нимъ. Всѣ ѣли степенно, не торопясь и почти что соблюдалась очередъ кому черпать изъ миски ѣду. Когда миска была опорожнена, Гапка ее унесла, что бы опять наполнить. Гости въ это время, положивъ ложки на столъ, вытирали себѣ усы, кто полою своей свитки, а кто просто рукою.

— Пойду завтра къ попу и буду говорить съ нимъ, —прошепелявилъ дѣдъ.

— Хорошо, диду, сдѣлаете... Нашъ попъ добрый, если онъ что-нибудь знаетъ, не скроетъ отъ васъ, — отозвался Никола.

— Попъ нашъ добрый человѣкъ, подтвердилъ Юзько.

Гапка вторично принесла галушки. Дѣдъ уже не чувствовалъ голода, однако что бы не нарушать порядка и тѣмъ самымъ не стѣснить гостей, онъ черпалъ своею ложкою по прежнему, но только вынималъ ее изъ миски почти что пустою. Гапка ужинала, стоя возлѣ печи.

Послѣ вечери гости ушли и небольшая семья Недбайла стала укладываться спать. Дѣдъ влѣзъ на печку, подослалъ кожухъ и легъ. Гапка потушила каганецъ и въ избѣ затихло.

Но не думало затихать на дворѣ. Деревья въ саду скрипѣли, выло въ трубѣ, стучало въ небольшія оконцы, какъ будто что-то страшное носилось въ это время кругомъ избы, разыскивая только мѣсто, что бы ворваться внутрь; и если бы оно, на самомъ дѣлѣ, ворвалось внутрь въ избу, то побило бы всѣ горшки и во всѣ стороны разметало одежду.

Дѣдъ не могъ заснуть. Первоначально его мысли работали въ томъ направленіи, какъ велась вечерняя бесѣда; и хотя это мѣшало ему спать, однако духъ его былъ спокоенъ; свѣтло рисовалось ему будущее и онъ себя чувствовалъ даже счастливымъ; ему пріятно было лежать и думать... Но прошло нѣкоторое время и его спокойствіе нарушилось; къ отраднымъ картинамъ стали мало-по-малу приплетаться невеселыя, поползли въ голову какіе-то странные образы; стало что-то его гнести... Что собственно, онъ даже не могъ дать себѣ яснаго отчета; такъ, что-то невеселое: представленіе какого-то дурного конца... «Господи милосердный!»—шепталъ онъ, поворачивась съ боку на бокъ

и примащиваясь какъ бы заснуть. Но сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Незамѣтно и постепенно онъ погрузился въ то особое состояніе не сна и не бодрствованія, а чего-то средняго между ними, когда время тянется убійственно медленно, все внутри человѣка щемитъ, ноетъ, и къ утру онъ чувствуетъ себя такимъ разбитымъ и усталымъ, точно всю ночь напролетъ тяжело проработалъ. Дѣдъ ворочался на печи, вздыхалъ, крестился, какъ вдругъ внезапно посреди свиста и воя мятели онъ услышалъ сзади избы какой-то трескъ. Быстро, на сколько годились для этого его старыя ноги, онъ слѣзъ съ печи, набросилъ на себя кожухъ, надѣлъ сапоги на босыя ноги и безъ шапки вышелъ на дворъ. Съ трудомъ перебрелъ онъ черезъ гору снѣга, наметенную къ стѣнѣ, и достигъ пе; елаза. Перебравшись въ садъ, онъ обошелъ кругомъ избы и здѣсь натолкнулся на что-то лежавшее ему на дорогѣ. Было темно; старые глаза его ничего не могли различить; только кое гдѣ по сторонамъ бѣлѣлъ снѣгъ; съ этой стороны избы его почти не было: вѣтеръ сдулъ... Мерзлая земля была тверда какъ камень. Дѣдъ наклонился и сталъ ощупывать руками... Нѣкоторое время онъ кряхтѣлъ, сопѣлъ и вдругъ изъ его груди вырвался вопль. Слыша этотъ вопль можно было подумать, что его зашибло чѣмъ нибудь въ эту минуту. Старая яблоня, стоявшая сзади избы, оказалась сломана вѣтромъ, и упала какъ разъ въ томъ направленіи, гдѣ стояло деревцо посаженное Гапкою. «Боже!»—шепталъ дѣдъ, силясь высвободить молодую щепу, нажатую сверху толстыми, сухими вѣтвями. Онъ со всей силы уперся руками въ лежавшую яблоню и кое-какъ ему удалось немного сдвинуть ее съ мѣста; но нащупавъ деревцо, пригнутое къ самой землѣ, скоро замѣтилъ, что оно сломано было у самаго корня. «О, Боже!»—съ отчаяніемъ шепталъ дѣдъ. Кожухъ, наброшенный сверху, свалился, съ его плечъ на землю и сильный, холодный вѣтеръ врывался ему за пазуху, надувая какъ парусъ его бѣлую изъ толстаго полотна рубаху. Дѣдъ не чувствовалъ холода и словно надъ умиравшею Гапкою хлопоталъ надъ сломаннымъ деревцомъ; но спасти его уже было невозможно. Онъ долго надъ нимъ копался; наконецъ, весь измаявшись, поднялъ съ земли свой задубѣвшій кожухъ и побрѣлъ въ избу...

Когда онъ добрался обратно до избы, то у него зубъ на зубъ не попадалъ отъ холода. Онъ сѣлъ на лежанку и прислонился спиною къ печкѣ.

— Батько, гдѣ вы такъ долго были?... — вдругъ спросила его Гапка.

— Ты не спишь?...

Она ничего не отвѣтила и дѣдъ, помолчавъ немного, проговорилъ:

— Подойди ко мнѣ, моя дытина!

Она быстро поднялась на ноги и подошла къ отцу.

— Это — ты.... — шепталъ онъ, ощупывая ее за плечи своею холодной рукою.

— Можетъ раздуть огонь?...—тревожно спросила та, чувствуя, что съ ея отцомъ творилось нѣчто необычное.

— Нѣтъ, не надо... Онъ ощупью добрался рукою до ея головы и принялся гладить ее по головѣ. Нѣкоторое время онъ сидѣлъ молча, потомъ сказалъ: — «я скоро умру, Гапка.»

Гапка задрожала.

— Эге, умру... Я знаю это... Я уже старый...

Гапка стояла возлѣ отца, нагнувъ голову и вся дрожала.

— Я умру, а ты, мое дитятко, долго-долго живи!...

Дѣдъ все время гладилъ рукою ея голову.

— Иди спать, доня,—проговорилъ, наконецъ, онъ и перекрестилъ ее сверху.— Пусть Богъ милосердный пожалѣетъ тебя.

Она, молча, пошла на свое мѣсто, а дѣдъ, кряхтя, взобрался на печь, легъ и въ избѣ опять все затихло; только слышно было, какъ вѣтеръ шумѣлъ за окнами.

II.

Но бури проходятъ, и за ними наступаютъ ясные дни. Такъ и въ этотъ разъ—вскорѣ наступило теплое время; на сѣверъ потянули журавли, оглашая окрестности крикомъ. Не одинъ горанскій паробокъ или дивчина, закинувъ голову вверхъ, долго и пристально вглядывались въ синее небо; круканье журавлей такъ было отчетливо слышно, что съ трудомъ вѣрилось, что бы это кричали вонъ тѣ черные крестики, вытя-

нувшіеся въ линію и едва замѣтные на синемъ небѣ. Журавли высоко летѣли — это предвѣщало хорошую погоду. Природа ожила, — проснулась. Тысячи различныхъ голосовъ раздавались отовсюду. Въ поляхъ зеленымъ ковромъ стлалась озимая рожь и пшеница и со всѣхъ сторонъ неслись трели жаворонковъ, быстро трепещущихъ крылышками и поднимающихся вверхъ. По временамъ заяцъ, вспугнутый работающимъ въ полѣ мужикомъ, мчался по зеленямъ, плотно прижавъ уши къ сѣрой спинѣ и взрывая влажную, мягкую почву прыжками. Или быстро пролетала перепелка надъ самой землей, или пара дикихъ голубей, державшихъ направленіе къ черному лѣсу, гдѣ жизнь кипѣла еще сильнѣе, чѣмъ въ полѣ. На мокрой лѣсной почвѣ, съ которой только что стаялъ снѣгъ, появились цвѣты и птицы копошились по деревьямъ, еще не успѣвшимъ одѣться въ листья, разыскивая укромныя мѣста для своихъ гнѣздъ. Черешни по всему лѣсу вотъ-вотъ готовы были разцвѣсти... Въ верховьи пруда, окруженнаго лѣсомъ, въ густомъ камышѣ—кричали маленькія птички «очеретянки», чортовы курочки, дергачи... А надъ всѣмъ этимъ вверху разстилалось ясное небо съ весеннимъ солнцемъ, заливающимъ все своими яркими лучами. Оно проникало и между зеленыхъ стебельковъ ржи на полѣ, согрѣвая жаворонка, сидящаго на сырой землѣ, — достигало и до самаго дна Горановскаго пруда, будя лягушекъ отъ зимней спячки. Лягушки появились у береговъ, грѣли свои круглыя морды, выставивъ ихъ на солнце, прыгали одна на другую, страшно квакали, и въ концѣ концовъ, спѣлись и составили общій хоръ. Ночью, когда выходилъ изъ своей избы во дворъ горанскій крестьянинъ — онъ слышалъ несмолкаемый хоръ, несшійся съ пруда:—это отрывистое кваканье тысячи лягушачьихъ голосовъ, отъ которыхъ дрожалъ воздухъ.

Крестьяне выпустили изъ хлѣвовъ скотину. Овцы, коровы, телята — орали на всѣ голоса, выходя изъ воротъ на широкую улицу, залитую солнечнымъ свѣтомъ. Громадскій пастухъ въ старой, рваной свитѣ и въ «*постолахъ*», съ мѣшкомъ перевязаннымъ черезъ лѣвое плечо и съ длинной, оканчивающейся набалдашникомъ, палкою въ правой рукѣ, погналъ *череду* въ поле. Въ крестьянскихъ дворахъ показались, выта-

щенные изъ сараевъ, плуги, бороны, рала... Раздавался стукъ топоровъ и шипѣнье пилы... Вставляли выпавшіе зубья въ бороны, чинили возы. Въ сельской кузницѣ съ разсвѣта до поздней ночи толпился народъ... Кто поправлялъ и натачивалъ лемешь къ плугу, кто наставлялъ топоръ... Всѣ готовились къ полевымъ работамъ.

Въ воскресенье, часу въ десятомъ утра — управляющій графа панъ Зайончекъ, заложивъ руки за спину, ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету; онъ прогуливался... Это былъ лѣтъ пятидесяти мущина, ниже средняго роста, съ коротко остриженной головой, серебрившейся сѣдиною. — Лицо его было гладко выбрито, кромѣ, конечно, усовъ, торчавшихъ подъ горбатымъ носомъ, который вмѣстѣ съ круглыми глазами какого то табачнаго цвѣта, придавалъ его лицу, совершенно ястребиный характеръ. На письменномъ столѣ, помѣщавшемся у стѣны между двухъ оконъ, лежало нѣсколько книгъ, кучки бумагъ, чернильница, перья и на самомъ видномъ мѣстѣ — развороченныя «Положенія о крестьянахъ» наканунѣ полученныя имъ изъ уѣзднаго города. Подойдя къ окну, управляющій посмотрѣлъ на винокурню, на прудъ, сверкавшій отъ солнца, подобно зеркалу, поворотился и крикнулъ:

— Янко!

У дверей показался молодой, рослый паробокъ въ бѣлой полотняной рубахѣ, расшитой красными нитками на груди. Въ дѣйствительности имя этого паробка было Евтухъ, но пану Зайончеку не нравились «хамскія», украинскія имена и онъ переименовалъ его польскимъ именемъ Янка.

— Позови пана Червинскаго, — сказалъ онъ. — Постой! Подай мнѣ сначала трубку.

Управляющій набилъ трубку табакомъ и приказалъ паробку зажечь спичку. Черешневый чубукъ былъ настолько длинный, что держа одинъ конецъ его во рту — онъ никакъ не могъ достать рукою до своей трубки и потому, чтобы зажечь ее, принужденъ былъ всегда обращаться къ посторонней помощи. Евтухъ поднесъ зажженную спичку. Управляющій потянулъ; пламя вздрогнуло, опрокинулось и табакъ задымилъ. Паробокъ ушелъ звать Червинскаго, а панъ съ трубкой въ

рукахъ опять принялся ходить по кабинету изъ угла въ уголъ.

Зайончекъ — хотя по виду и походилъ на ястреба, но въ дѣйствительности далеко не былъ злымъ человѣкомъ и съ крестьянами жилъ въ мирѣ. Большой польскій патріотъ, гордый, проникнутый сознаніемъ своего шляхетскаго достоинства, онъ никогда не дозволялъ себѣ унижаться до мелочныхъ придирокъ и всегда старался стоять на законной почвѣ въ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ графа. Онъ не обременялъ ихъ излишней работой и требовалъ только то, что показано было «Инвентарными правилами», изданными правительствомъ еще въ царствованіи Николая I для Юго-Западнаго края съ цѣлью урегулированія отношеній между помѣщиками и ихъ крѣпостными. Въ нерѣдкихъ случаяхъ — даже помогалъ тому изъ крестьянъ, кого постигало несчастіе. И крестьяне, съ своей стороны, относились къ нему сравнительно хорошо. Видя кругомъ злоупотребленія, которымъ подвергались крѣпостные сосѣднихъ помѣщиковъ, Горанцы признавали достоинства пана Зайончека и уважали его.

Но съ момента объявленія *воли* отношенія перемѣнились. Почувствовавъ независимость, крестьяне начали съ того, что при встрѣчахъ съ управляющимъ перестали ему кланяться и особенно какъ-то вызывающе-злобно смотрѣли ему въ глаза. Царь былъ за нихъ, какъ они думали, и имъ нечего было теперь бояться пана. На лицахъ ихъ, рабски-покорныхъ передъ тѣмъ, вдругъ появилось такое выраженіе, словно они ожидали только минуты, когда уберутся изъ ихъ села управляющій, экономы и служащіе при винокурнѣ, и оставятъ въ ихъ полное завѣдыванье все: и поля, и лѣса, и даже винокурню.

У пана Зайончка, съ другой стороны, родилось страстное желаніе согнуть крестьянъ въ бараній рогъ и онъ — изъ злобы, развившейся въ немъ вслѣдствіе уязвленнаго самолюбія (его интересы, какъ управляющаго, были рѣшительно не при чемъ), конечно, закрѣпостилъ бы ихъ обратно, уничтоживъ даже самыя «Инвентарныя Правила», если бы только это отъ него зависѣло. Вражда, рѣзко проявившаяся тотчасъ послѣ объявленія манифеста, росла съ обѣихъ сторонъ не-

имовѣрно быстро и, казалось, готова была каждую минуту перейти въ открытую борьбу.

— А-а!.. Панъ Червинскій! — воскликнулъ управляющій, завидѣвъ входившаго въ кабинетъ громаднаго роста, широкоплечаго мущину въ высокихъ сапогахъ и пиджакѣ изъ желтаго верблюжьяго сукна.

Экономъ поклонился. Зайончекъ подошелъ и протянулъ ему руку. Со дня манифеста, читаннаго въ сельской церквѣ, у управляющаго съ своими подчиненными экономами установились почти что товарищескія отношенія. А можетъ быть этому способствовали и свѣдѣнія, получаемыя имъ изъ Варшавы, гдѣ настроеніе умовъ дѣлалось неспокойнымъ и со дня на день отношенія къ русскому правительству обострялись; тамъ готовилось *повстанье*.

— Садитесь, пане Червинскій.

Шляхтичъ сѣлъ. Вынувъ изъ кармана пиджака цвѣтной платокъ, онъ вытеръ имъ свое загорѣвшее, потное лицо, провелъ пальцами правой руки по густымъ, темнымъ усамъ и, устремивъ глаза на стоявшаго передъ нимъ управляющаго, приготовился слушать.

— Что слышно въ селѣ?... Что мужики говорятъ? — спросилъ тотъ, отставляя черешневый чубукъ отъ рта и пуская густую струйку дыма.

— Ждутъ казачины, вельможный панъ! — какъ изъ трубы прогремѣлъ Червинскій.

— Казачины?... А работать не отказываются?... — проговорилъ Зайончекъ, принимаясь снова ходить по комнатѣ.

— Пока нѣтъ. Вчера я *выгонялъ* на работу... Вышли, заволочили овесъ... Но я думаю, что скоро не захотятъ больше работать на экономію.

— Почему это вы думаете? — спросилъ управляющій, останавливаясь противъ эконома. Круглая, подстриженная подъ гребешокъ голова его находилась почти на одномъ уровнѣ съ головою сидѣвшаго на стулѣ великана.

— Они ждутъ, что землю дѣлить будутъ, — отвѣтилъ экономъ.

Панъ Зайончекъ, собиравшійся въ эту минуту потянуть изъ трубки и съ этой цѣлью уже совсѣмъ при-

близившій было черешневый чубукъ къ своему рту, тутъ остановился какъ вкопанный...

— Какъ это — дѣлить?!... Какія земли? — воскликнулъ онъ.

— Всѣ земли пана графа... Говорятъ, что царь отберетъ отъ ясновельможнаго пана графа весь *майонтекъ* и отдастъ его *хлопамъ*.

Собесѣдники, все время разговаривавшіе на польскомъ языкѣ, тутъ оба замолчали и въ кабинетѣ наступила тишина.

— Такъ вотъ какъ!... — съ разстановкой произнесъ, наконецъ, Зайончекъ, уставивъ въ эконома свои круглые глаза табачнаго цвѣта...

— Откуда у нихъ явилась эта дикая мысль?!...

— Да, вельможный панъ, ожидаютъ, что всю землю графскую и поля, и лѣса подѣлятъ между ними, — повторилъ тотъ такимъ же спокойнымъ тономъ, какъ если бы сообщалъ о томъ, что въ Горанскомъ лѣсу уже зацвѣли черешни. — Дѣдъ Недбайло объ этомъ только и говоритъ; да и другіе за нимъ повторяютъ. — добавилъ Червинскій.

— Любопытныя вѣсти... Любопытныя вѣсти...—замѣтилъ про себя Зайончекъ и, поворотившись, медленно пошелъ въ уголъ комнаты.

— Это тотъ высокій старикъ?—припоминалъ онъ, стоя въ углу спиною къ эконому и выбивая золу изъ трубки.

— Я его знаю.. Онъ мнѣ давно уже не нравился... Очень много думаетъ о себѣ этотъ *хлопъ*... Ну-ну, посмотримъ...

Потомъ управляющій круто поворотился къ эконому и вдругъ громко сказалъ:

— Вотъ что: объявите мужикамъ, пане Червинскій, что бы они собрались ко мнѣ во дворъ; я имъ прочту «Положенія», присланныя изъ уѣзднаго города... Землю дѣлить?... Хамово отродье!

— Когда вельможный панъ прикажетъ имъ собраться?—спросилъ экономъ, поднимаясь со стула.

— Завтра... Прощайте, пане Червинскій! — говорилъ Зайончекъ, пожимая тому руку и провожая его до дверей кабинета. — Да прикажите мужикамъ, что бы пришли пораньше.

Выйдя отъ управляющаго, Червинскій направился

къ корчмѣ, что бы передать тамъ кому либо изъ крестьянъ то, что ему поручили. Такъ какъ дѣло шло не о «паньщинѣ», на которую приходилось выгонять всякаго мужика въ отдѣльности, а о дѣлѣ интересующемъ всѣхъ, то поэтому Червинскій вполнѣ справедливо рѣшилъ, что ему нѣтъ никакой необходимости оповѣщать всѣхъ крестьянъ, а достаточно будетъ сообщить только двумъ-тремъ изъ нихъ.

Въ корчмѣ — низкомъ, разсѣвшемся деревянномъ зданіи, съ большимъ такъ называемымъ «*подсѣньемъ*», куда заѣзжали проѣзжающіе съ телѣгами и лошадьми на ночь, сидѣло нѣсколько человѣкъ крестьянъ. Былъ воскресный день, въ церкви уже отошла обѣдня и слѣдовательно безъ грѣха можно было выпить. Крестьяне сидѣли за длиннымъ, дубовымъ столомъ, сильно почернѣвшемъ отъ времени и громко разговаривали между собою, подчуясь изъ одной рюмки, переходившей по очереди отъ одного къ другому, которую они то и дѣло доливали изъ бутылки, стоявшей по серединѣ стола.

Дембко Вошколупъ, бывшій уже навеселѣ, размахивалъ руками и громче другихъ разсуждалъ; онъ былъ очень возбужденъ.

— Вы, Яковъ, вспомнили здѣсь о Николѣ Середюкѣ, — говорилъ онъ. — Вы не глядите на то, что Никола маленькій и сухой. Сколько насъ тутъ есть — всякій крѣпче Середюка, а ни одного такого разумнаго, какъ онъ! Это я вамъ правду говорю...

— А кто же вамъ сказалъ, Дембко, что это правда?— насмѣшливо спросилъ Яковъ.

— Кто мнѣ сказалъ?...—Дембко откинулся назадъ и на его рыжемъ лицѣ синіе глазки блеснули лукавой усмѣшкой.—Мнѣ, Якове,—не надо, что бы кто говорилъ. Слава Богу—*не мала дытына*...

— Какая же вы дытына, когда у васъ у самаго есть дѣти,—проговорилъ Яковъ.

— Что же тутъ дурного, Якове, что у меня есть дѣти?! И жена есть, и дѣти, — обидчиво возразилъ Дембко.

— Вотъ, замолчите лучше, Дембко, панъ Червинскій идетъ,—замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

Но Дембко обидѣлся и совсѣмъ ужъ не хотѣлъ замолчать.

— А мнѣ что, панъ Червинскій?! — проговорилъ онъ,—панъ Червинскій экономъ, и больше ничего! Что же мнѣ можетъ сдѣлать экономъ? Я его не боюсь... Я казакъ; а казакъ, говорятъ, не боится ни тучи, ни грому... Мы всѣ теперь казаки... Развѣ же не такъ, пане Червинскій?...—вдругъ обратился онъ къ эконому, мѣняя тонъ изъ обидчиваго на нѣсколько торжественный. — Скажите здѣсь имъ всѣмъ, пане Червинскій, что бы всѣ они слышали—правду я говорю или нѣтъ?

— Правду, правду говоришь, казаче! — загудѣлъ ему въ отвѣтъ Червинскій, подходя къ столу. — Но вотъ что, люди добрые!—и онъ положилъ свою огромную, мускулистую руку на плечо одного изъ крестьянъ.—Изъ уѣзда пришла бумага до пана управляющаго и онъ зоветъ васъ всѣхъ, что бы вы собрались къ нему во дворъ: будетъ читать. Объявите объ этомъ людямъ.

— Какая бумага?—спросилъ Яковъ.

Крестьяне, сидѣвшіе за столомъ примолкли и съ серьезнымъ вниманіемъ посмотрѣли на эконома. Даже пьяное лицо рыжаго Дембка приняло какое то задумчивое выраженіе.

— Бумагу привезъ помощникъ станового пристава.

— А не знаете, пане Червинскій, что это за бумага? — вторично спросилъ Яковъ и въ его голосѣ прозвучала просьба.

— Кто ее знаетъ! Такъ не забудьте—завтра! Да приходите пораньше...

Экономъ поворотился, подошелъ къ большому прилавку на которомъ стояла бочка съ краномъ, и потребовалъ водки. Еврей — корчмарь, старый невзрачный человѣчекъ, подалъ ему стаканъ водки, которую тотъ залпомъ опрокинулъ себѣ въ ротъ, вытеръ усы рукою и, расплатившись, направился къ дверямъ.

Въ корчмѣ за столомъ нѣкоторое время царило молчаніе.

— Какая бы это была бумага?—прервалъ тишину Дембко; и потомъ, оглядывая съ поднятыми бровями собесѣдниковъ, вопросительно добавилъ: — можетъ это уже землю дѣлить будутъ?!

— Такой бумаги не послали бы управляющему, а попу, — возразилъ на это другой. — Не посылали же

управляющему царскаго манихвеста?.. Попъ намъ его читалъ въ церкви.

— Это правда, — подтвердилъ Яковъ. — Бумага, видно о чемъ то другомъ, а о чемъ—Господь её знаетъ! Завтра услышимъ.

Крестьяне опять замолкли.

— И зачѣмъ это бумаги посылаютъ пану? Что для насъ панъ?—загорячился Дембко,—тьфу!—и онъ съ ожесточеніемъ плюнулъ на полъ. — Попу надо посылать, а не пану управляющему! Попъ будетъ намъ все читать.

— Эге, васъ, Дембко, не спросили объ этомъ, — замѣтилъ Яковъ.

— Что же, развѣ я не правду говорю, Яковъ? — отвѣтилъ Дембко вопросомъ на его замѣчаніе.

— Да правду,—только... и Яковъ фразы не окончилъ.

Послѣ небольшой паузы, Дембко оглядывая присутствующихъ, уныло проговорилъ:

— И о чемъ это можетъ быть написано въ той бумагѣ? Вы какъ думаете, Якове? Или вы, Нечипоре?

Но ни Яковъ, ни Нечипоръ ничего не отвѣтили и продолжали сидѣть за столомъ молча. На ихъ лицахъ, какъ и на лицахъ остальныхъ присутствовавшихъ крестьянъ, выражалась забота и недоумѣніе. Видимо, тотъ же мучительный вопросъ, который такъ сильно волновалъ Дембко, вертѣлся въ головѣ каждаго изъ нихъ.

— Не пойти ли намъ къ Николѣ? Разсказать бы ему обо всемъ... Можетъ онъ, что нибудь придумаетъ? — замѣтилъ Дембко, озабоченнымъ тономъ.

— Эхъ, Дембко, Дембко!...—воскликнулъ Нечипоръ Найденюкъ, до сихъ поръ молчавшій... — Что вы разносились съ этимъ Николою, какъ чортъ съ бубномъ, Господи прости меня грѣшнаго!? Никола, да Никола!... Не одному Николѣ Середюку, а всѣмъ надо сказать!... Вотъ, лучше не будемъ терять времени, добрые люди,—пойдемъ!

Крестьяне расплатились и вышли изъ корчмы.

На слѣдующій день лишь только солнце выглянуло изъ за лѣса и его золотистые лучи, пронесшись надъ прудомъ, укутанномъ въ туманъ, ярко озарили деревню раскинувшуюся на противуположной горѣ, крестьяне стали собираться во дворъ управляющаго.

Косые лучи солнца еще слабо грѣли и люди вздрагивали отъ утренней прохлады; въ бурыхъ свитахъ, съ высокими шапками на головахъ, они входили въ ворота и, въ ожиданіи пока проснется панъ, размѣщались по угламъ обширнаго двора. Внизу, надъ самымъ прудомъ стлался, скрывая его отъ глазъ, густой, бѣлый туманъ, а надъ туманомъ виденъ былъ лѣсъ, росшій за прудомъ на горѣ; и казалось будто тотъ лѣсъ висѣлъ въ воздухѣ. Нѣсколько человѣкъ крестьянъ, среди которыхъ былъ Дембко Вошколупъ и Ладыміръ Полищукъ, усѣвшись на дубовыхъ колодахъ, лежавшихъ возлѣ сарая, тихо между собою бесѣдовали. По двору, гдѣ зеленѣла молодая травка, прогуливалось стадо индѣекъ въ сопровожденіи огромнаго индѣйскаго пѣтуха, загнувшаго крючкомъ голову, какъ старая уланская лошадь на мундштукѣ. Поднявъ хвостъ вѣеромъ и распустивъ крылья, индюкъ, принявшій, такимъ образомъ, форму клубка, страшно семенилъ ногами и поворачивался то въ одну, то въ другую сторону, постоянно наскакивая на низко опущенные, широкіе хвосты своихъ подругъ.

Дембко, слѣдившій нѣкоторое время за индюкомъ, не удержался и засвисталъ; индюкъ поднялъ неистовый крикъ: свистъ его раздражалъ; отъ гнѣва вся его голова посинѣла... На широкомъ, рыжемъ лицѣ Дембка заиграла улыбка.

— Поганая, некрасивая птица!—проговорилъ Ладыміръ. — Голова какъ у змѣи; и злая такая же, какъ змѣя... А какая она вкусная — жареная!... Одинъ разъ приходилъ я сюда чистить конюшни и паробокъ вынесъ мнѣ кусочекъ... Ну, и вкусная же, скажу вамъ!... Съѣлъ и облизался!

— Вотъ бы человѣку такъ, какъ этимъ индюкамъ!...—Замѣтилъ Дембко.

— А что?

— Добре имъ: ѣда вездѣ подъ ногами...

— Э, сказали!...

Ладыміръ замолчалъ; но потомъ, поворотившись къ Дембкѣ проговорилъ:

— А знаете, кому лучше всѣхъ на свѣтѣ?

— Ну?—спросилъ Дембко, устремляя на него свои любопытные, синіе глазки.

— На свѣтѣ лучше всѣхъ: пану, коту и попу —

ѣдятъ, что имъ вздумается... Спятъ — сколько захотятъ!... И теперь вонъ, подумайте, сколько времени уже прошло, какъ засвѣтило солнце; уже и припекать начинаетъ... — Ладыміръ, щурясь, посмотрѣлъ на солнце. Мы въ эту пору уже не разъ вытремъ себѣ вспотѣвшій отъ работы чубъ, а нашъ панъ—все спитъ!... Вотъ также и котъ: лежитъ на припечкѣ, свернувшись клубочкомъ; тепло ему тамъ... Потомъ встанетъ, вытянется, потруситъ лапками на всѣ четыре стороны, зѣвнетъ такъ, что чуть себѣ рта не раздеретъ и замяукаетъ... Это онъ уже ѣсть проситъ... Глаза совсѣмъ позакисаютъ у него отъ сна,—а ему и горя мало.

— Это вы правду, Ладыміре, говорите... Также и попу добре. Не даромъ говорятъ: мышь въ стогу, а попъ въ селѣ никогда не загинутъ,—замѣтилъ Дембко.

— Попу?!—воскликнулъ Ладыміръ.—Попу совсѣмъ добре!... Какъ нанесутъ ему люди кнышей да поляницъ, такъ и дѣвать некуда! Хоть свиней корми поляницами!... Ну, а все же таки, скажу вамъ, лучше всѣхъ пану... Земли у пана много. Посмотрите туда,—продолжалъ Ладыміръ, указывая рукою по направленію къ пруду и лѣсу,—какое приволье!... Какая роскошь!... Тутъ бы поставить хату!... Солнышко прямо въ оконцы свѣтило бы... Въ хатѣ весело... А надоѣло въ хатѣ, пошелъ къ водѣ—рыбку половить... А потомъ въ лѣсъ. Любо да мило жить въ такомъ мѣстѣ!...

— И намъ будетъ добре,—замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

Въ сѣрыхъ глазахъ Полищука промелькнуло, что то въ родѣ сомнѣнія и онъ отвѣтилъ поговоркою:

— Что было, то мы уже видѣли, а что будетъ — то поживемъ, увидимъ.

— А вотъ и Никола съ дидомъ идутъ,—проговорилъ въ эту минуту Дембко.

Дѣйствительно, Недбайло въ сопровожденіи Середюка, шелъ по двору, опираясь на палку. Дойдя до сарая, гдѣ сидѣли крестьяне, онъ остановился и проговорилъ:

— Помогай Богъ!

— Добраго здоровья диду!—отозвалось нѣсколько голосовъ.

Нѣкоторые при этомъ дотронулись руками до своихъ бараньихъ шапокъ, другіе привѣтствовали только словами.

Недбайло, кряхтя, опустился на колоду и медленно обвелъ глазами присутствующихъ. Его полу - сѣдыя брови, нависшія надъ глазами, казалось, въ ту минуту нависли болѣе обыкновеннаго и это придавало его старому, сморщенному лицу съ сѣдой бородой и усами весьма суровое выраженіе. Бѣлые волосы выбивались длинными клоками изъ подъ черной бараньей шапки. Онъ былъ одѣтъ въ кожухъ.

— Вчера передъ вечеромъ ходилъ я въ полѣ,— проговорилъ Нечипоръ Найденюкъ, сидѣвшій сбоку дѣда,—жита какъ на дрожжахъ растутъ!... Видѣлъ и вашу ниву, диду:—жито раскустилось и такое густое стало, что ноги некуда продвинуть...

— Слава Господу Богу!—отвѣтилъ тотъ...

— Не мѣшало бы дождика,—замѣтилъ Никола.

— О, не мѣшало бы!... Не мѣшало...—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Эге... А дождя-то и нѣтъ,—вставилъ дѣдъ свое замѣчаніе,—посмотримъ, какъ мѣсяцъ май покажетъ: будутъ перепадать дожди—добре, а не будутъ...—Онъ не окончилъ фразы и зажевалъ губами, точно доканчивалъ ее про себя.

— Можетъ царь небесный не оставитъ насъ, грѣшныхъ,—послышался чей то голосъ.

— Можетъ...—Дѣдъ тихо зачесалъ пальцемъ свою правую бровь.

— Только показываетъ на другое,—продолжалъ онъ, — три дня назадъ ходилъ я съ дьякомъ на поповскій хуторъ, глядѣлъ на церковную пасѣку... пчелы—такъ и вьются!... Какъ середи лѣта!... А какія злыя?!... Такъ и напали на насъ!... И черешни вездѣ по лѣсу зацвѣли раньше времени... Страшно, какъ бы не было засухи.

Между тѣмъ на крыльцѣ показался панъ Зайончекъ. Крестьяне задвигались по двору и стали скучиваться возлѣ дома управляющаго... Съ улицы каждую минуту подходили новые; толпа росла. Зайончекъ стоялъ по срединѣ крыльца, разставивъ въ стороны ноги и, въ ожиданіи пока успокоится толпа, осматривалъ лица крестьянъ... Впереди другихъ, прямо противъ себя онъ увидѣлъ высокую, немного сгорбленную фигуру дѣда Недбайла, съ шапкою на головѣ, опиравшагося обѣими руками на палку,—и онъ почувство-

валъ какъ кровь прилила ему въ голову... Однако, управляющій овладѣлъ собою и, стараясь казаться спокойнымъ, обратился къ толпѣ съ слѣдущими словами:

— Хочу вамъ, добрые люди, прочитать «*положенія*»... Здѣсь, въ этой бумагѣ—онъ потрясъ рукою, въ которой держалъ «положенія»,—здѣсь обо всемъ есть: и о землѣ, и о повинностяхъ, какія вы обязаны отбывать на графскую экономію...

Мужики зашумѣли. Переступая съ ноги на ногу они всѣ разомъ о чемъ то заговорили, но о чемъ— трудно было разобрать.

— Постойте, люди добрые!... Положенія эти мнѣ прислали изъ города... Не я же ихъ писалъ; ихъ издалъ царь, все равно какъ и манифестъ, который читали вамъ въ церкви.

— Эге... царь...—послышался изъ толпы голосъ Дембка. Дембко сильно сомнѣвался, что бы царская бумага могла попасть въ руки пана Зайончека. По мнѣнію его, всѣ бумаги отъ царя должны были проходить черезъ руки священника.

— Послушайте, сначала я почитаю, а затѣмъ потолкуемъ.

— Т-с-с-съ!... послушаемъ бумагу...—пронеслось по толпѣ.

— Крѣпостное право,—началъ управляющій чтеніе перваго пункта *положеній*—на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ земляхъ, и на дворовыхъ людей отмѣняется навсегда въ порядкѣ, указанномъ въ настоящемъ положеніи и въ другихъ вмѣстѣ съ онымъ изданныхъ положеніяхъ и правилахъ... На основаніи сего положенія и общихъ законовъ, — читалъ Зайончекъ второй пунктъ,—крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, предоставляются права состоянія свободныхъ, сельскихъ обывателей...

Крестьяне вновь задвигались и зашумѣли.

— Слышите, Никола?...—проговорилъ въ эту минуту Юзько, понявшій это мѣсто такъ, что крѣпостные сдѣлаются помѣщиками, т. е. обывателями.

— Я же вамъ говорилъ?!—раздался чей то возгласъ... Но что *говорилъ*—осталось невыясненнымъ.—Нужно предполагать однако, что дѣло касалось того же зло-

получнаго слова *обыватель* такъ неправильно истолкованнаго горанскими крестьянами.

Никола Середюкъ, стоявшій въ толпѣ возлѣ Юзька, ничего не отвѣтилъ ему, только слегка кивнулъ головой. Онъ весь превратился во вниманіе; но какъ ни напрягалъ своихъ способностей этотъ, несомнѣнно, умный человѣкъ, онъ также мало понималъ «положенія», какъ Юзько или Дембко... Написанныя *казеннымъ* языкомъ (такой странный языкъ существуетъ у насъ въ Россіи!), переполненнымъ дѣепричастіями и причастіями, и уснащенный всевозможными вышедшими изъ употребленія словами, съ длинными-предлинными періодами, отъ которыхъ духъ захватывало, — знаменитыя «положенія» мало понятными были даже для великоросовъ... Для украинцевъ же они оказались настоящею тарабарскою грамотою.

— Т-с-с!—шипѣли мужики...

— Не мѣшайте; слушайте!...—говорилъ управляющій и продолжалъ чтеніе второго пункта,—Въ пользованіе сими правами они вступаютъ тѣмъ порядкомъ и въ тѣ сроки, какіе указаны въ правилахъ о приведеніи въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ и въ особомъ положеніи о дворовыхъ людяхъ.

— Началъ добре, а кончилъ чортъ знаетъ какъ!... —тихо замѣтилъ своему сосѣду Ладымірѣ Полищукъ. —То говорилъ объ обывателяхъ, а то вдругъ свелъ на дворовыхъ людей!... Одно къ другому совсѣмъ не подходитъ...

— Ничего я не могу разобрать, что онъ тамъ читаетъ,—проговорилъ чистосердечно Яковъ, обращаясь къ Дембко, голова котораго высоко поднималась надъ толпою.

— Помѣщики,—громко читалъ между тѣмъ управляющій третій пунктъ,—сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ за установленныя повинности въ постоянное пользованіе крестьянъ усадебную ихъ осѣдлость и сверхъ того для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками, то количество полевой земли и другихъ угодій, которое опредѣляется на основаніяхъ, указанныхъ въ «мѣстныхъ положеніяхъ».—Крестьяне,—читалъ Зайончекъ дальше четвертый пунктъ,—за отведенный, на основаніи пре-

дыдущей статьи, надѣлъ обязаны отбывать въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ мѣстныхъ положеніяхъ повинности работою.

Но тутъ управляющій долженъ былъ пріостановить чтеніе, такъ какъ поднялся сильный шумъ. Толпа заволновалась.

— Какъ видите, люди добрые,—кричалъ Зайончекъ, что бы быть услышанными толпою,—вся земля остается за паномъ графомъ, а вамъ дадутъ только тѣ усадьбы, гдѣ вы теперь живете, да немного полевой земли...

Крестьяне громко между собою разговаривали.

— Майонтка отъ пана графа царь не отниметъ, какъ это думаютъ нѣкоторые изъ васъ,—съ какимъ то особеннымъ злорадствомъ кричалъ Зайончекъ.—И земли не дадутъ даромъ. А захотите имѣть землю, надѣлы, то должны будете работать на графа, какъ и раньше работали...

Мужики шумѣли.

— Мы сами это знаемъ, что два года еще должны работать на графа,—проговорилъ въ эту минуту Недбайло.

Толпа, услыхавъ голосъ дѣда, примолкла.

— Что ты говоришь, старый?... Только два года будете работать на графа?...—переспросилъ дѣда панъ Зайончекъ.

— Эге, два года... Такъ въ царскомъ манифестѣ написано,—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, а потомъ? Когда эти два года пройдутъ?

— Потомъ? А потомъ будетъ то, что Богъ дастъ... —прошамкалъ дѣдъ.

— Нѣтъ, старый, не будетъ такъ, какъ ты думаешь!... Не два, а много лѣтъ будете еще отрабатывать на графа за ту землю, что надѣлятъ вамъ!

— По вашему выходитъ «панщина» остается?!...

— Видно такъ.

— И до какого времени?

— Да мы съ тобою до того времени еще умремъ и своимъ дѣтямъ оставимъ!—Управляющаго сердилъ этотъ старикъ: онъ стоялъ впереди толпы, съ шапкой на головѣ, опершись руками на свою орѣшниковую палку и такъ дерзко смотрѣлъ ему въ глаза, что онъ съ трудомъ себя сдерживалъ.

— Да, мы съ тобою навѣрно умремъ до того времени,—повторилъ управляющій.

— Ну, а *воля* же наша гдѣ? А царскій манифестъ, что читали намъ недавно въ церкви?—шамкая спросилъ Недбайло, глядя прямо въ глаза управляющему.

— Вы теперь вольные, не крѣпостные графа, — отвѣтилъ тотъ.—А вся земля какъ была, такъ и осталась графской... Захотите имѣть надѣлы, должны будете работать на графскую экономію.

— Какъ было до сихъ поръ?

— Ну да! Какъ было до сихъ поръ!... Только до сихъ поръ были «инвентари», а теперь вмѣсто нихъ будутъ эти «положенія».

— Нѣтъ, не такъ!... Не будетъ по вашему!... — Старикъ пожевалъ губами и добавилъ:—вы панъ что то путаете...

— Путаю!! Ахъ ты, поганый хамъ!... Бунтовщикъ!...—воскликнулъ Зайончекъ, сильно покраснѣвъ отъ гнѣва.

— Брешешь!—крикнулъ Недбайло и его сѣдая голова затряслась отъ гнѣва.—Не я бунтовщикъ, а ты! Ты вмѣстѣ съ другими панами, такими какъ самъ, бунтуешь противъ царя!

— Я тебѣ морду разобью!—крикнулъ управляющій, окончательно потерявшій самообладаніе.

Дѣдъ съ ненавистью посмотрѣлъ ему въ глаза и прошипѣлъ въ отвѣтъ:

— Коротки руки, пане! Ваше время прошло!

У пана Зайончка вся кровь отлила отъ лица, и онъ изъ краснаго сдѣлался блѣденъ, какъ мертвецъ. Слова дѣда глубоко уязвили его гордость, и главнымъ образомъ потому, что въ нихъ заключалась правда. Онъ самъ чувствовалъ, что теперь не тѣ времена, что были раньше и что у него дѣйствительно «руки были коротки».

— Хотите, люди добрые, что бы я читалъ вамъ, или не хотите?—обратился онъ къ крестьянамъ, едва сдерживая клокотавшую въ немъ злобу. Голосъ и руки его дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

Мужики закричали и зашумѣли... Нечипоръ Найденюкъ, Яковъ и еще нѣкоторые другіе соглашались слушать «бумагу», какъ горанцы называли «положенія», но большинство было противъ.

— Пусть намъ прочитаетъ бумагу батюшка!—кричали они, и особенно громко кричалъ это Дембко Вошколупъ.

— Мы работаемъ на васъ,—говорилъ спокойно и съ достоинствомъ Никола Середюкъ,—и будемъ еще работать цѣлыхъ два года, какъ въ манихвестѣ царя написано. А что будетъ дальше, какъ мы будемъ жить потомъ на свѣтѣ божьемъ, то наше дѣло... Съ вами объ этомъ говорить не хотимъ.

— Не хотите, чтобы я читалъ, и не надо. Я такъ и начальству напишу.

— Пишите, что хотите! Не надо намъ вашей бумаги!—кричали голоса.

— Пишите, пане, пишите! Не хотимъ васъ слушать! Мы теперь казаки!—громко выдѣлялся голосъ Дембка.

Управляющій ушелъ въ комнаты, а крестьяне гурьбой двинулись къ воротамъ.

— Теперь онъ понапишетъ исправнику всякой всячины,—разсуждали они, выходя изъ воротъ на улицу.— И что это у него за бумага?... Откуда онъ ее взялъ?

— Не слыхали развѣ?... Помощникъ станового привезъ ему.

— Должно быть это брехня... Вотъ, когда становой привозилъ тогда манихвестъ, такъ онъ же далъ его батюшкѣ, а не этому чорту?!

— А добре ему отбрилъ нашъ дѣдъ! Эге, добре... —разсуждали мужики.

Вскорѣ изъ уѣзда для разъясненія «Положеній» пріѣхалъ въ Гораны какой-то чиновникъ, который читалъ, толковалъ, какъ говорится, «бился съ мужиками» нѣсколько дней и, въ концѣ-концовъ, запутался въ этихъ «Положеніяхъ» до того, что самъ пересталъ ихъ понимать. Безконечныя ссылки отъ пункта къ пункту, отъ одного параграфа къ другому, съ оговорками и поясненіями, затемняющими окончательно смыслъ, — изложенными витіеватымъ языкомъ,—такъ какъ русское правительство считаетъ неприличнымъ говорить къ своимъ подданнымъ простымъ, удобопонятнымъ языкомъ, — все это могло сбить съ толку кого угодно. Чиновникъ уѣхалъ изъ Горанъ ни съ чѣмъ, не придя съ крестьянами ни къ

какому соглашенію, и вмѣсто его появился мировой посредникъ. Посредникъ былъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и состоялъ въ пріятельствѣ съ управляющимъ. Крестьяне это знали и потому сразу отнеслись къ нему недовѣрчиво. И вотъ, когда онъ принялся толковать имъ, что такое значитъ «временно-обязанный», терминъ часто встрѣчаемый въ «Положеніяхъ» и обозначающій переходное состояніе крестьянъ, не пришедшихъ еще ни къ какому соглашенію съ своимъ помѣщикомъ и остающихся по этому на прежнемъ, —крѣпостномъ положеніи;—когда сталъ убѣждать ихъ поскорѣе прійти къ соглашенію, что бы приступить къ составленію такъ называемой «уставной грамоты», когда дошелъ до разъясненія тѣхъ пунктовъ, гдѣ трактуется объ «издѣльной повинности» въ пользу помѣщика или такъ называемой «барщинѣ», которую должны будутъ отрабатывать крестьяне за надѣлы, полученные отъ помѣщика,—то въ это время одинъ немолодой мужикъ, изъ отставныхъ солдатъ, вдругъ воскликнулъ:

— Барщина!? Люди добрые, да это таже самая «Паньщина», и есть! По нашему «Паньщина», а по-московски—*барщина*... Я это хорошо знаю.

Тогда поднялся невообразимый крикъ; посредникъ, заткнувъ уши, убѣжалъ въ комнату (это было въ домѣ управляющаго), а крестьяне разошлись по домамъ.

Но Горанскіе крестьяне были слишкомъ взволнованы, чтобы сидѣть спокойно по своимъ хатамъ. Въ скоромъ времени корчма, исполнявшая для нихъ роль клуба, оказалась биткомъ набитая народомъ. Черныя, бараньи шапки колыхались изъ стороны въ сторону внутри и внѣ зданія, и гулъ отъ этой толпы несся по всей деревнѣ.

— Какъ же теперь будетъ съ землею?!—кричалъ Дембко, находившійся возлѣ самаго прилавка въ корчмѣ, размахивая своими длинными руками съ такимъ азартомъ, точно онъ шелъ въ драку.

— Ничего, люди добрые, я не разобралъ, что читалъ сегодня мировой,—горланилъ во всю глотку, силясь перекричать шумѣвшую толпу, другой мужикъ такой же высокій, какъ Дембко, но только не рыжій, а черный.

— И чего бы, кажется, кричать — когда не разобралъ?!... Молчалъ бы, да слушалъ: можетъ кто и сказалъ бы, что нибудь нужное... А то реветъ, Господи прости,

какъ быкъ! — проговорилъ Нечипоръ, обращаясь къ Ладыміру Полищуку.

— Э, подите же! — отвѣтилъ тотъ, устремляя на крикуна свои сѣрые глаза, блестѣвшіе ироніей.

— Середюкъ!... гдѣ Середюкъ?...— среди шума раздался вновь громкій голосъ Дембко.—Середюка нѣтъ?!... Послать бы кого нибудь за нимъ?...

— Самъ чортъ не разберетъ ничего во всемъ этомъ! — воскликнулъ кто-то.

— Люди добрые, я хочу что то сказать вамъ! — громко проговорилъ, наконецъ, Ладыміръ, задирая голову кверху и оглядывая толпу.

— Замолчите!...— крикнулъ Яковъ.

— Т-с-с-с...— зашипѣли въ корчмѣ. Мало-по-малу люди успокоились и Полищукъ заговорилъ:

— Вотъ что: графской земли дѣлитъ не будутъ... То есть можетъ и будутъ, да только не теперь. А теперь мы вольны брать надѣлы у нашего графа, вольны и не брать... Возьмемъ—должны будемъ работать на графа, — а не возьмемъ, то такъ и будемъ жить безъ земли.

— Какъ же намъ жить безъ земли? Не можно жить безъ земли! — зашумѣли голоса.

— Отъ графа царь приказалъ отнять землю, — и передѣлить ее между людьми... Землю будутъ дѣлить... — кричали другіе.

— Вотъ и опять заговорили всѣ разомъ, — воскликнулъ Полищукъ.

— Поговоримъ ладкомъ, люди добрые, не за чѣмъ кричать.

— Что оно такое — это *временно*... какъ тамъ его звать? Вы называли какъ-то тамъ, Ладыміре?—послышался голосъ Дембка.

— Да и вы же слышали, какъ намъ толковалъ посредникъ: мы всѣ теперь *временно-обязанные*, то есть все равно какъ крѣпостные; и будемъ такими оставаться до тѣхъ поръ, пока не подпишемъ Уставной Грамоты.

— Что это за такая грамота?

— Грамота?.. Вотъ дастъ вамъ графъ надѣлъ земли, а вы и будете ему за эту землю отрабатывать; это и есть Уставная Грамота.

— Такъ развѣ-жъ до сихъ поръ не такъ было? — проговорилъ съ азартомъ тотъ самый высокій, черный

крестьянинъ, который по замѣчанію Нечипора «ревѣлъ какъ быкъ». — Такъ развѣ-жъ не то же самое было раньше? Графъ давалъ намъ землю, давалъ намъ нивы подъ посѣвы, а мы работали ему по три дня въ недѣлю... Какая же это *воля*, если мы и теперь будемъ работать на него?!...

Замѣчаніе было какъ нельзя болѣе резонное. Нужно знать, что на Украинѣ — значительно раньше освобожденія введены были такъ называемыя «Инвентарныя Правила», выработанныя правительствомъ для урегулированія отношеній между помѣщиками и ихъ крѣпостными. Помѣщики Юго-Западнаго Края почти сплошь поляки и русское правительство, желая нанести ударъ польскому элементу въ краѣ, правилами этими брало, такъ сказать, подъ свою защиту крестьянъ-украинцевъ, обуздывая, по возможности, произволъ помѣщиковъ. «Инвентарями», составленными еще при царѣ Николаѣ I, съ одной стороны точно опредѣлялось количество работы, которое долженъ былъ производить крестьянинъ въ пользу помѣщика, съ другой — какъ бы въ награду за этотъ трудъ, помѣщикъ обязанъ былъ уступить крестьянину, для его пользованія, извѣстное количество полевой земли подъ посѣвы, усадьбу и сѣнокосъ. Само собою разумѣется, что за помѣщикомъ оставалось право собственности какъ на эту землю, такъ и на самихъ крестьянъ, его крѣпостныхъ; но это право — было далеко уже не полное. Правительство Александра II своимъ освобожденіемъ лишало помѣщиковъ окончательно права собственности на крестьянъ, но оставляло имъ это право на землю. Не желая, однако, произвести освобожденіе безъ земли, оно выработало особыя «Правила» или «Положенія», по которымъ крестьяне, бывшіе крѣпостные, получали отъ помѣщиковъ надѣлы, землю, но за нее должны были выплачивать ему своимъ трудомъ — впредь до окончательнаго выкупа. Въ этотъ періодъ времени, до выкупа — фактически положеніе крестьянъ мало отличалось бы отъ того, какимъ они пользовались при «Инвентаряхъ».

Горанцы это поняли и протестовали противъ этого.

— Какая же это *воля*, если мы должны будемъ работать на графа?! Не хотимъ работать на графа! — кричали мужики въ корчмѣ.

— Ну, рѣшайте, какъ сами знаете, — уклончиво проговорилъ Ладымiръ Полищукъ и, пожавъ плечами, умолкъ...

Толпа опять заволновалась; поднялся опять гамъ и шумъ.

— Безъ земли нельзя намъ оставаться! Никакъ нельзя! — слышалось съ одной стороны.

— Не хотимъ работать на графа!... Подождемъ, когда царь отниметъ отъ него всю землю, а теперь не будемъ брать земли, — заявляли другiе.

— Какъ же вы думаете теперь жить безъ земли?!... — оралъ во все горло Нечипоръ (раньше онъ самъ смѣялся надъ крикунами).

— Не нужно брать у графа земли!... — раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Я слышу, здѣсь многiе изъ васъ кричатъ: ненадо брать землю у графа. Какъ же намъ, добрые люди. жить безъ земли, спрашиваю я васъ? — замѣтилъ Нечипаръ.

— Безъ земли нельзя!...—послышались голоса.

— Если возьмемъ у графа землю — должны будемъ ему отрабатывать... Не нужно брать у него земли! — кричали другiе.

— Не хотимъ работать на графа!.. — раздался крикъ.

— Безъ земли плохо намъ будетъ, все еще отзывались голоса, хотя уже робче прежняго...

— Не надо брать земли у графа! — подхватывало большинство.

Такъ кричали горанскiе люди до самаго поздняго вечера. На слѣдующiй день многiе изъ нихъ не пошли даже на работу, а вновь собрались въ корчму и вновь громко и долго кричали. Время было весеннее, когда земледѣльцу немало надо прилагать труда, что бы не остаться на зиму безъ хлѣба, а потому Горанцамъ пришлось въ это время очень много потратить силъ и энергiи. Днемъ они работали въ полѣ, а воротившись въ село на ночь, вмѣсто того, чтобы отдыхать, собирались на сходки въ корчму. Возлѣ корчмы ежедневно, до поздней ночи, можно было видѣть толпу крестьянъ, временами шумѣвшую такъ громко, что даже галки, ночевавшiя на куполѣ горанской церкви, стоявшей неподалеку корчмы, пугались отъ этого крика; взлетѣвъ на воздухъ — какая нибудь изъ нихъ долго кру-

жилась около креста, не зная въ темнотѣ куда ей сѣсть, и потомъ садилась своей подругѣ на спину, сталкивала ее внизъ и на церкви среди галокъ поднималась невообразимая возня. Изо дня въ день сходки повторялись то болѣе спокойныя и тихія, то бурныя,— когда собирались люди чуть не со всего села и кричали до полуночи. Такъ дѣло шло всю весну.

Какъ ни были безпорядочны и хаотичны сами по себѣ эти сходки, безъ предсѣдателей, безъ правильно ведомыхъ дебатовъ, лишенныя всякихъ парламентскихъ пріемовъ, тѣмъ не менѣе онѣ привели къ положительнымъ результатамъ. Въ концѣ-концовъ установилось среди крестьянъ согласіе и единодушіе по всѣмъ существеннымъ пунктамъ. Выработался даже не лишенный стройности планъ, или выражаясь точнѣе, — программа дѣйствія, которой они рѣшили держаться въ будущемъ. Исходя изъ того убѣжденія, что управляющій совмѣстно съ мировымъ посредникомъ и уѣздными чиновниками старался ихъ обмануть, одурачить и даже не прочь былъ бы, какъ имъ казалось, возстановить крѣпостное право — они постановили быть осторожными и не поддаваться ничьимъ увѣщаніямъ. Въ это время уже ходили глухіе слухи среди народа о томъ, что въ Польшѣ готовились къ возстанію противъ царя; и такъ какъ не только у нихъ, горанцевъ, управляющій и экономъ были поляки, но и самъ графъ, да и почти всѣ окрестные помѣщики были тоже поляки, — то это обстоятельство еще болѣе усиливало ихъ подозрительность. « Царь далъ волю мужикамъ; хочетъ и землю отнять отъ пановъ, чтобы подѣлить ее между всѣми... Оттого паны и бунтуютъ противъ царя... »—Такъ объясняли себѣ горанцы причины недовольства поляковъ. Слыша отъ крестьянъ сосѣднихъ деревень, что и тамъ паны съ мировыми посредниками и чиновниками дѣйствуютъ за одно и убѣждаютъ крестьянъ приступить къ составленію Уставныхъ Грамотъ, т. е. согласиться за извѣстное небольшое количество земли, надѣленной помѣщиками, принять извѣстныя обязательства по отношенію къ помѣщику и работать ему какъ раньше, — горанцы видѣли въ этомъ только ясныя, неопровержимыя доказательства общаго заговора всѣхъ пановъ — противъ крестьянъ. А такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ паны бун-

товали и противъ царя, то въ представленіи горанцевъ получались, такимъ образомъ, какъ бы два борющихся враждебныхъ лагеря: царя съ крестьянами — противъ пановъ съ чиновниками. Впрочемъ, что касалось въ частности до чиновниковъ, то нѣкоторые изъ нихъ, какъ полагали горанцы, были и за царя; хотя большинство все-таки явно стояло на сторонѣ пановъ. Можно себѣ вообразить, какъ подобныя представленія должны были отразиться на поведеніи крестьянъ?!.. Всякаго пріѣзжавшаго къ нимъ новаго чиновника, всякую бумагу, присылаемую изъ уѣзда, они прежде всего старались опредѣлить изъ какого лагеря она исходила: отъ царя, или отъ вражьихъ пановъ съ подкупленными чиновниками. Такимъ образомъ манифестъ о волѣ, читанный въ церкви, горанцы принимали за царскій; «Положенія» считали «бумагой», сочиненной панами совмѣстно съ чиновниками и были твердо убѣждены, что царь былъ такимъ же противникомъ этихъ «Положеній», какъ и они сами. Манифестомъ царь освобождалъ ихъ отъ пановъ, а своимъ желаніемъ сдѣлать всѣхъ крестьянъ *обывателями*, т. е. въ переводѣ на мѣстный языкъ *помѣщиками*, сулилъ общій передѣлъ земли. Въ «Положеніяхъ» же — предлагались имъ только небольшіе участки земли, надѣлы, — за которые вдобавокъ они должны были отрабатывать помѣщику, т. е. въ сущности оставаться такими же крѣпостными, какими они были раньше. Поголовная безграмотность горанцевъ — какъ нельзя болѣе способствовала распространенію среди нихъ всякихъ слуховъ, иногда совершенно нелѣпыхъ. Они не довѣряли никому, кто имѣлъ только панскій видъ и ко всякому заявленію и свѣдѣнію, исходившему отъ подобнаго человѣка — относились подозрительно; и въ то же время часто вѣрили самой ужасной безсмыслицѣ, взболтнутой сдуру какимъ либо проѣзжимъ мужичкомъ. У нихъ составилось странное предубѣжденіе, будто царь-сторонникъ ихъ интересовъ и врагъ помѣщиковъ, и вслѣдствіе этого свои желанія, свои стремленія, они считали, его желаніями, его стремленіями. Имъ хотѣлось, что бы вся земля была передѣлена на всѣхъ по ровну и твердо были они убѣждены въ томъ, что царь хочетъ того же самого. Но для осуществленія этого, видимо, еще не наступило время; приходилось

обождать, когда паны будутъ окончательно разбиты и уничтожены царемъ. Нѣсколько раньше, именно тотчасъ послѣ объявленія манифеста, горанцы надѣялись, что передѣлъ земли совершится черезъ два года, и въ теченіи этого времени они соглашались работать на графскихъ поляхъ; но теперь, послѣ столкновеній съ управляющимъ и чиновниками, изъ страха обязательныхъ отношеній къ графу и не желая съ нимъ вступать ни въ какія соглашенія, они рѣшили категорически отказаться какъ отъ надѣловъ земли такъ и отъ работъ на поляхъ графа, предполагая пока жить заработками въ Херсонской губерніи, гдѣ вольнонаемный трудъ цѣнился довольно высоко даже въ то время. По счастью весенніе посѣвы были уже покончены и въ деревенской жизни наступило то затишье, которое обыкновенно предшествуетъ страдѣ, когда на поляхъ и сѣнокосахъ все растетъ и зрѣетъ само по себѣ, а земледѣлецъ безъ особеннаго ущерба можетъ отдыхать и собираться съ силами для предстоящаго тяжелаго труда.

На внѣшній, окружающій міръ у горанцевъ сложился свой особый взглядъ, въ которомъ проявились во всей силѣ ихъ мужичья логика и міровозрѣніе. Не желая входить въ соглашеніе съ своимъ помѣщикомъ, они отказались отъ надѣловъ земли и думали, что этимъ отказомъ пріобрѣтали въ свою очередь право обособиться, замкнуться въ предѣлахъ своей деревни отъ всего міра. Они рѣшили прекратить всякія сношенія съ вражьими панами и чиновниками и жить въ своихъ Горанахъ такъ, какъ будто кромѣ ихъ, горанцевъ-мужиковъ, никого другого кругомъ не было. Они были далеки отъ того, чтобы овладѣть графской землей насиліемъ (это былъ бы бунтъ, а бунтовать, по ихъ мнѣнію, не слѣдовало) и приняли всецѣло выжидательное положеніе. Оградившись, такимъ образомъ, отъ внѣшняго міра, Горанцы постановили не допускать никакого посторонняго вмѣшательства въ свою внутреннюю, деревенскую жизнь и порядки. Только волю царя они считали для себя закономъ; а въ чемъ и какъ должна была эта воля выражаться мы уже знаемъ; она должна была выразиться передѣломъ земли... и Горанцы этого ожидали. Они рѣшили никого не трогать, думая, что этого вполнѣ будетъ достаточно, что

бы и ихъ не трогали въ свою очередь. Любопытно, что вопросъ о подушной подати рѣшенъ былъ горанскими крестьянами въ положительную сторону (они соглашались ее платить), являясь, такимъ образомъ, чуть ли не единственнымъ связующимъ звеномъ этой деревни съ русскимъ государствомъ. По ихъ мнѣнію «подушная» подать цѣликомъ шла на содержаніе царя и поэтому нельзя было отъ нея отказываться.

Бѣдные горанцы, какъ мало проявили они познаній въ государственныхъ вопросахъ!... Они и не предполагали того, что они были нужны господамъ чиновникамъ совершенно также, какъ лошади, волы, и овцы — нужны были имъ, Горанцамъ, и что, слѣдовательно, никакъ не возможно было имъ предохранить себя отъ чиновничьей опеки и вмѣшательства.

Раньше всѣхъ, конечно, замѣтилъ это «бунтовское» настроеніе Горанцевъ—управляющій и, усматривая въ выжидательной политикѣ крестьянъ грозное предзнаменованіе бури, принялся строчить доносы въ уѣздный городъ. Къ счастію для Горанцевъ въ то время почти по всей странѣ крестьяне были въ подобномъ же настроеніи, всюду отказывались брать надѣлы отъ помѣщиковъ и не хотѣли выходить на помѣщичьи работы, — и потому административнымъ властямъ такъ много было хлопотъ, что онѣ не обращали вниманія на доносы пана Зайончека. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи были дѣла до тѣхъ поръ, пока совершенно особый случай не заставилъ уѣздную администрацію серьезно отнестись къ Горанцамъ.

IV.

Въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, около полудня, когда солнце горѣло вверху на самой серединѣ неба,—ѣхала бричка, запряженная парой лошадей, по дорогѣ, ведшей изъ мѣстечка Гуни къ уѣздному городу. Въ бричкѣ сидѣлъ какой-то «панокъ», одѣтый въ сѣромъ, парусиновомъ балахонѣ съ крыльями, вмѣсто рукавовъ, и въ соломенной шляпѣ, а на передкѣ—кучеръ, въ одной бѣлой сорочкѣ, ставшей на плечахъ и спинѣ сѣрой отъ пыли, и огромномъ соломенномъ «брилѣ» домашняго издѣлія. По лѣвой сторонѣ тянулись хлѣба, справа — выгоны, кое-гдѣ свѣже-взоран-

ныя поля подъ предстоявшіе озимые посѣвы. Было такъ жарко, что надъ взоранными полями воздухъ дрожалъ,—словно тамъ горѣла земля. Слабая, поблекшая зелень полудозрѣвшей ржи, крючками книзу загнувшей свои головки и какъ море стлавшейся съ лѣвой стороны дороги, мало прибавляла свѣжести къ общей картинѣ. Со всѣхъ сторонъ несся непрерывный трескъ кузнечиковъ. По полю то здѣсь, то тамъ трепетали въ вышинѣ кобчики, пристально всматривавшіеся въ землю, гдѣ у корней ржи боязливо кралась изъ норки полевая мышь или сѣрая ящерица съ раскрытымъ ртомъ отъ жары и духоты.

— Чья это пшеница?—прервалъ молчаніе панокъ.

— Которая, пане?...—спросилъ кучеръ, поворачиваясь назадъ и показывая свое почернѣвшее и запыленное лицо.

— Вонъ та, что тянется отъ той широкой межи, гдѣ ростетъ груша? — проговорилъ панокъ, указывая пальцемъ.

— Это начинаются уже *ланы* горанскаго графа.

Панокъ замолчалъ и они опять ѣхали молча. Беззвучно катились колеса по пыльной, мягкой дорогѣ. Густые клубы пыли поднимались изъ подъ ногъ лошадей—и тогда какъ бричка убѣгала впередъ—пыль эта долго еще послѣ того висѣла въ воздухѣ, тихо расползаясь въ стороны и ложась толстымъ налетомъ на придорожныя растенія.

— Фу-у... какъ печетъ! — замѣтилъ панъ, вытаскивая платокъ изъ кармана и принимаясь имъ обмахиваться.

Кучеръ ничего на это не отвѣтилъ и только, слегка тронувъ возжами, прикрикнулъ на лошадей устало плетшихся мелкой рысцой, и безпрерывно махавшихъ хвостами отъ мухъ, налепившихся кучами по ихъ бокамъ и спинамъ. Проѣхавъ версты полторы, путешественники наши въѣхали въ Горанскій лѣсъ и здѣсь вздохнули свободнѣе. Высокіе грабы вверху надъ дорогою сплелись своими вершинами такъ густо, что давали полную тѣнь; казалось ни одинъ лучъ солнца не проникалъ внизъ гдѣ царствовалъ полумракъ и сырость. Въ вершинахъ деревъ копошились хохлатыя сойки, издавая разнообразные звуки, словно разговаривая между собою; а по гладкимъ,

высокимъ стволамъ скользили маленькіе, сѣрые поползни. Вотъ послышался прерывистый крикъ дятла, перелетавшаго съ одного дерева на другое, и вслѣдъ затѣмъ раздались его быстрые, сильные удары по стволу, который звенѣлъ точно металлическій. Лошади запорскали, пріободрились... Въ запыленныя лица путешественниковъ пахнуло лѣсной прохладой.

— Постой!—крикнулъ панокъ.

Кучеръ остановилъ лошадей. Панокъ вытащилъ кисетъ съ табакомъ, сдѣлалъ толстую папиросу, вложилъ ее въ самодѣльный мундштукъ изъ мѣстнаго камыша, закурилъ и слѣзъ съ брички.

— Поѣзжай шагомъ, пусть лошади передохнутъ немного.

Кучеръ тронулъ шагомъ, а панокъ съ папироскою въ зубахъ пошелъ пѣшкомъ. Пройдя нѣкоторое пространство дорогою, онъ своротилъ вправо и сталъ пробираться лѣсомъ, не слишкомъ удаляясь однако отъ дороги, что бы не сбиться съ пути. Ноги его слегка грузли въ почву, устланную толстымъ слоемъ перегнившихъ листьевъ и мелкихъ, сухихъ вѣточекъ. Внизу между густыхъ деревьевъ было такъ мало свѣта, что трава не росла; кое-гдѣ зеленѣли пучки давно отцвѣтшихъ ландышей, да вѣерообразныя папоротники, изгибавшіеся дугою. Долгое время панъ шелъ среди высокихъ грабовъ, липъ и берестовъ; попадались ему по пути и черешни—высокія и гладкія подобно лѣснымъ деревьямъ, выгнавшіяся вверхъ и тамъ, вверху раскинувшія зонтикомъ свою крону. Но вотъ мало-по-малу лѣсъ сталъ рѣдѣть; стали встрѣчаться кусты орѣшника; между деревъ показалась трава... Онъ шелъ... И вдругъ остановился, какъ вкопанный на мѣстѣ, пораженный страшнымъ зрѣлищемъ: прямо передъ нимъ, подъ невысокою, вѣтвистою, лѣсною грушею—лежалъ мертвецъ; на немъ была свита и полотняные штаны, а сбоку лежали шапка и походный мѣшокъ, перевязанный такъ, что бы можно было его забрасывать за плечи. Рой мухъ сидѣлъ на его синемъ лицѣ, уже разбухшемъ отъ гніенія, а темные, длинные волосы всѣ сбились въ кучу на одну сторону; въ застывшихъ, широко открытыхъ глазахъ, выражался безпредѣльный ужасъ.

— Павло!... Павло!...—закричалъ панъ неестествен

нымъ голосомъ, бросаясь по направленію къ дорогѣ.

Кучеръ услышалъ крикъ и, остановивъ лошадей, быстро соскочилъ съ брички и побѣжалъ на зовъ.

— Посмотри... Мертвецъ... Тамъ... — указывая рукой, проговорилъ панокъ со страхомъ и отвращеніемъ въ голосѣ.

Кучеръ Павло подошелъ къ мертвецу, долго внимательно глядѣлъ ему въ лицо и съ философскимъ спокойствіемъ воротился на дорогу, гдѣ въ ожиданіи его уже давно панъ сидѣлъ въ бричкѣ.

Кучеръ сѣлъ на козла и бричка быстро покатилась по укатанной дорогѣ. Проѣзжая черезъ Гораны, панокъ остановился возлѣ корчмы и оповѣстилъ крестьянъ о своей находкѣ, но этимъ не ограничился, а въ тотъ же день, пріѣхавъ въ уѣздный городъ, сообщилъ и исправнику.

Мало ли на Руси ежегодно находятъ мертвыхъ тѣлъ?!... Найдутъ, пріѣдутъ чиновники, осмотрятъ трупъ, составятъ протоколъ при понятыхъ и прикажутъ его похоронить. Но тутъ вышло иначе; и не найдись это мертвое тѣло, въ уѣздномъ городѣ начальство долго бы еще не знало о томъ, что въ селѣ Горанахъ бунтъ.

Геранскимъ крестьянамъ большое несчастье принесло съ собою это мертвое тѣло. Изъ уѣзднаго города для слѣдствія пріѣхалъ становой приставъ, чиновникъ изъ уѣзднаго суда и писарь полицейскаго управленія. Такъ какъ управляющій выѣхалъ изъ дому на это время куда-то, то чиновники остановились въ домѣ священника. Для производства слѣдствія имъ нужны были понятые, а между тѣмъ— вопреки установленнымъ порядкамъ, къ нимъ не явился ни сотскій, ни десятскій, и они никого изъ нихъ не могли дозваться. Въ ожиданіи пока явится кто либо изъ крестьянъ, деревенскихъ должностныхъ лицъ, чиновники усѣлись за приготовленный для нихъ батюшкою завтракъ и принялись ѣсть. Батюшка, невзрачный сѣденькій старичекъ, съ необыкновенно мелкими, почти дѣтскими чертами лица, одѣтый въ подрясникъ кофейнаго цвѣта, страшно суетился и хлопоталъ съ угощеніемъ. Между тѣмъ появился— панъ Червинскій, знакомый уже намъ Геркулесъ, и помѣстившись на стулѣ возлѣ дверей той комнаты,

гдѣ закусывали пріѣхавшіе чиновники, молча гладилъ рукою свои темные усы, ожидая когда становому или члену суда онъ можетъ понадобиться зачѣмъ нибудь.

— Нельзя ли послать кого нибудь въ корчму?— обратился писарь полицейскаго управленія къ старичку хозяину.

— Сдѣлайте одолженіе!—отвѣтилъ священникъ и кликнулъ своего паробка.

— Иди въ корчму,—говорилъ писарь поповскому слугѣ,—и позови сюда кого нибудь изъ крестьянъ... Пусть прійдетъ, кто-тамъ есть... Да немедленно!... Что это за порядки, никого дозваться нельзя!—добавилъ онъ не то слугѣ, не то на половину обращаясь къ Червинскому.

— Панъ совѣтникъ еще не знаетъ: тутъ цѣлый бунтъ,—выпалилъ Червинскій, поглядывая на члена суда.

— Бунтъ?—переспросилъ становой приставъ, пережевывая въ эту минуту пирожокъ, начиненный кислой капустой, и устремляя глаза на эконома.

— Ахъ, пане Червинскій?!... Вотъ право!... Какой тутъ бунтъ?!—запротестовалъ священникъ, какъ разъ въ это время вскочившій въ комнату, съ бутылкою вишневки.

Этотъ добрый старичекъ, видавшій на своемъ долгомъ вѣку многое, почувствовалъ, что дѣла могутъ принять дурной оборотъ и потому сразу же протестовалъ противъ брошеннаго Червинскимъ обвиненія, стараясь смягчить вызванное имъ впечатлѣніе у чиновниковъ.

Между тѣмъ во дворъ священника изъ корчмы явилось нѣсколько человѣкъ крестьянъ и становой приставъ, замѣтивъ ихъ изъ окна, вышелъ на крыльцо.

— Что это дозваться никого нельзя?!... Гдѣ ваши десятскіе?—началъ онъ недовольнымъ голосомъ.

Мужики посбрасывали шапки, переминались съ ноги на ногу и молчали.

— Кто у васъ десятскимъ?

Молчаніе.

— Десятскій-кто?! Вамъ говорятъ, или нѣтъ?!— уже сердито крикнулъ становой.

Ладыміръ Полищукъ, находившійся тутъ, прило-

жилъ руку ко рту, глухо — въ кулакъ — откашлялся и, выступивъ немного впередъ проговорилъ:

— У насъ нѣтъ десятскаго, ваше благородіе.

— Какъ нѣтъ десятскаго?! Порядка не знаете?

Ладымiръ оглянулся и, ободренный присутствіемъ товарищей, опять кашлянулъ и громче прежняго сказалъ:

— На что же намъ, ваше благородіе, десятскіе? Мы теперь вольные люди... Десятскихъ намъ не нужно.

Въ это время все болѣе и болѣе подходило народу во дворъ и вскорѣ возлѣ дома священника образовалась толпа. Тутъ виднѣлось уже и серьезное лицо Николы Середы, и высилась голова рыжаго Дембка.

— Вольные люди?! Десятскихъ вамъ не надо?! — проговорилъ удивленный приставъ.—Надо производить слѣдствіе, понимаете ли? Понятые нужны...

— И понятыхъ достаньте себѣ изъ другого мѣста, — заявилъ Никола, выступая изъ толпы.

— И понятыхъ изъ другого мѣста?!—какъ эхо повторилъ становой. — Съ какого же другого мѣста?... Мертвецъ тутъ лежитъ...

— Мертвеца нашли въ панскомъ лѣсу, такъ пускай панъ и будетъ понятымъ.

— Пускай панъ будетъ понятымъ?! — отозвался становой приставъ...

Все это было до того ново, до того неслыханного полицейскому уху, что онъ рѣшительно ничего не могъ понять...

Тогда панъ Червинскій, стоявшій вмѣстѣ съ писаремъ въ сѣняхъ и глядѣвшій на всю эту сцену, проговорилъ обращаясь къ писарю:

— Видите?!... Я вамъ говорилъ: никого знать не хотятъ, бунтовщики!

Приставъ услыхалъ это замѣчаніе и вспыхнулъ.

— Это что же?!... Бунтовать вздумали?!...— крикнулъ онъ.

— Нѣтъ, мы не бунтуемъ... А только царь далъ намъ волю... Мы хотимъ быть вольными...— спокойно проговорилъ Никола.

— Казаками хотимъ быть... Мы всѣ теперь вольные казаки!—раздался громкій голосъ Дембки.

— Вольные-то вы—вольные!... Но нельзя же такъ?!... Для слѣдствія нужны понятые, а вы кричите:—пускай

панъ будетъ понятымъ. Что это такое? Гдѣ это видано? Законовъ не знаете, что-ли?!

Крестьяне молчали...—Приставъ нѣкоторое время подождалъ и, смягчивши тонъ, добавилъ:

— Образумьтесь, люди добрые!... Отъ всего сердца совѣтую вамъ...

— Послушавши жука—вѣчно въ гною сидѣть будешь!...—вдругъ выпалилъ Дембко народную поговорку...

Несмотря на всю торжественность минуты, эта выходка вызвала въ толпѣ смѣхъ. Самъ же Дембко, ободренный успѣхомъ, лукаво обвелъ сосѣдей своими маленькими, синими глазками и захохоталъ во всю глотку.

Лицо пристава побагровѣло...

— А! Бунтовщики!... Такъ вотъ вы какъ!?...

— Мы не бунтовщики, а только не хотимъ имѣть никакихъ дѣлъ ни съ паномъ, ни съ чиновниками, — твердо заявилъ Никола Середа.

Дембко продолжалъ смѣяться...

— Будетъ уже! Что это съ вами, Дембко?! — замѣтилъ ему Никола недовольнымъ тономъ.

— Бунтуете?!... Бунтовать вздумали?!...—кричалъ становой.

— Ни десятскихъ, ни понятыхъ у насъ нѣтъ и не нужно ихъ намъ,—опять проговорилъ Никола.

— Не надо! Не надо! Мы вольные люди! — кричала толпа.

— Ни десятскихъ, ни понятыхъ намъ не нужно!... — громко оралъ Дембко, закинувъ голову вверхъ.

— Бунтъ!... Бунтъ!...—повторялъ становой приставъ уже ничего не слушавшій. Онъ сильно засуетился. Вбѣжалъ зачѣмъ-то въ комнаты, потомъ выскочилъ обратно въ сѣни, заглянулъ черезъ двери на крыльцо и опять побѣжалъ въ комнаты, словно чего то искалъ.

— Лошадей!... Прикажите лошадей запрягать...—обращался становой то къ тому, то къ другому. — Вы здѣсь, батюшка уже того... какъ нибудь урезонивайте ихъ, уговаривайте, пока... Надо исправнику доложить... Войско сюда надо... Войско!...

Становому положеніе дѣлъ вдругъ представилось до того критическимъ, что онъ боялся потерять всякую минуту. Крестьяне, не хотѣвшіе выставить понятыхъ для слѣдствія, представились его воображенію той

бунтующей, мятежной массой, которую возможно было усмирить только вооруженною рукой; мятежъ надо было захватить въ самомъ началѣ и не дать ему времени разгорѣться.

Черезъ четверть часа становой приставъ, членъ суда и приставъ уѣзднаго полицейскаго управленія выѣхали изъ батюшкинаго двора и быстро погнали лошадей по дорогѣ къ уѣздному городу.

Горанскій священникъ, маленькій, кругленькій старичокъ, имѣлъ мягкое, доброе сердце и услыхавъ угрозу пристава, — звать войско для усмиренія, пришелъ въ неописанный ужасъ. Поэтому лишь только чиновники съѣхали со двора, онъ вышелъ на крыльцо, чтобы поговорить съ крестьянами; но тѣ встрѣтили его такимъ оглушительнымъ крикомъ, что онъ ничего не могъ разобрать. Объясниться съ взволнованной толпою оказывалось невозможнымъ.

— Зайдите ко мнѣ кто нибудь! — удалось священнику проговорить на столько громко, что шумѣвшая толпа его услышала.

— Диду!... Диду Недбайло!... — раздались голоса — Идите къ батюшкѣ, диду!... Идите и говорите ему.

Недбайло вышелъ изъ толпы и, опираясь на свою орѣшниковую палку, медленно направился къ покоямъ. Взобравшись по тремъ ступенькамъ на крыльцо, старикъ пріостановился и, обнаживъ голову, съ которой длинными прядями свѣшивались внизъ его бѣлые, сѣдые волосы, вошелъ въ комнаты.

— Вотъ, добре!... — такими словами встрѣтилъ дѣда священникъ у порога. — Добре, что вы пришли. Съ разумнымъ человѣкомъ можно и поговорить... Пойдемъ въ другую комнату.

Недбайло поцѣловалъ руку священнику и потомъ оба старика направились къ дверямъ сосѣдней комнаты. Священникъ былъ на столько ниже, что голова его едва достигала до плечъ дѣда; съ сѣдою косичкою, болтавшеюся на спинѣ подрясника кофейнаго цвѣта, онъ шелъ впереди, а сзади его, нѣсколько согнувшись, слѣдовалъ въ свиткѣ дѣдъ Недбайло, держа въ правой рукѣ свою баранью шапку и палку (дѣдъ зимой и лѣтомъ ходилъ въ одной шапкѣ).

Войдя въ другую комнату, священникъ остановился

и обратясь къ гостю, проговорилъ, указывая рукою на скамью:

— Садитесь, диду!

Дѣдъ молча опустился на деревянную скамью. Низкая скамья не соотвѣтствовала его высокому росту и ему, сидя, пришлось сильно согнуть колѣни. Впереди себя, между ногъ онъ поставилъ палочку, навѣсилъ на нее шапку и сверху оперся рукою.

Священникъ сѣлъ напротивъ на деревянномъ стулѣ съ высокою спинкою, возлѣ бѣлаго липоваго стола, прислоненнаго къ стѣнѣ и проговорилъ:

— Растолкуйте мнѣ, диду, чего люди бунтуютъ?

— А кто вамъ, батюшка, сказалъ, что люди бунтуютъ? — отвѣтилъ тотъ.

— Самъ вижу, диду... Самъ...

Слова священника взволновали дѣда; рука, которой онъ опирался на палку, слегка задрожала; онъ заворочался на скамьѣ и, устремивъ сумрачный взглядъ на священника, тихо воскликнулъ:

— Грѣхъ вамъ передъ Богомъ!... Великій грѣхъ за эти слова!... Онъ ихъ слышитъ съ высокаго неба...

Священникъ смутился, почувствовавъ, что дѣдъ былъ правъ, бросая ему упрекъ. А между тѣмъ дѣдъ успокоился немного и продолжалъ ровнымъ голосомъ:

— Нѣтъ лѣса безъ волка, а села — безъ злого человѣка... Можетъ одинъ - два и у насъ найдутся такіе... Но о всѣхъ людяхъ того сказать нельзя... Какой же у насъ бунтъ? Что мы не хотимъ работать на пана? Мы теперь вольные, никто насъ не можетъ заставить. Вы сами читали царскій манифестъ... Кто же далъ намъ волю? — Царь!... Самъ царь осводилъ насъ отъ графа.

— Да, это правда, — согласился священникъ. — Но почему люди не хотятъ выставить понятыхъ для слѣдствія? Почему не имѣютъ въ селѣ десятскихъ?

— Мертвеца нашли въ лѣсу, а не въ селѣ... Какое же намъ дѣло до этого?... Лѣсъ не громадскій, а графа.

— Ну, а десятскаго почему не хотите имѣть?

— Десятскихъ и сотскихъ намъ не нужно... — Недбайло зажевалъ губами, потомъ, бросивъ пристальный взглядъ на священника, спросилъ:

— Скажите, батюшка, на что намъ десятскіе?

— Какъ же въ селѣ безъ десятскаго?!.. — воскликнулъ священникъ; онъ такъ привыкъ видѣть десят-

скихъ по селамъ, что слова дѣда его рѣшительно поразили.

— Ну, а для чего онъ нуженъ?...—опять спросилъ тотъ.

Священникъ даже не нашелъ сразу, что отвѣтить, такъ это ему казалось очевиднымъ, и замѣтилъ только:

— Да, для порядка.

— Для какого порядка?...—допытывался дѣдъ...

Но казенное, чиновничье выраженіе *для порядка* оказалось не болѣе понятнымъ самому батюшкѣ, чѣмъ и его собесѣднику. Привыкши слышать его на всякомъ шагу, еще въ бурсѣ и семинаріи, когда и въ церковь водили и сѣкли—«для порядка», онъ и здѣсь употребилъ это выраженіе не подумавши; оно у него, какъ говорится, просто-на-просто сорвалось съ языка; но когда онъ задумался надъ нимъ, то оно ему самому представилось нелѣпымъ. Тѣмъ не менѣе все еще пытаясь удержаться на своемъ, онъ сказалъ:

— Вотъ, напримѣръ, хоть бы собирать подушное?!...

— Соберемъ и сами, когда время прійдетъ,—отвѣтилъ дѣдъ.

Тогда батюшка замолчалъ. Онъ долженъ былъ замолчать, такъ какъ вопросъ о десятскомъ, необходимомъ *для порядка*, внезапно освѣтился для него самого совершенно съ новой стороны: онъ вдругъ понялъ, такъ сказать, вполнѣ осязательно ощутилъ въ эту минуту, что десятскій на самомъ дѣлѣ таки не нуженъ людямъ, и они прекрасно могутъ безъ него жить, а если нуженъ, то только чиновникамъ, наѣзжавшимъ въ село.

Послѣ этого священникъ совершенно оставилъ вопросъ о десятскихъ и заговорилъ о другомъ.

— Почему громада не хочетъ брать полевыхъ надѣловъ? Почему отказывается отъ земли?—спросилъ онъ.

— А отъ того, что люди не хотятъ вставлять свою шею въ панское ярмо... Довольно съ насъ и того, что было,—проговорилъ дѣдъ.

— Вы думаете, дѣдъ, что васъ хотятъ вернуть въ «крипатство»?... Заблуждаетесь!... Люди будутъ «временно-обязанными», будутъ работать на экономію и за это въ вознагражденіе получатъ землю... Сколько разъ я съ вами толковалъ объ этомъ, а вы все не вѣрите...

— Таже паньщина,—замѣтилъ дѣдъ...

— Совсѣмъ нѣтъ!—возразилъ священникъ.

— Такъ кажется, а разберите хорошенько и выходитъ одно и тоже. При паньщинѣ мы работали по три дня въ недѣлю на графа, а онъ намъ давалъ нивы за это; все равно и тутъ: даютъ намъ полевые надѣлы и хотятъ, что бы мы работали на пана. Какая же это, воля? Подумайте только?!... Ой, батюшка, батюшка! Или мало еще мы натерпѣлись горя?!...—Недбайло вздохнулъ и глядя въ полъ задумчиво добавилъ: — временно... Какъ будто и паньщина была не временна?!.. Умеръ человѣкъ и конецъ всему, конецъ и паньщинѣ.

Священникъ тоже вздохнулъ и замѣтилъ:

— Это правда, дѣду. Горькая жизнь!.. Горькая!.. Кто же этого не видитъ? Но надо же какъ нибудь жить?...

— Эге, надо, — согласился дѣдъ.

— Какъ же жить безъ земли?

— Лучше безъ земли и не знать ни пана, ни чиновника, чѣмъ съ землею да съ паномъ.

— Оттого-то, что люди не хотятъ земли орать, не хотятъ входить въ соглашеніе съ помѣщиками, не повинуются начальникамъ — оттого-то и говорятъ, что люди бунтуютъ.

— Э!.. Это мы давно знаемъ!... Управляющій давно называетъ насъ бунтовщиками!.. То его дѣло... И становой тоже... Становому, какъ и пану, нужно сдѣлать насъ бунтовщиками... Ну, а вы то, батюшка, зачѣмъ это повторяете?... — продолжалъ дѣдъ, глядя съ укоризною на священника. — Ихъ дѣло одно, а ваше другое... Вамъ на нихъ глядѣть нечего... Зачѣмъ вы идете съ ними?

— Охъ, дѣду, дѣду!... Развѣ-же я иду съ ними!?.. Я же имъ ничего не говорю!.. Я только вамъ говорю... Мнѣ людей жалко... Не хотѣлось бы мнѣ, что бы вамъ еще какую новую бѣду причинили...: Вотъ и теперь, становой поѣхалъ за войскомъ...

— А жалко вамъ насъ,—прервалъ его Недбайло,— такъ и держитесь съ нами. Нашъ графъ ни разу вамъ не помогъ и не поможетъ... А случится у васъ нужда какая, къ кому же вы обратитесь, какъ не къ намъ?!.. Люди всегда вамъ помогали... Припомните только, хоть бы и въ прошломъ году: поставили вамъ «клуньку»,

скосили сѣно, сложили его въ стожокъ, хлѣбъ святой убрали и свезли съ поля... Кто же вамъ помогъ, какъ не люди? Все люди, все громада, а не панъ!.. А въ этомъ году: и пасѣку вывезли изъ села и выставили на хуторѣ, и посѣяли все что надо было съ весны... Графу перестали работать, а вамъ батюшка, и теперь пашутъ подъ озимну... Такъ и на будущее время: не одинъ и два раза, а много-много разъ будемъ вамъ въ «пригодѣ»... До самой вашей смерти. Не перемѣните же прихода на старости лѣтъ?! Не захотите же, что бы ваши кости лежали въ другомъ мѣстѣ: матушка тутъ погребена.

Священникъ былъ бездѣтный старикъ и всего года два передъ тѣмъ похоронилъ жену... Теперь Недбайло совершенно ненамѣренно коснулся этой далеко незажившей раны и у батюшки на глазахъ навернулись слезы. Дѣдъ это замѣтилъ и, взволнованный, поднялся со скамьи.

— Благословите!—проговорилъ онъ, подходя къ нему и низко нагибаясь къ его рукѣ... Батюшка принялся его крестить дрожащею рукою и слезы закапали изъ его глазъ...

— Мы всѣ тамъ будемъ... Эге, скоро будемъ...— Тихо шепелявилъ дѣдъ, не глядя на него и цѣлуя его руку.

Священникъ молчалъ...

— Будьте здоровы, батюшка!—проговорилъ Недбайло и направился къ выходу.

Когда дѣдъ показался на крыльцѣ, то изъ толпы со всѣхъ сторонъ раздались голоса, спрашивавшіе его:

— Что же вамъ батюшка говорилъ?

— Что же говорилъ?! Вотъ говорилъ, что становой поѣхалъ за войскомъ,—отвѣтилъ тотъ, надѣвая шапку на голову и тихо спускаясь со ступенекъ крыльца.

Молча въ этотъ разъ расходились крестьяне по своимъ дворамъ, чувствуя, что ихъ ожидаетъ что-то недоброе и у всякаго изъ нихъ въ головѣ были мрачныя мысли.

V.

Два дня послѣ того для Горанцевъ прошли въ какомъ-то томительно-выжидательномъ затишьи. Послѣ всѣхъ ихъ криковъ, волненій и барахтанья съ цѣлью придумать что-нибудь для защиты своихъ интересовъ, они, наконецъ, увидѣли тщету всего этого. Такъ близкіе люди, ухаживая за опасно-больнымъ бѣгаютъ, суетятся, зовутъ докторовъ, мѣняютъ лекарство... Но все напрасно... Надежды нѣтъ и смерть уже стоитъ у изголовья больного... Тогда прекращается суета и съ замираніемъ сердца всѣ ждутъ наступленія страшнаго конца. Такъ пловецъ, унесенный вѣтромъ далеко отъ берега и окончательно истомленный борьбою и потерявшій силы, опускаетъ, наконецъ, руки и ждетъ когда поглотитъ его волна.

Солнце спускалось къ горизонту, когда въ село прискакалъ верхомъ четырнадцатилѣтній сынъ Николы Середы и объявилъ людямъ, что идутъ «москали». Мальчикъ пасъ лошадей въ той сторонѣ, гдѣ пролегала дорога, ведшая въ уѣздный городъ и первый далъ знать о приближавшейся опасности. Лошадка, на которой онъ прискакалъ, вся вспотѣла отъ быстраго бѣга и онъ самъ едва переводилъ духъ, неизвѣстно отъ усталости или же отъ волненія. Все что было живого въ селѣ задвигалось, закопошилось... Женщины забѣгали по улицамъ и по своимъ дворамъ, убирая мокрыя полотна, разостланныя для просушки на травѣ, и втаскивая ихъ въ избы. Мужики принялись загонять въ хлѣва скотину, какая была въ ту минуту въ селѣ... Даже куръ хозяйки сзывали въ сѣни и затворяли по чуланамъ. Суета была необыкновенная... Такъ передъ грозою, муравьи торопятся попрятать въ муравейникъ свои яички, что передъ тѣмъ вынесены были ими на солнечный припекъ.

— Москали идутъ!...—пронесся крикъ по Горанамъ. Кучки босыхъ дѣтей въ длинныхъ сорочкахъ, подпоясанныхъ веревочками и крайками, причемъ только старшіе имѣли кромѣ сорочекъ еще и полотняные штаны, бѣжали по широкой сельской улицѣ съ неистовымъ крикомъ: «москали идутъ!» Дѣти играли на небольшой площадкѣ, у деревенскаго выѣзда, и издали замѣтили приближавшихся солдатъ... Суета

усилилась, собачій лай смѣшивался съ шумомъ людскихъ голосовъ, ревомъ телятъ и крикомъ гусей. Наконецъ, раздалось хлопанье дверей и воротъ и потомъ вдругъ все притихло; даже телята перестали ревѣть, словно сознавая опасность... Деревня замерла; только собаки продолжали бѣшено лаять, стоя у запертыхъ воротъ своихъ жилищъ. Люди попрятались въ избы и съ сильно бьющимися сердцами выглядывали черезъ свои небольшія оконца на улицу.

А между тѣмъ въ это время по улицѣ двигались стройные ряды пѣхоты, съ густой щетиною штыковъ надъ головами, сверкавшихъ отъ солнца. Впереди ѣхалъ верхомъ на рыжей статной лошади толстый майоръ въ бѣломъ кителѣ и эполетахъ; сбоку солдатъ ѣхалъ тоже верхомъ еще одинъ офицеръ... Пѣсенники отхватывали какую-то удалую солдатскую пѣсню съ присвистомъ, отъ котораго глохло въ ушахъ слушателей. Сзади войска медленно слѣдовали въ экипажахъ господа чиновники.

Какое торжественное шествіе! Какое душу возвышающее зрѣлище!... Вотъ они настоящіе хозяева селенія Горанъ, а не эти глупые, косолапые мужики, попрятавшіеся по своимъ норамъ! И что за нелѣпая мысль втемяшилась, въ самомъ дѣлѣ, въ ихъ мужичьи головы, будто они могутъ быть господами своей деревни?!.. Вотъ они, настоящіе господа!.. Посмотрите, какъ браво и лихо выступаютъ они, заломивъ форменныя шапки на бекрень и бросая направо и налѣво вызывающіе взгляды!.. А господа чиновники!.. Взгляните, взгляните только на ихъ лица?! Сколько спокойнаго благороднаго сознанія силы на этихъ лицахъ? О, какое чудное, возвышающее душу зрѣлище!

Гораны были большое селеніе и изъ уѣзднаго города для усмиренія мятежа приведено было туда двѣ роты солдатъ.

Дойдя до площади, гдѣ находилась церковь и корчма, майоръ приказалъ остановиться и, поворотивъ лошадь, шагомъ подъѣхалъ къ экипажу исправника.

— Ну, какой же здѣсь бунтъ?!... Ни одного человѣка на улицѣ не видно!...—съ улыбкой проговорилъ онъ.

— Попрятались, канальи!—отвѣтилъ становой приставъ, успѣвшій уже соскочить съ своей брички и

подбѣжать къ исправнику, сидѣвшему неподвижно въ фаэтонѣ, въ своей фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и звѣздочкой.

— Бунтовщики попрятались?!.. Мило... Это они что же, засаду устроили?—иронизировалъ толстый майоръ. Майоръ этотъ былъ старый кавказскій служака и о бунтѣ имѣлъ совершенно иное представленіе.

— Не бунтовщики по вашему?! Почему же въ такомъ случаѣ они не повинуются начальству?... Да, впрочемъ, вы еще увидите сами... увидите... — говорилъ приставъ.

— Что же я увижу?—Немного помолчавъ, майоръ добавилъ: — какъ знаете, господа, а я нахожу, что нѣтъ надобности морить солдатъ всю ночь на площади. Я отдаю приказъ размѣстить ихъ по избамъ... Гдѣ мы сами помѣстимся? — спросилъ онъ обращаясь къ становому.

— Да здѣсь мѣсто отыщется... Можно помѣститься у батюшки, у управляющаго, въ корчмѣ...

— Гдѣ домъ священника?

— Вотъ онъ! — проговорилъ помощникъ пристава, тоже подошедшій къ экипажу исправника, указывая пальцемъ на небольшой домикъ, виднѣвшійся во дворѣ, примыкавшемъ къ площади.

— Прекрасно, — заключилъ майоръ. Въ такомъ случаѣ здѣсь, на площади, мы оставимъ сильный караулъ, на случай внезапнаго, ночного нападенія, а остальныхъ все-таки размѣстимъ по квартирамъ.

Исправникъ поморщился, однако ничего не отвѣтилъ. Насмѣшливый тонъ, принятый майоромъ, начиналъ его шокировать, но онъ себя сдерживалъ.

— Поѣзжай къ батюшкѣ! — сказалъ онъ своему кучеру; затѣмъ, указывая рукою на мѣсто возлѣ себя, пригласилъ становаго пристава сѣсть.

Исправникъ подвинулся къ одной сторонѣ, становой влѣзъ въ экипажъ съ другой, и лошади тронулись. Помощникъ становаго пристава съ писаремъ направились къ корчмѣ; а майоръ, подъѣхавъ къ солдатамъ, которые сложивъ «ружья въ козла», стояли въ безпорядкѣ на площади, сталъ имъ отдавать приказанія. Солнце закатилось и все селеніе погрузилось въ тѣнь; на церковномъ крестѣ горѣли еще нѣсколько мгновеній солнечные лучи, но и тамъ потухли. На площади по-

ставленъ былъ караулъ; унтеръ-офицеры принялись разводить солдатъ по деревнѣ; и спустя немного времени, когда угасли, наконецъ, и сумерки и ночь окутала землю, солдаты, прибывшіе для усмиренія мятежа, уже мирно спали по избамъ, а у «бунтовщиковъ» въ это время замирали сердца отъ страха. Рѣдко кто изъ нихъ могъ заснуть въ эту ночь; они тихо перешептывались между собою и босые ходили на цыпочкахъ по своимъ хатамъ, заботясь, какъ бы не потревожить и не разбудить гостей.

Утромъ слѣдующаго дня, по приказанію начальства, солдаты принялись «сгонять» крестьянъ на площадь. Много ихъ попряталось тогда по бурьянамъ въ своихъ садахъ и огородахъ, чувствуя, что добромъ не окончится это вынужденное собраніе; но большинство все таки явилось на площадь; толпа — сотни въ три человѣкъ, — сѣрѣла между корчмой и церковью, гдѣ тутъ же группами раскинуты были и солдаты. Изъ корчмы, которая была на этотъ разъ центральнымъ пунктомъ и возлѣ которой поэтому стояла кучка человѣкъ въ двадцать солдатъ съ ружьями, опущенными на землю, вышли майоръ, офицеръ, исправникъ, становой приставъ съ помощникомъ и писарь уѣзднаго полицейскаго управленія. Всѣ, кромѣ писаря, были въ форменныхъ сюртукахъ. Майоръ отдалъ приказъ солдатамъ оцѣпить толпу и сбить ее по возможности ближе къ корчмѣ.

— Объяснитесь съ ними... Вы ужъ здѣсь были и знаете въ чемъ дѣло — обратился исправникъ къ становому приставу. — Только держитесь построже, — добавилъ онъ, насупливая брови и стараясь придать своему лицу строгое, начальническое выраженіе.

Становой приставъ, все время съ заискивающей улыбкой глядѣвшій на своего начальника, вдругъ сдвинулъ брови и, поворотившись къ толпѣ, выступилъ нѣсколько шаговъ впередъ, отставилъ одну ногу и лихо выкрикнулъ:

— Шап-ки долой!!...

Таковъ былъ его первый возгласъ, обращенный къ толпѣ, хотя и безъ того у рѣдкаго виднѣлась на головѣ шапка: мужики заблаговременно ихъ посбрасывали.

— Такъ вы бунтовать?!... Теперь посмотримъ!... А-ну, выходите тѣ, которые были тогда на батюшкиномъ дворѣ!...—кричалъ становой. Въ его фигурѣ было

что-то вызывающе-пѣтушиное, заносчивое, дерзкое, задорное.

Но несмотря на это мертвая тишина стояла на площади.

— А кто изъ васъ говорилъ тогда со мною?! Кому это не нужно было десятскихъ?! Кто не хотѣлъ давать понятыхъ для слѣдствія?—продолжалъ становой.

Ладымiръ Полищукъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ... Дембко сдѣлался какъ будто ниже ростомъ и его рыжая голова далеко не такъ высилась надъ толпою, какъ обыкновенно... Даже у Николы Середы сердце въ груди забилось тревожно, хотя Никола не былъ трусомъ.

Полная тишина царила на площади.

Чиновникамъ невозможно было никакъ придраться къ молчавшей толпѣ: повода, который далъ бы возможность приступить имъ къ «усмиренiю бунта», не оказывалось, и теперь этотъ поводъ надо было имъ во что бы то ни стало создать... Не напрасно же они, въ самомъ дѣлѣ, ѣхали сюда изъ уѣзднаго города? Не возвращаться же имъ обратно, ничего не совершивши, не достигши, такъ сказать, окончательныхъ результатовъ, т. е. «усмиренiя»?

— Прикажите, что бы вышелъ кто нибудь,—проговорилъ исправникъ становому.

— Выходи кто нибудь!—крикнулъ становой приставъ, видя, что виновные попрятались и не показываются.

Тогда изъ толпы выдѣлилась высокая фигура въ свиткѣ дѣда Недбайла; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился; въ правой рукѣ онъ держалъ палку, на которой навѣшена была его черная баранья шапка.

— Говори, бунтовщикъ!—крикнулъ становой, подскакивая къ нему.

Сѣдая голова дѣда слегка затряслась и онъ отвѣтилъ:

— Я не бунтовщикъ...

— Какъ не бунтовщикъ?! Десятскихъ вамъ не надо?!...

— Не надо намъ десятскихъ, и теперь говоримъ...

— Такъ вамъ десятскаго не надо?!—вмѣшался исправникъ, горѣвшiй нетерпѣнiемъ какъ бы поскорѣе примѣнить мѣры строгости. Онъ приблизился къ дѣду. Какъ же будетъ село безъ десятскаго? А?... Гдѣ ты, старый песъ, видѣлъ деревню безъ десятскаго? А?

Дѣдъ хотѣлъ что то сказать, но сильная пощечина прервала его на полу-словѣ... Орѣшниковая палка вывалилась изъ его рукъ и вмѣстѣ съ шапкой откатилась въ сторону.

— За что ты меня бьешь?! Волю намъ самъ царь далъ!—воскликнулъ онъ, протягивая обѣ руки впередъ.

— А! хамъ!... Мятежникъ!... Смѣешь еще мнѣ *тыкать*?!... Ро-зогъ!—крикнулъ разсвирѣпѣвшій исправникъ.

Нѣсколько солдатъ бросились на старика и схватили его подъ руки. Мгновенно появились откуда-то розги; неизвѣстно—были ли онѣ привезены изъ уѣзднаго города, или же ихъ успѣли припасти на мѣстѣ.

Въ эту минуту на площади раздался женскій крикъ. Мужики зашумѣли, заколыхались. Гапка, стоявшая позади всѣхъ, теперь неистово продиралась сквозь толпу.

— О, Боже!—кричала она, прорываясь напередъ.—Батьку?!... сѣчь?!... Семене, гдѣ ты?—воскликнула она громко.

— Я тутъ, мое серденько!—отозвался ея мужъ. Семенъ оказался возлѣ нея; онъ ни на одинъ шагъ отъ нея не отставалъ.

А дѣда между тѣмъ солдаты уже растянули на землѣ и розги съ двухъ сторонъ засвистали, опускаясь на его обнаженное тѣло.

— Ладыміре!... Никола!... Дембко!—звала Гапка на помощь и, не дождавшись подкрѣпленія, ринулась сама на солдатъ.

Семенъ бросился за нею.

По толпѣ пронесся гулъ...

— Взять ее!—проговорилъ майоръ солдатамъ, вскидывая глазами по направленію къ ней.

Но взять ее оказалось не такъ легко. Два солдата, кинувшіеся ей настрѣчу, что бы исполнить приказанія своего начальника, были отброшены Семеномъ съ необыкновенной силою, одинъ вслѣдъ за другимъ. Второй солдатъ не могъ удержаться на ногахъ и, быстро замелькавъ ногами, упалъ на руки, просунулся нѣкоторое пространство еще на четвереринькахъ и потомъ уткнулся лицомъ въ землю. Кровь хлынула у него изо рта и носа.

— Ладыміре!...—звала она на помощь.

Въ тоже мгновеніе на Семена набросилось еще нѣсколько солдатъ и между ними поднялась ожесточенная борьба.

Толпа зашумѣла.

— Еще двадцать человѣкъ сюда! Да прикажите заготовить патроны,—проговорилъ майоръ офицеру, который сдѣлавши подъ козырекъ поспѣшно удалился.

Никола Середюкъ, сжавъ кулаки отъ гнѣва, выступилъ впередъ. Его черные глаза сверкали.

— Душегубы!... Не бейте стараго дѣда!—крикнулъ онъ.

— Дѣда, дѣда пустите!... Не бейте дѣда!—зашумѣли мужики.

У Ладыміра Полищука исчезла робость.

— Мы вольные теперь люди... За что бьете дѣда?!... —кричалъ онъ, выступая тоже впередъ.

— Никола!... Якове!...—звала между тѣмъ на помощь Гапка, которую два солдата уже успѣли схватить за руки.

А у Семена въ это время завязалась страшная драка. Со всѣхъ сторонъ окруженный солдатами, онъ пригнулся какъ то до самой земли и стремительно кидался во всѣ стороны, нанося своимъ противникамъ удары, отъ которыхъ у нихъ трещали кости. Онъ успѣлъ уже смять подъ себя трехъ солдатъ и повидимому взять его руками было невозможно. Этотъ ширококостный мужикъ съ бѣлыми усами, подобно разъяренному быку, рѣшительно, былъ страшенъ.

— Прикладомъ его!—крикнулъ майоръ, наблюдавшій эту сцену. И въ ту же минуту что-то хряснуло. Одинъ солдатъ, съ размаха ударилъ Семена прикладомъ по головѣ и Семенъ, какъ убитый повалился на землю.

Въ это время пришло подкрѣпленіе, за которымъ майоръ посылалъ, и экзекуція началась со всѣми ея ужасами. Семена связали веревками и принялись бить. Николу Середюка, Ладыміра растянули въ другомъ мѣстѣ; дѣда продолжали сѣчь въ третьемъ мѣстѣ.

— Якове!... Нечипоре!... Дембко!...—хрипло взывала Гапка.—О, душегубы!... Пусть всѣхъ васъ убьетъ громъ небесный!—проклинала она чиновниковъ, силясь вырваться изъ рукъ солдатъ. Сорочка на ея груди разстегнулась и изъ подъ головной повязки, свалив-

шейся на сторону, выбились и разстрепались ея длинныя косы.

— Выпороть ее!—крикнулъ, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, исправникъ.

— Пустите дѣда, раз-бойники!...—оралъ Дембко, голова котораго поднялась опять высоко надъ толпою.

— Взять этого рыжаго крикуна!—проговорилъ спокойно майоръ, указывая на него пальцемъ.

Солдаты схватили Дембко и поволокли къ экзекуціи.

Между тѣмъ Гапку пороли, а она лежала—словно мертвая, не издавая ни малѣйшаго звука. Что бы крикомъ не обнаружить малодушія она набила свой ротъ землею и молча выносила пытку. Но когда окончили сѣчь, она встала на ноги, выплюнула изо рта землю и, поворотившись къ толпѣ, громко крикнула:

— Не сдавайтесь люди! Стойте на своемъ!...

Эта выходка чрезвычайно разсердила исправника; онъ приказалъ вторично ее высѣчь, и когда экзекуція началась, сталъ возлѣ экзекуторовъ и при всякомъ ударѣ съ какимъ то особымъ наслажденіемъ приговаривалъ:

— Такъ ее!... Еще!... Покрѣпче!... Хорошенько!...

Эта отвратительная сцена продолжалась до тѣхъ поръ, пока не подошелъ майоръ. Мужское ли чувство, или же рыцарская струнка заговорила въ немъ при видѣ этого звѣрства, совершаемаго надъ беззащитной женщиной, но только онъ вдругъ рѣзкимъ, повелительнымъ голосомъ крикнулъ:

— Довольно!—и солдаты отступили. Но Гапка не подымалась. Майоръ къ ней наклонился и слегка тронулъ ее за плечо рукою. Она не двигалась... Исправникъ чуть-чуть поблѣднѣлъ, а майоръ нахмурилъ брови...

— Подите сюда кто-нибудь!—сказалъ онъ, обратившись къ толпѣ.

Подошло два крестьянина.

— Возьмите её и отнесите въ избу.

— Несите, люди, въ мою хату... Некуда больше нести её... Громко проговорилъ Никола Середа, надъ которымъ экзекуція были уже окончена и онъ стоялъ связанный по рукамъ возлѣ корчмы.

Крестьяне подняли ее на руки и понесли.

Дѣдъ, лежавшій ничкомъ на землѣ, поднялъ въ эту минуту голову и посмотрѣлъ ей вслѣдъ; связанный

Семенъ, какъ въ столбнякѣ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ корчмы и вперивъ неподвижно глаза въ землю.

На мгновенье экзекуція была пріостановлена и слышался шумъ среди крестьянъ, но въ этомъ шумѣ уже не было и тѣни угрозы, а только одна мольба. Многіе плакали. У Дембки изъ глазъ текли слезы, а старый Юзько Билоконь плакалъ какъ «мала дытына».

— Берите и меня,—сказалъ онъ, подходя къ исправнику и вытирая рукою слезы. — Я не меньше виноватъ, чѣмъ дѣдъ.

—Высѣчь его!—проговорилъ исправникъ солдатамъ такимъ тономъ, какъ если бы онъ отдавалъ приказаніе переписать нужную бумагу... Онъ видимо усталъ и теперь относился къ дѣлу уже не съ тою страстностью, какъ вначалѣ, а такъ сказать по долгу службы.

Опять началась порка. Сѣкли Юзько, Якова, Нечипора и много-много другихъ. Экзекуція продолжалась до самаго вечера. Пересѣчено было большинство Горанскихъ крестьянъ, конечно хозяевъ, такъ какъ женщинъ, паробковъ и дивчатъ не трогали.

Усмиривъ, такимъ образомъ, бунтовщиковъ, вечеромъ господа чиновники уѣхали обратно въ городъ, оставивъ роту солдатъ подъ начальствомъ офицера для водворенія окончательнаго порядка въ Горанахъ. Одиннадцать человѣкъ крестьянъ, среди которыхъ былъ — дѣдъ Недбайло, конечно, какъ главный зачинщикъ, и почти всѣ остальные, знакомые намъ, были арестованы, перевязаны и подъ конвоемъ отправлены въ городскую тюрьму. Надъ этими одиннадцатью виновными должно было начаться слѣдствіе.

Между тѣмъ избитую Гапку помѣстили въ избѣ Николы Середы. Она лежала ницъ на широкой скамьѣ, безъ движенія и не произнося ни одного слова. Середючка—добрая, болѣзненная женщина съ большими, сѣрыми глазами, сначала расплакалась увидѣвъ её въ такомъ положеніи, а потомъ принялась возлѣ неё хлопотать. Она её обмыла, привела нѣсколько въ порядокъ ея одежду и стала упрашивать, что бы та чего нибудь поѣла или выпила. Но напрасно Середючка упрашивала и цѣловала Гапку; Гапка вздрагивала всѣмъ тѣломъ и, не мѣняя позы, ницъ лежала на дубовой, широкой скамьѣ. Середючка попробовала было поворотить её на бокъ, тогда Гапка закрыла свое лицо

руками, а когда её оставили въ покоѣ, — то опять легла ничкомъ.

— Хоть бы ты поплакала, моя голубка!... Тебѣ бы легче стало... Уговаривала ее добрая женщина, принимаясь разчесывать ея спутанныя, длинныя косы.

Но Гапка только дрожала въ отвѣтъ...

— О, Боже!... Что мнѣ съ нею дѣлать?!...—воскликнула Середючка, выходя изъ хаты и обращаясь къ своимъ сосѣдкамъ. Сосѣдки только покачивали головами и никакого совѣта не могли дать.

Такъ прошелъ весь день.

Вечеромъ Середючка накрыла Гапку свиткою, такъ какъ она сильно дрожала, и легла сама спать. Но среди ночи разбужена была шумомъ. Гапка сорвалась со скамьи, на которой лежала и, заломивъ руки надъ головою, съ пронзительнымъ крикомъ, опрометью бросилась въ дверь.

Середючка вся похолодѣла отъ страха.

— Охъ-хо-хо... Послышалось со двора,—Ох-хо-хо... —доносилось издали.

Середючка выбѣжала во дворъ. Сынъ ея, парабокъ лѣтъ четырнадцати, спавшій на дворѣ, вскочилъ на ноги. Изъ ближайшихъ избъ сосѣди выбѣжали на улицу. Но Гапка была уже далеко... Ея крикъ слышался гдѣ то возлѣ пруда.

— Ловите ее... Ловите, люди добрые... Вопила Середючка.—Ой, бѣда-жъ моя... Что мнѣ дѣлать?... Она утопится, утопится...—И Середючка повалилась на ворота и громко навзрыдъ заплакала.

Нѣсколько человѣкъ крестьянъ бросились къ пруду. Однако поймать Гапку не могли: она успѣла перебѣжать плотину и скрыться въ лѣсу.

— Х-о-о...х-и-и... — страшнымъ эхомъ голосило по всему лѣсу... И ужасъ напалъ на Горанцевъ.

— И гдѣ это сила у нея взялась?...—Разсуждали они погодя, собравшись въ дворѣ Николы Середы. — Ужь какъ ее били... Другой на ея мѣстѣ покрайней мѣрѣ мѣсяцъ лежалъ бы, а она встала и бѣгаетъ.

— Слышите? — замѣтилъ одинъ махнувъ головою по направленію къ лѣсу, откуда неслись дикіе вопли.— И не разберешь: плачетъ она тамъ или смѣется.

— Смѣется... Видно съума сошла, — проговорилъ другой.

— Да, сошла съума, — порѣшили мужики и замолкли.

Звѣзды мерцали въ небѣ... Ночной, тихій вѣтеръ чуть-чуть шелестилъ листьями... Собаки лаяли по всей деревнѣ... А Середючка сидѣла у порога своей избы и горько плакала, качаясь изъ стороны въ сторону.

Однако къ утру въ лѣсу утихло и весь день прошелъ спокойно. Гдѣ была Гапка и что она въ это время дѣлала—никто не зналъ. Можетъ—утомленная—она лежала въ глухой лѣсной трущобѣ, уткнувшись лицомъ въ сырую, черную землю, покрытую гнилыми листьями, а высокія деревья стояли кругомъ ея и, склонивъ головы, перешептывались другъ съ дружкой о жестокости людей... Горанскіе крестьяне весь день искали ее по лѣсу и не могли найти. Но вечеромъ опять послышались вопли. Гапка подходила то къ одному, то къ другому краю села и лишь только приближался къ ней кто либо, быстро скрывалась въ лѣсу.

Такъ она терзала Горанскихъ людей три ночи; никто не могъ даже спать. Наконецъ, на четвертую ночь мужики рѣшили не гоняться за сумасшедшею, а дать ей возможность войти въ село и тогда задержать. Они надѣялись, что она прійдетъ, если ее не пугать. И люди не ошиблись: она пришла къ своей хатѣ. Хата была пуста, такъ какъ и дѣдъ и Семенъ были увезены въ городскую тюрьму. Гапка обошла кругомъ избы два раза. Но когда мужики бросились ее ловить, то она пустилась бѣжать съ такой быстротою, что преслѣдователи скоро отстали. Только одинъ парубокъ, обгонявшій рѣшительно всѣхъ въ селѣ, не отставалъ отъ нея и сталъ ее настигать. Она прыгала черезъ гряды огородовъ, мчалась черезъ бурьяны, перескакивала высокіе окопы, но тотъ не отставалъ и съ каждымъ шагомъ становился все ближе и ближе къ ней. Уже онъ былъ совсѣмъ близко, уже и руку протянулъ, что бы ее схватить, какъ вдругъ оглянулся, увидѣлъ, что сзади его никого не было, что онъ одинъ, и затрепеталъ отъ страха. Онъ не посмѣлъ остановить ее и она убѣжала въ лѣсъ. Въ эту ночь Гапка не голосила больше.

Утромъ слѣдующаго дня крестьяне собрались со всего села—и пошли ее искать, рѣшивши во что бы то ни стало покончить съ этимъ дѣломъ, волновав-

шимъ всѣхъ уже нѣсколько дней. Но Гапка сама все покончила. Послѣ нѣсколькихъ часовъ поисковъ ее нашли висящею на деревѣ... У нея не было веревки и она свила себѣ петлю изъ тонкой вѣтви граба. Синее лицо ея, искаженное предсмертными муками, было такъ ужасно, что трудно было ее признать.

Изъ уѣзднаго города опять пріѣхалъ становой для слѣдствія, но на этотъ разъ крестьяне уже не отказывались выставить своихъ понятыхъ, хотя Гапка повѣсилась и въ графскомъ лѣсу.

Старикъ Недбайло пережилъ ее всего на три дня; онъ умеръ въ городской тюрьмѣ. Трудно сказать, что было причиной его смерти: жестокая расправа солдатъ или же нравственный ударъ, полученный имъ, послѣ того, какъ онъ услыхалъ объ ужасномъ концѣ, постигшемъ его дочь. Дѣда похоронили на городскомъ кладбищѣ, а Гапку зарыли въ Горанскомъ лѣсу. Какъ самоубійцу — ее не могли похоронить на кладбищѣ и даже креста не поставили надъ ея могилой.

Надъ остальными арестованными началось было слѣдствіе, но такъ какъ подобныхъ дѣлъ было очень много въ ту эпоху и властямъ рѣшительно не хватало времени заниматься подробными разслѣдованіями — и такъ какъ къ этому же началось польское возстаніе, отвлекшее вниманіе властей совершенно въ другую сторону, то по распоряженію губернатора дѣло о бунтѣ крестьянъ селенія Гораны было прекращено и арестованные освобождены.

VI.

Прошло два года. Польское возстаніе разгорѣлось, разрослось и отряды повстанцевъ бродили по лѣсамъ Польши и Литвы, вступая въ стычки съ русскими войсками. Однако на Украйнѣ возстаніе не нашло себѣ мѣста. Правительство русское встрѣтило здѣсь сторонника въ лицѣ всего народа, украинцевъ-крестьянъ, направившихъ свои силы противъ поляковъ-пановъ (паны и поляки на Украинѣ—синонимы), со всею ненавистью, накопившеюся у нихъ за много лѣтъ тяжелаго, крѣпостного гнета.

И въ Горанахъ тоже къ полякамъ и польскому дѣлу мужики отнеслись съ необыкновенною враждебностью.

Бунтовавшіе горанцы послѣ экзекуціи согласились принять отъ графа надѣлы земли и подчинились всѣмъ требованіямъ административныхъ властей; завели въ своемъ селѣ десятскихъ и сотскихъ, и выбрали старосту, хотя «временно-обязанными» все-таки не сдѣлались, такъ какъ само правительство, ввиду возстанія поляковъ, чтобы задобрить крестьянъ и въ нихъ пріобрѣсти себѣ союзниковъ, поторопилось всѣхъ крестьянъ Юго-Западнаго края перевести на выкупъ и, такимъ образомъ, сразу поставить ихъ въ совершенно независимое положеніе отъ пановъ.

Теперь тотъ же самый становой приставъ, который два году тому назадъ такъ усердно усмирялъ горанцевъ, то и дѣло заѣзжалъ къ нимъ въ село и, остановившись въ корчмѣ или у сельскаго старосты, зазывалъ ихъ и принимался секретно распрашивать о панѣ Зайончкѣ, Червинскомъ и другихъ шляхтичахъ-полякахъ, служившихъ въ экономіи графа, подговаривая крестьянъ слѣдить и шпіонить за «панами» и тотчасъ доносить ему о всемъ, что имъ удастся услышать или увидѣть. Въ конечномъ результатѣ этой борьбы польскихъ пановъ съ царемъ, на сторонѣ котораго явно стояла въ этотъ разъ и вся полиція, горанскіе крестьяне надѣялись дождаться общаго передѣла земли, завѣтнаго идеала, лелѣемаго всѣмъ украинскимъ крестьянствомъ съ незапамятныхъ временъ. Съ этой цѣлью и для скорѣйшаго его осуществленія, они рѣшили энергично содѣйствовать уѣздной полиціи, забывъ все и даже то, какъ эта самая полиція два года тому назадъ, потребовала войско для ихъ усмиренія и перепорола всѣхъ. Дембко, Нечипоръ, Яковъ — однимъ словомъ всѣ наперерывъ, одинъ передъ другимъ, старались теперь исполнять порученія становаго пристава, сдѣлавшись его агентами и добровольными шпіонами и всѣми силами стремились выказать свои рабскія чувства не только по отношенію къ царю, но даже передъ становымъ или исправникомъ. То было по истинѣ отвратительное зрѣлище, тѣмъ болѣе, что оно носило общій характеръ. Дѣло не ограничивалось такими людьми какъ Дембко, но даже вполнѣ умные люди, какъ Ладиміръ Полищукъ, не задумываясь становились на сторону русской полиціи, въ ея поискахъ и преслѣдовнаіяхъ польскихъ революціонеровъ и кон-

спираторовъ, временами наѣзжавшихъ, конечно, и въ Ставицы, гдѣ было немало польскихъ шляхтичей и пановъ, и въ Гораны.

При въѣздѣ въ Гораны, мужики построили землянку, гдѣ и днемъ, и ночью нѣсколько человѣкъ караулили проѣзжающихъ пановъ, останавливая ихъ и подвергая строжайшему опросу: кто, зачѣмъ и куда ѣдетъ. Вооруженные длинными пиками, эти добровольные стражники окружали несчастнаго проѣзжающаго, если только на немъ былъ сюртукъ, а не свитка, и видъ онъ имѣлъ «панскій», нерѣдко подвергали его самому грубому, безцеремонному обыску и горе было ему, когда при немъ находили какія либо бумаги, которыхъ прочитать, по безграмотности, они не могли, или оружіе... Его тащили къ сельскому старостѣ, откуда подъ карауломъ отправляли связаннаго въ уѣздный городъ, браня и издѣваясь надъ нимъ всю дорогу, а въ случаѣ непокорности—даже колотили.

Только одинъ человѣкъ въ Горанахъ по прежнему относился къ чиновникамъ и ненавидѣлъ ихъ не менѣе пановъ, — то былъ Семенъ Свистунъ, или, какъ горанцы его называли, Недбайлюкъ... Но странный онъ какой то сдѣлался въ послѣднее время!... Всегда насупленный глядитъ онъ въ землю и даже при встрѣчѣ съ сосѣдями не поднимаетъ глазъ. «Помогай Богъ», скажетъ и пройдетъ не останавливаясь, какъ будто ему ни до кого нѣтъ дѣла.

Солнце закатилось; наступилъ вечеръ. Череда давно уже воротилась съ поля. По хлѣвамъ блеяли овцы и хрюкали свиньи, укладываясь спать. На сельской, широкой улицѣ пусто. Тихо, безшумно извивались козодои за ночными бабочками надъ самой землею, мелькая то здѣсь, то тамъ въ сумеркахъ надвигавшейся ночи. Въ крестьянскихъ избахъ засвѣтились огоньки; все успокоилось, и тишина объяла деревню. На потемнѣвшемъ небѣ вырѣзались ясныя звѣзды. Вотъ уже послышался собачій лай, тотъ особый ночной лай деревенскихъ собакъ, который никогда не услышишь днемъ, — а въ хатѣ покойнаго дѣда Недбайла все еще не свѣтится огонь. Облокотившись правой рукою на столъ, сидѣлъ Семенъ въ темной избѣ и думалъ. Вспоминалась ему жизнь три года тому назадъ. Также было лѣто. Бывало, поднявшись на

зарѣ, онъ выѣзжалъ въ поле съ плугомъ на работу, а Середюковаго паробка бралъ въ «*погонычи*». Тогда еще и *воли* не выходило и царскаго манифеста не читали людямъ въ церкви, а какой онъ былъ счастливый!!.. Волы всѣ шестеро, одинъ въ одного сѣрые, съ крутыми рогами, тянутъ плугъ только ярмами поскрипываютъ. Паробокъ сбоку идетъ, гонитъ воловъ длинной палкою, а онъ идетъ сзади за плугомъ. Земля шипитъ подъ желѣзомъ и черною лентой ложится за нимъ, а сороки со всѣхъ сторонъ слетаются, чтобы поклевать бѣлыхъ «борозняковъ». «Собъ! Собъ!..» кричитъ онъ воламъ и *погонычу*... Круто поворачиваютъ волы влѣво, шатаютъ своими рогатыми головами, скрипятъ ярмами, а онъ выбросить плугъ изъ борозды, опрокинетъ его на бокъ — и заѣзжаетъ къ другому краю нивы. И опять онъ поднимаетъ плугъ сильною рукою, и опять тотъ глубоко врѣзывается въ землю, и шипитъ земля, и наваливается одна черная лента сверху другой. Но вотъ, полдень... Солнце жаритъ такъ, что земля горитъ... Распрягаетъ онъ воловъ и пускаетъ въ кусты пастись, а самъ ложится въ тѣни, подъ кустомъ отдохнуть... Гдѣ же теперь эти волы?!... Все-все пропало!... Но воловъ можно легко нажить — только захотѣть, а вотъ чего не воротишь: и тутъ, какъ живой, передъ глазами его всталъ образъ стараго дѣда, а за нимъ и Гапки... — «Господи милостивый!..» — воскликнулъ Семенъ и поднялся отъ стола. Тоска сжала ему сердце такъ сильно, что онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ; онъ не зналъ куда ему дѣваться... Ощупью онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по избѣ и сѣлъ на скамью возлѣ окна. — «Не можно такъ этого оставить!.. Не можно!..» — воскликнулъ онъ громко, встряхнувъ головою, и вздрогнулъ: такъ дико прозвучалъ его голосъ въ темной хатѣ. Онъ устремилъ глаза въ окно... Старый, полуразвалившійся сарай, непочинявшійся цѣлыхъ два года, такъ какъ Семенъ совершенно забросилъ все хозяйство, чуть-чуть виднѣлся въ темнотѣ и страннымъ образомъ направилъ его мысль вновь на прошлое, но только еще болѣе отдаленное. Вспомнилась ему ветхая избушка солдатки Катерины, стоявшая на краю села, гдѣ двѣ зимы подъ рядъ онъ проводилъ вечера. Тамъ собирались «*вечерныци*». Дивчата съ прялками; ихъ весе-

лые разговоры, смѣхъ, пѣсни... Сближеніе его съ Гапкой... Она никогда не отличалась особенной веселостью и среди другихъ, хохотуньей, казалась такой серьезной... Отъ природы ли у нея былъ такой нравъ или же выработался оттого, что съ самаго ранняго дѣтства около себя она видѣла только морщинистое лицо старухи, нянчившей ее, да серьезнаго, стараго отца... Всего четыре-пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а Семену—время это кажется теперь вѣчностью... И Гапка мертвая, и дѣдъ... И все-все пропало!... Онъ—молодой, сильный, здоровый—жилъ теперь прошлымъ, какъ какой-нибудь дряхлый старикъ!... Онъ себя чувствовалъ теперь въ какомъ то темномъ сыромъ провальѣ, не находя изъ него выхода... Все-все пропало!.. Почему же онъ не пропалъ вмѣстѣ?... И тоска овладѣла всѣмъ его существомъ... Вдругъ за окномъ мелькнула высокая фигура до того припомнившая ему покойнаго дѣда, что онъ невольно отшатнулся отъ окна....

— Семене, вы спите?—послышался со двора голосъ Дембко и вслѣдъ затѣмъ раздался стукъ въ окошко.

— Нѣтъ... Это вы, Дембко?... — спросилъ Семенъ.

— Я... и Ладыміръ со мною.

— Заходите въ хату.

Послышались шаги, потомъ скрипъ наружной двери. Въ сѣняхъ Дембко нащупалъ въ темнотѣ ручку другой двери, потянулъ ее и вошелъ въ избу; за нимъ вошелъ и Ладыміръ Полищукъ.

— Добрый вечеръ!—проговорилъ Ладыміръ.

— Драствуйте!—отвѣтилъ хозяинъ.

— Что это у васъ свѣта нѣтъ?—замѣтилъ Дембко.

— Такъ... Садитесь.

Дембко и Ладыміръ подошли къ скамьѣ и сѣли, не снимая даже шапокъ съ головы: они видимо куда то торопились... Въ избѣ нѣкоторое время всѣ хранили молчаніе.

— Какъ же это вы безъ огня, Семене?...—недоумѣвая опять спросилъ Дембко.

— А вамъ темно?—отозвался тотъ.

— Конечно... Кому же безъ огня ночью свѣтло!...

— Ну, не буду же я свѣтить, а то—какъ зажгу—страшно станетъ вамъ,—мрачнымъ тономъ проговорилъ Семенъ.

— Чего это вы, Семене?!.. Гм!.. Господь съ вами!.. А мы къ вамъ по дѣлу зашли,—заговорилъ Ладымiръ, понижая голосъ.—Знаете ли вы что сегодня въ Ставищахъ ляхи имѣютъ большое сборище?... Со всѣхъ сторонъ съѣхались... И наши тамъ: И Зайончекъ, и Червинскiй... Сегодня въ полдень изъ Ставицъ прибѣжалъ паробокъ къ нашему старостѣ и все разсказалъ... Сегодня ночью можетъ они будутъ возвращаться сюда, то добре было бы ихъ арестовать на дорогѣ...

— Зачѣмъ на дорогѣ?..—спросилъ Семенъ.

— А можетъ повезутъ съ собою что нибудь, бумаги какiя нибудь, то что бы не успѣли попрятать, вернувшись домой.

— Какъ же вы узнаете, когда они будутъ ѣхать?

— Яковъ тамъ... Стережетъ... какъ только они выѣдутъ—онъ дастъ знать.

— Ну, такъ на что же я вамъ?...—вдругъ спросилъ Семенъ.

— Да, видите ли, безъ васъ—трудно будетъ намъ съ этимъ Червинскимъ... Вы уже идите сегодня съ нами.

Въ хатѣ наступило молчанiе. Семенъ, повидимому, задумался...

— Добре!.. Подождите же, сейчасъ соберусь!—рѣшительно проговорилъ онъ, вставая съ скамьи.

Такимъ страннымъ тономъ произнесъ эти слова, что у Полищука и плечи поднялись кверху отъ удивленiя. Но онъ не выразилъ своего чувства ни однимъ звукомъ, такъ какъ самъ сильно торопился...

— Пойду-жъ я теперь еще за Нечипоромъ, а вы, Семене, приходите... Дембко знаетъ, куда,—сказалъ онъ, выходя изъ избы.

— Подъ липою соберемся?... На полянахъ?...—проговорилъ Дембко.

— Ну да въ лѣсу, на полянѣ, что по лѣвой сторонѣ дороги,—отвѣтилъ Ладымiръ изъ сѣней.

Между тѣмъ Семенъ ощупью добрался до сундука, стоявшаго недалеко отъ стола, отворилъ его и вынулъ оттуда чистую, полотняную рубаху, расшитую узорами на груди, и полотняные штаны... И рубаху и штаны эти шила ему когда то Гапка... Онъ сбросилъ съ себя все—и переодѣлся; сверху чистой рубахи надѣлъ новую свиту; насунулъ на голову баранью шапку, которая

осталась ему отъ дѣда; обулъ крѣпкіе сапоги и туго перепоясался добрымъ, краснымъ поясомъ.

— Не можно такъ оставить этого!..—совершенно несознательно проговорилъ онъ громко, и такъ чудно ему показалось: показалось ему—будто эти слова не онъ, а кто то другой въ хатѣ проговорилъ.

— Чего вы не хотите оставить, Семене?..—спросилъ въ эту минуту Дембко, сидѣвшій въ темнотѣ.

Но Семенъ ничего ему не отвѣтилъ: онъ былъ слишкомъ погруженъ въ свои мысли и продолжалъ молча собираться дальше. Въ небольшой мѣшокъ онъ вложилъ два бухонца хлѣба, соли и луку; взялъ въ карманъ кресало съ кремнемъ и люльку; туда же положилъ кисетъ съ *«тютюномъ»*. Наконецъ, отыскавши топоръ, валявшійся на полу, заткнулъ его себѣ за поясъ и подошелъ къ столу... Тутъ на мгновеніе онъ остановился, опершись руками, словно надъ чѣмъ то задумался, но потомъ медленно наклонился къ столу и два раза крѣпко поцѣловалъ его. За этимъ столомъ когда то вмѣстѣ они ѣли «святой хлѣбъ»...

— Что вы тамъ дѣлаете, Семене?...—отозвался въ темнотѣ Дембко.

Семенъ ничего ему не отвѣтилъ. Онъ поднялъ голову отъ стола, выпрямился, торжественно три раза перекрестился на образа, висѣвшіе у потолка въ углу (ихъ совсѣмъ не было видно въ темнотѣ, но Семенъ зналъ, гдѣ они висѣли) и направился къ дверямъ.

— Идемъ!..— проговорилъ Дембко, молча послѣдовавъ за нимъ. Выйдя въ сѣни, Семенъ остановился, выкресалъ огонь, раздулъ и зажегъ нѣсколько сухихъ лучинъ.

— Зачѣмъ это вамъ, Семене?...

— Огонь зажигаю... Что бы было свѣтло...—отвѣтилъ онъ, и съ этими словами поднялся на верхъ по лѣстницѣ, стоявшей въ сѣняхъ и ведущей на открытый чердакъ и воткнулъ горящія лучины снизу въ соломенную крышу.

— Что это вы дѣлаете?...—крикнулъ Дембко.

— Молчите, Дембко...—прервалъ его Семенъ, слѣзая съ лѣстницы и направляясь къ выходнымъ дверямъ...—Идемъ...

— Что это?... Господь съ вами...

— Эге-ге... Да вы замолчите, или нѣтъ?..—вдругъ

гаркнулъ Семенъ, и, схвативъ Дембко сверху за плечо сильно потрясъ его.

— Ой, чего же вы разсердились?!... Господь съ вами, Семене!—лепеталъ Дембко.

— Хата чія?... Покойнаго дѣда?...—гремѣлъ между тѣмъ Семенъ.

— Эге...—согласился Дембко.

— А кто послѣ дѣда здѣсь хозяинъ? Я?...

— Такъ...

— Ну, такъ я жъ не хочу, что бы тутъ, въ этой хатѣ, жилъ кто нибудь послѣ насъ...

— А вы же сами, Семене?—робко спросилъ Дембко.

— Гайда въ дорогу!—проговорилъ Семенъ, не отвѣчая на заданный ему вопросъ.

И оба собесѣдника вышли на улицу, и быстро пошли по направленію къ пруду. Когда они, миновавъ плотину, входили въ лѣсъ и повернулись назадъ, что бы взглянуть на Гораны, то хата покойнаго дѣда Недбайла горѣла какъ свѣча, среди окружающаго мрака, освѣщая ярко-багровымъ свѣтомъ груши и яблони, стоявшія возлѣ хаты. Скоро раздались удары церковнаго колокола и уныло понеслись надъ селомъ. Сторожъ церковный, билъ набатъ, сзывая людей на пожаръ.

Семенъ съ Дембкомъ, прибывъ въ условленное мѣсто, застали уже всѣхъ въ сборѣ; тамъ было человѣкъ десять крестьянъ. Они лежали по серединѣ поляны, подъ липою, и напряженно вслушивались, такъ какъ Яковъ далъ знать, что ляхи уже ѣдутъ. Семенъ молча усѣлся возлѣ нихъ. Словоохотливый Дембко тоже молчалъ: онъ чувствовалъ себя подавленнымъ.

— Чего это звонятъ въ селѣ?...—спросилъ Яковъ.

— Горитъ моя хата,—отвѣтилъ Семенъ.

Мужики какъ одинъ вздрогнули... Но ни одинъ не произнесъ ни слова. Всякій почувствовалъ, что у Семена въ душѣ совершалось что то страшное, безповоротное, и потому никто не рѣшался обратиться къ нему съ вопросами. Къ тому же вѣтру не было и опасности для сосѣднихъ избъ никакой не представлялось, тѣмъ болѣе что хата покойнаго дѣда окружена была деревьями.

Мужики молчали, всякій погруженный въ свои мысли...

Между тѣмъ луна поднялась надъ лѣсомъ и залила своимъ блѣдно-зеленоватымъ свѣтомъ верхушки деревъ. Освѣтилась и поляна, и длинная тѣнь легла по ней съ одной стороны отъ лѣса — чернаго и мрачнаго у своихъ корней.

— Спрячемся въ тѣнь, подъ деревья,—тихо проговорилъ Ладыміръ Полищукъ.

Крестьяне молча поднялись съ мѣста и ушли съ поляны въ лѣсъ. Они усѣлись между деревьями и опять наступила тишина. Изъ села долетали мѣрные удары колокола, но это не нарушало и даже какъ будто усиливало еще впечатлѣніе тишины, царствовавшей кругомъ въ лѣсу. Деревья, точно въ глубокой задумчивости, стояли не шелохнувшись, раскинувъ въ вышинѣ свои вѣтви... Но вотъ послышались какіе то слабые, шипящіе, кошачьи звуки и вслѣдъ затѣмъ вдругъ понеслось по всему лѣсу: «гу-гу-гу-гу-у!...»

— Проклятая сова! — тихо замѣтилъ одинъ крестьянинъ.

Въ туже минуту раздался лошадиный топотъ и вскорѣ по дорогѣ, проходившей возлѣ самой поляны, показались три верховыя фигуры.

— Хватайте же другихъ двухъ, а за Червинскаго я уже самъ возьмусь,—проговорилъ Семенъ, сбрасывая съ плечъ мѣшокъ съ хлѣбомъ и быстро распоясываясь и стаскивая свиту.

Дорога не освѣщалась луною и тамъ было темно, но Семенъ сразу узналъ высокую фигуру эконома, когда вышелъ въ сорочкѣ на дорогу на встрѣчу всадникамъ.

— Прочь, разбойникъ!... Стрѣлять буду!... — Крикнулъ экономъ, вытаскивая кольтовскій револьверъ.

Семенъ схватилъ рукою подъ уздцы коня и съ страшной силой осадилъ его назадъ; онъ поднялся на дыбы... Выстрѣлъ прогремѣлъ — вверхъ: пуля только зашуршала по вѣтвямъ. Червинскій упалъ съ лошади и хотя удержался на ногахъ, но револьверъ выронилъ изъ рукъ; едва онъ нагнулся, что бы поднять его, какъ въ это мгновеніе Семенъ на него набросился и у нихъ завязалась борьба. Лошадь съ храпѣніемъ отшатнулась въ сторону, ударила копытами объ землю и понеслась, какъ дикая, по лѣсной дорогѣ. Между тѣмъ Заіончка мужики стащили съ коня безъ всякаго

сопротивленія. Уже они его связали, уже и положили подъ деревомъ; успѣли связать и другого «пана», котораго они не знали, кто онъ и откуда, и тоже положили его рядомъ съ Заіончкомъ,—а у Семена съ Червинскимъ все продолжалась борьба. Борясь они сбились съ дороги въ лѣсъ; мужикамъ—со стороны ничего не было видно; они слышали только, какъ тамъ во мракѣ, у корней высокихъ деревъ, происходила какая то необычайная возня... Пробовали было приблизиться туда, думая помочь Семену, но онъ такъ грозно крикнулъ: «не подходи!», что никто не посмѣлъ мѣшаться въ дѣло. «Хо!!... Ха!!» — вздыхали борющіеся и слышно было какъ они страшно сопѣли и что то около нихъ трещало. Но что трещало — сухія вѣтки подъ ними, или же ихъ кости отъ пожатій никто не зналъ. Такъ два вѣтра въ степи столкнувшись, крутятся вихремъ и взрываютъ землю, а тутъ же возлѣ — тихо и спокойно все. Потомъ когда наступилъ свѣтъ мужики сошлись на это мѣсто и долго его осматривали: оно было все ископано ногами, а кое гдѣ обнажены были даже толстые корни деревъ, — какъ будто боролись тутъ не люди, а быки... «Охъ!...» Послышалось наконецъ, затѣмъ что то глухо стукнуло, закряхтѣло и стихло.

— Несите веревки! — раздался голосъ Семена.

Когда мужики приблизились и наклонились, что бы хорошенько разсмотрѣть вблизи, то увидѣли, что Червинскій лежалъ какъ пластъ на землѣ, а сверху его сидѣлъ Семенъ.

— Вяжите, — проговорилъ онъ, тяжело переводя дыханіе. — Только смотрите, что бы были добрыя, крѣпкія веревки, а то еще порветъ вражій ляхъ.

Они связали Червинскаго, положили и его вмѣстѣ съ Зайончкомъ и тѣмъ другимъ, неизвѣстнымъ паномъ, и усѣлись возлѣ нихъ на землѣ.

— Лежите тутъ смирно. мятежники! — проговорилъ Яковъ.

— Ну, что же теперь съ ними будемъ дѣлать? — спросилъ Ладыміръ Полищукъ, а потомъ добавилъ: — Поотнимали ли все, что было при нихъ найдено?

— Поотнимали, — отозвались нѣсколько голосовъ.

— Куда же мы ихъ теперь дѣнемъ?

— Куда же?... Отвеземъ къ исправнику!! — заявилъ Нечипоръ Найденюкъ.

— Къ этому разбойнику?!—громко воскликнулъ Семенъ.

— Видите, Семене... Ляхи же противъ царя... Исправникъ же за царя... Исправникъ ихъ арестуетъ... Кому же, какъ не исправнику отдавать этихъ мятежниковъ?!..—Путаясь возражалъ Нечипоръ.

— Всѣ, всѣ они разбойники!—Крикнулъ Семенъ.—Убили дѣда!.. Гапку закопали въ могилу!..—восклицалъ онъ, поднимаясь на ноги.

Мужики почувствовали грозную ноту, прозвучавшую въ словахъ Семена и, понуривъ головы, сидѣли молча. Онъ между тѣмъ надѣлъ свиту, перепоясался и заткнулъ топоръ за поясъ.

— Убить вражьихъ пановъ, и тутъ и закопать!..—вскликнулъ Семенъ... А впрочемъ дѣлайте съ ними, что хотите...—спокойнѣе добавилъ онъ.—Думаете везти къ исправнику, везите... Только когда уже будете у исправника,—продолжалъ онъ, расправляя на себѣ свиту и обтягивая крѣпче поясъ,—то не забудьте отъ меня поклониться ему; скажите ему, что мы съ нимъ скоро увидимся. Прощайте, люди!..—проговорилъ Семенъ и, закинувъ свой мѣшокъ съ хлѣбомъ за плечи, направился въ лѣсную чащу...

Мужики, понуривъ головы, сидѣли, не проронивъ ни одного слова.

Мѣсяца полтора спустя исправникъ, проѣзжавшій изъ уѣзднаго города въ мѣстечко Гуни, былъ убитъ на дорогѣ и слѣдствіемъ обнаружено, что убійца былъ Семенъ Недбайлюкъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ окрестностяхъ по дорогамъ стали все чаще и чаще повторяться случаи грабежей. Полиція принимала всѣ мѣры къ поимкѣ разбойника, но онъ выворачивался очень ловко и долго бушевалъ по лѣсамъ возлѣ рѣки Буга.

Впрочемъ Недбайлюкъ былъ грозенъ исключительно для пановъ и чиновниковъ.. Крестьянъ онъ никогда не трогалъ.

Вл. Дебогорій-Мокріевичъ.

Литературный, Научный и Политическій Журналъ

„ЖИЗНЬ“

Содержаніе № 1 (апрѣль):

Освобожденная „Жизнь“.—Богатство мое..., стих. Л. Шустовой. — *Ткачи*, драма Г. Гауптмана. — *Свободы! Свободы!*, стих. А. Болконскаго. — *Бебель о Бернштейнѣ.* — *Національно-политическая жизнь Прусской Польши.* Л. Плохоцкаго. — *Кончается царство постылой зимы*, стих. Гера. — *Внутреннее обозрѣніе*, W. — *Шутки русской жизни*, W. P. — *Не жди, чтобы цвѣла страна*, стих. — *Воззваніе матерей эмигрантокъ.* — *Свободная школа*, В. Поссе. — *Шесть лѣтъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи*, В. Д. Бончъ-Бруевича. — *Значеніе сектантства для современной Россіи*, В. Д. Бончъ-Бруевича. — *Разгромъ политики сердечнаго попеченія*, W. — *Пролетаріатъ и армія*, Hubert Lagardelle. — *Иностранное обозрѣніе*, В. П. — *О самозащитѣ.* — *Къ иллюстраціямъ.* — *Отъ редакціи.* — *Убійство Сипягина.* — *Хроника рабочихъ волненій и стачекъ*, Г. А. Куклина. — *Изъ польской жизни*, Рж. — *Хроника пострадавшихъ въ революціонной борьбѣ*, И. С. — *Хроника латышскаго революціоннаго движенія*, Г. П.

Иллюстраціи: Матильда Хицфельдъ на Кирхеймболянденской баррикадѣ. — Голодный тифъ у силезскихъ ткачей. — Ткачи разрушаютъ машины.—Августъ Бебель.—Л. Н. Толстой въ Крыму.— Передъ казнью, съ картины И. Е. Рѣпина. — Демократъ Якоби и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV.

Содержаніе № 2 (май):

Спорное дѣло. (Изъ хроники одного прихода), С. Лебедева. — *Разсказы Октава Мирбо.* Пер. съ французск. А. М. — *Финляндскія дѣла.* В. Погорѣловой. — *Опекуны и опекаемые.* (Письмо изъ Херсонской губерніи) П. Сѣверова.—*Бундъ.* Г. Я.—*Эволюція политическихъ настроеній польскаго общества послѣ возстанія 1863 года.* Л. Плохоцкаго.—*Къ исторіи нѣмецкой соціалдемократіи.* Manfred'a Wittich'a.—*Положеніе латышской народной школы.* Учителя.—*О новой свободной школѣ.* П. Бирюковой.—*Шесть лѣтъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи* (Продолженіе). В. Д. Бончъ-Бруевича.—*Шутки русской жизни.* W. P. — *Къ статистикѣ преступленій русскаго правительства.* В. Д. — *Изъ хроники латышскаго революціоннаго движенія* за январь, февраль и мартъ 1902 года. Г. П. — *Изъ польской жизни.* Р. Ж.—*Хроника пострадавшихъ въ революціонной борьбѣ.* Г. П.—*Среди сектантовъ.* В. Б. Б.—*Молитва за царя.* Сильвестра Мужа. — *Русскій соціалдемократизмъ и крестьянство.* Голосъ изъ деревни. — *Полицейскій соціализмъ и соціалдемократія.* К—цаго.— *Внутреннее Обозрѣніе.* W.—*Хроника рабочихъ волненій и стачекъ.* Г. А. К.—*Къ крестьянскому вопросу.* В. Поссе.—*Всеобщая стачка въ Бельгіи.* Эмиля Вандервельда. — *Иностранное Обозрѣніе.* В. П.— *Къ иллюстраціямъ.—Отъ редакціи.*

Иллюстраціи: Соціалдемократія и самодержавіе.—Финляндія.— Демонстрація въ Варшавѣ. — Возставшій народъ съ убитыми товарищами передъ окнами прусскаго короля. — Павловцы. — Полицейская башня Бутырской тюрьмы.

Цѣна каждой книжки 5 франковъ.

Содержаніе № 3 «Жизни» (іюнь):

Ложь. Человѣка.—*Могила.* Письма и замѣтки Маврикія Зыха. Переводъ съ польскаго В. П.—*Бундъ.* Г. Я.—*Къ студентамъ.* Стих. Студента.—*Возникновеніе классового сознанія у латышскихъ рабочихъ.* Ф. Розина.—*Внутреннее Обозрѣніе.* W.—*Россія подъ гласнымъ надзоромъ.* В. Б. Б.—*Нѣсколько словъ объ украинскомъ соціализмѣ.* Л. Плохоцкаго.—*Впередъ! За родину друзья...* Стих. Студентки.—*Хроника рабочихъ волненій и стачекъ.* Г. А. К.—*Изъ польской жизни.* Рж.—*Какъ несчастны, какъ жалки они...* Стих. —*Экономическая политика г. Витте и революціонныя задачи дня.* Д. Соскиса.—*Иностранное Обозрѣніе.* В. П.—*Два конгресса.* М. Б. —*Штрихи и профили.* Коцюба.—*Старообрядчество и самодержавіе.* В. Б. Б.—*Шутки русской жизни.* W. Р.—*Еще о свободной школѣ.* В. Поссе.—*Проектъ средней школы для мальчиковъ и дѣвочекъ съ интернатомъ.* Матери-эмигрантки.—*Документы по дѣлу о высылкѣ изъ Полтавской губ. 26 лицъ.*—*Изъ кладезя всероссійской мудрости.*—*Манфредъ Виттихъ.* (Некрологъ).—*Къ иллюстраціямъ.*

Иллюстраціи: Взятіе Бастиліи.—Свобода ведетъ народъ.— Народъ, взявъ оружіе у инвалидовъ, идетъ на приступъ Бастиліи, (14 іюля 1789 г.).—Герценъ и Огаревъ.—Манфредъ Виттихъ.

Цѣна 5 франковъ.

Содержаніе № 4 «Жизни» (іюль).

Отъ соціалдемократической организаціи «Жизнь». — *Проектъ программы Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи,* выработанный соціалдемократической организаціей «Жизнь». — *Горе Натальи,* разсказъ В. Л.—*Къ армянскому вопросу,* —янца.—*Могила.* Письма и замѣтки Маврикія Зыха. Переводъ съ польскаго В. Плоцкой.—*Современная Литва,* Л. Плохоцкаго.—*Демонстрація 4-го марта 1902 года,* стих. — *Хроника пострадавшихъ въ революціонной борьбѣ,* Г. П. — *Изъ хроники латышскаго революціоннаго движенія.* Г. П. — *Дѣти рабочихъ.* Разсказъ Октава Мирбо. Переводъ съ французскаго. — *Шутки русской жизни.* W. Р. — *Расправа,* стих. Нжд. — *Иностранное Обозрѣніе.* В. П. — *Изъ кладезя всероссійской мудрости.*—*Проектъ программы Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.* (Выработанный редакціей „Искры“ и „Зари“.).— *Редакціонная замѣтка органа латышскихъ соціалдемократовъ Прибалтійскаго края* «Sozialdemokrats» по поводу проекта программы „Зари“ и „Искры“. (Пер. Г. П.). — *Внутренное Обозрѣніе.* W.— *Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія девяностыхъ годовъ.* Изъ личныхъ воспоминаній. Петербуржца. — *Изъ пѣсенъ бутырцевъ.* (19 февраля 1902 г.). — *Заявленіе Литовской Соціалдемократической Партіи.* —*Къ иллюстраціямъ.* — *Обращеніе къ рабочимъ и работницамъ агитаціоннаго комитета по устройству «Дома Народа» въ Уайтчепелѣ.* — *Почтовый ящикъ.*

Иллюстраціи: Памятникъ Муравьеву-Вѣшателю. — Галлифэ по пути въ Версаль выбираетъ плѣнныхъ коммунаровъ для разстрѣла.— Смерть ссыльной. Съ картины Мальчевскаго.

Цѣна 3 франка.

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!"

№ 4.

В. ВИННИЧЕНКО.

БОРЬБА.

Авторскій переводъ съ украинскаго.

Цѣна 20 коп.

1910.

БОРЬБА.

(Изъ писемъ студента, сосланнаго въ солдаты).

Переводъ съ украинскаго.

„Не бойтесь тѣло убивающихъ, души же не могущихъ убить".

У насъ теперь идетъ интересная борьба въ казармѣ, борьба захватывающая, волнующая. На одной сторонѣ: дисциплина, карцеръ, розги, голодъ и во главѣ этого — командиръ роты. На другой: — большой, неуклюжій солдатъ Никита Кравчукъ, пахнущій кіевскими лѣсами и вооруженный какой-то силой этихъ лѣсовъ, отрицающій и дисциплину, и карцеръ, и командира роты.

Каждый день мы ждемъ конца этой борьбы, и боимся его, и желаемъ несказанно.

Напряженіе въ казармѣ необыкновенное. Чувствуется, что борьба должна чѣмъ нибудь окончиться, но когда и чѣмъ, трудно сказать. Солдаты со всѣхъ сторонъ обсуждаютъ этотъ вопросъ, и часто приходится слышать ихъ разговоры по этому поводу.

Вотъ въ углу взвода стоитъ кучка „молодыхъ", между ними нѣсколько „старыхъ".

— Убьетъ... Навѣрно, убьетъ... — задумчиво бросаетъ высокій, долговязый Макуха, мой сосѣдъ по койкѣ. — Вотъ увидите!

— „Убьетъ", голова! — съ пренебреженіемъ, пылко шепчетъ, поворачиваясь къ нему, маленькій, толстенькій Шаба-

туровъ. — Какъ же онъ можетъ убить, ежели ему вѣра не дозволяетъ убивать?.. Да не то, что убивать, а, братцы мои, пальцемъ коснуться нельзя. „Убьетъ"!.. А законъ? Онъ, братъ, отъ закону тебѣ вотъ такъ (онъ показываетъ кончикъ чернаго, закопченнаго цыгаркой пальца) — не отступитъ... Штунда... Малеванецъ, одно слово... Онъ и мухи не убьетъ, а то. Статую... Сказалъ!

— Ну, а какъ же?

— „А какъ же"... А холера его знаетъ, какъ!.. Когда жъ нельзя имъ кровь проливать... Такой законъ! Помнишь, какъ онъ нечаянно какъ то толкнулъ Крысина, а тотъ въ кровь носъ разбилъ? Видѣлъ, какъ перепужался?

— „Бра... бра... братикъ"...—очень похоже на „штунду" густымъ голосомъ перебиваетъ Дудка Шабатурова:—„Я... не... хотѣлъ"...

Передача голоса „штунды" настолько ему удается, что всѣ невольно хохочутъ и съ довольнымъ видомъ ругаютъ его. (Это тотъ самый Дудка, который въ стихахъ высмѣялъ казенный обѣдъ и котораго не только нашъ взводъ, но и вся рота слушаетъ всегда съ хохотомъ. Онъ же далъ капитану остроумную кличку Статуи послѣ одного полкового праздника, когда всю роту водили въ музей.)

— Ну, а что жъ онъ сдѣлаетъ? — снова роняетъ Макуха задумчиво, не глядя на Шабатурова.

— Вотъ что сдѣлаетъ!—вдругъ проводитъ Дудка всей ладонью по его длинному лицу и быстро прячется за Шабатурова.

— А ну къ чорту!.. Бо, какъ дамъ!..

— А ну? — смѣясь и поддразнивая его, выставляетъ свое рябоватое остренькое лицо Дудка.

Въ другое время Макуха не снесъ бы этого и завелъ бы съ Дудкой такую возню, что вся рота качалась бы отъ смѣха. Но теперь только хмуро и сердито смотритъ въ сторону и напряженно о чемъ то думаетъ.

И съ какимъ упорствомъ, снаружи незамѣтнымъ, но глубокимъ, ведется эта борьба! Съ перваго же мгновенія, какъ ввели *его* въ казарму, еще пахнувшаго зеленью своихъ лѣсовъ, еще исполненнаго тяжелаго благодушія, она уже зародилась. Помню странное впечатлѣніе, которое производила его гигантская фигура съ копной желтыхъ волосъ на широкой головѣ, увѣ-

ренно-спокойная, медлительно-благодушная, среди запуганной, безпокойно-нервной толпы новобранцевъ, робко жавшейся къ стѣнамъ.

Помню, какъ ротный внимательно оглядѣлъ его и вдругъ остановился.

— Какъ зовутъ?—отрывисто, холодно бросилъ онъ.

— Никита Кравчукъ!

— Кравчукъ Никита — поправилъ капитанъ.

— Все одно! — спокойно согласился Кравчукъ.

— Не „все одно", а нужно говорить, какъ полагается. Откуда?

— Изъ кіевской губерніи.

— Хохолъ?

— Малороссіянинъ.

— Все равно!

— Не „все равно", бо то брань—„хахолъ",—благодушно улыбнулся Кравчукъ.

Капитанъ снова внимательно оглянулъ его и строго промолвилъ:

— Молчать! Твое дѣло отвѣчать, что спрашиваютъ. Православный?

— Малеванецъ.

— Кто?

Малеванецъ.

— Не понимаю. Католикъ? Магометанинъ?

— Не католикъ и не магометанинъ, а малеванецъ.

— Что онъ говоритъ?—съ недоумѣніемъ обернулся капитанъ къ фельдфебелю.

— Малеванецъ, ваше высокоблагородіе, то все одно, значитъ, что штунда. Такіе штундари себѣ, ваше высокоблагородіе...—чуть улыбнулся фельдфебель и слегка выпрямился.

— Во-отъ ка-акъ? - удивленно протянулъ ротный. — Такъ ты еще смѣешь заявлять мнѣ это въ глаза? Да ты знаешь, что я тебя подъ судъ отдамъ за твою штунду?

— Я—не штунда, я—малеванецъ, — спокойно отвѣтилъ Кравчукъ.

— Все равно!

— Не все равно, бо штунда...

— Да что ты, слушай,—перебилъ его пораженный капи-

танъ:—дуракъ или сумасшедшій? Да какъ ты смѣешь говорить такъ со мной?!

— А какъ же я говорю?—удивился и Кравчукъ.

— Эге-ге! Да съ тобой, какъ вижу, придется „разговаривать“. Ты, видно, изъ тѣхъ, что хоть дурные да хитрые... Обратить на него вниманіе!—предостерегающе обернулся онъ къ фельдфебелю и, еще разъ оглянувши Кравчука внимательнымъ, стальнымъ взглядомъ, пошелъ дальше.

Съ тѣхъ поръ и ведется „разговоръ“, но выходитъ то онъ не такимъ ужъ легкимъ, какъ, очевидно, представлялъ себѣ капитанъ.

Но знаете ль вы, что такое „разговоръ“? Это—усиленная муштра, а муштра—это дурманъ. Вымуштрованный солдатъ —это до того задурманенный человѣкъ, что у него уже нѣтъ ни воли своей, ни мысли, ни чувства, который по приказанію задурманившихъ его готовъ родной матери животъ распороть.

И вотъ эту гигантскую фигуру начинаютъ ежедневно облачать въ узкій мундиръ, засупонивать поясомъ, высчитывать ея движенія, слова. Что за чертовщина! онъ этого совсѣмъ не зналъ въ лѣсахъ, въ которыхъ совсѣмъ не нужно ходить такъ, словно тебѣ вбили въ спину осиновый колъ. И къ чему затягивать такъ поясъ, чтобы дохнуть нельзя было?

Ему объясняли, учили, тыкали кулаками въ животъ, въ „морду“, но онъ никакъ не понималъ и на слѣдующій день снова стоялъ съ свободнымъ поясомъ, заложивъ даже руку за него.

Его отправляли въ карцеръ, но, возвращаясь оттуда, онъ казался еще могучѣе, а поясъ былъ еще свободнѣе.

Не везло муштрующимъ и съ движеніями Кравчука. Когда онъ идетъ, то все кажется, будто тащитъ на спинѣ громадную тяжесть. И, главное, во время самаго строгаго ученья, когда все должно „замереть“, онъ вдругъ возьметъ кашлянетъ, преспокойно высморкается и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, „замретъ“. Ну, конечно, за это ему и „наморднсники“, и „по храпу“, и въ карцеръ. А на другой день опять или вздохнетъ съ такимъ шумомъ, словно скинулъ съ плечъ свою ношу, или ногу согнетъ.

Не нравилась Кравчуку и обстановка казармы,—безцвѣтная, однообразная. Для дурмана какъ разъ подходящая, а ему не нравится. Чуть свободная минутка, глядь, Кравчукъ ужъ у окна и глядитъ въ него. Большія губы слегка раскрыты,

глаза тоскливые. А за окномъ далеко лѣсокъ надъ рѣкой, тучки плывутъ.

— Кравчукъ! Побила бъ тебя лихая година, ты что жъ это койку не прибралъ?!

Кравчукъ вздыхаетъ и враждебно смотритъ на койку. Подлое полотенце! опять забылъ его на эту дурацкую подушку положить.

Словомъ, не мирится съ нимъ казарма ни въ чемъ. Что по муштрѣ положено, Кравчукъ, какъ на зло, возьметъ и нарушитъ. И не знаешь притомъ, нарочно или нечаянно. Скажутъ поправить, поправитъ, а потомъ опять.

— Что жъ это такое, вездѣ бьютъ да бьютъ...—говорилъ онъ фельдфебелю, не оправдываясь, а наставительно.—Развѣ такъ можно? Кровь проливать нельзя.

Солдатики слушаютъ и усмѣхаются. А фельдфебель только руками разводитъ.

Ужъ, кажется. все такъ отлично и умѣло приспособлено къ муштрѣ, такъ обдумано каждое движеніе, каждое слово, такъ обставлено всякими рогатками, что и мѣсяца не должно пройти, чтобы сломить самую сильную душу, а съ Кравчукомъ возятся, „разговариваютъ" четыре мѣсяца уже и не могутъ еще добиться, чтобы онъ правильно фуражку надѣлъ. Капитанъ зубами скрежещетъ и дѣлается весь свинцово-блѣдный, когда говоритъ съ Кравчукомъ. Кравчукъ же остается все тѣмъ же, только благодушіе его исчезаетъ день за днемъ, замѣняясь какой то суровой задумчивостью и молчаливостью. Его почему то любитъ задѣвать и дразнить Дудка, но онъ всегда отворачивается и отходитъ къ окну или берется за евангеліе, которое ротный, очевидно, не смѣетъ отнять у него.

Мнѣ же кажется, что ротный начинаетъ увлекаться этой борьбой. Хищно иногда горятъ его глаза и блѣднѣютъ губы, когда онъ предъ всей ротой „разговариваетъ" съ Кравчукомъ. И уже нѣтъ ни одного движенія, ни одного слова гиганта, которое бы не было использовано въ цѣляхъ покоренія. Но... увы! каждый день неожиданно у Кравчука появляется новый „фокусъ" и снова капитанъ злится, бьетъ „по хрэпу" и „разговариваетъ".

Въ особенности закипѣлъ этотъ бой послѣ инспекторскаго смотра, когда протестъ Кравчука сталъ грозить нарушеніемъ повиновенія всей роты.

Вышло это такъ.

Вы, конечно, мало знаете, что такое этотъ инспекторскій смотръ. Это довольно глупая и наглая комедія, очень успѣшно впрочемъ помогающая одурманиванью. Обыкновенно смотръ подгоняютъ къ послѣпраздничному времени, когда вліяніе всѣхъ казарменныхъ порядковъ должно пошатнуться отъ соприкосновенія съ „вольными" людьми. Тогда пріѣзжаетъ какой нибудь генералъ или что нибудь вродѣ этого и подновляетъ нарушенное. Дѣлается это, конечно, подъ видомъ заботы о благосостояніи „братцевъ". Даже опрашиваютъ, нѣтъ ли жалобъ у кого нибудь. Понятно, всѣ оказываются всѣмъ необыкновенно довольны, счастливы и отвѣчаютъ на вопросы такъ радостно и весело, точно у каждаго въ груди не запуганное, омертвѣлое солдатское сердце, а цѣлая развеселая полковая музыка.

Случается, правда, что, несмотря на предварительную муштру, какъ отвѣчать, какъ смѣяться, какъ быть всѣмъ довольнымъ, на смотру кто нибудь, соблазненный „отеческимъ" тономъ инспектора, вдругъ прорывается неожиданной жалобой. Его тогда прежде всего наказываютъ за то, что онъ не предупредилъ своего „отдѣленнаго" начальника о томъ, что онъ намѣренъ на него же жаловаться; затѣмъ для вида разбираютъ эту жалобу, и въ концѣ концовъ находятъ ее безосновательной, за что жалобщику еще влетаетъ. Вотъ и все.

И довольно забавная получается исторія. Оторвали тебя отъ всего дорогого, связали руки, ноги, заткнули ротъ, замазали грязью сердце, высушили мозгъ и невинно спрашиваютъ: „ну? всѣмъ доволенъ, братецъ?" Нѣтъ, великая эта сила — муштровка! Попробуй сдѣлать это свѣжему человѣку, такъ онъ бы и путы порвалъ, и руки порѣзалъ, но довольство свое высказалъ бы, какъ слѣдуетъ.

Мы уже цѣлую недѣлю не имѣли покоя. Каждый день мы что то чистили, скребли, мыли, гоняли по цейхаузамъ, канцеляріямъ, шили, стругали, глотали на скорую руку свои „порціи" и мертвые падали отъ усталости. За цѣлую недѣлю я не имѣлъ времени письма прочитать! Если бы и было вліяніе „вольныхъ", то за эту недѣлю оно навѣрно испарилось.

Но вотъ насталъ и этотъ торжественный день. Еще съ вечера мы разложили свои разобранныя до послѣдняго вин-

тика винтовки и повыкладывали свои вещи (щетки, молотки, ваксу, бѣлье, сапоги). Въ шесть часовъ, уже одѣтые, мы ходили съ напряженными нервами и страхомъ въ сердцѣ. А вдругъ (чѣмъ чортъ не шутитъ!) сядетъ пушинка на плечи? Пропалъ.

Статуя еще въ пять часовъ прибѣжалъ и сейчасъ же устроилъ репетицію, какъ отвѣчать, какъ смѣяться, какъ дѣлать „молодцеватый и бравый“ видъ. Жалобъ не предвидѣлось.

Въ девять мы уже стояли въ мундирахъ „перваго срока“, невыносимо вонявшихъ нафталиномъ, въ новыхъ картузахъ, похожихъ на сковороды, и „въ полной аммуниціи“, то есть: на плечахъ скрученная шинель, ранецъ, полный всякой дряни, съ боку мѣшокъ съ тѣмъ же, лопатка, топоръ, подсумокъ и въ рукѣ винтовка.

Долго такъ стояли, одеревенѣлые, тупые, съ напряженно-ожидательными рожами. Но вотъ грянулъ оркестръ и появился инспекторъ.

Худъ онъ былъ до крайности: казалось, онъ притворяется, что подъ мундиромъ у него тѣло, а не одни палки. Похожъ былъ на чучело, которое одѣваютъ въ зипунъ и ставятъ на огородѣ. Лицо желто-грязное, скомканное; жилистая, изможденная рука съ сизо-красными ногтями опиралась на палку. На носу, болѣзненно желтомъ, пенснэ, которое часто падало.

За нимъ длиннымъ рядомъ, подтянутые и настороженно-безпокойные шли офицеры. Онъ говорилъ съ ними хриплымъ, жиденькимъ теноркомъ. Рота стояла вытянувшись, плотная, точно вылитая изъ одного куска свинца.

— Здорово, братцы! — искусственно-бодро и жалко выкрикнулъ инспекторъ и молодцевато выпрямилъ грудь. Рота только и ждала этого.

— Здрав... жлай... вашш... вcок... прев... ство!! — дружно и сочно, какъ одинъ, выкрикнула сотня напряженныхъ голосовъ.

Инспекторъ довольно пожевалъ губами, обернулся къ ротному, который съ слегка блѣднымъ лицемъ шелъ позади его, и остановился. Остановился и длинный рядъ офицеровъ. Поговорили о чемъ то и снова двинулись. Мы же стояли мертвые, неподвижные, окаменѣлые.

Начался осмотръ. Осматривали ранцы, сапоги, портянки, ходили туда-сюда. Генералу, очевидно, столько же было

дѣла до всего этого, какъ мнѣ до его пенснэ, съ которымъ онъ больше возился, чѣмъ съ нами, но дѣлалъ видъ, что все понимаетъ и всѣмъ доволенъ. Впрочемъ, я думаю, эта жалкенькая развалина продѣлывала все это искренно: сказано сдѣлать смотръ, ну и смотритъ, она даже не съумѣла бы играть комедію.

Но бѣдные „братцы" до того принимали все это въ серьезъ, что у моего сосѣда началось нервное подергиванье подбородка. На него свирѣпо поглядывалъ фельдфебель, но этимъ дѣлу помогалъ мало.

Потомъ старикашка попросилъ всѣхъ офицеровъ выйти изъ роты въ канцелярію, а самъ остался съ нами. Это, видите-ли, для того, чтобы имѣющій жалобу могъ подать ее безбоязненно и не стѣсняясь присутствіемъ того, на кого хотѣлъ жаловаться!

Мы всетаки не шевелились.

— Ну, э... э.., братцы,.. я... э... Да подойдите ближе! — скомандовалъ онъ, прилаживая пенснэ и смѣшно подергивая сухой кожей носа.

Мы и къ этому „номеру" были приготовлены. Разъ, два! Повернулись и правильнымъ, ровнымъ кругомъ обступили его.

Старичекъ остался доволенъ.

— Такъ... Итакъ, братцы, мы собрались тутъ. Хм... Эм... И вы, и я.. Дэ... Теперь вы — дѣти, а я... эп.. эп... отецъ вашъ. Не начальникъ, а отецъ...

Старичекъ заморгалъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ бываютъ брови, прикрѣпилъ пенснэ и, пожевавъ изсиня-блѣдными губами, продолжалъ:

— Дэ... Такъ что вы меня, братцы, не бойтесь... Если васъ кто изъ начальниковъ вашихъ... эм... эм... обидѣлъ, вы говорите... По правдѣ... э... э... не стѣсняясь... Дэ... За Богомъ служба.., или какъ это? за царемъ... да, да.. Поняли?

— Такъ точ... вашш... всок... прев... ство!! — громомъ раскатилось, дружно и радостно.

— Очень... э... очень это мнѣ... эп... эп... пріятно. Дэ... Кто же изъ васъ... имѣетъ жалобу?

— Никакъ нѣтъ, ваш... всок... прев... ство!!

Старичекъ пожевалъ губами и подумалъ, что бы такое еще сказать.

— А васъ... э... васъ никто эм... не обижалъ?

— Никакъ нѣтъ, ваш... всок... прев... ство! — еще веселѣе, еще радостнѣе вырвалось у насъ.

— Тэкъ... Дэ.

Старичку уже, видно, становилось скучно. Онъ глуповато-добродушно посматривалъ на насъ и не зналъ, что же ему дальше говорить.

Но въ это время вдругъ среди гробовой тишины густо и неожиданно раздалось:

— Меня обиждали!

Словно по кругу солдатскихъ тѣлъ пустили электрическій токъ, такъ всѣ вздрогнули и оглянулись на этотъ суровый, грубый голосъ.

— Что? — не разслышалъ и не понялъ генералъ.

— Меня обиждали! — громче и еще суровѣе послышалось съ заднихъ рядовъ.

— Обижали? Кого? — всетаки еще не понималъ старичекъ, которому, очевидно, и въ голову не могло прійти, что кто нибудь можетъ въ серьезъ принять его слова.

— Меня! Я хочу жалобу подать... выступилъ немного впередъ Кравчукъ, сурово глядя передъ собой своими небольшими твердыми глазами.

Старичекъ даже испугался немного.

— Стой... стой! Куда же ты? Стой... э... стой на мѣстѣ... Жалобу?.. эм... эм... на кого?

— На фитьфебыля и на ротнаго командира — сильно бьютъ.. А бить низзя, не...

— Бьютъ?.. Эп... эп... ротный командиръ?

— И фитьфебыль.

Старикашка растерянно оглянулся и, очевидно, не зналъ, какъ ему быть. Ему совсѣмъ не докладывали, что „имѣются быть“ жалобы. Наконецъ, онъ еще разъ поглядѣлъ на Кравчука, который стоялъ, не сомкнувъ плотно ногъ, и нашелъ выходъ.

— А ты, эм... братецъ, солдатъ? Или... Ты не по формѣ стоишь... Дэ... Жалобу подавать такъ... эм... нельзя!.. Я такой жалобы... э... э... не прійму... Иди на мѣсто!

— Меня били.., говорю правду, какъ отцу! — не поправляя ногъ и не обращая вниманія на его слова, снова угрюмо проговорилъ Кравчукъ.

Старичекъ окончательно сбился съ толку, моргалъ голы-

ми бровями, боязливо косился на насъ и все возился съ пенсэ. Наконецъ, нашелся и выпалилъ:

— Хорошо... Я запишу... Иди!

И, дѣйствительно, вынулъ изъ кармана записную книжку и дрожащими пальцами сталъ что то записывать.

Мы же, неподвижные и оцѣпенѣлые, стояли и дѣлали видъ, будто все это насъ нисколько не касается.

— А больше... э... никто не имѣетъ жалобъ?

— Никакъ нѣтъ, вашш... всок... прев... ство!

Старичекъ поспѣшилъ окончить отеческій опросъ. Сейчасъ же были позваны офицеры и ротный (которые, конечно, отлично слышали и даже видѣли все изъ канцеляріи). Генералъ о чемъ то пошептался съ ротнымъ, тотъ пожималъ плечами и вытягивался, а старикашка растерянно и обиженно что то разсказывалъ.

Отсюда получилось слѣдующее распоряженіе:

Никиту Кравчука, то есть Кравчука Никиту за неформенное поданіе жалобы—на гауптвахту усиленнымъ арестомъ на пять сутокъ. Затѣмъ, за непредупрежденіе ротнаго и фельдфебеля о жалобѣ перевести въ разрядъ штрафованныхъ, благодаря чему онъ могъ получать розги. Сама же жалоба... Впрочемъ, я о ней больше ничего не слыхалъ.

Нѣтъ, виноватъ! о ней приходится слышать не разъ. Всегда, когда ротный „разговариваетъ“ съ Кравчукомъ, онъ вспоминаетъ о ней. Но Кравчукъ молчитъ.

Теперь остается мѣсяца полтора до присяги, то есть до того времени, когда „молодые“ будутъ уже такъ задурманены, что ихъ можно будетъ посылать убивать людей, охранять своихъ истязателей и орудія убійства. За эти полтора мѣсяца нужно отшлифовать солдатскія души такъ, чтобъ онѣ блестѣли не хуже казенныхъ котелковъ. Для этого всѣ неровности, всѣ изгибы должны быть стерты, уничтожены. И капитанъ съ компаніей праздныхъ балбесовъ, поручиковъ и подпоручиковъ, очень старательно и серьезно занимаются этимъ. Но... Кравчукъ!.. Это — отрава всей роты, какъ не разъ говорилъ самъ Статуя. Просто бѣда съ нимъ! Вотъ, кажется, все уже, какъ слѣдуетъ... трахъ! Кравчукъ буркнулъ что нибудь, и солдаты неспокойны, шепчутся, тоскливо чего-то ищутъ забитой, запуганной мыслью, о чемъ то мечтаютъ, сумрачны, недовѣрчивы.

О, Кравчукъ за это хорошо расплачивается! Но... ни „мордоплясы“, ни „по храпу“—ничто не помогаетъ. Борьба ведется съ тѣмъ же упорствомъ. Чѣмъ окончится она, повторяю, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, симпатіи далеко не всѣ на сторонѣ капитана. Хорошо это! Радъ страшно.

Пока же оканчиваю. Думаю, что скоро пришлю вамъ опять посланіе, ибо безъ „исторій“ не обойдется....

* * *

Это письмо пишу прямо изъ карцера. Послѣднее время я больше сижу здѣсь, нежели въ казармѣ. Приказавъ всей ротѣ не разговаривать со мной подъ страхомъ наказанія, ротный всетаки не довѣряетъ этому средству и боится, что одинъ мой видъ будетъ мѣшать его дѣйствіямъ. Поэтому онъ за всякую мелочь засаживаетъ въ карцеръ. Мнѣ же только этого и нужно и я охотно иду навстрѣчу желаніямъ капитана. Вѣдь только тутъ я и могу писать вамъ. (Это, конечно, происходитъ безъ вѣдома Статуи и покупается у „фитьфебыля“ по полтиннику за каждое сидѣніе). Теперь отсиживаю вотъ за что. Разскажу вамъ весь тотъ пріятный денекъ.

Утро. Только не воображайте, что это обыкновенное, человѣческое утро, это даже не куриное, а солдатское утро. До разсвѣта еще хорошенькихъ часа три. Впрочемъ лампочка на ротномъ столѣ уже истомилась и при послѣднемъ издыханіи. Отъ этого въ казармѣ воздухъ становится значительно гуще, но дышать еще можно. Мерцаетъ и безсильно вздрагиваетъ желтенькій огонекъ на столѣ и тогда кажется, будто длинные ряды коекъ сразу подпрыгиваютъ и замираютъ. Кто то ворчитъ во снѣ и усиленно чешется. На столѣ, безнадежно свѣсивъ голову на грудь, дремлетъ дневальный. Казенное одѣяло кусаетъ тѣло, но тѣмъ не менѣе любовно заворачиваешься въ него, поджимаешь ноги, пріятно качаешься на волнахъ сна... И вдругъ: трамъ-тамъ-тамъ-тамъ!

Что то тоскливое, липкое поползетъ по душѣ.

„Барабанъ, нужно вставать“.

— Вставай, вставай! Первый взводъ, заметать, убирать!— слышится за койками пьяный, хриплый голосъ фельдфебеля.

Съ лютой рѣшительностью сбрасываешь одѣяло и встаешь.

Въ это утро фельдфебель былъ здорово на похмѣльи, а потому кричалъ сипло и смѣшно. Солдаты посмѣивались, а онъ злился.

— Вставай, вставай!

Встаемъ, одѣваемся. Окна черныя еще совсѣмъ, во взводѣ полутьма, копошатся солдатскія тѣла въ ситцевыхъ сорочкахъ.

Появляется коротенькая, толстенькая фигура фельдфебеля. Онъ стоитъ въ проходѣ коекъ и пристально вглядывается въ темный уголъ.

— А это кто тамъ сидитъ паномъ дѣло? — кричитъ онъ, показывая головой на неподвижную, сѣрѣющую фигуру на дальней койкѣ.

— Кравчукъ, Сидоръ Максимовичъ... Богу молится...— хихикая, отвѣчаетъ кто то.

— А умываться? Онъ таки опять за свое?

Кое кто хихикаетъ, а Сидоръ Максимовичъ пробирается мимо насъ и направляется къ Кравчуку. Кто то беретъ со стола лампочку и освѣщаетъ уголъ. Кравчукъ сидитъ, не шевелясь, въ строгой проникновенности, и молчитъ.

— Ты!.. Харя! — толкаетъ его кулакомъ въ плечо фельдфебель — Умываться! Трясця бъ тибе умыло!

Кравчукъ не поворачиваетъ головы и видно лишь, какъ губы его шепчутъ что то.

— Я кому говорю? Кравчукъ!

Могучій суровый профиль Кравчука, освѣщенный судорожнымъ свѣтомъ погасающей лампочки, не движется.

— Вотъ, смотрите, видѣли вы такого чорта? — съ нотками смѣха, удивленія и гнѣва поворачивается къ намъ фельдфебель. Нѣкоторые хихикаютъ, но большинство напряженно слѣдитъ, что будетъ дальше.

— Ты! Штунда чортова! — снова тыкаетъ онъ „штунду" ладонью въ лобъ.

Громадная, остриженная голова слегка откидывается назадъ и снова упрямо смотритъ предъ собой суровымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ.

— Богу молится! Спасается!.. Ишь, святой какой!.. А до иконы? А встать? Ты! — проводитъ Сидоръ Максимовичъ пальцемъ по губамъ Кравчука, которыя издаютъ при этомъ хлюпающій звукъ, вызвавъ нервный, мгновенный смѣхъ у зрителей.

— Вы посмотрите: сидитъ таки, — хоть бы зволили поворохнуться... Вы! Ваше превосходительство! — хватая двумя пальцами за носъ Кравчука и поворачивая его къ себѣ, слегка наклоняется фельдфебель. — Поглядите жъ хоть на насъ.. Во!.. — держа за носъ и показывая намъ, смѣется онъ. — Какой патретъ!

Картина, дѣйствительно, до того странная и вмѣстѣ смѣшная, что публика невольно разражается какимъ то нервнымъ, возбужденнымъ хохотомъ. Но Кравчукъ все такъ же, не шевелясь и не двинувъ даже сложенными на колѣняхъ руками, съ невольно закинутой назадъ головой сурово что то шепчетъ и смотритъ куда-то чрезъ наши головы.

— А до иконы молиться, болячка бъ съ тобою молилась, до иконы.., до иконы... — водя за носъ то вправо, то влѣво, наставительно хрипитъ фельдфебель. — До иконы, штунда проклятая! Ну? — отнимая руку отъ носа, серьезно кричитъ онъ и вдругъ брезгливо смотритъ на свои пальцы и вытираетъ объ штаны.

— Фу! Харя! Чисто замазалъ пальцы объ носъ! Чтобъ тебя дубомъ поставило, вставай! А то я тебя такъ подниму, шо ажъ до горы ногами станешь. Вставай!

Вдругъ Кравчукъ глубоко вздыхаетъ, перестаетъ шептать и встаетъ. Молча натянувъ на себя мундиръ, онъ неуклюже поворачивается и, презрительно-сурово поглядѣвъ на фельдфебеля, тяжело направляется къ намъ.

Это молчаніе, а особенно презрительный взглядъ, взрываютъ Сидора Максимовича.

— Стой! — бѣшено рявкаетъ онъ. — Стой, тебѣ говорю! — хрипитъ онъ, видя, что Кравчукъ даже не оглядывается.

Гигантъ вдругъ молча останавливается и съ спокойно-суровымъ ожиданіемъ оборачивается.

— Ты что жъ это? — быстро подходитъ къ нему Сидоръ Максимовичъ, тяжело сопя и злобно впиваясь въ него выпуклыми, сѣрыми глазами. — Что ты себѣ увображаешь, я съ тобой шутки шутить буду? Га? Ты знаешь,—бранится онъ матерной бранью, — что молиться по православному надо, га? Всѣмъ умѣстѣ!

— Я не умѣю по командѣ... Грѣхъ по командѣ молиться... Фарисеи такъ дѣлали... — неохотно, хмуро гудитъ Кравчукъ и, отвернувъ голову въ сторону, умолкаетъ.

— Такъ?! — съ яростію хрипитъ фельдфебель. — Мы фарисеи? Начальство фарисеи? Га?

Кравчукъ хочетъ что то сказать, но въ этотъ мигъ быстро поднимается короткая, толстая рука Сидора Максимовича и съ громкимъ плескомъ падаетъ ему на щеку.

Среди насъ проходитъ тяжелый, задержанный вздохъ, словно мы падаемъ куда то глубоко-глубоко. Кравчукъ же лишь пошатнулся и молча стоитъ, глядя куда то въ сторону.

— Мы фарисеи? Га? Фарисеи? — шипитъ фельдфебель — Я тебѣ покажу „фарисеи"! Маршъ умываться! Ты сегодня будешь еще съ командиромъ разговаривать. Онъ тебѣ покажетъ, какіе мы фарисеи... Маршъ! Всѣ маршъ!

Мы круто поворачиваемся, снова глубоко, но свободно вздыхаемъ и сначала молча, а затѣмъ горячо разговаривая всѣ вмѣстѣ, идемъ въ сѣни.

Умываемся торопливо, небрежно, на скорую руку вытираемъ горячія лица и, поглядывая на дверь, возбужденно обсуждаемъ происшедшее. Кравчукъ тоже умывается, но молча плещетъ холодной водой на красную щеку и даже не оборачивается къ намъ. Къ нашей кучкѣ приближается Дудка съ полотенцемъ на плечѣ.

— А скверно ты, братъ, сдѣлалъ! — подходя къ Кравчуку, серьезно говоритъ онъ и изо всей силы хлопаетъ того по наклоненной надъ корытомъ спинѣ. Кравчукъ молча поворачиваетъ свое мокрое лицо съ рѣзко-красной щекой и сумрачно-ожидательно смотритъ на него.

Мы тоже немного стихаемъ.

— Ей Богу, скверно! — даже не усмѣхнувшись, продолжаетъ Дудка. — Когда онъ взялъ тебя за носъ, было бъ шмаркнуть ему полную руку, вотъ и не бралъ бы другой разъ... А то...

Хохотъ заглушаетъ его слова и даже самъ Кравчукъ невольно смѣется и, отвернувшись, умывается.

— А ей Богу! — вскрикиваетъ Дудка, чуть усмѣхаясь. — Что жъ онъ тебя за деликатное мѣсто беретъ? И не виноватъ былъ бы! Само!

— Нѣтъ! — вдругъ горячо перебиваетъ его солдатикъ съ сережкой въ ухѣ, прозванный у насъ Рлапорлтомъ за то, что вмѣсто р выговариваетъ рл. — Рлазвѣ онъ имѣетъ прлаво запрлещать ему молиться? А? По какому такому прлаву? А еже-

ли я не вѣрлю по вашему?

— Да не мо-о-зетъ быть? — насмѣшливо протягиваетъ Дудка, поворачиваясь къ нему. — А ты зъ узе забылъ то прлако, какъ тебя по морлдѣ били? А?

— Иди къ чорлту, дурлакъ! — сердито огрызается Рлапорлтъ.—Ты, какъ мальчикъ все рлавно, никоторлаго понятія. Я говорю по серльезному, а онъ...

— Ша! — вдругъ торжественно поднимаетъ руку Дудка. — Рлапорлтъ будетъ серльезно рлапорлтовать!

— Дурлакъ и больше ничего! — съ гнѣвомъ поворачивается Рлапорлтъ и, плюнувъ, идетъ въ казарму подъ смѣхъ товарищей.

— А я бъ, накажи меня Господь, далъ бы когда нибудь сдачи фитьфебылю, ежели бы онъ вязнулъ такъ ко мнѣ, какъ къ Кравчуку — задумчиво говоритъ Шабатуровъ, тоже съ полотенцемъ на плечѣ.—Просто жъ мучитъ, сукинъ сынъ... И кажный тебѣ день, кажный день!

— Что, Кравчукъ?—снова хлопая того по спинѣ, поворачиваетъ къ нему свое рябоватое, худенькое лицо Дудка. — Слышь, что говоритъ наша Шабатурка?

— Нельзя проливать чужой крови — глухо гудитъ надъ корытомъ Кравчукъ.—„Кровь брата вопіетъ ко Мнѣ“; сказано...

— Эге! — не зная, что сказать, махаетъ рукою Дудка.— Что тамъ „брата“...

Но всѣ почему то сразу задумываются, потомъ вдругъ словно просыпаются и поспѣшно идутъ въ казарму.

— А того... идола еще нѣтъ? — встрѣчаетъ фельдфебель послѣднихъ.

— Умывается, Сидоръ Максимовичъ!

— Намордасникъ смываетъ?

— Такъ точно!

— Позвать его на молитву!

Кравчука зовутъ. Онъ не спѣша идетъ, складываетъ свое полотенце на подушкѣ и становится въ рядъ. По командѣ фельдфебеля мы начинаемъ пѣть хвалу царю небесному, притомъ съ такимъ воодушевленіемъ, что начинаешь ощущать въ ушахъ барабанную перепонку.

— Стой! — вдругъ кричитъ фельдфебель.

Всѣ моментально умолкаютъ и удивленно озираются.

— Ты жъ это, почему не молишься? — подходя къ Крав-

чуку, сипитъ Сидоръ Максимовичъ. — Почему не спиваешь?
Кравчукъ молчитъ.

— Молись мнѣ сейчасъ же, харя штундарская, бо я тебя разорву, проклятаго!

— Хоть и съѣшьте! — буркаетъ Кравчукъ, не глядя на него. Фельдфебель на мигъ столбенѣетъ и не знаетъ, что сказать. Впрочемъ, это съ нимъ бываетъ довольно часто, если въ жизненный опытъ его попадаетъ что нибудь непривычное. Онъ въ такихъ случаяхъ странно и комично раскрываетъ глаза и ротъ и, застывъ, стоитъ нѣсколько игновеній, словно подавившись услышаннымъ.

— Ага! Ты такъ?—наконецъ, тихо говоритъ онъ.—Ну, хорошо же! Вотъ прійдутъ командиръ, я доложу имъ, какъ ты отвѣчаешь начальству... Хорошо, хорошо!.. На-чи-най! — вдругъ грозно командуетъ онъ и прерванное пѣніе молитвы продолжается.

Послѣ молитвы десять минутъ отдыха, а затѣмъ ученіе. Тутъ также не обходится безъ „фокуса", и къ тому времени, когда въ казарму долженъ прійти ротный, фельдфебель уже только сипитъ.

— Вста-ать! Смирно-о!!—вдругъ, какъ ошпаренный, кричитъ дневальный и въ казармѣ, точно въ сказкѣ по мановенію злого колдуна, все замираетъ на своихъ мѣстахъ. Кто собирался взять винтовку, такъ и остается у козелъ; кто отставилъ ногу, такъ и замеръ. Я не разъ смотрѣлъ въ такія минуты на Кравчука, надѣясь увидѣть, какое впечатлѣніе производитъ на него появленіе его главнаго врага; но, сколько я ни присматривался, лицо его было всегда сурово-спокойное, каменно-твердое. И развѣ лишь становилось еще тверже соотвѣтственно величинѣ начальства.

— Ваше высокоблагородіе, въ третьей ротѣ,—между тѣмъ рапортуетъ дежурный, выскочивъ навстрѣчу ротному съ блѣднымъ, перепуганнымъ лицомъ, — въ третьей ротѣ Суздальскаго пѣхотнаго полка...

И, спутавшись, тревожными, широко раскрытыми глазами неподвижно смотритъ на Статую, который холодно, не перебивая его, слушаетъ, держа „подъ козырекъ".

Минуту оба молчатъ и въ казармѣ настаетъ гробовая тишина.

— Ваше высокоблагородіе, въ третьей ротѣ, — начинаетъ

снова дежурный и слышно, какъ голосъ его перерывается и какими то кусками выскакиваетъ изъ горла. — Въ третьей ротѣ Суздальскаго пѣхотнаго полка... во время... дежурства... происшествій... никакихъ не случилось! Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!

— Прежде всего — спокойно, холодно начинаетъ ротный, опуская руку съ козырька,— ты — негодный дежурный. Понимаешь? Ты не можешь своему ротному командиру отрапортовать, какъ слѣдуетъ. За это ты пойдешь на 5 сутокъ подъ арестъ. Затѣмъ, ты —негодный солдатъ. Ты не умѣешь правильно стоять. Какъ ты стоишь? Ты погляди, какъ ты стоишь? Какъ носки у тебя?

Дежурный наклоняетъ голову и съ ужасомъ видитъ, что носки у него разошлись сверхъ положеннаго больше, чѣмъ на два, а то, чего добраго, и на цѣлыхъ три пальца. Придавленный этимъ, онъ поднимаетъ голову и покорно снова смотритъ въ холодные каріе глаза ротнаго, стальнымъ, острымъ взглядомъ пронизывающіе его.

— За это ты пойдешь еще на пять сутокъ. И третье, ты — трусъ. Понимаешь? За это пойдешь не въ очередь въ караулъ. А теперь повернись, сдѣлай десять шаговъ, вернись назадъ и отрапортуй снова. Только смотри: маленькая ошибка и еще пять сутокъ. Маршъ!

Дежурный поворачивается, дѣлаетъ *девять*, а не десять шаговъ, и идетъ назадъ. Не доходя пяти шаговъ до ротнаго, останавливается и, взявъ подъ козырекъ, начинаетъ:

— Ваше высокоблагородіе, въ третьей ротѣ...

— Отставить! — перебиваетъ ротный.

Дежурный умолкаетъ.

— Ты сколько шаговъ сдѣлалъ?

— Десять, ваше высокоблагородіе.

— Значитъ, ты ко всему еще и дуракъ: не умѣешь до десяти посчитать. За это ты пойдешь еще на двое сутокъ. Ступай еще разъ. Маршъ!

Тотъ поворачивается и снова идетъ. И мнѣ ясно видно его веснушчатое, несимпатичное лицо, дрожащими губами старательно высчитывающее шаги.

На этотъ разъ рапортъ оканчивается благополучно, и ротный идетъ дальше.

— Здорово, братцы!—какъ лязгъ ножа о камень, слышится

за нимъ возлѣ каждаго взвода и въ отвѣтъ ему всякій разъ:

— Здрав... жлай... ваш... всок... родь!

— Ну, Кравчукъ, готовься!—толкая его локтемъ въ бокъ, шепчетъ Дудка, глядя, какъ фельдфебель исчезаетъ за ротнымъ въ канцеляріи.

Кравчукъ глубоко, какъ волъ, вздыхаетъ и точно будто готовится.

Проходитъ двѣ минуты, три, пять, ни фельдфебеля, ни ротнаго не видать.

— Рлапорлтуетъ!—шепчетъ Дудка; но никто даже не улыбается.

Но вотъ скрипитъ дверь изъ канцеляріи и въ ротѣ появляется командиръ, а за нимъ фельдфебель.

Мы вытягиваемся и каменѣемъ.

— Кравчукъ! — не очень громко и слишкомъ спокойно зоветъ капитанъ, останавливаясь противъ нашего взвода.—Иди сюда!

Кравчукъ дѣлаетъ нѣсколько тяжелыхъ, неуклюжихъ шаговъ и останавливается передъ ротнымъ. Тотъ минуту стоитъ, задумчиво глядя намъ куда то подъ ноги, и будто не замѣчаетъ гигантской фигуры. Глаза его, въ жилистыхъ мѣшечкахъ, не отрываются отъ нашихъ ногъ и словно даютъ намъ возможность, не встрѣчаясь съ его взглядомъ, еще разъ разсмотрѣть это слишкомъ знакомое, ненавистное намъ лицо.

— Видишь, Кравчукъ,—медленно поднимая голову и оглядывая того острымъ взглядомъ, начинаетъ Статуя.—Ты опять не покаялся.

И пристально смотритъ на Кравчука. Кравчукъ же, словно не къ нему рѣчь, стоитъ и глядитъ куда то черезъ голову Статуи.

— Если къ тебѣ обращается начальство, нужно смотрѣть на него... — не повышая голоса, добавляетъ капитанъ. И продолжаетъ пристально смотрѣть.

Кравчукъ переводитъ свой суровый взглядъ и спокойно глядитъ ему въ глаза.

— Стоять нужно ровно.

Кравчукъ выравнивается и слегка выставляетъ животъ.

— Животъ убрать нужно.

Животъ убирается, но зато спина сгибается.

— Грудь впередъ.

Мундиръ слегка потрескиваетъ и могучая грудь колесомъ выступаетъ впередъ.

— Руки по швамъ.

Руки словно прилипаютъ къ ногамъ.

Ротный снова обводитъ внимательнымъ взглядомъ всю фигуру съ ногъ до головы и начинаетъ:

— Ну-съ, а теперь я тебѣ вотъ что скажу. Ты не послушался приказанія своего начальника, фельдфебеля. Знаешь ты это?.. Онъ приказалъ тебѣ встать, а ты даже никакого вниманія не обратилъ на его приказаніе. Дѣло не въ томъ, всталъ ты или нѣтъ, а въ томъ, что ты не послушался. Понимаешь? Ты, значитъ, можешь не послушать и меня, и полковника, и самого царя? Да?

Кравчукъ молчитъ.

— Да?.. Я спрашиваю тебя. Отвѣчай же!

— Я Богу молился...—нехотя цѣдитъ сквозь зубы Кравчукъ.

— Значитъ, если ты будешь молиться Богу, а я прикажу тебѣ что нибудь сдѣлать, то ты не сдѣлаешь? Если, напримѣръ, придетъ непріятель и станетъ насъ убивать, а я прикажу тебѣ защищаться, а ты въ то время будешь молиться, то ты не послушаешься?

Хотя солдатики стоятъ неподвижно, но я по движенью губъ, глазъ вижу, что эти слова сдѣлали то, чего хотѣлъ капитанъ. Онъ и самъ это замѣчаетъ, хотя всего лишь разъ окидываетъ насъ внимательнымъ, быстрымъ взглядомъ.

— Ну? Отвѣчай же!

— Я все равно... не могу убивать... никого...

— Тогда тебя разстрѣляютъ?

Кравчукъ двигаетъ лицомъ, точно говоря: „ну, что жъ!“

— Хм!—очевидно, немного смутившись отъ такого молчаливаго отвѣта, но не показывая этого ни однимъ движеніемъ, словно съ сожалѣніемъ къ Кравчуку усмѣхается капитанъ. —Не боишься? Ну, что жъ, когда нибудь увидишь... Это разъ. А второе... Ты вотъ стоишь предо мной, будто страдалецъ какой... Мучаютъ тебя безвинно, придираются безъ толку. Такъ, должно, и всѣ товарищи твои думаютъ. Бѣдный! Такой маленькій, обижаютъ его!..

Если бъ въ строю можно было смѣяться, то я увѣренъ, что тѣ „товарищи“, на губахъ которыхъ играетъ улыбка, захихикали бъ. Но ротному достаточно и улыбокъ (хотя и

этого въ строю „не полагается“).

— И никто не вступится за него..., ни тятя, ни мама.. Хотя бы братикъ былъ...

— Онъ, ваше высокоблагородіе, — хихикая, осмѣливается выступить изъ-за ротнаго, фельдфебель,—такъ и говоритъ, что его, значитъ, обиждаютъ...

— Ну, конечно! Жалобу вѣдь подавалъ,—соглашается ротный.—Такой несчастный! Вотъ, посмотрите на него! — поворачивая Кравчука къ намъ, чуть усмѣхается онъ блѣдной, холодной улыбкой.

Дѣйствительно, можно ль громаднаго слона назвать несчастнымъ? Трудновато. А мнѣ въ такихъ случаяхъ всегда представляется слонъ, опутанный цѣпями, канатами, неуклюжій, но страшный и могучій. Кажется, повернется онъ, заревет, встряхнетъ всѣмъ тѣломъ и полетятъ къ чорту всѣ путы, и берегись тогда всѣ фельдфебеля и ротные. Понимаетъ ли это капитанъ? Кажется, да. Но, долженъ признаться, его всетаки можно уважать за смѣлость, съ какой онъ такъ заигрываетъ съ этой силой, если только можно уважать человѣка, который нарочно ходитъ по краю обрыва и упивается холоднымъ замираньемъ сердца, глядя въ головокружительную бездну.

И бываютъ довольно серьезныя минуты. Тогда въ казармѣ становится такъ тихо, что, закрывъ глаза, можно подумать, что стоишь самъ гдѣ нибудь въ сказочно-мертвой пустынѣ. Блѣдныя солдатскія лица застываютъ въ напряженномъ страхѣ и впиваются въ ротнаго и Кравчука. А они, стоя другъ противъ друга, какъ зачарованные глядятъ въ глаза, и блѣдные оба, страшные, не шевелятся. Кажется, вотъ вспыхнутъ вдругъ дикимъ огнемъ глаза разъяреннаго Кравчука, раздастся ревъ и произойдетъ нѣчто безумно-страшное и... желанное. Лицо же капитана становится необыкновенно красивымъ: побѣлѣвшія губы судорожно усмѣхаются, щеки розовѣютъ, глаза увеличиваются, горятъ, дышетъ часто.

Это продолжается всего нѣсколько мгновеній, но намъ кажется это время длиннѣе всего ученія.

Вдругъ Кравчукъ съ шумомъ вздыхаетъ, точно выпустивъ изъ себя весь паръ бѣшенства и озирается. Капитанъ вздрагиваетъ, проводитъ дрожащей рукой по лицу и быстро идетъ въ канцелярію курить, не говоря больше никому ни слова. И

въ тотъ день рано уходитъ домой, молчаливый и даже будто грустный.

Повернувшись за рукой ротнаго къ намъ, Кравчукъ равнодушно смотритъ то на хмурыя, то на веселыя лица товарищей и, понурившись, застываетъ.

— Кравчукъ! — вскрикиваетъ капитанъ — какъ стоишь? Ровно стань!

Кравчукъ неохотно поворачивается къ нему и выравнивается.

— Я развѣ говорилъ тебѣ поворачиваться? Повернись назадъ... Ну... Теперь повернись ко мнѣ... Такъ... Теперь повернись къ иконѣ... Куда, куда? Къ иконѣ.

Кравчукъ бросаетъ въ него подозрительнымъ, хмурымъ взоромъ и поворачивается къ ряду темныхъ, какого то грязнаго цвѣта иконъ, на которыхъ можно различить только красныя губы архангела Михаила и соболиныя брови св. Николы Угодника. Я не разъ видѣлъ ироническую усмѣшку на губахъ Кравчука, когда онъ глядѣлъ на нихъ.

— Теперь сложи пальцы для креста и перекрестись.

Кравчукъ поворачиваетъ къ ротному свое широкое, четырехугольное лицо и молча глядитъ на него, не поднимая руки и не складывая пальцевъ.

— Куда глядишь? Перекрестись, тебѣ приказываю... Кравчукъ!

— Я не умѣю—глухо говоритъ Кравчукъ.

Ротный, ни слова не говоря, вдругъ оборачивается къ намъ, пробѣгаетъ по всѣмъ глазами и останавливается на мнѣ.

— Иди сюда!—спокойно киваетъ онъ мнѣ головой.

Я вздрагиваю и чувствую, какъ отъ этого спокойнаго кивка у меня вдругъ выростаетъ въ мозгу какой то тяжелый, бѣшеный клубокъ мыслей и яростно стучитъ кровью въ виски и въ лицо. Я еще ничего не понимаю, но сердце страшно бьется. Я твердо стучу каблуками по полу и ровно подхожу къ нимъ. Губы капитана чуть-чуть тонко и злорадно кривятся усмѣшкой. Онъ пристально смотритъ на меня.

— Возьми его руку—не сводя съ меня глазъ и показывая рукой на Кравчука, ровно говоритъ онъ,—и научи его креститься.

Мой бѣшеный клубокъ вдругъ замираетъ.

— Я не умѣю!—вдругъ неожиданно, какъ то само собой вырывается у меня и въ тотъ же мигъ я чувствую злость на себя за этотъ глупый и, какъ мнѣ кажется въ ту мину-

ту, трусливый отвѣтъ.

— Не умѣ-ешь?—удивленно протягиваетъ ротный. — Студентъ университета не умѣетъ сложить креста?

— Не могу! — злобно поправляюсь я и, забывшись, дѣлаю какое то движеніе рукой.

— Какъ стоишь? Что за маханіе руками? Фельдфебель... На сутки его подъ арестъ!

— Слушаю!—вытягивается рожа у фельдфебеля (Онъ вѣдь мой пріятель: куритъ мой табакъ и „занимаетъ" деньги).

— Это тебѣ не университетъ, а казарма! Слышишь? Казарма! Никакихъ маханій руками не позволю. Сейчасъ же возми руку Кравчука и перекрести его. Слышишь?

И хотя голосъ его не поднимается выше ни на одинъ тонъ, но въ немъ слышится такая непоколебимая рѣшительность, что меня охватываетъ какое то холодное, страшное недоумѣніе. Не страхъ, не боязнь, а именно недоумѣніе. По голосу его я чувствую, что онъ не отступитъ отъ своего рѣшенія, но съ другой стороны я въ тотъ мигъ не могу представить себѣ, чѣмъ все это окончится; но окончиться, смутно вертится у меня, должно очень скверно, ибо непослушаніе карается серьезно.

Я молчу, затѣмъ отвѣчаю:

— Я не могу.

Въ горлѣ у меня першитъ, я прокашливаюсь и прямо гляжу ему въ глаза.

— То-есть, не хочешь?

Я молчу.

— Не хочешь?

— Не хочу.

— Ага! Прекрасно! Вотъ вамъ: видите?—вдругъ оборачивается онъ къ ротѣ, показывая на меня и Кравчука, который, къ слову сказать, ничуть не удивлялся моимъ отвѣтамъ и стоялъ съ такимъ понурымъ спокойствіемъ, словно рѣчь шла не о немъ, а о чемъ то совсѣмъ ему чуждомъ и неинтересномъ.

— Видите? Вотъ вамъ парочка несчастныхъ... Теперь видите, что за птицы эти студенты?

Я сразу понялъ все. Я понялъ теперь, почему онъ *меня*, а не кого другого вызывалъ, понялъ также, что мое непослушаніе ничего серьезнаго за собой не повлечетъ. Отъ этого,

или отъ того, что окончилось тяжелое недоумѣніе, мнѣ стало легче. Но зато въ груди поднялась такая злоба, что я серьезно сталъ бояться, какъ бы не броситься на ротнаго.

— Видите!—между тѣмъ продолжалъ ротный.—Онъ не можетъ, не хочетъ перекрестить человѣка... Я знаю, что въ моей ротѣ есть люди съ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ. Знаю и хвалю. Это—хорошо. Знаю, что имъ было жаль вотъ его (онъ, не глядя, повелъ на меня рукой), когда его привели къ намъ. Студентъ, благородный человѣкъ и—простой солдатъ. Правда, жаль? Знаю, знаю. Но не всякое жалостливое чувство—полезно. Возьмемъ такой примѣръ: поймали мужики волка въ овчарнѣ и бьютъ. Онъ кричитъ, изгибается, намъ видно, что ему больно. Но развѣ скажетъ кто нибудь изъ тѣхъ мужиковъ, что ему жаль волка? Нѣтъ. Вотъ такъ и здѣсь. Ваше жалѣніе его (онъ снова, не оборачиваясь, махнулъ въ мою сторону рукой)—это хорошо, это показываетъ, что вы — добрые люди. Но это съ другой стороны значитъ, что вы— неопытны. Это—волкъ! Я нарочно приказалъ ему перекрестить того другого волка. Я хотѣлъ показать вамъ ясно, кого вы жалѣете. Вотъ, теперь вы сами видѣли... Они оба креста боятся. А кто еще креста боится? Діаволъ!.. Знайте жъ, кого вы жалѣете!.. Это разъ. А второе тоже... До меня дошло, что вы начинаете у себя обсуждать, за что отдаютъ студентовъ въ солдаты, за что солдаты ходятъ усмирять рабочихъ и крестьянъ и тому подобныя вещи...

Здѣсь фельдфебель начинаетъ съ усиленно равнодушнымъ видомъ смотрѣть въ потолокъ, въ окна, и, встрѣтившись съ моимъ взглядомъ, быстро переводитъ взоръ снова на потолокъ.

— Да... И это хорошо. И это показываетъ, что у васъ доброе сердце. Но опять скажу, что не всякое доброе сердце къ добру ведетъ и не всякое обсужденіе—правильно... Вотъ вы обсуждаете, а ничего не знаете. Вамъ наговорятъ всего, вы и вѣрите. А повѣрите,—станете такъ думать и сами говорить всякія слова; а за это иногда можно и жизнью поплатиться. А все потому, что за совѣтомъ не обращаетесь къ старшимъ, опытнымъ людямъ, которые вмѣсто отца вамъ даны здѣсь... Все лукавствомъ хотите, хитростью... Я не запрещаю интересоваться, обсуждать... Интересуйтесь, пожалуйста, прошу даже, работайте мозгами, допытывайтесь, но... (многозначительная остановка) — знайте, гдѣ допытываться...

Вамъ интересно знать, за что берутъ студентовъ въ солдаты? Я вамъ сейчасъ скажу...

Онъ поворачивается къ намъ, сначала окидываетъ меня взглядомъ, затѣмъ Кравчука, снова меня и, обращаясь къ закаменѣвшимъ слушателямъ продолжаетъ:

— Я вамъ это скажу... На небѣ есть Богъ, на землѣ царь. Богъ правитъ людьми съ неба, а царь съ земли. Это всѣмъ извѣстно и такъ оно и должно быть. Такъ?

— Такъ точно, ваш... всок... бродь! — нестройно, но торопливо закричали слушатели.

— Такъ... И опять же не всѣ люди — равны: есть богатые, есть бѣдные, есть умные, глупые, высокіе, низкіе. „Ина слава солнцу, ина слава звѣздамъ“ — сказалъ Іисусъ Христосъ. Такъ?

— Такъ точно, ваш... всок... бродь!

— Такъ. Но есть такіе люди, которые этого не понимаютъ. Такіе люди хотятъ напасть на богатыхъ, забрать себѣ ихъ добро и самимъ воспользоваться имъ. А такъ какъ божескіе законы и справедливость на землѣ охраняетъ царь, то они хотятъ убить царя, хотятъ свергнуть его съ престола. Оттого они и креста боятся... А для этого они подговариваютъ вотъ такихъ, какъ Кравчукъ... Вы, навѣрно, думаете про себя: „вотъ, какой недобрый нашъ командиръ, издѣвается надъ Кравчукомъ, мучитъ его, преслѣдуетъ его понапрасну“. Правда, думали?

— Никакъ нѣтъ, ваш... всок... бродь! — испуганно, поспѣшно закричали слушавшіе.

Но капитанъ чуть усмѣхнулся и успокоительно махнулъ рукой.

— Ну, ну, не говорите... Вы—люди, у васъ также есть сердце. И это хорошо даже... Я не говорю, не скажу, что не наказываю Кравчука, не бью даже иногда. Не хочу неправды говорить: наказываю, вѣрно, и, можетъ быть, строго наказываю, но нужно же подумать, за что наказываю. Вотъ вы видѣли сейчасъ: онъ не хочетъ креститься. Глупъ онъ, себѣ же вредитъ. Ничего святого не признаетъ... А чего же можно ждать отъ такого солдата? Какъ будетъ служить царю и отечеству? Я—отецъ вашъ и мнѣ больно за каждаго изъ васъ, какъ за родныхъ дѣтей. И за него больно. А сами вѣдь знаете, и родной отецъ не всегда наста-

вляетъ на путь истинный своихъ дѣтей одними поцѣлуями и молочной кашей, а иногда и березовой кашей угостить.

Онъ снова блѣдно, холодно усмѣхается, а нѣкоторые изъ солдатъ нарочно громко и угодливо хихикаютъ.

Я взглядываю на Кравчука. Онъ понуро стоитъ, равнодушно-задумчиво глядя въ окно, и незамѣтно на лицѣ его ни гнѣва, ни злобы, ни нетерпѣнія.

— Что жъ дѣлать, приходится! — вздыхаетъ капитанъ.— Вотъ скоро къ присягѣ вести нужно молодыхъ... Что же будетъ, если онъ и тамъ не захочетъ креститься? Не онъ будетъ отвѣчать, а я... Какой, скажутъ, ты ротный командиръ, если у тебя солдаты перекреститься не могутъ...

— Не хотятъ! — вдругъ неожиданно прогудѣлъ Кравчукъ.

Всѣ сразу перевели на него глаза и замерли. А я чуть въ восторгѣ не бросился ему на шею. Голубчикъ! Четверть, а то и цѣлая половина вліянія капитановыхъ словъ была уничтожена.

Очевидно, и самъ капитанъ это понялъ, потому что съ яростью повернулся и заревѣлъ:

— Молчать!! Какъ смѣешь перебивать, когда начальство говоритъ! Ступай сюда! — (Слѣдуетъ крѣпкая брань).

Кравчукъ сначала широко качнулся всѣмъ тѣломъ, затѣмъ ступилъ два шага и остановился.

— Ближе!

Тотъ подошелъ совсѣмъ близко.

— Ты что сказалъ? А? Что ты сказалъ, спрашиваю?!

Кравчукъ твердо и словно задумчиво глядѣлъ ему прямо въ лицо.

— Молчишь? — точно успокаиваясь, тише проговорилъ ротный и, немного отступивъ, размахнулся и звонко ударилъ его по щекѣ. Голова Кравчука качнулась влѣво, но сейчасъ поднялась лѣвая рука и ударомъ отбросила ее вправо.

Въ казармѣ слышно было лишь тяжелое, затрудненное сопѣніе Кравчука, словно онъ по лѣстницѣ несъ громадную тяжесть.

— „Не хотятъ“?.. „Не хотятъ“?—прошепталъ капитанъ.— Ты смѣешь мнѣ?.. Убью! Слышишь? Забью до смерти! Не шучу... Знай. Я шутить не умѣю! Вотъ видите теперь?— вдругъ снова повернулся онъ къ ротѣ.

Я взглянулъ на Кравчука. Щеки его были красныя, даже

кончикъ широкаго, чуть приплюснутаго носа тоже покраснѣлъ, но взглядъ его былъ все тотъ же, сосредоточенно-суровый и будто задумчивый. Только губы какъ-то странно порой подергивались и плотно затѣмъ сжимались, словно онъ сдерживалъ ихъ.

Капитанъ еще долго говорилъ. Затѣмъ вдругъ ушелъ въ канцелярію курить.

Послѣ обѣда я, усталый, прилегъ полежать. Недалеко отъ меня на койкахъ расположилась кучка солдатъ, громкимъ шепотомъ горячо разговаривая. Когда появлялась фигура фельдфебеля, они дѣлали скучающія невинныя лица и перемѣняли разговоръ. Потомъ снова оживлялись и шептали.

Я лежалъ, закрывъ глаза, и они думали, что я сплю.

— Вретъ онъ, что студенты, того, бунтуютъ!—слышно пылкій шепотъ Шабатурова. — Ей Богу, вретъ! Имъ правъ не даютъ! — таинственно сообщаетъ онъ.—Имъ, значитъ, никоторыхъ правъ нѣтъ!.. А что онъ, значитъ, не крестится, дакъ это наплевать!

Такой неожиданный конецъ немного удивляетъ компанію и я, чуть пріоткрывъ глаза, вижу, какъ они смотрятъ на него, но не возражаютъ, и Шабатуровъ, не смущаясь, продолжаетъ:

— Онъ думаетъ, что мы ему такъ и повѣримъ. Нѣтъ, братъ, смѣесься! Нѣтъ больше дураковъ, поженились! Вишь, сукинъ сынъ, въ отцы лѣзетъ. Пошелъ ты вонъ, ехида!.. По мордѣ, сволочь собачья, бьетъ. Нѣтъ такихъ правъ, чтобы по мордѣ бить!

— Эге!— усмѣхаясь, махаетъ рукой Макуха.—„Правъ“...

— А что? А вотъ пущай опять пожалится, и нагоритъ Статуѣ... За что бьетъ?

— Жалился уже... Знаемъ.

Шабатуровъ, видно, не имѣетъ ничего сказать на это, но не падаетъ духомъ и шепчетъ опять:

— А они—хороши... Сами дакъ и то, и другое... А солдату ничего нельзя... Не молится... А что, въ самомъ дѣлѣ, хорошо это, что мы по командѣ молимся?

— Ну, того... а развѣ то хорошо, что онъ не крестится?— медленно и задумчиво говоритъ мечтательный Макуха.—Дьяволъ, значитъ, въ емъ...

— „Дьяволъ“! — передразниваетъ Шабатуровъ.—Голова!

— А ну-да!—неувѣренно смотритъ на всѣхъ Макуха.

— А„ ну-да“!—снова презрительно передразниваетъ Шабатуровъ, но, очевидно, и ему это не совсѣмъ понятно.

— Ну, а что жъ въ самомъ дѣлѣ? — вмѣшивается еще кто то.

— Что?.. Не крестится, — значитъ, такая... вѣра... Вѣдь не убиваетъ же онъ никого этимъ... Онъ не грѣшитъ такъ, какъ мы... Самъ же знаешь... Вѣра такая, выходитъ!—смѣло уже рѣшаетъ онъ. — А какъ эти... какъ ихъ?... ну, поляки, что-ли, дакъ не такъ же крестятся, какъ мы, а все таки христьяне...

— Э.., такъ то жъ поляки! А вонъ какъ студентъ, такъ совсѣмъ не крестится...

Они взглядываютъ на меня, но я не шевелюсь.

— Студентъ... Ну, что жъ студентъ?.. Да и про студентовъ онъ вретъ! — опять перескакиваетъ Шабатуровъ.—Они совсѣмъ не подговариваютъ грабить, а по правдѣ хотятъ, чтобы всѣмъ хорошо... У меня былъ знакомый одинъ студентъ, дакъ Статуя ему и въ подметки не годится... Э, ненавижу сволочь собачую, вотъ и все!

Послѣднее больше всего убѣждаетъ публику и всѣ умолкаютъ. Потомъ раздается звукъ барабана и начинается суетня.

Этотъ день, однако, всѣ были больше тревожны, нежели обыкновенно. И даже, лежа уже на койкахъ поздно вечеромъ, усталые, изморенные, всетаки шептались и вертѣлись еще долго.

И мнѣ не спалось. Частенько не спится здѣсь. А въ особенности въ свѣтлыя, лунныя ночи. Даже мѣсяцъ робко смотритъ черезъ узенькое окно въ нашъ вертепъ; пройдетъ своимъ грустнымъ взглядомъ по грязному полу, наткнется на рядъ блестящихъ, холодныхъ штыковъ и испуганно удираетъ. А за нимъ тянется глупое сердце, тоже хочетъ на широкій просторъ, къ вольнымъ тучкамъ, полямъ. Эхъ! перевернешься съ трескомъ на казенной койкѣ и закроешь глаза. Но... не спится, родные!

Не спалось и въ эту ночь. Гдѣ то въ проходѣ горѣла лампочка, скупо освѣщая желтымъ свѣтомъ часть стѣны. Окна были свѣтлыя, видно, луна стояла надъ казармой. Храпѣли и тяжело дышали сосѣди.

Отчетливо помню всю дальнѣйшую сцену.

Я лежу и гляжу въ потолокъ, примирившись съ безсонницей. Грустно въ казармѣ отъ свѣтлыхъ оконъ, отъ сѣрой полутьмы, жалкой подачки роскошной, сіяющей ночи.

Вдругъ въ углу слышится чей-то тихій шепотъ. Быстро поворачиваю голову и вижу: на одной изъ коекъ сидитъ громадная фигура и, обернувъ лицо къ окну, что то тихо шепчетъ. Словъ разобрать нельзя, лишь порой напряженное ухо схватываетъ „душе моя“... „Спаситель“, „тяжко“, да глубокій, тяжелый вздохъ.

Затѣмъ шепотъ умолкаетъ и въ казармѣ становится словно тише, хотя храпѣнье не прекращается. Я напряженно слушаю.

Вдругъ оттуда неожиданно раздается сдерживаемое рыданье, тотчасъ же приглушается будто чѣмъ то мягкимъ и съ силой вырывается въ сѣрую полутьму густыми, громкими кусками.

Храпѣнье стихаетъ, а на Дудкиной койкѣ слышится шорохъ. Рыданье тоже утихаетъ. Проходитъ минута, другая и потревоженные спящіе снова заводятъ свою музыку.

На Дудкиной койкѣ приподымается фигура и мнѣ слышно:

— Ты опять?.. Стыдился бъ, морда... Чортъ! Только спать не даетъ... А еще штунда называется! Поможется что... Лягай, спи!..

Громадная фигура Кравчука покорно шевелится и укладывается на койкѣ.

Тихо.

— Опять домой тянетъ? — слышится хмурый голосъ Дудки.

— Тяжко! — хрипло вырывается у Кравчука.

И снова замолкаютъ.

— Онъ хочетъ душу мою погубить...—приподымается Кравчукъ. — Надъ вѣрой глумится...

Дудка молчитъ.

— Страшно мнѣ, Дудка... Гнѣвъ беретъ...

— Боишься?

— Боюсь... Гнѣвъ большой имѣю на него... Кровь пролью.

— Не тронь, — разстрѣляютъ.

— Душу погублю.

И снова тихо.

Мнѣ ужасно неудобно лежать на одной рукѣ, но я боюсь пошевелиться и напряженно слушаю.

— Да развѣ ужъ такъ таки нельзя перекреститься? — все такъ же хмуро, но съ ноткой любопытства спрашиваетъ Дудка. — Отмахнулъ бы да и все... Это-жъ крестъ...

— Значитъ, изъ страха глумиться надъ крестомъ надо?

— Зачѣмъ глумиться? Мы жъ-крестимся.

— Вы — слѣпые... Темные... Не вы отвѣчать будете, а попы и начальники... А я свѣтъ познаіъ... Не пойду во тьму изъ страха...

— Какая жъ тьма? Крестъ то тьма?

— Духомъ креститься надо!.. Въ душѣ молитесь Богу... Познавшій свѣтъ во тьму не идетъ, токмо бѣжитъ изъ нея...

И вдругъ умолкаетъ на минуту, потомъ снова какъ то тоскливо и со страхомъ шепчетъ:

— Тьма на душу находитъ, Дудка, гнѣвъ... мутитъ... Не вижу уже свѣта... Все *онъ* стоитъ у меня предъ глазами... Душа гнѣвомъ мутится... Страшно мнѣ, Дудка!...

— А ты какъ нибудь такъ... не думай, что-ли...

— Снится... Во снѣ приходитъ... Все крестится и бьетъ меня... А я гнѣваюсь сильно... Молитва отходитъ... Духъ Божій покидаетъ меня, Дудка...

Что-то до того жалобное, мучительно-грустное звучитъ въ его словахъ, что я чувствую, какъ у меня невольно стискивается сердце и становится трудно дышать.

— Мучатъ они насъ! — съ ненавистью шепчетъ Дудка.— Служба!

— Дьяволу, Дудка, служба! Ему служимъ... Сказано „не убій“, а насъ учатъ убивать... Сказано: „любите другъ друга, какъ Я васъ возлюбилъ“, а насъ учатъ ненавидѣть... Гнѣвъ дразнятъ, душу убиваютъ... „Будьте равны, какъ дѣти“. А у насъ начальство. Кто ихъ поставилъ?.. А попы еще присягать велятъ... Не буду присягать діаволу!

— То повѣсятъ.

— Тѣло погублю, душу спасу!

— Разсказывай! А какъ потянутъ на висѣлицу, дакъ не то запоешь...

— Я?! — быстро выпрямляется на койкѣ Кравчукъ.—Запою?!. О, не дождутся они, проклятые!! — вырывается у него съ неудержимымъ, бѣшенымъ гнѣвомъ.—Не дождутся. Тѣло погублю, а...

— Да цыть!.. Побудишь всѣхъ... Чортъ!

Кравчукъ вдругъ стихаетъ и видно, какъ онъ осторожно склоняется къ подушкѣ.

— Не могу!.. — помолчавъ немного, снова начинаетъ онъ. —Не могу!.. Нѣтъ уже души у меня... Такъ гнѣваюсь, что голова крутится.., шумъ въ ушахъ... На всѣхъ, Дудка, гнѣваюсь... И на васъ, солдатиковъ, на всѣхъ... А на *нихъ* наибольше... Нѣтъ у меня души, Дудка, нѣту въ душѣ прощенія... Не могу прощать уже... Дома могъ прощать, всѣмъ прощалъ, а тутъ не могу... Убьетъ онъ мою душу... За что они насъ мучатъ, Дудка?!

Дудка немного молчитъ, потомъ глухо, угрюмо бурчитъ:

— Начальство... паны, а мы — что? Мужики. Имъ все можно... Вонъ въ какихъ квартирахъ живутъ, а мы, какъ скотина, въ грязи... Это за то, что мы служимъ имъ... Нну! будетъ когда нибудь и на васъ день!—Злобно поворачивается онъ на койкѣ, очевидно, ложась на спину.

— Будетъ, Дудка, будетъ!—вдругъ вдохновенно подхватываетъ Кравчукъ и снова приподымается.—Конецъ находитъ. Слышно голосъ Бога... Возстанутъ всѣ убогіе и бѣдные... и понесутъ свой крестъ. И настанетъ царство божіе на земли! Мы, Дудка, сыны божіи! Съ нами Духъ святой... Не съ ними, не съ панами... Бо мы, брате, обремененные и труждающіе!..

— Тише!.. Побудишь... Лягь! — останавливаетъ несмѣло Дудка, но Кравчукъ не ложится и, на минуту понизивъ голосъ, продолжаетъ еще съ большей силой:

— И настанетъ наше царство... Не будетъ сильныхъ міра сего... Будетъ день, когда будутъ покланяться всѣ, Дудка, духомъ, а не въ церквяхъ и храмахъ...

— Да цыть!.. Побудишь...

— Ничего... Молчи... Пусть! Не мѣшай, Дудка. Пусть душа моя успокоится... Не гони, Дудка... Гнѣва нѣтъ... Духъ Божій, Дудка, съ нами... Молись, Дудка... Молись! Не нужно креста, не нужно иконы, такъ молись, душой молись... Любовью молись!.. За всѣхъ молись! И разрушатся капища ихъ..., палаты и дворцы падутъ... Духъ Божій воцарится на землѣ...

Шепотъ переходитъ снова въ громкую, полную страсти, полную какой-то дикой, пылкой вѣры, проповѣдь. Слова гудятъ и точно отрываются отъ чего то въ груди и вылетаютъ оттуда неровно, лихорадочно торопливо:

— Мы сотворимъ царство, брате!.. Не паны, не попы, Дудка, не богатые... „Легче верблюду пройти въ игольное ухо, чѣмъ богатому въ царство небесное“... И не тамъ оно будетъ, брате, не на небѣ, а на землѣ, среди насъ, среди бѣдныхъ, Дудка! Бо мы приняли Духа, мы очистили душу горемъ и печалью... Не паны... Они потопили душу въ винѣ, задушили ее праздностью, съ мягкимъ хлѣбомъ съѣли ее... Бо они забрали хлѣбъ нашъ и кровь нашу. Они взяли горе наше и наточили меду... Они взяли тѣло наше и спекли изъ него хлѣба мягкаго себѣ... Они настроили казармъ и убиваютъ души наши... Горе имъ, брате! Горе имъ, фарисеямъ и мытарямъ!.. Настанетъ день суда... Покажемъ мы Богу свои руки искалѣченныя, свои души измученныя, и скажемъ: „Господи, ты знаешь все!“ Горе имъ! Молись, Дудка! Молись! Надъ нами Духъ божій,.. Молись!

На Дудкиной койкѣ поднялась темная фигура и стала что то шептать, усиленно крестясь. Я тоже заражаюсь этимъ страстнымъ шепотомъ и чувствую, какъ что то необыкновенно-сильное, странное охватываетъ всего меня, подымаетъ, возноситъ, и хочется громко, сильно пѣть, страстно и вдохновенно.

— Молись!.. Не нужно креститься... Не нужно церкви, поповъ... Съ нами Духъ. Слава, слава, слава!

Я начинаю ощущать, что со мною творится что то необыкновенное. Эта чадная атмосфера табаку, человѣческаго дыханья, кожи, сукна, эти сѣрыя, угрюмыя стѣны, жидкій свѣтъ луны, таинственныя тѣни, страстный, могучій шепотъ... Я также приподнялся и, кажется, заговорилъ что то.

Услышавъ, должно быть, мою возню, Дудка быстро оглянулся и, замѣтивъ меня, вдругъ какъ то согнулся, проворно улегся на койку и, какъ мнѣ показалось, дернулъ Кравчука. Но тотъ не слышалъ ничего.

— Довольно! Ложись спать... Къ чорту! — злобно пробурчалъ Дудка. — Слышишь? Кравчукъ... Будетъ всѣхъ побудилъ...

Кравчукъ стихъ и тоже, должно быть, замѣтивъ меня, повернулся и сталъ умащиваться. Въ полутьмѣ было слышно его частое тяжелое дыханіе.

Мнѣ стало стыдно и неловко. Медленно опустившись на подушку, я насунулъ на себя одѣяло и замеръ.

Около нихъ было тихо, словно ничего не происходило тамъ минуту назадъ. Казарма по прежнему храпѣла, гдѣ-то прошелъ дневальный и затихъ. Я слушалъ и ждалъ, но ни Кравчукъ, ни Дудка не шевелились. Ожидая, я заснулъ.

А на другой день Дудка еще больше дразнилъ Кравчука, смѣялся надъ нимъ, передразнивалъ и смѣшилъ всю роту. Встрѣчаясь со мной взглядомъ, глядѣлъ пристально и пытливо, сейчасъ же быстро отворачиваясь. И даже, мнѣ казалось, было что-то враждебное въ этомъ взглядѣ, угрожающее. Но я не подавалъ виду, что знаю о немъ что-нибудь особенное и не мѣнялъ своего отношенія ни къ нему, ни къ Кравчуку. Кравчукъ же снова тотъ же, что и всегда,—сосредоточенно-суровый и молчаливый.

Поздно уже. Мыши скребутся въ карцерѣ. Холодно. Завтра иду въ казарму. Какъ они тамъ? Будетъ. Усталъ.— Прощайте.— Пишите.

***

...Тотъ же карцеръ, моя канцелярія, откуда шлю свои посланія вамъ.

У насъ теперь идетъ экзаменъ по муштрѣ. До принятія присяги три дня. Старыхъ солдатъ выгоняютъ изъ казармы и все начальство цѣлые дни возится съ молодыми. Ротный, съ фельдфебелемъ сзади, ходитъ изъ взвода во взводъ и провѣряетъ, въ достаточной ли степени „постарѣли“ „молодые“.

Поручики и подпоручики съ возбужденными лицами, съ блескомъ увлеченія въ глазахъ стараются другъ предъ другомъ, точно въ самомъ дѣлѣ исполняютъ великое, разумное дѣло.

Экзаменъ проходитъ благополучно. Въ большинствѣ „братцы“ такъ вымуштрованы, что рота навѣрно получитъ отличіе. Но, какъ заботливый отецъ, ротный долженъ обойти всѣ взводы.

— Ну, — останавливаясь возлѣ какого-нибудь братца, „ѣдящаго глазами начальство“, экзаменуетъ онъ.— Ты кто такой?

— Молодой солдатъ второго отдѣленія, перваго взвода, второй полуроты, третьей роты пятнадцатаго пѣхотнаго Суздальскаго полка, четвертой дивизіи, Иванъ Бурякъ, ваше высокоблагородіе!

— Такъ. А что такое знамя?

— Знамя есть священная хоругвь, которую нужно защищать до смерти. Какъ отецъ даетъ благословеніе сыну, такъ и государь императоръ даетъ знамя полку, ваше высокоблагородіе.

— Такъ. А какая самая главпая обязанность солдата?

— Служить вѣрѣ, царю и отечеству, защищать ихъ до послѣдней капли крови, хотя бы пришлось и умереть за нихъ, ваше высокоблагородіе.

— Такъ... Ну, а если бъ твой отецъ, напримѣръ,.. э... пошелъ противъ царя?.. Чтобъ ты тогда?..

— Убилъ бы, ваше высокоблагородіе! — весело и бодро выкрикиваетъ Иванъ Белякъ и каменно глядитъ въ глаза капитану.

— Такъ. Молодчина!

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!

— Хорошій солдатъ будетъ! — отходя, говоритъ Статуя фельдфебелю.

— Такъ точно — быстро соглашается этотъ. — Съ пониманіемъ солдатъ... Старательный...

Это слышатъ и взводный офицеръ, и унтеръ-офицеръ, и молодой солдатъ Иванъ Бурякъ и на лицахъ ихъ свѣтлымъ лучемъ проходитъ удовольствіе и гордость.

Правда, не всѣ отвѣчаютъ такъ гладко и вѣрно, нѣкоторые путаются, сбиваются, коверкаютъ слова и смыслъ; но достаточно посмотрѣть на отчаяніе и огорченіе ихъ, чтобы убѣдиться, что вымуштрованы они, какъ слѣдуетъ, только неуклюжія казенныя слова не держатся у нихъ въ головѣ. Но капитанъ совсѣмъ не узкій формалистъ, онъ не требуетъ, чтобы ему слово въ слово, какъ въ уставѣ, выкрикивали,— нѣтъ, онъ хочетъ, чтобъ солдаты „шевелили мозгами“, чтобы „своими словами“ могли передать заученное. Онъ нарочно даже любитъ ставить такіе вопросы, чтобъ на нихъ нельзя было найти готовой казенной фразы.

Вотъ онъ идетъ по взводу и вдругъ неожиданно останавливается и быстро спрашиваетъ перваго попавшагося:

— Кто враги твои?

Солдатикъ въ первую минуту отъ неожиданности теряется, но сейчасъ же широко раскрываетъ ротъ и стремительно кричитъ:

— Мои вороги—внутревни и внѣшни, ваше высокоблагородіе!

— Э, нѣтъ! — снисходительно хитро улыбается ротный.— Я тебя не спрашиваю, *какіе* твои враги. Я спрашиваю, *кто* враги твои. Понялъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе?

— Ну, такъ кто жъ твои враги?

Этого въ „словесности" нѣтъ, поэтому солдатъ тупо, испуганно молчитъ.

— Ну?

Солдатикъ напряженно молчитъ, выпучивъ глаза.

— Вотъ видишь, Варфоломѣевъ, — торжествующе, но и слегка недовольно обращается ротный къ фельдфебелю. — Я говорилъ, что нужно, чтобы они сами думали надъ тѣмъ, что учатъ. Мало того, что онъ будетъ трещать мнѣ, какъ сорока. Нужно, чтобы онъ сознательно, съ пониманіемъ говорилъ это.

— Этого нѣту въ словесности, ваше высокоблагородіе, — бросая угрожающе-сердитые взгляды на „несознательнаго" солдатика, вытягивается фельдфебель.

— А-а! Вотъ то-то и оно! Нужно объяснять! Объяснять нужно!.. Ну, а будетъ твоимъ врагомъ тотъ, кто врагъ царю?— вдругъ поворачивается онъ снова къ солдатику.

Тотъ мгновеніе думаетъ и смѣло кричитъ:

—Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

—То есть, какъ? Онъ будетъ твоимъ пріятелемъ? — удивленно восклицаетъ ротный.

Фельдфебель, грозно, отрицательно качая головой, помогаетъ солдатику изъ-за спины капитана.

Молодой солдатъ безпомощно, растерянно смотритъ на нихъ.

— Ну, что же ты? Врагъ царя будетъ твоимъ пріятелемъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

— Громче, громче нужно отвѣчать. Голову ровнѣе держи... Ну, а вотъ тѣ, которые бунтуютъ теперь, студенты, рабочіе... Это пріятели твои?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

И вдругъ неожиданно, желая очевидно загладить свой промахъ, бодро кричитъ:

— Враги, ваше высокоблагородіе, которыхъ нужно убивать до послѣдней капли крови!

Капитанъ снисходительно, милостиво улыбается и поправляетъ:

— Убивать безпощадно... Такъ... Объяснять нужно, Варфоломѣевъ, объяснять...

И, отходя, онъ зоркимъ, холодно-стальнымъ взглядомъ окидываетъ напряженно-застывшія фигуры солдатъ и словно ищетъ чего то.

— Поясъ нужно подтянуть!.. — киваетъ онъ унтеръ-офицеру на какого нибудь солдата.

Тотъ схватывается, подскакиваетъ къ солдату и, сердито что то шепча ему въ ротъ, упирается колѣномъ въ животъ бѣдняги и подтягиваетъ.

— Кулаковъ! Что пальцы выставилъ? Спрячь!

Кулаковъ вздрагиваетъ и съ испугу совершаетъ преступленіе: поворачиваетъ голову и шевелитъ рукой.

— Кулаковъ! Тебѣ сказано пальцы спрятать, а не голову поворачивать. На сутки его! — бросаетъ ротный къ фельдфебелю.

— Слушаю! — подноситъ этотъ руку къ козырьку.

Но вотъ и наша очередь. Мы уже давно слышимъ и отчасти видимъ, какъ идетъ экзаменъ въ другихъ ротахъ. Всѣ подтягиваются, нетерпѣливо поглядывая къ сосѣдямъ, и горятъ желаніемъ выказать себя съ наилучшей стороны.

Заслышавъ шаги капитана, нашъ подпоручикъ окидываетъ насъ зоркимъ, внимательнымъ взглядомъ и, остановившись мгновеніе на Кравчукѣ, взволнованно ждетъ. Мы сидимъ на своихъ койкахъ и также смотримъ въ ту сторону, откуда долженъ появиться капитанъ.

И вотъ появляется стройная, затянутая фигура Статуи. Подпоручикъ схватывается и кричитъ:

— Вста-ать! Смирно!

Мы, какъ китайскіе болванчики, въ мигъ выпрямляемся и стоимъ. Я не поворачиваю головы, но вижу, что подпоручикъ сейчасъ же подходитъ къ ротному и что то тихо говоритъ ему. Словъ не слышно, но я догадываюсь, что рѣчь идетъ о Кравчукѣ. Поговоривъ, ротный двигается дальше и, медленно проходя мимо, внимательно съ ногъ до головы оглядываетъ каждаго.

— Шабатуровъ! Животъ убрать!

Шабатуровъ втягиваетъ въ себя воздухъ и, задыхаясь, сто-

итъ съ „убраннымъ“ животомъ.

Статуя, обойдя всѣхъ, усаживается противъ насъ на койку и, не глядя на Кравчука, негромко зоветъ:

— Кравчукъ!

Секунды три тихо, затѣмъ слышится неторопливое, густое:

— Я.

— Нужно отвѣчать скорѣе... — все такъ же не поворачивая къ нему головы, говоритъ ротный. И прибавляетъ:

— Ступай сюда.

Лицо его становится еще холоднѣе, желтизна на краяхъ лба словно рѣзче выдается и губы сжимаются съ какимъ то холоднымъ сладострастіемъ, словно онъ смакуетъ предстоящее наслажденіе, опасное, но сильное.

Кравчукъ, не торопясь, выходитъ и по всѣмъ правиламъ останавливается передъ нимъ, даже каблуками сочно стукаетъ. Но лицо его хмуро и блѣдно.

— Стань такъ, чтобъ и я тебя видѣлъ, и чтобъ товарищамъ твоимъ было видно тебя.

Кравчукъ поворачивается такимъ образомъ, что намъ видно его правый профиль, а капитану лѣвый.

— Молодчина! — довольно восклицаетъ капитанъ, очевидно не ожидавъ такого толковаго исполненія его приказанія.

Кравчукъ равнодушно молчитъ.

— Нужно говорить „радъ стараться, ваше высокоблагородіе“ — строго, холодно замѣчаетъ Статуя.

— Радъ стараться... — буркаетъ Кравчукъ.

— Ваше высокоблагородіе... добавляетъ капитанъ.

— Ваше высокоблагородіе...

— Нужно всегда прибавлять „ваше высокоблагородіе“, ты не новичокъ уже... Вотъ черезъ три дня старымъ солдатомъ будешь. Примешь присягу, тогда уже нужно все дѣлать и знать, какъ „Отче нашъ“. Ты теперь кто такой?

— Никита Кравчукъ.

Мы холодѣемъ отъ этого отвѣта, но капитанъ словно не видитъ ничего ужаснаго въ немъ и спокойно говоритъ:

— Не такъ. По формѣ нужно отвѣчать... Тебя же учили... Ну?

Кравчукъ молчитъ.

— Видишь, Кравчукъ, я съ тобой, какъ съ малымъ ребен-

комъ обращаюсь, всѣ грѣхи твои прощаю, а ты все такой же, какъ и былъ. Ну, скажи самъ, можно ли лучше обращаться съ солдатомъ, какъ я обращаюсь съ тобой. Ну, скажи по совѣсти.

Дѣйствительно,—я забылъ сказать,—эти послѣдніе дни передъ экзаменомъ онъ относится къ Кравчуку совсѣмъ по иному: не бьетъ, не издѣвается, не наказываетъ, почти всѣ нарушенія дисциплины прощаетъ, мягко, уступчиво, но... каждую свою милость сопровождаетъ такими настойчивыми указаніями на эти милости, что Кравчукъ сдѣлался еще угрюмѣе и сосредоточеннѣе.

— Ну, что же ты молчишь? Кравчукъ! Не знаешь? Если не знаешь, то прямо скажи „не могу знать“ и тебя еще подучатъ. Ну?

Кравчукъ еще секунду молчитъ, потомъ, рѣшительно и сурово глядя передъ собой, густымъ, ровнымъ голосомъ произноситъ:

— Молодой солдатъ перваго отдѣленія, перваго взвода, первой полуроты, первой роты пятнадцатаго пѣхотнаго Суздальскаго полка, четвертой дивизіи, Кравчукъ Никита.

— А „ваше высокоблагородіе“?

— ... Ваше высокоблагородіе.

— Такъ. Ну, вотъ видишь, знаешь же, и хорошо знаешь. Ну, а что такое присяга?.. Ну, Кравчукъ?

— Присяга есть клятвенное обѣщаніе передъ евангеліемъ и крестомъ... — и вдругъ плотно сжимаетъ губы и умолкаетъ.

Мнѣ видно, какъ глазъ его быстро, подозрительно-сурово взглядываетъ на капитана и снова упрямо смотритъ куда то на винтовки.

— Ну, ну... „есть клятвенное обѣщаніе предъ евангеліемъ и крестомъ“... а дальше? Ну, а дальше что? Въ чемъ же клятва? Ну... „служить вѣрой и правдой вѣрѣ, царю и отечеству“... Ну... „защищать ихъ до послѣдней капли крови“... Ну, что же ты?.. „хотя бы пришлось и умереть за нихъ“. Такъ? Кравчукъ?

— Такъ.

— Нужно говорить: „Такъ точно, ваше высокоблагородіе“.

— Такъ точно.

— „Ваше высокоблагородіе“...

— Ваше высокоблагородіе.

— Эхъ, Кравчукъ, Кравчукъ! — грустно качаетъ Статуя головой. Вводишь ты въ грѣхъ меня. Вонъ твои товарищи глядятъ на насъ и, вѣрно, думаютъ: „Вишь, какой несправедливый нашъ командиръ. За такіе отвѣты насъ навѣрно наказалъ бы, а Кравчуку ничего“.

Не знаю, ловится ли Кравчукъ на эту тонкую удочку, ибо и бровью не ведетъ, но по нѣкоторымъ солдатскимъ физіономіямъ вижу, что капитанъ кое что уловилъ.

— А все болѣзнь твоя... Больной ты человѣкъ, Кравчукъ... Мозгомъ больной... Нѣтъ порядка въ головѣ у тебя... А что же, конечно, требовать съ больного?

Это неожиданное добавленіе, этотъ хитрый и новый ходъ вызываетъ у всѣхъ тревожное удивленіе. Нѣкоторые даже переглядываются, широко раскрывъ глаза.

— Смирно! — холодно-строго бросаетъ къ намъ Статуя и снова обращается къ Кравчуку, который сначала тоже удивленно взглянулъ на него, а затѣмъ, словно понявъ, въ чемъ дѣло, поблѣднѣлъ и еще суровѣе нахмурился.

— Придется тебя въ больницу на испытаніе отправить... Что жъ дѣлать? Ты не можешь служить...

Мнѣ становится холодно и жутко, ибо каждому извѣстно, что отправленные на испытаніе никогда въ роту не возвращаются, а либо идутъ домой, дѣйствительно заболѣвъ во время „испытанія“, либо остаются въ больницѣ долгіе годы подъ рубрикой „безнадежныхъ“. Само же „испытаніе“ такихъ посылаемыхъ изъ частей заключается въ истязаніи и скорѣйшемъ приведеніи самаго здороваго организма въ полнѣйшую негодность.

— Что жъ дѣлать? — печально и безпомощно, разводя руками, пристально смотритъ на Кравчука капитанъ. — Не можешь... Ну, какой ты солдатъ? Какъ я пошлю тебя въ караулъ или куда нибудь, гдѣ требуется дисциплина? Ты — больной! У тебя какая то своя вѣра, которая не позволяетъ тебѣ защищать себя и другихъ... Ты вотъ не хочешь, какъ я слышалъ, присягать... Говоришь, что война — грѣхъ... Вѣдь это — болѣзнь. Наказывать за это нельзя, но и на службѣ держать невозможно. Ты — сумасшедшій... Да, да! Твои товарищи не могутъ понять твоей болѣзни, люди они необразованные, ну, и будутъ думать, что ты здоровъ и будутъ

подражать тебѣ... А это уже не шутки... Я и самъ сначала думалъ, что ты нормальный, здоровый... И наказывалъ тебя, а какъ увидѣлъ, что это не дѣйствуетъ на тебя, то и задумался. Сталъ присматриваться къ тебѣ и вижу, что просто-на-просто ты боленъ... Больной, душевно-больной человѣкъ.

— Я — здоровый, я не боленъ! — глухо вырывается у Кравчука, и мнѣ видно, какъ онъ словно глотаетъ что-то.

— Нѣтъ, братецъ, боленъ. Мозгъ больной у тебя...

— У меня ничего не болитъ... Все... здоровое...

— Хе! — съ снисходительной жалостью къ нему усмѣхается ротный. — Это правда, — ты тѣломъ здоровъ. И всѣ сумасшедшіе здоровы, сначала и не узнаешь, что онъ боленъ. И говоритъ словно разумно, и глядитъ, какъ всѣ, а больной... И ты говоришь такъ, точно здоровый... А вотъ я зналъ одного больного,—все какъ слѣдуетъ: и здоровый такой изъ себя, румяный, говоритъ разумно, а чуть прикоснись къ нему, сейчасъ же начинаетъ кричать, чтобъ къ нему не прикасались, потому что онъ, дескать, стеклянный и его можно разбить. Вотъ тебѣ! Точно такъ и ты... Все, какъ слѣдуетъ, а чуть коснись твоей вѣры, такъ тутъ и видно, что ты больной, сумасшедшій..

— Здоровый я! — снова угрюмо бурчитъ Кравчукъ.

— Ну, вотъ! — разводя руками и обращаясь къ намъ, грустно показываетъ на него головой капитанъ.—Вотъ такъ они всѣ: здоровъ да здоровъ. Ну, какой же ты здоровый, скажи ты мнѣ? А? Вонъ — здоровые! (показываетъ на насъ) Вотъ это люди здоровые. Всѣ они и начальству отвѣчаютъ, какъ слѣдуетъ, и службу знаютъ, и присягу примутъ, какъ подобаетъ здоровому солдату. Ихъ и въ караулъ послать можно, и на войну пойдутъ, и царю вѣрно служить будутъ. А ты? Начальство свое не почитаешь, службу исполняешь скверно, присягать не хочешь.. Какой же ты здоровый человѣкъ? И одинъ ты на всю роту... Самъ же ты подумай. Ежели ты здоровый, то, значитъ, въ такомъ случаѣ мы всѣ—сумасшедшіе? Вѣдь такъ же?

Кравчукъ молчитъ, а мнѣ такая постановка вопроса кажется довольно правильной и интересной.

— Ну?.. По твоему жъ такъ выходитъ: если ты здоровъ, то мы — сумасшедшіе. Ха-ха-ха! — и искренно довольный такимъ выводомъ, капитанъ оглядывается на подпоручика и

смѣется. Тотъ тоже хохочетъ и даже фельдфебель хихикаетъ вполнѣ искренно. Нѣкоторымъ солдатамъ также хочется засмѣяться, но другіе стоятъ серьезные и блѣдные. Видно, что они не совсѣмъ увѣрены, что капитанъ правъ.

— Такъ? — смѣясь, глядитъ Статуя на Кравчука и съ той же улыбкой обращается къ намъ:

— А вы что скажете, такъ или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе! — жидко и нервно отвѣчаетъ взводъ.

— Вотъ видишь, — серьезно опять обращается ротный къ Кравчуку.— Даже товарищи твои признаютъ, что ты — больной. Придется отправить тебя въ госпиталь... Тебѣ лѣчиться нужно, а не царю служить.

— Я не хочу въ госпиталь, я — здоровый... — чуть не шепотомъ хрипитъ Кравчукъ и видно, что онъ не можетъ совладать со своимъ страхомъ. И мнѣ такъ обидно становится за этотъ боязливый шепотъ, такая вдругъ злоба вспыхиваетъ въ груди, что я забываюсь, шумно вздыхаю и дѣлаю какое то рѣзкое, нетерпѣливое движеніе.

Но зорокъ капитанъ и умѣетъ видѣть, не глядя.

Быстро взглянувъ на меня, онъ почему то вдругъ свирѣпѣетъ и кричитъ:

— Ты какъ стоишь?! Ты гдѣ: въ университетѣ или въ казармѣ? На двое сутокъ его строгимъ арестомъ! — бросаетъ онъ фельдфебелю. Тотъ беретъ подъ козырекъ и, молча взглянувъ на меня, выравнивается.

Я закусываю до крови губу, но молчу.

— Я, ей Богу, здоровый! — вдругъ рѣшительно, но уже съ нотками злобы говоритъ Кравчукъ и смотритъ на капитана.

Капитанъ отворачивается отъ меня и вздыхаетъ.

— Ты таки свое, Кравчукъ, Говорю же тебѣ, какъ честный человѣкъ, какъ отецъ родной, что боленъ ты. Ты, вѣдь, даже говорить не умѣешь съ начальствомъ. Твоя больная голова не можетъ того понять, что службу исполнять нужно, какъ Богу молитву. Ну, предположимъ, я пошлю тебя въ караулъ... Ночь, скажемъ. Ты стоишь гдѣ нибудь у пороховаго магазина. По правиламъ, часовой не долженъ подпускать никого къ магазину за пятьдесятъ шаговъ. Идетъ, скажемъ, человѣкъ. Ты кричишь, чтобъ онъ не подходилъ, а онъ все-таки идетъ. Допустимъ, что онъ глухой или притворяется

глухимъ. Ну, что ты долженъ дѣлать? Стрѣлять, правда? Служба велитъ стрѣлять, а твоя болѣзнь говоритъ, что нельзя стрѣлять. Ну, и что же можетъ изъ того выйти?

— Такъ я же здоровъ! — нетерпѣливо гудитъ Кравчукъ.

— Ты такъ думаешь? Ты увѣренъ въ этомъ?

— Ей Богу!

— Ну, хорошо! Увидимъ... — вдругъ неожиданно соглашается капитанъ. — Увидимъ... Не хочу брать грѣха на душу. Пусть! Я тебя до присяги допущу, не отправлю въ больницу. Сдѣлаю тебѣ еще и эту уступку... Можетъ быть, ты еще и въ казармѣ выздоровѣешь... Но только смотри: присягу принимать, какъ слѣдуетъ — и креститься, и евангеліе цѣловать... Словомъ, все, какъ здоровый, настоящій солдатъ. Слышишь?

— Слышу.

— О! А „ваше высокоблагородіе“ опять нѣтъ?

— Ваше высокоблагородіе.

— Охъ, Кравчукъ! Смотри, я съ своей стороны дѣлаю все, что могу... Но ежели ты мнѣ на присягѣ подложишь свинью, скверно тебѣ будетъ. Подумай лучше. Лучше сейчасъ иди въ больницу.

— Я — здоровый!

— Ну, ладно. Увидимъ.

Завтра день присяги. Разсказываетъ мой часовой, что Кравчукъ ходитъ, сильно задумчивый, и все свободное время читаетъ евангеліе. Капитанъ съ нимъ мягокъ, уступчивъ и остороженъ. Вся рота къ болѣзни Кравчука отнеслась недовѣрчиво. Самъ же онъ, если не убьетъ когда нибудь чортову Статую, то это будетъ только по винѣ особеннаго счастья этого „идола“.

Ну, будетъ. Хочу уснуть, завтра вѣдь тяжелый день.

* * *

Еще не было пяти часовъ, какъ барабанъ уже поднялъ насъ на ноги. Такъ же, какъ и передъ смотромъ, капитанъ въ шесть часовъ уже былъ въ казармѣ и учинялъ репетицію.

Всѣ были угрюмы и сосредоточенны. Какой то страхъ виднѣлся на лицахъ, но радости я ни у кого не видѣлъ. Ни смѣху, ни шутокъ, даже Дудка, (который уже „старый“),

ходилъ сумрачный и задумчивый.

— Совсѣмъ, братъ, солдатами будемъ! — тихо шептались молодые.

— Да, теперь ужъ шабашъ!..

И съ грустнымъ участіемъ глядѣли другъ на друга.

Съ восьми часовъ мы уже стояли длинной, правильной дугой посреди казармы, раздѣлившись на старыхъ и молодыхъ. Въ центрѣ дуги стоялъ столъ, покрытый скатертью, на немъ лежало ротное евангеліе, желто-бѣлый истертый крестъ и такая же чаша съ кропиломъ. Надъ столомъ на стѣнѣ, рядомъ съ „солдатской памяткой“ и рисункомъ, изображающимъ, какъ часовой пронизываетъ какого то „вольнаго“ штыкомъ, повѣсили Николу Угодника и какую то новую икону.

Молебенъ долженъ былъ начаться въ девять часовъ, но насъ держали все время въ строю и позволяли только „вольно оправиться“. Неожиданно и неизвѣстно для чего намъ вдругъ кричали „смирно“ и сейчасъ же „вольно“. Унтера ни съ того, ни съ сего подскакивали и, дыша въ лицо запахомъ лука и водки, подтягивали пояса, хотя подтягивать ихъ можно было только развѣ для того, чтобы прекратить дыханіе.

До девяти мы были страшно измучены. Могу съ увѣренностью, во всякомъ случаѣ, сказать, что кромѣ злобы и усталости, ничего уже человѣческаго не было въ насъ. Если у кого и было какое сомнѣніе относительно предстоящаго, то оно покрылось такой пылью усталости, что и слѣдовъ его не было.

Но капитану, очевидно, только этого и нужно было, ибо онъ съ удовольствіемъ поглядывалъ на насъ. Только Кравчука онъ какъ то обходилъ, не дѣлалъ ему замѣчаній, не экзаменовалъ, даже не глядѣлъ на него. Лишь одинъ разъ всего, проходя мимо, онъ внимательно посмотрѣлъ ему въ лицо и сказалъ:

— Ну? Надумался?

Кравчукъ, все утро необыкновенно спокойный, но съ желтымъ лицомъ и громадными темными кругами подъ глазами, твердо-спокойно встрѣтилъ его взглядъ и густо отвѣтилъ:

— Надумался.

Капитанъ испытующе посмотрѣлъ на него, но ничего не сказалъ и задумчиво отошелъ. А Кравчукъ переступилъ съ ноги на ногу и тяжело, какъ волъ, вздохнулъ.

Наконецъ появился попъ съ дьячкомъ, а съ ними полковой командиръ. Попъ и полковой командиръ были до странности похожи другъ на друга: оба сѣденькіе, съ желчными лицами, козлиными бородками и вялыми глазами. (Какъ потомъ я узналъ, они родные братья, только одинъ служитъ небесному царю, а другой земному, при случаѣ же помогаютъ другъ другу).

Поздоровавшись съ солдатами, они по очереди стали трясти руки офицерамъ, которые посходились со всѣхъ сторонъ и стояли противъ насъ болѣе-менѣе правильной группой.

Дьячку руки не подавали, но онъ всѣмъ очень низко кланялся, заискивающе улыбаясь и вынимая изъ узелка ризы.

Поговоривъ и посмѣявшись чему то съ своимъ братомъ и ротнымъ, попъ вдругъ обернулся къ дьячку, взялъ ризу и сталъ облачаться. Полковникъ и капитанъ почтительно отошли въ сторону и стали у стѣны съ торжественнымъ и строгимъ видомъ

Началось. Но прежде, чѣмъ „вознести хвалу всемогущему Господу за сей торжественный радостный для всѣхъ день“, священникъ пожелалъ сказать маленькую рѣчь.

Онъ поднялъ какъ то вверхъ голову, склонивъ ее слегка къ правому плечу и гнусавымъ богослужебнымъ голосомъ сталъ разсказывать о пророкѣ Давидѣ, потомъ почему то перешелъ на студентовъ, долго остановился на карѣ небесной и земной за нарушеніе присяги и въ концѣ концовъ пригласилъ всѣхъ безъ разсужденій и грѣховнаго мудрствованія повиноваться начальству, которое поставлено отъ Бога, а потому очень хорошо знаетъ, что оно дѣлаетъ.

Я только разъ успѣлъ взглянуть на Кравчука. Лицо его было желто и сурово смотрѣло на попа.

Послѣ рѣчи попъ взялъ тономъ выше и еще больше гнусавымъ голосомъ затянулъ какую то молитву. Дьячокъ жиденькимъ баскомъ, раздувая уголь въ кадилѣ, подтягивалъ и жестоко, но увѣренно фальшивилъ.

Всѣ усиленно закрестились.

Тянулось это довольно долго. Попъ одной рукой махалъ кадиломъ, другой рукой показывалъ что-то дьячку въ книгѣ, а самъ что то пѣлъ. Ему, наклонясь съ озабоченнымъ лицомъ надъ книгой, дьячокъ что то отвѣчалъ, а солдаты шептали молитвы и съ удовольствіемъ крестились, разминая спину.

Наконецъ, пропѣли „многая лѣта“, замолчали, раскланялись на всѣ стороны и стали укладывать свои вещи. Мнѣ вспомнились, глядя на нихъ, перехожіе фокусники, которые тоже, окончивъ представленіе, кланяются на всѣ стороны публикѣ и, сложивъ свои чаши, магическія палочки, волшебныя шапки и т. п., взваливаютъ на плечи узелки и идутъ дальше увеселять или дурить простодушныя головы.

„Оправившись“, полковникъ скомандовалъ „смирно“ и въ казармѣ стало тихо.

Попъ снова выступилъ впередъ съ какой то книжечкой въ рукѣ и предупредилъ насъ, чтобы мы повторяли за нимъ слова присяги, которую онъ будетъ читать.

— Руки вверхъ! Вотъ такъ! — скомандовалъ полковникъ и показалъ поднятую руку съ двумя сложенными будто для креста пальцами.

Я поднялъ вверхъ два пальца и взглянулъ на Кравчука. Возлѣ него уже стоялъ капитанъ и на собственныхъ пальцахъ показывалъ, какъ это нужно дѣлать. Кравчукъ подозрительно слушалъ, но, убѣдившись, очевидно, что это еще не крестъ, неувѣренно поднялъ два пальца и замеръ.

Снова загнусавилъ „богослужебный“ голосъ попа, а за нимъ нѣсколько десятковъ солдатскихъ, „молодыхъ“, старательно и громко выкрикивавшихъ каждое слово.

И это было дѣйствительно какое то волшебное заклинаніе. Тамъ были и муки ада, и отреченіе отъ отца и матери, и обѣщаніе бить, колоть, стрѣлять,—чего только тамъ не было!

Я глянулъ на Кравчука. Онъ стоялъ, поднявъ два пальца, и даже губами не шевелилъ, напротивъ, плотно ихъ сжалъ, точно не довѣрялъ имъ. Сейчасъ же я перевелъ глаза на капитана. Онъ, блѣдный, полными ненависти глазами смотрѣлъ на Кравчука и нервно пощипывалъ бородку.

И вдругъ стало тихо. Попъ закрылъ книжечку, передалъ ее адъютанту, у котораго въ рукахъ былъ уже списокъ „молодыхъ“ и взялъ у дьячка приготовленные крестъ и евангеліе.

— Аркановъ Николай! — выкрикнулъ адъютантъ. Возлѣ Арканова, маленькаго, желтенькаго солдатика, стоялъ уже фельдфебель, который въ тотъ же мигъ дернулъ и толкнулъ его впередъ. Аркановъ, съ натискомъ стуча каблуками, молодцевато-смѣшно подошелъ къ попу и прикипѣлъ.

— Присягаешь, сынъ мой?—буркнулъ подъ носъ батюшка

и, ожидая отвѣта, поднесъ для поцѣлуя крестъ.

— Такъ точно, присягаю!—закричалъ Аркановъ и широко перекрестившись, громко чмокнулъ два раза крестъ, а затѣмъ евангеліе.

— Бовдуръ Гавріилъ! выкрикнулъ снова адъютантъ.

Аркановъ повернулся „налѣво кругомъ“ и такъ же молодцевато отправился на мѣсто. На его мѣсто къ евангелію шелъ Бовдуръ. И такимъ образомъ, подходя и отходя, прошло уже десятка полтора „молодыхъ“, сразу постарѣвшихъ.

Наконецъ послышалось:

— Кравчукъ Никита!

У меня замерло сердце, а нѣкоторые изъ солдатъ даже тихонько перекрестились.

Капитанъ же давно уже стоялъ съ полковникомъ и горячо что то говорилъ ему, показывая на Кравчука и безсильно разводя руками. Полковникъ молча, не выказывая ни удивленія, ни гнѣва, сумрачно кивалъ своей козлиной бородкой и тоже посматривалъ на Кравчука. Потомъ вдругъ что то отрывисто сказалъ капитану и, подойдя къ попу, сталъ о чемъ то съ нимъ говорить. Когда адъютантъ выкрикнулъ имя Кравчука, онъ какъ разъ отходилъ уже отъ попа.

Кравчукъ, могуче качаясь, подошелъ и остановился предъ столомъ. Попъ любопытно и внимательно глядѣлъ на него.

— Ты слышалъ, сынъ мой, что читалось здѣсь? неожиданно обратился онъ къ Кравчуку.

Тотъ твердо взглянулъ на него и отвѣтилъ:

— Слышалъ.

— Присягаешь предъ крестомъ и евангеліемъ исполнять все, что ты слышалъ?

— Нѣтъ!

Дьячекъ выпустилъ изъ рукъ узелокъ и изумленно глядѣлъ вокругъ. Офицеры прекратили сразу шепотъ и, вытягивая лица впередъ, старались разсмотрѣть Кравчука. Солдаты, не шевелясь, стояли ни живы, ни мертвы, точно это они произнесли это слово. Капитанъ кусалъ губы. Полковникъ усиленно сопѣлъ и посматривалъ на попа.

Кравчукъ былъ мертвенно-желтъ и, видимо, волновался.

—Ты не хочешь принимать присяги?—мягко и словно удивляясь проговорилъ попъ.—Развѣ ты не знаешь, какой ты грѣхъ берешь на свою душу?

— Я... я не могу... присягать...

— Молчать!! — вдругъ бѣшено сорвался съ мѣста полковникъ и быстро подошелъ къ нимъ.

— Присягай!!

— Я не могу присягать убивать людей. „Кровь брата вопіетъ ко Мнѣ". „Не убій!" — твердо, ровно и, какъ сразу слышно было, заранѣе приготовлено, громко проговорилъ Кравчукъ, поднявъ голову со вспыхнувшими вдохновенными глазами.

Полковникъ вдругъ повернулся къ попу и, видимо сдерживая себя, заговорилъ:

— Батюшка! Этотъ солдатъ давно уже боленъ душевно. Благословите его святымъ крестомъ... Можетъ, ему поможетъ молитва ваша... А ты крестись, цѣлуй крестъ и на мѣсто! —весь блѣдный повернулся онъ къ Кравчуку.

— Я креститься не могу, бо моя вѣра не позволяетъ этого. „Настанетъ день, когда будутъ поклоняться"...

— Крестись, мерзавецъ!!—заревѣлъ полковникъ.....

— „Когда будутъ покланяться Богу не въ храмахъ, а въ духѣ и истинѣ". На смерть пойду, а не пріиму присяги! — окончилъ Кравчукъ и съ такимъ воодушевленіемъ выкрикнулъ „на смерть", что даже полковникъ съ какимъ то боязливымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на него и оглянулся.

— Сынъ мой, самъ Христосъ сказалъ...

— Я на смерть иду!

Попъ безпомощно посмотрѣлъ на офицеровъ. Въ это время къ полковнику быстро подошелъ капитанъ и торопливо зашепталъ ему что-то. Полковникъ кивнулъ головой и повернулся ко всѣмъ.

— Господа!—обращаясь больше къ офицерамъ, чѣмъ къ намъ, громко заговорилъ онъ.—Вы видите, что этотъ солдатъ боленъ. Это видно. Я думаю, что эта болѣзнь у него скоро пройдетъ, теперь же мы должны, не обращая вниманія на его заявленія, помочь ему принять присягу... Необходимо!.. Оставлять его безъ... э... э... безъ божьяго благословенія мы не имѣемъ права. Трое стариковъ! Сюда!

Среди стариковъ прошелъ шепотъ и всѣ нерѣшительно, не зная, кому идти, испуганно переглядывались. Но на помощь подоспѣлъ фельдфебель и выдернулъ изъ строя трехъ первыхъ попавшихся.

Помню, когда я смотрѣлъ въ сторону стариковъ, у меня

промелькнуло въ глазахъ чье то блѣдное, страшное лицо съ горѣвшими ненавистью глазами. Какъ вспомнилъ я послѣ, это было лицо Дудки.

Трое стариковъ быстро подошли и напряженно испуганно остановились предъ полковникомъ.

— Взять его руку—кивнулъ послѣднiй на Кравчука — и перекрестить его ею. И дать поцѣловать крестъ!

„Трое" машинально сдѣлали поворотъ, деревянно подошли къ Кравчуку и, неловко беря его за руку, мѣшая другъ другу, хотѣли поднести ее ко лбу. Но Кравчукъ молча, сильно дернулъ и вырвалъ ее. Тогда „трое" уже энергичнѣе взялись и даже что то шептали другъ другу, совѣщаясь. Но Кравчукъ опять, молча, тяжело сопя, встряхнулся, дернулъ вправо, влѣво и вырвался.

Всѣ жадно слѣдили за ихъ борьбой.

— Еще двое! — хрипло крикнулъ полковникъ.

Фельдфебель снова выдернулъ двухъ и толкнулъ впередъ.

Что то нелѣпо-дикое, смѣшное и возмутительное до гнетущей тяжести въ груди произошло тогда. Какая то молчаливо-сопящая куча красныхъ, неуклюжихъ людей тяжело ворочалась возлѣ стола, топали и путались ноги, поднималась иногда рука, но сейчасъ же выдергивалась, злобой и раздраженiемъ загорались глаза. А возлѣ, держа наготовѣ крестъ, стоялъ священникъ.

Полковникъ же, едва сдерживая себя, нетерпѣливо злобно топтался на мѣстѣ и что то кричалъ имъ. Наконецъ, кое какъ удалось приспособиться и скрутить гиганта. Массой рукъ помахали возлѣ Кравчукова лба и груди, попъ ткнулъ ему въ носъ крестъ и его освободили. Присяга принята.

Потные, красные, задыхавшiеся „старые" по командѣ полковника быстро разошлись по своимъ мѣстамъ и, избѣгая смотрѣть въ глаза товарищамъ, стали оправляться.

— А ты тоже на мѣсто! — обратился полковникъ къ Кравчуку, который какъ то странно, дико водилъ вокругъ себя возбужденными глазами. — Слышишь?.. Подожди! Теперь присягу ты принялъ,—не будешь исполнять службы, пойдешь въ дисциплинарный баталiонъ или подъ разстрѣлъ. Тамъ уже самъ за себя отвѣчаешь. А зато, что ты не исполнилъ приказанiя начальства и не хотѣлъ принять присяги, я, какъ

штрафованнаго, приговариваю тебя къ пяти ударамъ розгами. Марршъ!

Кравчукъ, видно, хорошо всего не понялъ, но машинально повернулся и пошелъ на мѣсто. Лицо его по прежнему было странное, угнетенно-недоумѣвающее, безумное.

Послѣ присяги его тотчасъ же куда то увели. Когда его брали, онъ спросилъ:

— Куда еще?

— Розги получать! — грубо крикнулъ фельдфебель.

Кравчукъ на минуту остановился, ноздри его вдругъ раздулись, глаза стали остры, какъ кончики блестящихъ, металлическихъ пуль, но... въ тотъ же мигъ рѣшительно рванулся и твердо-глухо сказалъ:

— Идемъ!

Черезъ полчаса его привели опять во взводъ, гдѣ унтера раздавали „чарки водки“ и какіе то пирожки на закуску. Но, кромѣ Мазюрина и еще нѣкоторыхъ любителей поѣсть, солдаты безъ особеннаго увлеченія брали подношеніе начальства. Видъ у всѣхъ было виновато-сумрачный, пугливый или же неестественно-развязный и безшабашный. О Кравчукѣ избѣгали говорить. Лишь тогда, когда его привели съ „секуціи“ и онъ сейчасъ же легъ на койку лицомъ внизъ и замеръ, разговоры, точно сдержанная вода, разлились по всѣмъ угламъ.

Одинъ изъ тѣхъ, что держали Кравчука во время наказанія, разсказывалъ, сурово глядя куда то подъ койки, что держать не было никакой надобности, такъ какъ Кравчукъ не только не вырывался, но даже ни разу не застоналъ, „только легонько подскакивалъ за каждымъ разомъ“.

Возлѣ Кравчука вдругъ откуда то появился Дудка съ красно-синими пятнами на рябоватыхъ щекахъ и необыкновенно блестящими глазами. Тутъ же разговаривали неподалеку Макуха, Рлапорлтъ, Шабатуровъ и еще нѣсколько ихъ близкихъ товарищей.

Постоявъ минуту молча надъ Кравчукомъ, Дудка вмигъ нагнулся и сталъ дергать его за ногу, приговаривая:

— Никита! Перекрещенный!.. Никита! Перекрещенный!

Я думалъ, Кравчукъ такъ же зареветъ на него, какъ на унтера, предложившаго „чарку“ и пирожокъ, но Кравчукъ лежалъ неподвижно, словно не слыша ничего.

А Дудка не отставалъ:

— Эй, Никита, рыло неумыто! Вставай!.. Слышь? „Встань, проснись, подымись, на себя погляди“. Да заней, пирожком заѣшь и Богу помолись... Ха-ха-ха! — захохоталъ онъ вдругъ. — Слышь, Никита, рыло неумыто!.. Встань, начальству ручку поцѣлуй!..

— И чего бъ я цѣплялся къ человѣку... — сдержанно, но громко проговорилъ Шабатуровъ — Надо жъ и понятіе имѣть, когда шутки шутить... Совѣсти нѣтъ!

— Пущай порцію свою возьметъ... Одну взялъ, пущай другую беретъ! — со страннымъ, жуткимъ хохотомъ повернулся къ нему Дудка.

— Ты, кажись, брлатъ, и за него уже взялъ порлцію — враждебно ухмыльнулся Рлапорлтъ.

— А взялъ! — крикнулъ Дудка. — Начальство даетъ, надо брать... Смирно, Микита! — вдругъ снова повернулся онъ къ тому и дернулъ за ногу.

— Да будетъ, Дудка! — вскрикнулъ Шабатуровъ. — Что у тебя сердца нѣтъ, что-ли?!

— А тебѣ какое дѣло?! — вдругъ обернулся къ нему Дудка. На лицѣ его уже не было смѣха, острое, въ странныхъ, лихорадочныхъ пятнахъ, оно глядѣло съ какой то злой мукой и болью. — Тебѣ жаль его? Жаль?

— А жаль!

— А чего жъ ты не жалѣлъ его тогда, когда его мучили? А? Эхъ, вы, жалостливые, сукины дѣти! Жаль? Сволочь паршивая вы!

Онъ плюнулъ и быстро пошелъ изъ взвода.

Я, словно въ тяжеломъ чаду, машинально одѣлся и безъ всякаго разрѣшенія пошелъ въ городъ. Гдѣ я былъ и что дѣлалъ, почти ничего не помню. Кажется, сидѣлъ гдѣ то у рва и, глядя на грязный снѣгъ на днѣ его, составлялъ прокламацію къ ротѣ; кажется, шлялся по базару и безсмысленно разсматривалъ товары. И говорилъ, кажется, съ кѣмъ то.

Въ роту пришелъ я ночью, часовъ въ двѣнадцать. Всѣ уже спали. Я, не раздѣваясь, легъ на свою койку. Кравчукъ, какъ я замѣтилъ, лежалъ все въ той же позѣ лицомъ внизъ.

Долго я лежалъ тяжелый, усталый и тупой. Вдругъ послышался шорохъ возлѣ Кравчука. Кто то осторожно приподнимался на койкѣ. Я вяло повернулъ туда голову. Это былъ Дудка. Онъ для чего-то нагнулся подъ койку, неосторожно

хлопнулъ крышкой сундучка и, очевидно, что то вынулъ изъ него. Потомъ чутко прислушался вокругъ и наклонился надъ Кравчукомъ.

— Никита!.. Слышь? Никита! — тихо позвалъ онъ.

Кравчукъ лежалъ неподвижно.

— Ну, довольно... Будетъ... Слышь?.. Встань... Никита! Эхъ!..

Никита не шевелился. Дудка еще разъ оглянулся и сѣлъ около Кравчука, склонившись къ его головѣ.

— Никита!.. Слышь?.. Не глупи... Встань, поѣшь...

— Не хочу... — прошепталъ Кравчукъ.

— Ну, чего тамъ!.. Ври... На.. Голодный вѣдь... Порцыя... Пирожки хорошіе, бери... Ну? Чортъ!.. Хочешь, чтобъ выругалъ? На!

Кравчукъ поднялъ голову, задвигался и, мнѣ показалось, взялъ что то отъ него.

— Да ѣшь, чего тамъ! — буркнулъ, немного помолчавъ, Дудка и пересѣлъ къ себѣ. — Да сядь, а то еще подавишься, лежа-то...

Кравчукъ медленно приподнялся и сѣлъ. Послышалось чавканье, перемѣшанное съ сопѣньемъ.

— Спина очень болитъ? — немного спустя послышалось отъ Дудки.

— Душа болитъ! — тихо и глубоко отвѣтилъ Кравчукъ и пересталъ ѣсть.

— Ѣшь... Ѣшь... Потомъ будешь говорить...

— Не хочется, Дудка, ей Богу! — словно извиняясь промолвилъ Кравчукъ. — Наѣлся...

— Ну, то дай сюда! — разсердился Дудка.

— Ну, я съѣмъ... — покорно прошепталъ Кравчукъ и снова зачавкалъ.

Дудка молчалъ.

— Воды-бъ — наконецъ сказалъ Кравчукъ, повидимому, окончивъ ѣсть.

— Сиди, я принесу.

И тихо ступая по полу, Дудка осторожно пробрался межъ койками и сейчасъ же возвратился съ ротной кружкой въ рукѣ. Напоивъ Кравчука, онъ такимъ же образомъ отнесъ кружку и снова вернулся.

— Ну, что? — усѣвшись и помолчавъ немного, началъ

онъ тихо. — Я не говорилъ тебѣ? Не по моему вышло? Можетъ, еще хочешь, чтобъ покрестили?

— Погубятъ они и тебя и меня... — глухо отвѣтилъ Кравчукъ.

— Ну, это, братъ, чорта съ два!—вскипѣлъ Дудка.—Я не для того въ вашу вѣру перешелъ, чтобъ меня снова назадъ розгами перекрещивали! Вотъ, какъ предъ Богомъ, говорю тебѣ, что подожду еще немного и, чортъ съ тобой, тикаю самъ! Увидишь!

— И я тикаю — медленно и задумчиво заговорилъ Кравчукъ. — Не выдержу... Болитъ душа моя, крови хочетъ... Бить ихъ нужно... Нельзя молчать, Дудка, нельзя! Нѣтъ силъ... На проповѣдь надо идти... Проповѣдывать... Всему міру нужно показать ихъ...

— Вотъ только гдѣ мы одежу возьмемъ, переодѣться-то? — озабоченно прошепталъ Дудка.

Кравчукъ умолкъ.

— Знаешь что? — придумалъ Дудка. — Пущай намъ студентъ дастъ,—у него есть знакомые въ городѣ...

Кравчукъ молчалъ.

— Правда?.. Никита!

— А мужики темные, слѣпые...—тихо опять началъ Кравчукъ. — Во тьмѣ, какъ черви ползаютъ, а ихъ давятъ ногами... Ни за что...

— Деньжонокъ бы немножко... Безъ денегъ трудно... Слышь, Никита, ежели бы хоть малость денегъ добыть... А?

— Денегъ? — точно проснувшись, спросилъ Никита. — Нѣту денегъ...

— Чорртъ! — разсердился Дудка. — Безъ тебя знаю, что нѣтъ... Ничего! Достану! — вдругъ придумалъ онъ что-то. — А ежели...

И не докончилъ. Въ казармѣ затопали чьи то ноги и разговаривавшіе быстро улеглись на койкахъ. Ходилъ дежурный унтеръ, нелюбимый всей ротой за подлизываніе къ ротному. Какъ на зло, поставилъ лампочку на столъ и самъ усѣлся на него, повидимому, не собираясь скоро уходить. Незамѣтно я уснулъ подъ равномѣрный скрипъ стола, на которомъ, задумчиво сидя, качалъ ногами унтеръ.

Утромъ, умываясь, я услышалъ возлѣ себя:

— Господинъ студентъ!

Я быстро оглянулся. Стоялъ Дудка и глядѣлъ на меня холоднымъ и смѣлымъ взглядомъ.

— Я хочу васъ кой о чемъ попросить.

Я сразу догадался, о чемъ будетъ просьба, но не показалъ виду и отошелъ съ нимъ въ уголъ,

— Дѣло вотъ въ чемъ... — началъ онъ съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ, что при первомъ же знакѣ несогласія съ моей стороны, онъ тотчасъ же броситъ разговоръ и до глубины души возненавидитъ меня. — Я и Кравчукъ желаемъ (онъ такъ и сказалъ „желаемъ") тикать съ военной службы... Вотъ... Дезентирами, стало быть... Только насчетъ одежи и денегъ у насъ того... почти что ничего... Ежели бы вы намъ достали, мы бы, значитъ, въ скорости...

— Когда и куда же вы хотите бѣжать? — сдерживая свою радость, въ тонъ ему холодно спросилъ я.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... А куда, не знаемъ еще.

— Такъ. Но васъ могутъ поймать. Есть у васъ паспорта?

— Паспорта? — испуганно взглянулъ онъ на меня и сейчасъ же грустно прибавилъ:

— Паспортовъ нѣтъ... Поймаютъ... Это вѣрно... Не подумали.

— А Кравчука легко узнать... — добавилъ я, наблюдая за нимъ.

— Высокій чортъ! — вздохнулъ онъ.

— Да и не свои нужно имѣть, а чужіе, фальшивые...

— Понятно...—невнимательно и безразлично согласился онъ.

Я слегка хлопнулъ его по плечу.

— Ну, такъ я вамъ все это достану!

— Вѣрно? — радостно быстро взглянулъ онъ на меня.

— Сейчасъ въ городъ пойду.

— Вотъ спасибо, ей Богу!..

Онъ конфузливо и неловко схватилъ мою руку и потрясъ ее. И оба мы чему то хорошо и легко засмѣялись.

Чрезъ пять минуту я заявилъ фельдфебелю, что хочу пойти въ городъ.

— А въ караулъ?—удивленно хрипнулъ онъ мнѣ въ отвѣтъ.

— Какой караулъ?

— Весь вашъ взводъ назначенъ сегодня въ Ворожбитовъ Яръ въ главный караулъ. Всѣ молодые пойдутъ.

Меня злоба взяла.

— Ну, какъ знаете, а мнѣ нужно въ городъ... Плевать я хотѣлъ на караулъ...Что это, въ самомъ дѣлѣ..

— Да подождите... вамъ надолго?

— Часа на два, на три...

— Ну, такъ вы жъ успѣете... Вотъ, кстати, мнѣ тоже табачку бы... Бѣда только, денегъ сейчасъ при себѣ нѣтъ... Вмѣстѣ бы...

— А вамъ сколько табаку? — обрадовался я, видя, куда дѣло клонится.

— Да такъ, полфунтика хотѣлось бы, чтобъ не...

— Ладно. Я „займу" вамъ!.. Такъ, значитъ, можно?

— Можно, можно! Только, чтобъ ротный не заприметилъ... Выше-средняго, пожалуйста... И того... часамъ къ пяти возвращайтесь.

— Ладно!

Черезъ полчаса я уже толковалъ съ тѣмъ товарищемъ, который могъ устроить дѣло. Изложивъ всю исторію, я потребовалъ всего, что нужно. Онъ пообѣщалъ. Мы условились, что черезъ три дня у него все будетъ приготовлено и я могу ихъ направить прямо къ нему, разсказавъ подробно и точно адресъ.

Дудка отъ результатовъ моихъ переговоровъ пришелъ въ восторгъ и тотчасъ не утерпѣлъ, чтобы не изобразить капитана, которому докладываютъ объ ихъ побѣгѣ.

— Съ военной службы? Послѣ присяги?

И такъ удачно поднялъ брови и сдѣлалъ взбѣшенное лицо Статуи, что я неудержимо расхохотался.

Кравчукъ тоже посвѣтлѣлъ и даже улыбнулся, когда Дудка „валялъ дурака" передъ всѣмъ взводомъ, заставляя всѣхъ падать на койки отъ хохота.

Въ этомъ же настроеніи мы и въ караулъ выступили, и въ Ворожбитовъ Яръ пришли.

Но здѣсь настроеніе наше постепенно перемѣнилось. Вышли мы изъ казармы часовъ въ пять. На дворѣ было уже темно. Изъ нависшихъ темныхъ тучъ рѣдкими каплями падалъ дождь, словно просачиваясь сквозь рѣдкое рядно, и дулъ холодный, пронзительный вѣтеръ. Когда мы подошли къ Ворожбитову Яру, была уже ночь и дождь лилъ во всю, точно рядно не выдержало тяжести и сразу прорвалось.

Наши шинели стали до того тяжелы, словно мы повѣсили на себя мѣшки съ пескомъ. Всѣ злились и сердито ругались.

Но вотъ и Ворожбитовъ Яръ. Мрачнымъ, угрюмымъ повѣяло отъ него. Представьте себѣ глубокую долину заросшую вѣковыми, могучими дубами, таинственную и грозную. Невольно приходитъ на память, что тамъ внизу гдѣ то у пороховыхъ амбаровъ одинъ повѣсился, другой застрѣлился, третій былъ принесенъ на носилкахъ въ госпиталь съ простреленной грудью. Дубы предостерегающе покачиваютъ кудлатыми головами и вѣтеръ тоскливо-безнадежно воетъ въ вѣтвяхъ ихъ. Жутко!

И лишь теперь я понялъ, почему старые солдаты съ такимъ участливымъ любопытствомъ распрашивали, кто будетъ стоять на шестомъ посту, и почему такъ ободряюще похлопывали по спинѣ Кравчука, котораго ротный, повидимому, спеціально туда назначилъ. Сначала меня смѣшила моя обязанность подчаска, которая должна была состоять въ томъ, чтобы я ходилъ отъ одного часового къ другому и однимъ видомъ своимъ развлекалъ ихъ. Признаться, меня въ казармѣ даже удивляла такая чувствительная заботливость начальства, но теперь я вполнѣ оцѣнилъ необходимость ея.

Смѣнивъ и проводивъ старый караулъ, мы стали грѣться у маленькой печки въ громадной, грязной караулкѣ. Разговора никто не начиналъ, каждый думалъ что то про себя, поворачивая руки къ огню и задумчиво глядя на красные угли.

Уныла и мрачна была эта караулка, какъ разъ впору Яру. На голыхъ сѣрыхъ стѣнахъ, словно запекшіяся раны на ободранной кожѣ, чернѣла вездѣ облупившаяся штукатурка; длинныя нары съ разбросанной мокро-грязной соломой угрюмо прикрывали собой сырость; маленькая лампочка капризничала и вдругъ начинала ни съ того, ни съ сего быстро мигать и всхлипывать. Тогда всѣ съ бранью подымались и возились съ ней. Но она не обращала на насъ никакого вниманія, а когда хотѣла, тогда и переставала мигать. Это еще болѣе нагоняло тоску и уныніе. Вѣтеръ и дождь враждебно и зло наскакивали на окна и бились въ нихъ.

Настала и наша смѣна. Въ ней были: Кравчукъ, Дудка, одинъ „старикъ“, Макуха и я въ качествѣ подчаска. Разво-

дящій осмотрѣлъ наши винтовки, отстегнулъ подсумки и мы вышли за нимъ. Было уже часовъ одиннадцать. Дождь лилъ въ бокъ какими то порывистыми, густыми струями. Тьма была слѣпая.

Какой то мокрой, скользкой тропинкой разводящій повелъ насъ внизъ. Мы спотыкались, хватались руками за мокрыя деревья и, обнявъ ихъ, старались сохранить равновѣсіе. Здѣсь дождь падалъ прямо на голову и вѣтеръ злобно гудѣлъ вверху.

Смѣнили постъ номеръ пятый, третій, первый, поставили на восьмомъ Дудку и спустились къ шестому. Это былъ самый страшный постъ. Когда мы шли кучей и старые смѣнившіеся часовые весело гомонили, довольные своимъ освобожденіемъ, я только съ любопытствомъ осматривался вокругъ. Но когда разводящій, забравъ послѣдняго часового и подчаска, ушелъ, оставивъ меня и Кравчука однихъ возлѣ длинной, глухой стѣны амбара, мнѣ стало не по себѣ. Какой то жутью вѣяло отъ этой унылой, мрачной постройки внизу оврага. Полянка была небольшая, вся занятая нелѣпымъ казеннымъ амбаромъ, похожимъ на громадный гробъ. Чудилось, тамъ внутри ходятъ тоскующія тѣни повѣсившихся, застрѣлившихся. И высокіе своды нежилого зданія глухо отдаютъ ихъ стоны. Вверху было черно и, казалось, оттуда струилось на насъ чернило; вѣтеръ металъ, рвалъ и слышно было, какъ тяжело скрипѣли негибкія старыя вѣтви кудлатыхъ дубовъ.

— Пріятный постъ!— сказалъ я больше для того, чтобъ услышать человѣческій голосъ.

Кравчукъ ничего не отвѣчалъ мнѣ. Молча поставивъ винтовку у будки, онъ сейчасъ же преспокойно залѣзъ въ нее и, повозившись, затихъ.

Я остался одинъ. Дождь лилъ. Постоявъ немного, я медленно побрелъ къ восьмому посту, къ Дудкѣ. Гдѣ я бродилъ, я и самъ не зналъ. Натыкался на деревья, проваливался въ какія то ямы, терялъ нѣсколько разъ винтовку и, въ концѣ концовъ, сбился совсѣмъ съ тропинки. Усѣвшись на какой то пень, я плюнулъ на все и рѣшилъ больше не заниматься безсмысленнымъ хожденіемъ по лѣсу, а ждать, пока не услышу гдѣ нибудь свистка часового. Вынувъ папиросу, я зажегъ спичку подъ полой и закурилъ.

Вдругъ неожиданно совсѣмъ близко отъ меня послышалось:

— Кто идетъ?

— Я, я! —радостно вскочилъ я, узнавъ голосъ Дудки, и быстро пошелъ въ ту сторону.

— А я думалъ, нашъ ротный крадется— промолвилъ Дудка, когда я подошелъ совсѣмъ близко къ нему. Голосъ у него слегка дрожалъ. — Онъ любитель шпіонить... Вотъ и теперь прибѣжитъ... Увидите! Нну!—прибавилъ онъ съ ненавистью и поежился. — Пущай бережется!

Потомъ помолчалъ, сплюнулъ и сказалъ:

— А страшно тутъ, завались онъ совсѣмъ, этотъ Яръ... Просто могила... Мысли все скверныя лѣзутъ... А вы курите?.. Смотрите, влетитъ, ежели тутъ гдѣ нибудь Статуя подглядываетъ...

— Ничего... — сказалъ я.

— Да и разговаривать намъ не полагается... Мнѣ то наплевать, все равно черезъ нѣсколько дней...—(онъ оглянулся и не договорилъ)— А вы остаетесь... Отойдите лучше...

Я неохотно отошелъ. Не хотѣлось мнѣ опять спускаться въ холодную, черную яму. Тутъ было всетаки не такъ жутко, — и полянка шире, и не было амбара, лишь небольшой погребъ съ острой земляной крышей, похожій на курень.

Но стоять не хотѣлось и я снова вошелъ въ лѣсъ, стараясь не потерять тропинки. Почва на ней была тверже и вода на ровныхъ мѣстахъ стояла лужицами, такъ что нѣкоторое время я шелъ правильно. Но вскорѣ брелъ уже опять наугадъ, осторожно выставивъ предъ собой винтовку и ежеминутно натыкаясь на деревья. Вѣтеръ злился вверху, деревья скрипѣли и, казалось, какія то бѣлыя фигуры мелькаютъ то тутъ, то тамъ и стучатъ костями. По тѣлу проходили волны непріятнаго нервнаго озноба, было тоскливо, какое то гнетущее отчаяніе овладѣвало всѣмъ существомъ.

Вдругъ недалеко послышался какой то трескъ, непохожій на трескъ деревьевъ, чужой этому шуму.

— Кто идетъ? — съ облегченіемъ закричалъ я, радуясь присутствію живого существа.

„А вдругъ Статуя? — подумалось. И сейчасъ же послышался холодный, металлическій голосъ его:

— Командиръ третьей роты Суздальскаго полка. А ты кто? Подчасокъ?

— Да!

— „Такъ точно!“ нужно отвѣчать.

Я не могъ не разсмѣяться и, не видя его, закричалъ:

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!

— Ступай сюда! — строго крикнулъ онъ откуда то.

Мнѣ было необыкновенно смѣшно почему то.

— Никакъ не вижу васъ, ваше высокоблагородіе! Идите *вы* сюда!

Онъ ничего не отвѣтилъ, но, дѣйствительно, направлялся, очевидно, ко мнѣ.

— Ты что жъ это себѣ думаешь? — грозно заговорилъ онъ шагахъ въ двухъ отъ меня, сѣрѣя въ темнотѣ своей свѣтлой шинелью. — Съ кѣмъ ты это шутить вздумалъ?!

Мнѣ всетаки хотѣлось смѣяться.

— Весело, капитанъ, оттого и шучу.

— Молчать!! — заревѣлъ онъ. — Ступай за мной!

Меня взяла лютая злоба.

— Слушайте, капитанъ — еле сдерживая себя, заговорилъ я.—Не забывайте, во-первыхъ, что мы не въ казармѣ, а въ лѣсу. А, во-вторыхъ, и у меня можетъ лопнуть терпѣніе. Отправляйтесь ловить Кравчука, что вы собрались, видно, дѣлать, и поменьше кричите. Я не люблю съ дикими людьми много разговаривать въ лѣсу... Слышите?!

Послѣднія слова я договаривалъ не совсѣмъ мирнымъ тономъ. Въ той обстановкѣ они должны были звучать серьезно. Капитанъ, повидимому, сразу оцѣнилъ моментъ, потому что вдругъ повернулся и отрывисто сказалъ:

— Прошу слѣдовать за мной.

Я пошелъ. Признаюсь, мнѣ таки пришлось очень серьезно обращаться къ своему разсудку, чтобы не пырнуть штыкомъ въ эту подлую спину негодяя. Онъ, очевидно, входилъ въ мое положеніе и не безъ интереса нѣсколько разъ вдругъ оглядывался на меня. Дорогу онъ, видно, зналъ хорошо, ибо скоро мы уже были у стѣны амбара.

— Прошу здѣсь постоять...—избѣгая мѣстоименія, строго, но вѣжливо сказалъ онъ, вѣроятно боясь, какъ бы я не предупредилъ Кравчука. Но я сдѣлалъ видъ, что не слышалъ, и пошелъ за нимъ, громко сморкаясь, кашляя и стуча винтовкой объ землю. Нѣсколько разъ я даже нарочно громко крикнулъ: „ваше высокоблагородіе“, точно желая что то сказать

ему. Но капитанъ, должно быть, понималъ меня, потому что не оглядывался и быстро шелъ къ будкѣ.

Кравчука не было всетаки видно у стѣны. Вотъ и будка. Ротный осторожно подошелъ къ ней и заглянулъ. Потомъ вдругъ нагнулся и, словно взявъ что-то, повернулся ко мнѣ.

— Прошу взять! — протянулъ онъ какой-то длинный предметъ.

Я машинально подошелъ и взялъ. Это была Кравчукова винтовка.

Затѣмъ онъ повернулся снова къ будкѣ и наклонился къ ней.

— Кравчукъ!

Тихо. Вѣтеръ злобно взвылъ и пробѣжалъ дождемъ по желѣзной крышѣ амбара.

— Молится, мерзавецъ... — саркастически пробормоталъ капитанъ. — Ступай сюда!.. Кравчукъ!

Я подошелъ еще ближе, а капитанъ, опасливо оглянувшись на меня, вдругъ всунулся въ будку и сталъ тянуть оттуда Кравчука, съ усиліемъ выговаривая:

— Мер-за-вецъ... Такъ на ча-сахъ?.. На ча-сахъ?

Послышалось тяжелое сопѣніе, потомъ шепотъ какой то и, наконецъ, вслѣдъ за ротнымъ высунулась громадная фигура, предъ которой капитанъ казался здѣсь чуть не мальчикомъ. Кравчукъ выпрямился и стало отчетливо слышно его шепотъ:

— „Отъ лукаваго... отъ лукаваго... избави меня... Кротостью осѣни... душу мою...“

— Кравчукъ!! — взвизгнулъ капитанъ. — Смѣешься, подлецъ?! Винтовка гдѣ твоя?

— „И сохрани, помилуй и спаси... Яко благъ...“

— Меррзавецъ!! — захрипѣлъ ротный и я увидѣлъ, какъ засѣрѣла въ темнотѣ рука его и съ страннымъ звукомъ ударилась о щеку Кравчука.

Послѣ этого помню все довольно смутно; какой то бурей, дикимъ ураганомъ пронеслося все. Послышался бѣшеный ревъ, двѣ фигуры вдругъ слились, затѣмъ одна изъ нихъ, капитанова, странно поднялась сѣрой массой вверхъ, замотала ногами и, крикнувъ какъ-то „йях!!“, съ глухимъ трескомъ ударилась объ землю. Затѣмъ гигантская фигура наклонилась и снова капитанъ взвился вверхъ и грохнулся объ землю; потомъ послышалось какое-то рычаніе, топотъ ногъ по чему-то

мягкому, глухой стонъ, хрипъ, затѣмъ опять промелькнула въ темнотѣ сѣрая масса и шлепнулась о землю.

Я, пронизанный холоднымъ ужасомъ, стоялъ, не шевелясь. Вѣтеръ сильно дулъ мнѣ въ спину, словно подталкивая, дождь обсыпалъ съ сочнымъ шумомъ полянку, и тучи, чуть замѣтныя чернотой своей, угрюмо ползли вверху.

Помню, я безсознательно, глупо повторялъ одну фразу:

— Кравчукъ, что вы дѣлаете?! Кравчукъ, что вы дѣлаете?!

Но ни Кравчукъ, ни я не слышали и не понимали ея. Наконецъ, мнѣ пришла въ голову мысль, что нужно почему то бѣжать къ Дудкѣ.

Не помню, какъ я добрался до него. Какъ я не запутался въ лѣсу, не понимаю. Помню, я бѣжалъ, для чего то крѣпко держа обѣ винтовки въ рукахъ, и шепталъ что то неподходящее къ дѣлу и безсмысленное.

Не могу припомнить, какъ я передавалъ все Дудкѣ, но онъ, очевидно, понялъ меня, потому что сейчасъ же побѣжалъ туда, что то крича мнѣ. Я не слышалъ, что онъ говорилъ мнѣ, но понималъ, что это такъ и нужно, и тоже побѣжалъ за нимъ. Онъ нѣсколько разъ останавливался, о чемъ то торопливо распрашивалъ меня, я отвѣвѣчалъ и мы снова бѣжали. И почему то, я помню, мнѣ ярко представлялись тогда эти судорожно мотающіяся въ воздухѣ ноги и этотъ крикъ „йях!!“ Впрочемъ, не буду утверждать ничего, такъ какъ вѣрнѣе всего будетъ, если скажу, что у меня былъ какой то бѣшеный хаосъ образовъ, мыслей, чувствъ, которые вертѣлись, исчезали, возникали въ невѣроятной быстротѣ и безсвязности.

Когда мы прибѣжали, помню, Кравчукъ стоялъ, тяжело дыша, надъ неподвижной сѣрой массой капитана.

Что то говорили и я, и Дудка.

Потомъ Дудка вдругъ схватилъ за ноги сѣрую неподвижную массу и сталъ тянуть ее въ сторону. Я почему то закричалъ:

— Что вы дѣлаете? Пусть лежитъ!

Дудка сейчасъ же остановился и равнодушно сказалъ:

— Да, пущай лежитъ.

— Пущай лежитъ... — помню, неожиданно, ровно и тупо прогудѣлъ и Кравчукъ.

Съ этого момента я словно сталъ лучше понимать все. Дудка говорилъ о чемъ то, но мнѣ казалось, что онъ говоритъ

очень гладко и слишкомъ спокойно. (Теперь я увѣренъ, что это только *казалось* такъ потому, что во мнѣ слишкомъ быстро пролетали мысли и чувства).

Дудка говорилъ о томъ, что имъ нельзя теперь возвращаться въ казарму. И, помню, я почему то былъ очень обрадованъ, что намъ это пришло въ голову, и сейчасъ же сталъ очень подробно торопливо разсказывать адресъ моего товарища. Дудка повторялъ нѣсколько разъ.

А Кравчукъ все время стоялъ неподвижно и порой трудно и глубоко вздыхалъ, при чемъ въ груди его что то хрипѣло.

Наконецъ, Дудка схватилъ его за рукавъ и потянулъ за собой. Кравчукъ покорно пошелъ. Сѣрая масса лежала неподвижно и слышно было, какъ дождь падалъ на нее съ глухимъ звукомъ.

Дудка вдругъ оглянулся ко мнѣ и почему то шепотомъ заговорилъ.

— Вы же въ караулку не идите... Погуляйте гдѣ нибудь въ лѣсу...

Потомъ, словно вспомнилъ что то, возвратился ко мнѣ и обнялъ, тыча холоднымъ, мокрымъ носомъ мнѣ въ лицо. А затѣмъ мы всѣ вмѣстѣ побѣжали: Дудка впереди, за нимъ Кравчукъ и я. Возлѣ восьмого поста я остановился, а они исчезли въ темнотѣ.

Не помню, гдѣ и сколько я бродилъ. Знаю, что все время я твердо помнилъ, что въ караулку идти нельзя, а нужно гулять „гдѣ нибудь въ лѣсу".

Потомъ уже разсказывали мнѣ солдаты, что я пришелъ, молча легъ на нары и сейчасъ же заснулъ. Въ это время уже было послано въ штабъ съ извѣстіемъ о происшедшемъ.

Изъ караулки меня, конечно, сейчасъ же отправили на гауптвахту. Цѣлый день ко мнѣ никого не подпускали. Приходилъ полковникъ, слѣдователь, врачъ, меня распрашивали, обвиняли, но я отвѣчалъ на все, что ничего не знаю, какъ все произошло, ибо засталъ уже на посту одинъ трупъ капитана. Хотѣлъ дать знать въ караулку, но въ волненіи сбился и долго бродилъ по лѣсу.

Съ недѣлю меня допытывали, водили по канцеляріямъ, слѣдователямъ, но, конечно, больше ничего отъ меня не узнали.

И лишь одного я боялся: *они* не запомнили адресъ, спутались, попробовали сами удрать и ихъ не сегодня-завтра приведутъ на эту же гауптвахту. Но время шло, а о нихъ никакихъ извѣстій не было.

Въ концѣ концовъ, меня должны были освободить и отпустить въ казарму.

Капитана уже давно похоронили. Солдаты разсказывали что-то ужасное:

— Одинъ глазъ какъ есть выскочилъ... Языкъ, какъ прикусилъ зубами, такъ ни за что нельзя было впихнуть назадъ. Синій... Изъ уха желтое что то текло...

Но въ глазахъ у разсказчиковъ свѣтилось вмѣстѣ съ ужасомъ удовлетвореніе. О Кравчукѣ же говорятъ съ необыкновеннымъ почтеніемъ и чуть не съ благоговѣніемъ.

В. Винниченко.

Книгоиздательство „МОЛОТЪ“.

Н. Никольскій.

Кому нужны національныя притѣсненія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія С. М. Муллеръ, В. О., 9 лин., д. 18.
1906.

Кому нужны національ-ныя притѣсненія.

На улицахъ русскихъ городовъ еще не высохли потоки крови, пролитой послѣ провозглашенія „дѣйствительной неприкосновенности личности“; такъ осуществили манифестъ правительственные агенты и предводимая ими черная сотня. Они разгромили еврейскіе дома, расхитили имущество евреевъ, избивали ихъ самихъ, насиловали ихъ женъ и дочерей, терзали на части ихъ дѣтей, и теперь повсюду слышатся плачъ и стоны. Въ настоящій моментъ войска разстрѣливаютъ на улицахъ польскихъ городовъ и селъ и въ Прибалтійскомъ краѣ измученный, изстрадавшійся народъ, жизнь, имущество и честь котораго во власти любого солдата, перваго встрѣчнаго пьянаго казака.

Всѣ эти народы страдаютъ уже не первый годъ; уже много лѣтъ травитъ ихъ самодержавное правительство. Евреи заключены въ тѣсную черту осѣдлости; евреямъ запрещено заниматься чѣмъ-либо, кромѣ ремесла и торговли; для нихъ нѣтъ льготъ на военной службѣ; ихъ не допускаютъ въ учебныя заведенія; ихъ клеймятъ презрѣнной кличкой „жидъ“; ихъ позволяютъ безнаказанно убивать, грабить и мучить. Польша когда-то была большимъ государствомъ, но въ XVIII вѣкѣ начались тамъ смуты, и главы трехъ государствъ—русская императрица Екатерина, прусскій король и австрійскій

императоръ—безъ воли народа вмѣшались въ ея дѣла, ввели въ Польшу свои войска и подѣлили ее, какъ дѣлятъ силою вырванную добычу. Польскій народъ не могъ терпѣть такого насилія надъ собою и не разъ пытался избавиться отъ чужеземнаго гнета, но его попытки были задавлены грубой силой. 40 лѣтъ назадъ было послѣднее польское возстаніе; оно кончилось отдачей Польши въ распоряженіе Муравьева, вѣшавшаго поляковъ тысячами, безъ разбору правыхъ и виновныхъ, и установленіемъ въ Польшѣ неограниченной власти генералъ-губернаторовъ. Мало было залить несчастный край потоками крови, — правительство вознамѣрилось уничтожить само понятіе о польскомъ народѣ и польской культурѣ. Массу поляковъ сослали въ Сибирь и отдаленныя мѣста Европейской Россіи; въ школахъ заставляли дѣтей говорить по-русски и наказывали за польскую рѣчь; во всѣхъ частныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ насильно ввели русскій языкъ; земли польскихъ помѣщиковъ раздавали разнымъ проходимцамъ изъ русскихъ. Теперь, когда вся Россія очнулась отъ вѣкового гнета и сбрасываетъ съ себя цѣпи рабства, поляки захотѣли тоже свободнѣе вздохнуть и заявили, что они желаютъ, оставаясь въ составѣ русскаго государства, пользоваться такою-же самостоятельностью въ рѣшеніи своихъ дѣлъ, какъ и финляндцы. На это правительство отвѣтило объявленіемъ всей Польши на военномъ положеніи. И не только поляки и евреи, но и всѣ народы, входящіе въ составъ населенія Россіи, терпѣли и терпятъ отъ произвола правительства. Армяне, грузины, финляндцы, эстонцы и другіе задыхаются отъ насилій правительства, не позволяющаго имъ говорить, писать, учиться и даже молиться на родномъ

языкѣ, отнимающаго отъ нихъ земли, презирающаго ихъ, какъ рабовъ, какъ существа низшей породы. Кому-же нужны всѣ эти національныя притѣсненія? За что падаютъ всѣ эти бѣдствія на головы народовъ, населяющихъ русскую землю? Неужели всѣ эти народы преступны или замышляютъ что-нибудь противъ русскаго народа? Вглядимся въ окружающую дѣйствительность, вслушаемся въ рѣчи насильниковъ, оглянемся на прошлое, и мы найдемъ отвѣтъ на эти вопросы.

Съ царскимъ портретомъ и иконами, подъ предводительствомъ полицейскихъ и подъ охраной казаковъ и пѣхоты идутъ громилы на евреевъ, идутъ и поютъ „Спаси Господи люди твоя...“ и „Боже царя храни“. Испуганные жители бросаются къ губернаторамъ и другимъ властямъ и просятъ не допустить или прекратить погромы; имъ отвѣчаютъ: „нельзя этого сдѣлать—это патріоты“.

Въ церкви съ амвона слышится рѣчь: „Жиды распяли Христа, теперь они хотятъ посадить на престолъ вмѣсто царя—своего жида, хотятъ извести русскій народъ забастовками. Уничтожайте ихъ, какъ Георгій Побѣдоносецъ раздавилъ главу змѣя“.

Въ газетѣ, подкупленной казенными объявленіями, пишутъ:

„Если дать волю евреямъ, то они не дадутъ ходу русскимъ, они способнѣе и трудолюбивѣе ихъ; — ихъ надо поэтому душить и уничтожать, какъ враговъ отечества“.

И вотъ, невѣжественный народъ, профессіональные громилы, разные продажные люди, готовые за цѣлковый убить родного отца,—идутъ и „мстятъ за Христа“, „спасаютъ“ царя и русскій народъ отъ мнимой гибели

отъ евреевъ. Льется кровь беззащитныхъ, голодныхъ людей, измученныхъ тоскою... гибнутъ цѣлыя семьи... поднимаются зарева пожаровъ... и растетъ злоба и ненависть, горечь обиды и жажда мести. И вспоминается несчастнымъ сынамъ Израиля, какъ ихъ предковъ мучили, гнали и сжигали на кострахъ монахи и благочестивые короли; какъ одинъ благочестивый испанскій король собралъ всѣхъ евреевъ и арабовъ, жившихъ въ его королевствѣ, посадилъ на корабли, высадилъ на африканскомъ берегу, на краю знойной, песчаной пустыни и оставилъ ихъ тамъ безъ всякихъ средствъ къ существованію; какъ французскій благочестивый король раззорялъ ихъ непосильными поборами за право остаться; какъ до сего дня все ихъ существованіе задернуто кровавой пеленой. Но напрасно мы будемъ искать разрѣшенія причинъ преслѣдованія евреевъ въ томъ, что выставляетъ правительство и черная сотня: хулигану-громилѣ вѣдь все равно, за кого стоитъ его жертва, лишь бы ему задаромъ поживиться; если завтра ему скажутъ: иди и грабь попа и губернатора, тебѣ за это ничего не будетъ, — онъ съ такимъ же успѣхомъ расправится съ попомъ и губернаторомъ. Мало-мальски сознательный человѣкъ пойметъ, что производить грабежи и убійства подъ покровительствомъ портретовъ, иконъ и національныхъ флаговъ и остаться безнаказаннымъ—значитъ свидѣтельствовать передъ всѣмъ міромъ о томъ, что все это одобряется и поощряется свыше... И понятно, какіе выводы можетъ сдѣлать отсюда каждый сознательный человѣкъ...

Вся жизнь людей есть борьба; люди борются и боролись во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. И глав-

ный двигатель этой борьбы есть инстинктъ жизни и самосохраненія. Въ данномъ состояніи каждый человѣкъ ведетъ эту борьбу за существованіе отдѣльно, опираясь исключительно на свои силы. Но уже съ самыхъ раннихъ поръ появляются человѣчскія общества; борьба становится также общественной. Она терпитъ нѣкоторое видоизмѣненіе по формѣ, но по существу остается такой-же.

По мѣрѣ увеличенія народонаселенія, люди не могутъ удовлетворять свои потребности каждый своими силами; отдѣльныя отрасли труда и производства распредѣляются между отдѣльными группами населенія; такъ возникаетъ имущественное неравенство, появляются общественные классы. Между ними разгорается борьба за власть; власть достается тому классу, который въ данный моментъ является наиболѣе сильнымъ съ хозяйственной точки зрѣнія, въ рукахъ котораго находятся средства производства.

Исторія всякаго народа есть исторія борьбы классовъ, и всякая классовая борьба есть борьба политическая. Классовая борьба можетъ принимать различныя формы, можетъ прикрываться разными девизами, выставлять то или другое знамя, но всегда можно сдернуть это чисто-внѣшнее покрывало и обнаружить сущность цѣли, какъ она есть.

Много вѣковъ тому назадъ во всей Европѣ хозяйство было почти исключительно земледѣльческимъ. Вся Европа распадалась на рядъ помѣстій; земля, этотъ исключительный тогда источникъ производства, находилась въ рукахъ помѣщиковъ-феодаловъ. Но населеніе непрерывно возрастало, способы и средства производства измѣнялись и улучшались, земледѣльческое хо-

зяйство перестало удовлетворять потребностямъ населенія, деревенское населеніе стало выдѣлять изъ себя всѣхъ тѣхъ, кто могъ прожить ремесломъ и торговлей. Вскорѣ рядомъ съ деревней появились города; вмѣстѣ съ городомъ появились ремесленники и торговцы. Тотчасъ же началась борьба феодаловъ-землевладѣльцевъ съ городскимъ классомъ, ознаменовавшаяся войнами, сожженіемъ городовъ, разрушеніемъ замковъ и, между прочимъ, *преслѣдованіями евреевъ*. Новый общественный классъ опирался не на землю, а на силу денегъ; появился денежный капиталъ; множество евреевъ, занимавшихся ранѣе торговлей на Востокѣ, пріѣхали въ Европу и стали пускать въ оборотъ свой капиталъ. Монахи, которые въ средніе вѣка были крупными землевладѣльцами, немедленно воздвигали гоненіе на евреевъ; имъ помогали короли, которые были тѣми-же землевладѣльцами, что и остальное дворянство и духовенство. Конечно, были пущены въ ходъ разные благочестивые предлоги; но дѣла узнаются по ихъ плодамъ: казни евреевъ неизмѣнно сопровождались конфискаціей ихъ имуществъ. Одновременно съ этимъ, тѣ-же монахи и короли въ Испаніи преслѣдовали купцовъ-арабовъ, населявшихъ испанскіе города. Ихъ насильственно обращали въ христіанство, а такъ какъ они не желали мѣнять религію, то ихъ ссылали, казнили, конфисковывали имущества. Такъ подъ флагомъ благочестія деревня расправлялась съ городомъ, старалась высосать его жизненную силу, оставить за собой власть. Испанскіе феодалы, какъ мы видѣли, рѣшили задачу просто: изгнали всѣхъ евреевъ и арабовъ. Города испанскіе опустѣли и разрушились, деревня побѣдила, но зато Испанія сошла на степень третьестепенной державы.

Въ остальной Европѣ города не погибли, несмотря на то, что ихъ сметали съ лица земли сотнями. Они возрождались, и городская буржуазія крѣпла и развивалась. Ея силы были еще только въ торговомъ капиталѣ, въ промышленности преобладало мелкое производство. Переходы отъ ремесленнаго производства къ крупному капиталистическому—*къ фабричной, механической промышленности* окончательно подорвали власть земледѣльческаго класса. Фабричная промышленность съ одной стороны стала притягивать въ городъ массу рабочихъ рукъ изъ деревни, и цѣлыя страны, какъ Англія и Бельгія, а впослѣдствіи Германія, почти забросили земледѣліе. Съ другой стороны—фабрика выбрасываетъ массу товаровъ, которые не могутъ быть потреблены на мѣстѣ и должны сбываться за границу. Установился такимъ путемъ міровой товарный обмѣнъ, въ которомъ деньги являются мѣновымъ средствомъ, сельскохозяйственные продукты лишь однимъ изъ товаровъ, и надъ всѣмъ царитъ промышленный капиталъ.

Возгорѣлась ожесточенная борьба за власть между промышленной буржуазіей и землевладѣльцами. На сторонѣ послѣднихъ вездѣ была монархія, такъ какъ вездѣ монархи сами являлись крупными землевладѣльцами. Произошли кровавыя революціи во Франціи въ 1789, 1792 и 1830 гг., въ Германіи, Австріи и Италіи—въ 1848 г. Буржуазія боролась не одна: вмѣстѣ съ ней боролся и новый общественный классъ, созданный капитализмомъ—промышленный пролетаріатъ. Буржуазія боролась не только съ землевладѣльцами: противъ нея были и другія реакціонныя силы—чиновники стараго порядка, которые не могли оставаться болѣе у власти, всякаго рода отбросы городского и сельскаго

населенія, Lumpenproletariat, т. е. босяки-хулиганы, наконецъ, духовенство, боявшееся за свою власть и доходы при установленіи свободы совѣсти, провозглашенной буржуазными революціями. Побѣда буржуазіи была не вездѣ одинаково блестяща и полна; въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ въ Пруссіи, феодалы только подѣлились властью съ буржуазіей. Но такъ или иначе, буржуазія вездѣ добилась политической власти.

Подобнаго рода революція началась и развивается въ настоящее время у насъ. Революція прежде всего характеризуется борьбой—въ буквальномъ смыслѣ этого слова; въ большей или меньшей степени революція есть всегда гражданская война. Въ этой войнѣ въ Россіи борющіяся стороны выступаютъ съ силами, подобныхъ которымъ не видывали прежнія буржуазныя революціи. Можно сказать, что между революціонными средствами и тактикой стараго порядка и настоящаго момента и соотвѣтствующими имъ явленіями 1848 года такая же разница, какъ и между военной техникой войны второй имперіи во Франціи (1852—1870 гг.) и русско-японской войны. Правительство въ настоящій моментъ имѣетъ къ своимъ услугамъ огромную, вооруженную по послѣднему слову техники армію, чрезвычайно дисциплинированную въ извѣстномъ направленіи и многочисленную явную и тайную полицію, телеграфы, телефоны, желѣзную дорогу, наконецъ, подкупную печать—отечественную и иностранную.

Русское правительство пользуется всѣми средствами, которыя даетъ ему въ руки капиталистическое развитіе, съ его милитаризмомъ, потребностью въ лихорадочно-быстрыхъ сношеніяхъ, скопленіемъ золота въ

государственномъ казначействѣ. Но тотъ же промышленный капитализмъ создалъ и оружіе для революціи. Въ 1789 и 1848 гг. не было того, что есть теперь въ Россіи: не было многомилліонной, сознающей свои классовые интересы и свои классовыя цѣли арміи рабочаго пролетаріата. Всякій трудъ сталъ наемнымъ, и теперь въ рядахъ пролетаріата стоятъ не только фабричные рабочіе, но и желѣзнодорожные служащіе, почтово-телеграфные чиновники, и огромное множество людей, живущихъ всякаго рода физическимъ и умственнымъ трудомъ. Эта армія пролетаріата была въ 1848 г. не только менѣе многочисленна: она была еще безсознательна. Теперь она и въ Россіи и на западѣ стала сознательной; она знаетъ, что въ ея рукахъ трудъ, создающій капиталъ; что современное производство продуктовъ, ихъ распредѣленіе и обмѣнъ носятъ общественный характеръ; что всякаго рода начальство, хозяева и директора являются лишь эксплуататорами, наживающимися отъ лишняго неоплаченнаго труда рабочихъ; что, такъ какъ вся хозяйственная жизнь страны движется трудомъ, то первое мѣсто занимаютъ рабочіе и служащіе, и, если они захотятъ, они могутъ остановить въ одинъ день всю жизнь страны. Надо только сложить руки—и вся жизнь страны моментально замретъ. Перестанутъ дѣйствовать желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны и почта; правительство окажется въ безвыходномъ положеніи, ибо моментально сфера его віянія суживается до одного Петербурга; оно должно будетъ или вести гражданскую войну, будучи при этомъ лишено всѣхъ средствъ сообщенія, или должно идти на уступки. Такимъ образомъ въ 1848 г. была возможна лишь революція вооруженныхъ рукъ; теперь она имѣетъ менѣе

надежды на успѣхъ, вслѣдствіе высокаго уровня современной военной техники, но зато могучую силу даетъ революція сложенныхъ рукъ. Передъ правительствомъ могучая армія пролетаріата, организованная уже самимъ характеромъ производства по фабрикамъ, заводамъ и другимъ предпріятіямъ; если весь пролетаріатъ объединится кромѣ того въ партію или союзы, то получится несокрушимая революціонная сила.

Именно такая организація и стала производиться уже болѣе десяти лѣтъ назадъ у насъ въ Россіи. Рабочіе стали объединяться въ рабочую партію по образцу рабочихъ партій за-границей. Партія эта носитъ названіе соціалдемократической; ея цѣль — установить непосредственное, политическое господство народа (демократіи) и уничтожить частную собственность на землю и орудія производства и транспорта (перевозки), такъ, чтобы земля и орудія производства и транспорта сдѣлались общей собственностью всего народа (соціализмъ). Эта партія признаетъ, что уничтоженіе частной собственности есть необходимое слѣдствіе современнаго капиталистическаго развитія, что послѣ того, какъ буржуазія въ Россіи, подобно своимъ сосѣдямъ въ другихъ странахъ, захватитъ въ свои руки политическую власть, создадутся наиболѣе благопріятныя условія для развитія капитализма. Мелкое производство въ промышленности, т. е. ремесленныя заведенія, быстро начнутъ исчезать, уступая мѣсто крупнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ. Въ свою очередь, эти послѣднія будутъ сосредотачиваться въ рукахъ немногихъ капиталистовъ и союзовъ капиталистовъ и промышленныхъ компаній. Въ то же время въ деревнѣ будутъ уничтожены всѣ остатки крѣпостничества, привязывающіе крестьянина

волей-неволей къ землѣ и помѣщику, разовьется крупное земледѣльческое хозяйство. Въ результатѣ капиталистическаго развитія получится такая картина: все производство сосредотачивается въ рукахъ небольшого количества лицъ-собственниковъ, живущихъ на счетъ труда милліонныхъ армій рабочаго пролетаріата и трудового крестьянства. Такое положеніе дѣла неминуемо приводитъ къ пролетарской революціи, которая передаетъ политическую власть въ руки пролетаріата. Пролетаріатъ, получивъ власть, немедленно уничтожитъ частную собственность на средства производства, т. е. передастъ ихъ изъ рукъ немногихъ собственниковъ-капиталистовъ въ общую собственность всѣхъ трудящихся; съ этого момента единственнымъ источникомъ собственности останется трудъ, т. е. право частной собственности останется лишь на продуктъ труда. Такимъ путемъ будетъ осуществленъ соціалистическій строй, который уничтожитъ дѣленіе общества на классы, всякую эксплуатацію человѣка человѣкомъ, всякаго рода угнетеніе и борьбу между общественными классами. Для достиженія этого идеала русскій пролетаріатъ долженъ бороться за скорѣйшее уничтоженіе самодержавія и установленіе въ Россіи государственнаго строя, основаннаго на истинныхъ демократическихъ началахъ съ передачей всей власти въ руки самого народа, такъ какъ самодержавіе покровительствуетъ остаткамъ крѣпостничества и задерживаетъ дальнѣйшій экономическій и культурный ростъ страны. Такой демократическій строй представляетъ наилучшія условія для борьбы рабочаго класса за улучшеніе своего положенія и за осуществленіе конечныхъ цѣлей пролетаріата. При сохраненіи же другихъ, отсталыхъ формъ

правленія всегда будутъ имѣть нѣкоторый вѣсъ остатки землевладѣльческой аристократіи; при ихъ отмѣнѣ они потеряютъ свой послѣдній оплотъ. Кромѣ того, буржуазія можетъ вступить въ союзъ съ монархіей противъ пролетаріата и лишить его политическихъ правъ. Поэтому соціалдемократическая рабочая партія одной изъ первыхъ своихъ задачъ ставитъ достиженіе именно такого демократическаго строя государственной жизни. При этомъ строѣ соціалдемократія получитъ возможность провести въ жизнь необходимыя мѣропріятія для улучшенія экономическаго и моральнаго положенія пролетаріата и подготовить его къ борьбѣ за соціализмъ. Въ числѣ этихъ мѣропріятій она считаетъ необходимымъ сокращеніе рабочаго дня до 8 часовъ, уничтоженіе сверхурочныхъ работъ, ограниченіе работы подростковъ и женщинъ, введеніе государственнаго страхованія рабочихъ на случай безработицы, болѣзни, увѣчья и смерти, всеобщаго обязательнаго и безплатнаго обученія. Она требуетъ, чтобы постоянная армія была уничтожена и замѣнена всеобщимъ вооруженіемъ народа исключительно для защиты отъ внѣшнихъ нападеній; она требуетъ, чтобы прекратились всякія національныя притѣсненія, чтобы отдѣльныя области Россіи получили право широкаго самоуправленія, а отдѣльныя народности—право національнаго самоопредѣленія. Всѣ эти и другія требованія могутъ быть достигнуты лишь при передачѣ верховной государственной власти въ руки всего народа и при существованіи самой широкой свободы совѣсти, печати, слова, союзовъ, собраній и стачекъ, и неприкосновенности личности и жилищъ.

Таковы основныя требованія соціалдемократической рабочей партіи. Отсюда ясно, что самымъ опас-

нымъ врагомъ отживающаго у насъ строя является рабочій классъ, объединяющійся въ соціалдемократическую партію. Противъ него съ самаго начала правительство направило всѣ свои силы. И какъ разъ евреи, поляки и отчасти армяне оказались живущими въ области, гдѣ особенно сильно развилась фабричная промышленность. Тамъ образовалась такимъ путемъ многочисленная буржуазія, ставшая конечно въ оппозицію самодержавному строю. Съ другой стороны, еврейскіе, армянскіе и польскіе рабочіе ранѣе и лучше всѣхъ другихъ рабочихъ Россіи сознали свою классовую непримиримость съ буржуазіей и объединились для революціонной борьбы въ сильныя, рабочія организаціи. Этого страшнаго врага надо было уничтожить; и вотъ началась національная травля. Правительство боится пролетаріата и поэтому пустило въ ходъ всѣ средства. Трудно и неудобно было разъяснить прямо, въ чемъ дѣло, и дѣйствовать открыто; правительство выбрало иной путь. Правительственные агенты начали сѣять національную рознь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ поляки и армяне. Противъ евреевъ была пущена въ ходъ гнусная клевета, будто евреи убиваютъ христіанскихъ дѣтей, чтобы достать ихъ крови для какихъ-то таинственныхъ священнодѣйствій; обвиняли евреевъ въ томъ, что они эксплуатируетъ сосѣднее христіанское населеніе; о полякахъ и армянахъ говорили, что они хотятъ отдѣлиться отъ Россіи и возстановить свое самостоятельное государство. И у правительства скоро нашлись союзники: они нашлись въ лицѣ всѣхъ тѣхъ, кто осужденъ на гибель будущимъ общественнымъ развитіемъ. За правительствомъ пошли мелкіе лавочники, ремесленники и босяки, т. е. люди,

живущіе мелкими промыслами, съ каждымъ днемъ разоряющіеся вслѣдствіе гибельной конкурренціи съ крупными капиталистическими предпріятіями; за нимъ пошли раззорившіеся дворяне, невѣжественное духовенство и крестьянство, введенное въ обманъ легендами о еврейскихъ преступленіяхъ противъ христіанъ; наконецъ,— всякаго рода хулиганы и люди темныхъ профессій, подкупленные полиціей. Дѣло это ведется давно, съ еврейскаго погрома въ 1882 г. въ Кіевѣ, организованнаго кіевской администраціей. Весь народъ еврейскій былъ осужденъ за дѣятельность революціонеровъ и оппозиціонной буржуазіи. Была цѣлая полоса погромовъ—такъ мстило правительство за революціонное движеніе конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ XIX в. Погромы затихли, когда затихло революціонное движеніе, и опять начались съ памятнаго кишиневскаго погрома, когда раздались первые раскаты грома и тучи надвинувшейся великой русской революціи. Съ циничной откровенностью казненный министръ Плеве заявилъ евреямъ, просившимъ его о предупрежденіи погромовъ: выдайте вашихъ революціонеровъ, иначе произойдутъ неслыханные погромы. И они произошли: въ Кишиневѣ, Могилевѣ, Гомелѣ, Житомірѣ и иныхъ мѣстахъ. Они не предупредили и не ослабили революціоннаго движенія, такъ какъ теперь не одинъ еврей, но вся Россія идетъ противъ отжившаго строя. И когда октябрьская революція сложенныхъ рукъ вырвала манифестъ 17-го октября, правительство попыталось отомстить и вернуть назадъ эту уступку новой серіей погромовъ, когда били уже и евреевъ, и рабочихъ, и студентовъ, и интелигенцію. Поздно! Такова же исторія притѣсненія армянъ. До грандіозныхъ стачекъ, устроенныхъ на Кавказѣ пре-

имущественно армянскими рабочими лѣтомъ 1903 г., армянъ почти не трогали. Но послѣ этихъ стачекъ правительство почуяло врага. Сначала отобрали армянскія церковныя имущества, яко-бы потому, что эти имущества составляютъ фондъ, назначенный на дѣло возстановленія независимаго армянскаго царства. Это была мѣра, направленная противъ всего армянскаго народа. Затѣмъ въ началѣ 1905 г. на армянъ натравили татаръ, и началось вырѣзываніе армянъ сначала въ Баку, гдѣ по преимуществу скопились армяне-рабочіе, а затѣмъ и въ другихъ армянскихъ областяхъ. Татары на Кавказѣ—или босяки, или лавочники, или полуразорившіеся крестьяне, т. е. все такіе элементы, которые чувствуютъ безсознательную вражду къ губящему ихъ капитализму.

Такова же исторія введенія военнаго положенія въ Польшѣ. Какъ разъяснили польскіе рабочіе и буржуазія, никто изъ поляковъ не мечтаетъ о возстановленіи польскаго самостоятельнаго государства. Съ 1863 г. Польша успѣла сдѣлаться по преимуществу промышленной страной, сбывающей произведенія своихъ фабрикъ въ центральную Россію. Отдѣляясь отъ Россіи, Польша теряетъ рынокъ для сбыта своихъ издѣлій, и ей грозитъ разореніе. Кромѣ того, собственными силами она не можетъ достигнуть независимости: въ 1863 г. она надѣялась на Францію, теперь ей надѣяться не на кого; напротивъ, если даже Польшѣ удалось бы, вопреки всякому здравому смыслу, отдѣлиться отъ Россіи, на другой же день ее заняли бы прусскія войска, и русская плеть лишь замѣнилась бы прусской. Что касается до польскаго пролетаріата, то онъ видитъ залогъ своего успѣха только въ тѣсной, солидарной борьбѣ вмѣ-

стѣ со всѣмъ россійскимъ пролетаріатомъ. Польскій народъ хорошо сознаетъ это, но правительство сознательно пустило въ ходъ клевету. Разсчетъ былъ таковъ: съ одной стороны,—задавить польскій революціонный пролетаріатъ, уже два раза возстававшій съ оружіемъ въ рукахъ, и польскую буржуазную оппозицію; съ другой стороны—вызвать поголовное возстаніе въ Польшѣ и этимъ отвратить симпатію русскаго общества отъ польскаго и вообще отъ россійскаго освободительнаго движенія, создать общественную реакцію. Эти попытки не удались, разбившись передъ сознательностью пролетаріата, не попавшаго въ ловушку. Такъ національныя притѣсненія служатъ ширмой для борьбы стараго строя съ новымъ. Но та же національная травля примѣняется и съ цѣлью поддержки реакціонныхъ элементовъ и укрѣпленія самодержавія. Попытка въ послѣднемъ смыслѣ общеизвѣстна и ясна — это притѣсненія Финляндіи, вызвавшія тамъ революцію и кончившіяся полнымъ пораженіемъ самодержавія. Интереснѣе попытка перваго рода. Она была пущена въ ходъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, Эстляндской и Лифляндской. Тамъ населеніе смѣшанное: нѣмцы—помѣщики-феодалы и эстонцы и латыши—крестьяне и рабочіе. Крестьяне формально освобождены отъ крѣпостной зависимости, но на самомъ дѣлѣ остаются крѣпостными. Они арендуютъ помѣщичью землю, не могутъ ничего изъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ продать безъ разрѣшенія помѣщика, обязаны на него работать, могутъ быть подвергнуты помѣщикомъ аресту и штрафу. Такимъ образомъ, нѣмцы-помѣщики—истинные столпы самодержавія въ Россіи. Лѣтомъ настоящаго года съѣздъ прибалтійскихъ помѣщиковъ, собравшійся на островѣ Эзелѣ, послалъ царю вѣрноподданническій

адресъ съ просьбой не вводить никакихъ реформъ. Одно время въ 80-хъ годахъ правительство поссорилось было съ ними изъ за введенія въ Прибалтійскомъ краѣ общеимперской полиціи и судовъ, но потомъ, когда нѣмцы увидѣли, что новыя учрежденія только взяли на себя обузу, лежавшую на нихъ самихъ прежде, обузу надзора и экзекуціи крестьянъ, они снова стали самыми вѣрноподданными людьми. Зато притѣсненія латышей и эстовъ, начавшіяся еще въ 60-хъ годахъ, продолжались съ удвоенной силой. Орудіемъ притѣсненія явилась церковь. Эстамъ и латышамъ намекнули, что если они примутъ православіе, то получатъ землю. Многіе поддались на эту удочку—и были наказаны: вмѣсто одного притѣснителя оказалось двое. Земли, конечно, они не получили, а новая религія связала ихъ по рукамъ и ногамъ. Многіе изъ новоправославныхъ пошли въ ссылку за переходъ обратно въ лютеранство, другіе остались, но подъ зоркимъ наблюденіемъ уже не одного помѣщика, но и русскаго попа. Въ школѣ для народа ввели преподаваніе на русскомъ языкѣ, непонятномъ дѣтямъ. Отъ этого понизилась грамотность, ранѣе очень распространенная. Въ результатѣ, цѣль была достигнута: развитіе крестьянства остановилось, его культурность была понижена, и владычество феодаловъ окрѣпло.

Итакъ, мы видимъ теперь, какова настоящая подкладка національныхъ притѣсненій. Они часто совершаются во имя „великихъ идеаловъ“: евреямъ мстятъ за распятаго Бога, полякамъ—за желаніе раздробить Россію, армянамъ—за то же самое, эстовъ и латышей наказываютъ за то, что они не хотятъ идти въ православный рай. Но по существу національныя притѣсне-

нія—лишь одна изъ формъ борьбы крѣпостническаго строя съ нарождающимся буржуазно-демократическимъ. Національныя притѣсненія нужны немногимъ сторонникамъ стараго порядка; стараясь защититься отъ неминуемой гибели, они увлекаютъ за собою злобою, клеветою, наконецъ, подкупами безсознательную часть населенія, главнымъ образомъ—изъ среды тѣхъ классовъ, которые обречены на близкое исчезновеніе. И когда побѣдное шествіе революціи придетъ къ концу, затихнутъ понемногу и національныя притѣсненія. Это будетъ не сразу, ибо клевета, злоба и ненависть сдѣлали свое дѣло; кромѣ того, буржуазія—этотъ властелинъ будущаго—не менѣе склонна по природѣ къ притѣсненіямъ, чѣмъ и самодержавное правительство. Буржуазія отдѣльныхъ областей начнетъ спорить между собой изъ-за рынковъ; отсюда легко можетъ развиться новая эпидемія національныхъ притѣсненій. Буржуазное правительство такъ же, какъ и самодержавное будетъ тогда дѣйствовать и силою, и клеветою, и подкупомъ, и опять будетъ литься кровь.

Но очевидно уже, кому національныя притѣсненія не нужны и когда они прекратятся. На знамени рабочихъ партій всѣхъ странъ написано: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Въ этомъ лозунгѣ заключается весь смыслъ рабочаго движенія. Рабочій не имѣетъ отечества въ настоящее время. Та страна, въ которой онъ родился, живетъ и будетъ похороненъ, не даетъ ему ничего, кромѣ каторжнаго труда, непрестанной борьбы за существованіе и всякаго рода угнетенія. Государство зоветъ его въ ряды войска не для защиты отечества, а для пріобрѣтенія въ пользу жаднаго капитала новыхъ рынковъ для сбыта его продуктовъ, для защиты предпріятій кучки придворныхъ, тратившихъ на нихъ на-

родныя деньги и положившихъ сотни тысячъ труповъ подъ японскими пулями, какъ было въ послѣднюю войну, или для избіенія рабочихъ и крестьянъ во время борьбы за человѣческія права и человѣческое существованіе. Всю жизнь рабочій стоитъ за машиной на фабрикѣ, трудится вдвое больше того, чѣмъ получаетъ отъ капиталиста, а когда теряетъ способность къ труду, то выбрасывается на улицу. Постоянная опасность потерять работу лишаетъ пролетарія радостей семейнаго очага, гонитъ его дочерей и женъ на путь разврата. И когда рабочіе въ отчаяніи идутъ къ притѣснителямъ и требуютъ улучшенія своего положенія, ихъ разстрѣливаютъ какъ собакъ и бросаютъ въ тюрьмы. Таково ли отечество въ истинномъ смыслѣ слова? Да, сытые буржуа имѣютъ отечество, ибо они въ немъ хозяева, но у пролетаріевъ его нѣтъ, ибо развѣ можетъ быть отечество у рабовъ? Поэтому пролетаріи различныхъ странъ— братья другъ другу. И они ждутъ того свѣтлаго грядущаго будущаго, когда современный общественный строй, основанный на частной собственности, созданный грабежомъ и насиліемъ, эксплуатаціей человѣка человѣкомъ, замѣнится гармоническимъ царствомъ соціализма. Тогда изчезнетъ классовая борьба, такъ какъ не будетъ болѣе праздныхъ, а лишь трудящіеся; тогда исчезнетъ всякая борьба между отдѣльными народами, такъ какъ производство будетъ регулировано, и не будетъ конкуренціи и борьбы за рынокъ. Тогда прекратятся навсегда и національныя притѣсненія, и каждый народъ свободно будетъ говорить, учиться и писать на своемъ языкѣ. Поэтому всѣ, кому дороги идеалы истиннаго равенства и братства, истинной свободы и равноправія, должны стать подъ знамя всемірнаго пролетаріата.
